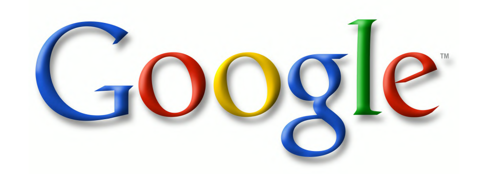
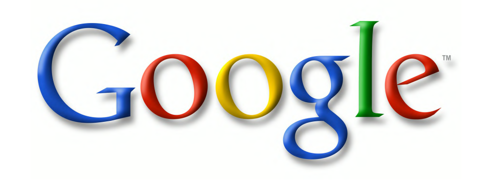
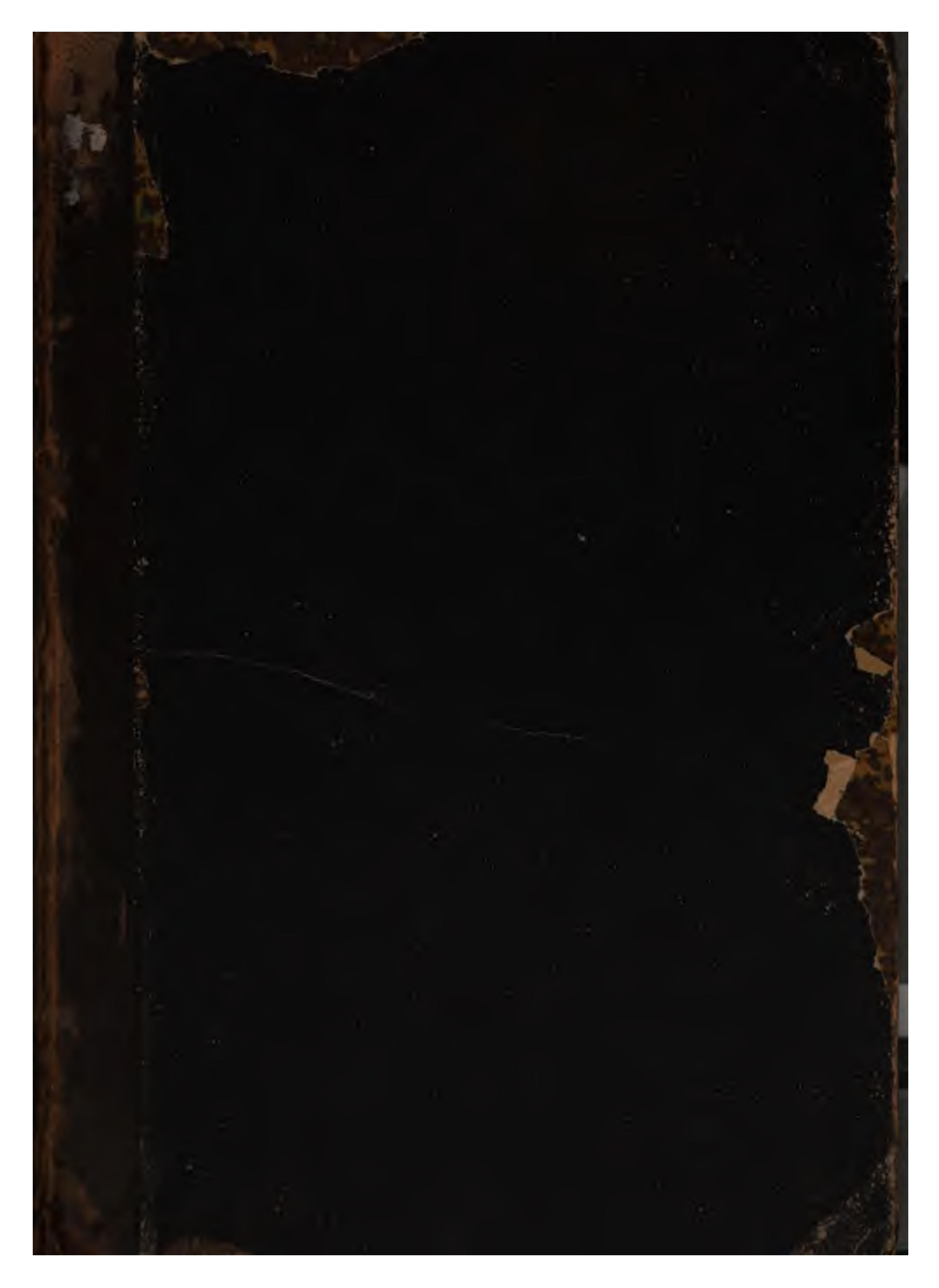

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I
и
ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

профессора
В. К. Надлера.

Томъ I.

Изданіе книгопродавца Н. Киммеля
въ Ригѣ.

1886.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

всеподданнѣйше

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Христіанство и его вліяніе на общество. — Противорѣчіе между доктриною и жизнью.—Единственная попытка организовать международныя и политическія отношенія на ученіи Евангелія.—Священный союзъ, какъ историческая проблема.

Прошло почти девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Христомъ Спасителемъ и Его Апостолами возвѣщены были міру божественныя истины христіанства. Успѣло-ли человѣчество воплотить въ себѣ и въ своей жизни ученіе Христово, за этотъ сравнительно долгій періодъ времени, и достигло-ли человѣческое общество той нравственной высоты, какую указалъ ему божественный Основатель христіанской религіи, и чего нужно еще желать для человѣчества въ этомъ отношеніи,—вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ невольно пытливые умы, подвизающіеся на поприщѣ научнаго, объективно-историческаго знанія. Въ большей части случаевъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы получается отрицательный. Да иначе и быть не можетъ. Было время, когда ученые смотрѣли свысока на христіанство, когда они не задумывались ставить его наравнѣ съ буддизмомъ и исламомъ, когда христіанство казалось людямъ, получившимъ философское образованіе, уже пройденною, побѣжденною ступенью человѣческаго развитія, когда утверждали, что разуму и научному знанію предстоитъ открывать новые пути и указывать средства къ дальнѣйшему усовершенствованію человѣчества и благоустроенію его жизни, что недалеко время установленія между людьми совершеннаго равенства въ правахъ на всѣ преимущества власти

и богатства и на всѣ наслажденія жизни. Европейское человѣчество дорого поплатилось за эти заблужденія своихъ философскихъ представителей. Путемъ горькаго опыта, тяжкихъ страданій, неслыханнаго разрушенія, оно дошло до убѣжденія, что христіанская религія должна оставаться твердою и незыблемою основою человѣческихъ обществъ, что потребность въ ней для человѣчества никогда не можетъ прекратиться, что нравственный идеалъ христіанства останется навсегда недостижимымъ вполнѣ, что человѣчество можетъ лишь вѣчно стремиться и приближаться къ нему по мѣрѣ силъ своихъ и что именно въ этомъ стремленіи, а не въ усовершенствованіяхъ, относящихся къ жизни внѣшней, не въ накопленіи знанія, заключается главная сущность всемірно-историческаго прогресса.

Христіанство вліяетъ на извѣстную и, быть можетъ, самую лучшую часть человѣчества уже въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Какія неисчислимыя блага принесло оно уже съ собою въ міръ, какая высокая цивилизація развилась, благодаря ему, въ средѣ европейскихъ народовъ, и однако-же, какъ далека еще современная цивилизація отъ идеала христіанскаго, какъ сильно проникнута она еще элементами языческими! Божественныя истины и начала христіанства, его высокое нравственное ученіе сдѣлались, повидимому, уже достояніемъ всѣхъ и каждаго, но только повидимому. На словахъ все преклоняется предъ христіанскими идеями, все говоритъ и дышетъ христіанскою любовію, а на дѣлѣ совсѣмъ иное! Взгляните на частную и общественную жизнь любаго христіанскаго народа, и что вы встрѣтите на каждомъ шагу?—Грубый матеріальный взглядъ на жизнь, борьбу за существованіе, возвеличенную и оправданную современною наукою, эгоизмъ и господство сильнаго, гоньбу за наживою и преимуществами, за удовлетвореніемъ грубыхъ животныхъ потребностей нашей природы. Развѣ это не царство тьмы, озаряемое лишь по временамъ далекими отблесками божественнаго свѣта христіанства?

Хотя прискорбно видѣть эти явленія въ христіанскомъ мірѣ, но въ жизни частной и сословной борьбы человѣческихъ

обществъ они отчасти объясняются личными страстями и столкновеніями эгоистическихъ стремленій и интересовъ. Но что сказать о той болѣе широкой и возвышенной сферѣ, откуда направляется политическая жизнь народовъ? Что сказать о тѣхъ началахъ, которыми опредѣляются взаимныя отношенія правительствъ и народовъ, на которыхъ устанавливается общая жизнь христіанскаго міра? Здѣсь мы уже встрѣчаемъ полнѣйшее отреченіе отъ всѣхъ основныхъ идей христіанской нравственности, тутъ уже настоящее царство грубаго насилія и лжи. Но и въ этой сферѣ человѣчество любитъ, если не отличаться христіанскими дѣлами и подвигами, то по крайней мѣрѣ прикрываться христіанскими словами и фразами. Вотъ уже сколько вѣковъ христіанскіе народы заключаютъ между собою, то и дѣло, вѣчный миръ, а дипломаты ставятъ въ заголовкѣ своихъ трактатовъ обычную формулу: „во имя Бога", „во имя святой и живоначальной Троицы", а затѣмъ всякій разъ новое кровопролитіе, вѣчное и постоянное нарушеніе договоровъ, освященныхъ торжественно именемъ божественнаго авторитета.

Но спрашивается: неужели въ теченіи долгаго ряда вѣковъ не было предпринимаемо ни одной серьезной и искренней попытки организовать международныя отношенія на чистыхъ началахъ христіанской нравственности? Да, такая попытка была дѣйствительно предпринята однажды, предпринята сознательно и искренно, но она вызвала лишь всеобщее противодѣйствіе и глумленіе и прошла почти безслѣдно для человѣчества. На печальную исторію этой попытки и думаемъ мы обратить вниманіе нашихъ читателей.

Священный союзъ между европейскими державами, возникшій по благородному почину императора Александра Благословеннаго, пользуется, какъ извѣстно, крайне дурною славою и въ господствующемъ историческомъ преданіи, и въ современномъ общественномъ мнѣніи. Ни объ одномъ событіи новѣйшей исторіи не распространена такая масса невѣрныхъ и превратныхъ представленій. Всякій современный газетчикъ и кропатель передовыхъ статей считаетъ своимъ долгомъ глумиться и надъ идеею Священнаго союза, и надъ попыткою

ея осуществленія [1]). Для однихъ и, быть можетъ, самыхъ умѣренныхъ историковъ и публицистовъ, Священный союзъ представляется порожденіемъ фантастической мечтательной головы единичнаго человѣка, порожденіемъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго значенія и практическаго смысла [2]). Другіе, болѣе либеральные представители исторической традиціи, смотрятъ на Священный союзъ, какъ на ловко придуманное орудіе реакціи, какъ на преступную попытку остановить свободное естественное развитіе европейскаго человѣчества, осудить его на неподвижность, застой и рабство [3]). Высказывая такіе рѣзкіе приговоры надъ Священнымъ союзомъ, подтверждая ихъ всѣми практическими послѣдствіями этого союза для Европы, западные историки и политики стараются набросить при этомъ возможно большую тѣнь на характеръ императора Александра и на побужденія, руководившія имъ. Такая тактика, впрочемъ, совершенно понятна. Принципы, положенные въ основаніе Священнаго союза, сами по себѣ таковы, что возражать противъ нихъ что-либо по существу крайне трудно. Можно доказывать ихъ неосуществимость, но невозможно оспаривать, по крайней мѣрѣ, ихъ благородный, чистый и дѣйствительно христіанскій характеръ. Иное дѣло утверждать, что основатель Священнаго союза руководился побужденіями эгоистическими и нечистыми, что, прикрываясь лицемѣрно маскою религіи, онъ хотѣлъ достигнуть цѣлей чисто политическихъ, хотѣлъ присвоить себѣ владычество надъ Европою. Иное дѣло доказывать, что императоръ Александръ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ не самостоятельно, что онъ былъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ темныхъ фана-

[1]) Еще недавно, по поводу сближенія Германіи съ Россіей, австрійскіе и иные европейскіе публицисты съ ужасомъ заговорили вновь о возвращеніи къ Священному союзу, этому оплоту реакціи, обскурантизма и всевозможныхъ бѣдъ.

[2]) Таково въ сущности и мнѣніе извѣстнаго нѣмецкаго историка Бернгарди въ его „Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831. См. т. I. стр. 496.

[3]) Не менѣе велико и число тѣхъ историковъ, которые видятъ вмѣстѣ съ Гервинусомъ въ Священномъ союзѣ ловко придуманное орудіе для распространенія вліянія и владычества Россіи по всей Европѣ. См. Гервинусъ, Geschichte des XIX Jahrhunderts. T. II. S. 725—731.

тиковъ, надутыхъ ханжей и ловкихъ лицемѣровъ. Для того и другаго толкованія можно дѣйствительно подобрать факты, но возникаетъ вопросъ, вѣрно-ли подбирались эти факты, уясняютъ-ли они намъ дѣйствительный ходъ дѣла? Мы попытаемся дать по возможности безпристрастный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Посмотримъ, какимъ образомъ могла зародиться въ умѣ императора Александра идея Священнаго союза, насколько соотвѣтствовала эта идея настроенію и духу времени, при посредствѣ какихъ личностей вступила она въ жизнь, какія причины, наконецъ, задержали и извратили ея естественное развитіе.

ГЛАВА II.

Характеръ императора Александра I-го. — Противорѣчивые отзывы современниковъ.—Воспитаніе Александра.—Отецъ Самборскій и страшные пробѣлы въ религіозномъ воспитаніи.—Лагарпъ и вліяніе гуманныхъ идей вѣка.—Русскіе воспитатели Александра.—Отсутствіе національной почвы. — Космополитизмъ и сентиментальность. — Благія начинанія Александра. — Внутреннія реформы и внѣшняя политика.—Аустерлицкій погромъ.—Тильзитское свиданіе и новая политическая система.—Союзъ съ Наполеономъ и русское общественное мнѣніе.—Причины разрыва.—Значеніе предстоящей борьбы.—Ожиданія и пророчества.—Простые и неученые оказываются предусмотрительнѣе знатныхъ и мудрыхъ.

Характеръ императора Александра I и по сіе время кажется историкамъ крайне сложнымъ, почти загадочнымъ [1]). Уже современники Александра, люди знавшіе его, повидимому, хорошо и близко, расходились въ своихъ сужденіяхъ о немъ въ совершенно противоположныя стороны. Одни изъ нихъ, какъ наприм. баронъ Штейнъ, свидѣтель во всякомъ случаѣ высоко безпристрастный и неподкупный, говорили съ неподдѣльнымъ восторгомъ о высокихъ качествахъ его ума и сердца, о благородствѣ и возвышенности его стремленій [2]); тогда какъ другіе (стоитъ припомнить лишь Наполеона и Шатобріана, извѣстнаго политика - романтика), не отрицая

---

[1]) См. между прочимъ: *Пыпинъ*, „Очерки общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I". „Вѣстникъ Европы" 1870 г. т. 1, стр. 733 и слѣд.

[2]) Отзывы Штейна о характерѣ Александра встрѣчаются во многихъ мѣстахъ извѣстнаго сочиненія Перца, Stein's Leben. См., между прочимъ, томъ 2 стр. 55. Изъ этого любопытнаго мѣста мы усматриваемъ, что Штейнъ вовсе не принадлежалъ къ числу слѣпыхъ панегиристовъ Александра, что на ряду съ хорошими онъ замѣчалъ и слабыя стороны его характера. Тѣмъ болѣе значенія пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ его высокое мнѣніе о личности Александра вообще. См. Stein's Leben. T. 3, S. 541.

умственныхъ преимуществъ Александра, признавая даже его свободолюбивый образъ мыслей, его любовь къ человѣчеству, относились въ тоже время съ недовѣріемъ къ его нравственнымъ качествамъ, упрекали его въ неискренности, въ непостоянствѣ, въ лицемѣріи, въ вѣчномъ стараніи играть роль, называли его то „сѣвернымъ Тальмою“, то хитрымъ византійскимъ грекомъ. Упоминая объ отзывахъ такихъ лицъ, какъ Шатобріанъ и Наполеонъ, не слѣдуетъ, однако-же, опускать изъ виду той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли они на Александра. Наполеонъ, топтавшій ногами всѣ нравственныя и религіозныя убѣжденія человѣчества, не признававшій ничего святаго, возведшій ложь, обманъ и насиліе въ систему, не могъ быть, разумѣется, безпристрастнымъ судьею нравственныхъ качествъ своего опаснѣйшаго врага, императора Александра. Онъ не могъ забыть, что ему не удалось въ концѣ концовъ опутать и погубить Александра, подобно тому какъ погубилъ онъ другихъ, и его злоба изливалась въ презрительно ядовитыхъ насмѣшкахъ на непонятый имъ характеръ соперника. Столь-же мало вѣсу и значенія могутъ имѣть отзывы человѣка, подобнаго Шатобріану, этого тщеславнѣйшаго изъ тщеславныхъ, этого надутаго и высокопарнаго ритора и близорукаго, ограниченнаго политика [1]). Было-бы даже странно ставить отзывы такихъ людей на одну доску съ сердечными изліяніями Штейна, этого мужа, неспособнаго къ какой-бы то ни было лести. Если Штейнъ не могъ достаточно надивиться тому, до какой степени способенъ былъ Александръ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію относительно всего великаго и благороднаго, то каждое слово его отзыва можетъ быть подтверждено неизгладимыми великими фактами, занесенными на страницы исторіи. Александръ былъ дѣйствительно такимъ, какимъ зналъ его Штейнъ, иначе онъ не могъ-бы совершить тѣхъ безсмертныхъ подвиговъ, съ которыми связано его имя въ исторіи, не могъ-бы явиться освободителемъ Европы, бла-

---

[1]) Къ категоріи подобныхъ-же мнѣній можетъ быть отнесенъ и отзывъ извѣстнаго французскаго посла въ С.-Петербургѣ Ла-Феронне. См. *Пыпинъ*, „Очерки общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ“. Томъ 1, стр. 764.

годѣтелемъ человѣчества. Спрашивается. откуда-же почерпнулъ Александръ гигантскія силы для совершенія своихъ подвиговъ. присущи-ли были эти силы искони его характеру. развиты-ли онѣ были его воспитаніемъ. проявлялись-ли онѣ равномѣрно во всѣ періоды его государственной дѣятельности. или-же онѣ явились результатомъ долгаго опыта и тяжкихъ страданій и почерпнуты были имъ изъ того высокаго источника. который оставался для него сокрытымъ въ первые годы его царствованія?

Ненависть видитъ иногда прозорливѣе и вѣрнѣе дружбы. Враги Александра дѣйствительно подмѣтили вѣрно слабую черту въ характерѣ императора. Александръ не принадлежалъ къ числу особенно сильныхъ людей. Нерѣшительность. робость. неувѣренность въ своихъ силахъ составляли искони отличительную черту его характера. Среда. въ которой онъ росъ и развивался. роковыя обстоятельства. вліявшія на него въ періодъ нѣжнаго дѣтства и юности. не могли развить въ немъ ни самостоятельной силы. ищущей опоры лишь въ самой себѣ. ни безусловнаго довѣрія къ людямъ. ни твердой, непоколебимой послѣдовательности. Съ тѣхъ поръ. какъ Александръ началъ сознавать себя, онъ вынужденъ былъ хитрить. уклоняться. лавировать. переживать тяжелую внутреннюю борьбу. примирять въ своей душѣ самыя противоположныя нравственныя чувства. Его воспитаніе [1]) не было построено ни на незыблемо твердыхъ началахъ религіи. ни на основаніяхъ дѣйствительно научной серьезной философіи. Любопытно. что модная философія вѣка.—философія. желавшая просвѣщать и объяснять все во что-бы то ни стало.—философія. блиставшая гуманностью и приправленная слезливою сентиментальностью во вкусѣ Руссо. но лишенная въ сущности всякаго солиднаго научнаго основанія.—философія, примѣнявшая къ наукамъ нравственнымъ методъ чисто абстрактный. математическій. — философія. думавшая передѣлать и осчастливить съ помощью нѣсколькихъ мечтательныхъ теорій

¹) О воспитаніи Александра говорятъ подробно Пыпинъ и Богдановичъ въ своей исторіи Александра I-го.

человѣческое общество, однимъ словомъ,—философія энциклопедистовъ положена была въ основу воспитанія Александра. Либеральныя идеи вѣка, проникавшія знаменитый *Наказъ* Екатерины II, должны были служить нормою воспитанія и ея царственнаго внука. Странное, непонятное заблужденіе! Екатерина, сознававшая такъ ясно всю великую разницу между теоріею и дѣйствительностью, съумѣвшая примѣниться такъ хорошо къ первоначально чуждой ей средѣ, отстаивавшая такъ энергически и такъ послѣдовательно самобытное развитіе русской государственной жизни, поддалась и на этотъ разъ обаянію модныхъ идей, задумала построить развитіе и образованіе будущаго самодержавнаго правителя Россіи на зыбкомъ пескѣ философіи энциклопедистовъ и слезливой морали Руссо. Правда, въ числѣ воспитателей и учителей Александра мы встрѣчаемъ такихъ несомнѣнно почтенныхъ и глубоко свѣдущихъ въ своихъ отросляхъ людей, какъ академикъ Крафтъ, какъ знаменитый Палласъ; но всякій легко пойметъ, что вліяніе этихъ ученыхъ спеціалистовъ было болѣе, нежели мимолетное и что оно никоимъ образомъ не могло касаться развитія внутренней нравственной стороны въ характерѣ Александра.

На религіозное воспитаніе будущаго самодержца было обращено вниманіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне поверхностное. Опущеніе страшное, особенно если мы сообразимъ, какое колоссальное значеніе имѣетъ въ жизни народа русскаго начало религіозное, начало православія. Извѣстно, что законоучителемъ императора Павла Петровича былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ архипастырей русской Церкви, митрополитъ Платонъ. Утверждаютъ, что императрица Екатерина осталась недовольна уроками Платона [1], что она приписывала даже многіе изъ недостатковъ Павла вліянію его законоучителя. Какъ-бы то ни было, но религіозное воспитаніе Александра было поручено не Платону и не какому-либо изъ выдающихся свѣтилъ русской Церкви, а человѣку мало извѣстному и

[1]) Объ отношенія Екатерины къ Платону см. *Морошкинъ*, „Іезуиты въ Россіи“, томъ II стр. 19 и 20; „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 539: „Воспоминанія Снегирева“; „Записки Храповицкаго“, стр. 33, 59.

ній [1], которыя на ряду съ философскими доктринами XVIII в. составляли главныя основы его умственнаго и нравственнаго міровоззрѣнія. Старался-ли Лагарпъ внушить Александру свои религіозныя мнѣнія, мы не знаемъ положительно; но несомнѣнно, что онъ успѣлъ передать своему питомцу то глубокое уваженіе къ достоинству человѣческой личности, которое не оставляло потомъ императора до самой послѣдней минуты жизни, то инстинктивное отвращеніе ко всему порочному и злому, которое всегда составляло одно изъ наиболѣе симпатичныхъ свойствъ его натуры.

Въ воспитаніи Александра былъ еще и другой страшный пробѣлъ. Воспитатели его не знали Россіи и народа русскаго. Внушая ему любовь къ человѣчеству, ставя ему такія высокія задачи, какъ освобожденіе, просвѣщеніе народа русскаго, они не въ состояніи были дать ему самыхъ элементарныхъ понятій объ этомъ народѣ, объ его бытѣ, характерѣ, о его нравственномъ и религіозномъ міровоззрѣніи. Столь-же мало познакомили они Александра и съ исторіею русскаго народа, съ особенностями русскаго государственнаго и общественнаго строя. Александръ, будучи уже нѣсколько лѣтъ государемъ, не зналъ, что въ Россіи помѣщики продаютъ крестьянъ безъ земли, также въ одиночку, разлучая мужа съ женою, родителей съ дѣтьми. Во время одного изъ своихъ пребываній за границею, въ разговорахъ съ иностранцами, онъ съ негодованіемъ отвергалъ существованіе подобныхъ явленій. Каковы-же были его удивленіе, его гнѣвъ, когда онъ вдругъ получилъ жалобу отъ крестьянъ одной помѣщицы, продавшей ихъ безъ земли извѣстному заводчику Берду! Государь немедленно-же препроводилъ эту жалобу въ государственный совѣтъ, причемъ высказалъ свое удивленіе и недоумѣніе по поводу одной возможности такихъ вопіющихъ злоупотребленій. Члены государственнаго совѣта въ свою очередь были не мало изумлены, что отъ вниманія императора укрылись такія вещи, которыя вовсе не считались зло-

[1] О связи Лагарпа съ масонами и мартинистами см. Capefigue, La baronne Krüdener, pag. 76.

употребленіемъ въ тогдашней Россіи, которыя совершались чуть не каждый день передъ окнами Зимняго дворца [1]). Итакъ, вотъ какія крупныя черты изъ русской жизни остались сокрытыми для Александра по милости его воспитателей, но за то они познакомили его, до послѣднихъ тонкостей, съ республиканскими учрежденіями Швейцаріи и съ парламентарнымъ устройствомъ Англіи.

Лагарпъ и другой воспитатель Александра, М. Н. Муравьевъ, старались привить своему питомцу и ту сентиментальную чувствительность, то умиленіе красотами природы, то полувосторженное, полуплаксивое восхищеніе идеалами человѣческой добродѣтели, ту нервозную афектацію, которыя были въ ихъ глазахъ обязательною принадлежностью каждаго философски образованнаго человѣка. Сама Екатерина поощряла это направленіе. Еще въ дѣтскіе годы Александръ долженъ былъ упиваться чтеніемъ трогательныхъ исторій о добродѣтельныхъ царевичахъ, присутствовать при домашнихъ представленіяхъ сентиментальныхъ драмъ и оперетокъ. Идилліи Геснера сдѣлались впослѣдствіи его любимымъ чтеніемъ. Какъ благоговѣлъ онъ даже въ позднѣйшіе годы своей жизни передъ памятью скромнаго, забытаго уже почти всѣмъ міромъ поэта! Среди неслыханнаго блеска своихъ побѣдъ, на высотѣ своей славы, онъ мечталъ о тихой безмятежной жизни поселянина, о его идилическомъ счастіи. Возвращаясь въ 1815 году изъ Парижа черезъ Швейцарію, онъ отправился на поклоненіе къ могилѣ любимаго пѣвца. Въ Богеміи, въ годовщину Лейпцигскаго боя, онъ собственноручно пахалъ поле и вызвалъ тѣмъ взрывъ умиленія и восторга у присутствовавшихъ лицъ [2]). Красивый деревенскій видъ, простая обстановка крестьянскаго жилища приводили его всегда въ умиленіе, способны были вызвать у него восторженныя восклицанія и слезы. Такимъ былъ онъ въ пору нѣжной юности, когда онъ велъ въ царскосельскихъ садахъ восторжен-

[1]) Разсказъ этотъ передаетъ Морошкинъ. Онъ слышалъ его отъ Тургенева, бывшаго очевидцемъ сцены, происшедшей по этому поводу въ государственномъ совѣтѣ. „Iезуиты въ Россіи". Т. II, стр. 18.

[2]) Bernhardi, Geschichte Russland's, т. III. стр. 3—4.

[illegible]

[illegible] Съ какими задатками [illegible] Если-бы Александръ [illegible] жизни частнаго че- [illegible] обычной жизни [illegible] могли-бы еще быть [illegible] у него не было недостатка во [illegible] которыя могутъ облагородить чело- [illegible] возможность прекрасно устроить [illegible] себя и другихъ. Онъ былъ спосо- [illegible] привязанности, горячая восторжен- [illegible] нѣжной [illegible] потребностью его души. Какъ не- [illegible] первымъ совѣтникамъ своего цар- [illegible] были его отношенія [illegible] братски [illegible] Кочубею! А его романтиче- [illegible] Новосильцеву, [illegible] этотъ трогательный со- [illegible] съ королемъ прусскимъ, [illegible] у гробницы Фридрих [illegible] двухъ монарховъ, [illegible] на короткое время Тил [illegible] союзъ, затемненный [illegible] на столькихъ полях [illegible] миромъ, скрѣпленный [illegible] до самой смерти! Серд [illegible] непрерывный, [illegible] на чужое страданіе и горе [illegible] чутко [illegible] которыхъ онъ могъ [illegible] катастрофы, [illegible] его до поры [illegible] самого себя, способны были [illegible] къ полному отчаянію. К [illegible] горя, [illegible] къ такія тр [illegible] какъ онъ [illegible]

[illegible] Alexandre I et le prince Czartoryski [illegible]

[illegible]

ческія минуты, когда юная душа его содрогается до сокровеннѣйшей глубины своей при видѣ страшнаго Аустерлицкаго поля, усѣяннаго тысячами убитыхъ, умирающихъ, изувѣченныхъ, [1]) когда голова его сѣдѣетъ въ одну ночь послѣ страшной вѣсти о взятіи Москвы Наполеономъ! Если сердце Александра было доступно самымъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствамъ, то умъ его былъ наполненъ въ то-же время самыми возвышенными и благородными идеями. Свобода, счастіе человѣчества,—вотъ тѣ идеалы, къ осуществленію которыхъ рвется онъ всю свою жизнь. Онъ не желаетъ царствовать надъ рабами, онъ въ простотѣ сердца тяготится своею неограниченною властью, онъ силится просвѣтить, облагородить, освободить свой народъ. Позднѣе онъ возлагаетъ на себя неслыханно тяжелую задачу освобожденія цѣлой Европы отъ позорныхъ цѣпей рабства, наложенныхъ на нее могучею рукою сильнѣйшаго человѣка эпохи—Наполеона. Еще позже онъ является безкорыстнымъ покровителемъ свободныхъ идей вѣка, заступникомъ и распространителемъ либеральныхъ учрежденій во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти стремленія, всѣ эти порывы Александра коренились въ тѣхъ человѣчныхъ идеяхъ и склонностяхъ, которыя развило въ немъ воспитаніе. Но къ сожалѣнію, это воспитаніе совершило въ немъ лишь половину своего дѣла. Оно бросило въ его душу и умъ прекрасныя сѣмена и зародыши, но оно не подготовило настоящей почвы для ихъ укрѣпленія и развитія. Оно не приготовило его достаточно къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, оно не закалило его для борьбы, оно не дало ему необходимаго запаса свѣдѣній, оно не пріучило его къ серьезному труду, оно не воспитало въ немъ суроваго чувства долга, оно не развило въ немъ твердой самостоятельной воли и, неразрывно связанной съ нею, послѣдовательности и вѣрности самому себѣ. Широки и необъятны были начинанія Александра, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ успѣвалъ онъ довести ихъ до конца. Съ

---

[1]) Объ Александрѣ въ день Аустерлицкаго сраженія см. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten, т. I. стр. 137—138.

какимъ энтузіазмомъ приступилъ онъ къ преобразовательной дѣятельности въ первое время своего царствованія, и какъ быстро смутилась его душа, какъ скоро пошатнулась его воля при появленіи первыхъ препятствій, при первомъ смутномъ сознаніи, что начатое дѣло не можетъ быть осуществлено одними благородными порывами, что оно потребуетъ долгаго, копотливаго, неустаннаго труда! Онъ старается даже не думать объ этомъ трудѣ. Онъ мечтаетъ уже о томъ недалекомъ, по его мнѣнію, времени, когда, сдѣлавъ Россію свободною и счастливою, онъ отречется отъ престола и предастся тихой жизни частнаго человѣка [1]). Александръ убѣждается, однако-же вскорѣ, что цѣль, поставленная имъ во внутренней политикѣ, не можетъ быть достигнута такъ легко и быстро, какъ предполагалъ онъ вначалѣ. И вотъ онъ начинаетъ охладѣвать къ внутреннимъ вопросамъ, онъ старается забыть о нихъ, онъ бросается, наконецъ, очертя голову, въ водоворотъ политики внѣшней, выступаетъ въ роли защитника европейскаго равновѣсія.

Безъ сомнѣнія, и въ этомъ новомъ стремленіи Александра лежала совершенно здравая политическая идея. Россія никоимъ образомъ не могла оставаться спокойною, безучастною зрительницею переворотовъ, потрясавшихъ тогда старую Европу. Великій завоеватель, сосредоточившій тогда въ своихъ рукахъ всю страшную силу, весь горячій энтузіазмъ революціонной Франціи, видимо стремился къ порабощенію всего материка, къ міровому владычеству. Россія не имѣла права считать себя гарантированною отъ опасности, грозившей всѣмъ и каждому; какъ членъ великой европейской семьи, она должна была позаботиться объ интересахъ общихъ уже въ виду своихъ частныхъ интересовъ. Александръ смутно сознавалъ всю необходимость, всю неизбѣжность борьбы съ міровымъ завоевателемъ; но онъ бросился въ эту борьбу лишь подъ вліяніемъ страстнаго порыва, не соразмѣривъ своихъ силъ съ силами противника, не выждавъ удобнаго момента, не задав-

[1]) Свои мечты и надежды Александръ высказываетъ въ письмахъ къ Лагарпу. См. La Russie et les Russes. T. I. p. 433.

шись разъ опредѣленною цѣлью, не вооружившись непреклонною энергіею и безусловною вѣрою въ правоту своихъ намѣреній. Александръ и его молодые сподвижники ринулись въ борьбу съ Наполеономъ въ пылу благороднаго негодованія, вызваннаго въ нихъ гнуснымъ убійствомъ герцога Энгіенскаго. Они захотѣли выступить мстителями за поруганную общественную нравственность, за неслыханное нарушеніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Увлекаемые своимъ горячимъ чувствомъ, слѣпые ко всѣмъ ужаснымъ урокамъ столь недавняго прошлаго, они воспламенились, по словамъ Шишкова [1],—человѣка грубаго, но во всякомъ случаѣ трезваго, прямаго и религіознаго,—гордостью и самонадѣянностью. Мысль о пораженіи и притомъ страшномъ, небываломъ, не приходила имъ въ голову; они хотѣли быть сами свидѣтелями и участниками своей побѣды, блестящаго торжества правды надъ злодѣяніемъ и преступленіемъ. „Поскакали всѣ на поле сраженія, говоритъ тотъ-же Шишковъ, боялись, что французы не дождутся ихъ и уйдутъ; но, по несчастью, они не ушли и доказали имъ, что въ подобныхъ случаяхъ лучше терпѣливая опытность, нежели неопытная опрометчивость“.

Александръ былъ въ эти роковыя минуты самоувѣреннѣе и опрометчивѣе своихъ молодыхъ горячихъ совѣтниковъ. Онъ готовъ былъ, слѣдуя совѣту Чарторыжскаго, имѣвшаго при этомъ свои заднія польскія цѣли, напасть на Пруссію за то, что она не рѣшалась выйти изъ своего нейтралитета; онъ отважился дать Аустерлицкое сраженіе, не смотря на совѣты своихъ лучшихъ и опытнѣйшихъ генераловъ. А какъ страшно подѣйствовали на него первыя неудачи! Уже Аустерлицкій погромъ потрясъ до глубины души его нѣжную, женст-

---

[1]) Записки адмирала Шишкова, т. I стр. 95. Приводя отзывы Шишкова, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что почтенный адмиралъ, какъ человѣкъ Екатерининской эпохи, относился вообще крайне несочувственно и ко всему направленію политики Александра въ первые годы царствованія и въ особенности къ совѣтникамъ и любимцамъ молодаго императора. См. Записки, т. I, стр. 81—86. Въ данномъ случаѣ мнѣніе Шишкова вполнѣ соотвѣтствуетъ, впрочемъ, сущности дѣла.

*

венную натуру: только неслыханное высокомѣріе грубаго солдата-побѣдителя, глумившагося публично надъ его юношескими увлеченіями, только возстаніе Пруссіи удержали его тогда на пути чести и послѣдовательности, вызвали въ немъ новый проблескъ энергіи и рѣшимости. Но новые удары судьбы сломили его, повидимому, окончательно и безповоротно. Пораженіе подъ Фридландомъ разомъ потрясло его вѣру и въ правоту своего дѣла, и въ силу русскаго оружія, и въ солидарность своихъ интересовъ съ интересами своихъ союзниковъ. Его мягкая, впечатлительная и крайне неустойчивая натура не выдержала обаянія могучей солдатской фигуры Наполеона. Короткое свиданіе въ Тильзитѣ разомъ преобразовало Александра, измѣнило всю систему его политики, отодвинуло на второй планъ всѣ мечты молодости, ниспровергло въ прахъ всѣ идеалы либеральной философіи. Изъ яраго врага революціоннаго завоевателя, изъ пламеннаго поборника европейской свободы, Александръ вдругъ превратился въ ревностнаго и вѣрнаго союзника французскаго и пператора. Личное знакомство съ Наполеономъ, посвящ въ его грандіозные планы, измѣнили всѣ его воззрѣнія и интересы Россіи, и на долгъ русскаго государя. Общее Европы показалось ему вдругъ несовмѣстнымъ съ дѣл выгодами Россіи, роль завоевателя вдругъ сдѣлалась глазахъ несравненно заманчивѣе роли защитника общ тересовъ. Раздѣлить міръ съ такимъ великимъ чело какъ Наполеонъ, усилить и округлить свою имперію слабыхъ сосѣдей, закончить великое дѣло своихъ п венниковъ, Петра и Екатерины,—вотъ были цѣли, показались ему теперь единственно разумными и до ми, въ виду которыхъ онъ не задумался разорват своимъ прошлымъ, со всѣми своими прежними, гими его сердцу, мечтами.

Само собою понятно, что такой поворотъ въ сихъ воззрѣніяхъ императора Александра неизбѣ былъ отозваться и на тѣхъ людяхъ, которые явля поръ его главнѣйшими совѣтниками, которые съ нимъ не только узами личной дружбы, но

литическихъ воззрѣній. Значеніе и преобладающее вліяніе такихъ отъявленныхъ англомановъ, какъ Новосильцовъ, такихъ самостоятельныхъ характеровъ, какъ Кочубей, Строгоновъ, были несовмѣстны съ новыми интимными отношеніями императора къ Наполеону, съ тѣснымъ русско-французскимъ союзомъ [1]). Новая политическая система требовала и новыхъ людей, но найти этихъ людей въ тогдашней Россіи было не такъ легко. Все русское общество (о массѣ народа не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи) отнеслось крайне несочувственпо и къ Тильзитскому миру, и къ тѣсному союзу съ Франціею. Да и понятно. Если предшествующая война въ союзѣ съ Пруссіею казалась многимъ совершенно чуждою русскимъ интересамъ, то,—спрашивали себя тогдашніе русскіе патріоты,—могли-ли выиграть эти интересы отъ такого полнаго преклоненія предъ императорскою Франціею, отъ такого слѣпаго служенія цѣлямъ не только чуждымъ, но даже враждебнымъ намъ? [2]) Событія не замедлили оправдать опасенія русскихъ патріотовъ. Императоръ французовъ далъ, правда, Россіи милостивое разрѣшеніе завоевать Финляндію, но этимъ и ограничились всѣ его добрыя услуги по отношенію къ намъ. Во всемъ остальномъ опъ относился къ Россіи съ тайнымъ недоброжелательствомъ, смотрѣлъ на нее, какъ на

---

[1]) Новосильцовъ самъ замѣтилъ государю, что онъ долженъ выгнать его и притомъ, съ возможно большимъ шумомъ. Bernhardi, Geschichte Russlands. Т. 2, S. 551. Строгоновъ и Кочубей поспѣшили также удалиться отъ двора. Одинъ только Чарторыжскій продолжалъ пользоваться довѣріемъ Александра, хотя въ это время онъ работалъ уже для Наполеона и Польши.

[2]) „Послѣдовавшій вскорѣ за симъ Тильзитскій миръ, замѣчаетъ Шишковъ, уничижилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для ней условій, превратившихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарте въ грознаго Наполеона“. Записки Шишкова, т. I, стр. 95. Какъ сильно было недовольство, видно, между прочимъ, изъ письма, адресованнаго адмираломъ Мордвиновымъ къ императору Александру. „Итакъ миръ, скрываемый такъ долго, сдѣлался, наконецъ, извѣстнымъ“, говорится тамъ, между прочимъ: „вашъ новый союзникъ поспѣшилъ разгласить въ журналахъ позоръ, брошенный имъ на наши головы. Сыны Россіи охотнѣе-бы пролили послѣднюю каплю крови, нежели преклониться столь постыднымъ образомъ подъ иго того, кто не имѣетъ преимущества кромѣ того, что умѣлъ воспользоваться слабостью, измѣнною собностью“. Bernhardi, Geschichte Russland's, т. I стр. 561.

свое орудіе и, лаская насъ, втайнѣ готовилъ намъ окончательный и смертельный ударъ.

Наполеонъ далъ въ Тильзитѣ торжественное обѣщаніе поддерживать Россію въ ея распрѣ съ Турціею, доставить намъ Дунайскія княжества,—Молдавію и Валахію; въ дѣйствительности, онъ никогда не думалъ исполнить этого обѣщанія, и если не явно, то тайно поддерживалъ султана въ его упорномъ сопротивленіи. Наполеонъ неоднократно старался также успокоить Александра на счетъ своихъ польскихъ плановъ, но работалъ въ тоже время тщательно надъ ихъ осуществленіемъ, расширялъ, то и дѣло, предѣлы Варшавскаго герцогства, раздувалъ несбыточныя мечты поляковъ, разжигалъ ихъ ненависть противъ Россіи. Россія должна была приносить въ жертву французскому императору свои существеннѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе интересы. Въ угоду ему она должна была объявить войну Англіи, должна была наложить на себя невыносимое иго континентальной системы, подорвать свои финансы, внести нищету и разореніе въ свои нѣдра [1]. Въ угоду тому-же ненасытному властолюбію она должна была принять участіе въ войнѣ противъ Австріи, въ подавленіи послѣдней материковой державы, осмѣлившейся поднять оружіе на защиту своей самостоятельности. Итакъ, Россія добросовѣстно исполняла свои союзныя обязательства и тѣмъ самымъ готовила явную гибель для себя. Съ ея согласія и при ея содѣйствіи Наполеонъ быстро соединялъ подъ своею властью всѣ страны европейскаго запада, утверждалъ и расширялъ свое владычество въ Германіи, Италіи и Польшѣ, покорялъ Испанію, истреблялъ всякое проявленіе самостоятельной силы,—все равно, въ какой-бы формѣ она ни проявлялась, въ протестѣ-ли римскаго папы, въ свободной-

[1]) Мордвиновъ такими чертами рисуетъ положеніе Россіи послѣ Тильзита: „повсемѣстная дороговизна и голодъ, повальныя болѣзни, мятежи въ Астрахани и на Уралѣ, гибельный застой внѣшней и внутренней торговли, опустѣніе знаменитой Макарьевской ярмарки, всѣ сословія объяты однимъ общимъ чувствомъ отчаянія, непомѣрное и не оправдываемое нуждою увеличеніе массы бумажныхъ денегъ, разстройство финансовъ, нищета въ провинціяхъ, ропотъ и недовольство арміи". Bernhardi, т. I стр. 562.

ли мысли частнаго лица, въ попыткѣ-ли европейскаго государя отстоять свое собственное достоинство и интересы своего народа. Скопляя, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ силы цѣлаго міра для грядущей борьбы съ Россіею, Наполеонъ вовсе не скрывалъ въ тоже время своихъ истинныхъ чувствъ и намѣреній по отношенію къ единственному своему союзнику, императору Александру. Какъ мало щадилъ онъ личное самолюбіе Александра, видно изъ того, что онъ назначалъ послами въ Петербургъ такихъ лицъ, какъ Савари и Коленкура,—лицъ, принимавшихъ самое непосредственное участіе въ гнусномъ убійствѣ герцога Энгіенскаго, въ томъ самомъ возмутительномъ фактѣ, который взволновалъ когда-то до глубины души благородную натуру Александра и вложилъ въ его руки мечъ защитника попраннаго права народовъ и свободы Европы. Теперь эти палачи выступали въ Петербургѣ въ роли представителей лучшаго друга Россіи и ея государя. И какъ надменно, какъ заносчиво держали они себя тутъ! Государь встрѣчалъ ихъ съ изысканными почестями и вниманіемъ; дворъ, все знатное общество должны были ухаживать за ними. „Коленкуръ [1]), замѣчаетъ Шишковъ, былъ первѣйшею особою въ Петербургѣ, едва не считавшею себя, наравнѣ съ Александромъ, первымъ. Я не могъ безъ сокрушенія сердца видѣть сію возносчивость его и радовался только тому, что, не будучи въ кругу двора примѣтенъ, могъ избѣгать непріятнаго для меня съ нимъ знакомства. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ уклонялся отъ приглашенія его въ домъ свой, но долженъ это былъ сдѣлать по неволѣ“.

При такомъ образѣ дѣйствій своего союзника и его агентовъ, при такомъ настроеніи умовъ, въ средѣ лучшаго русскаго общества императоръ Александръ не могъ, разумѣется, найти такихъ людей, которые относились-бы искренно къ идеѣ французскаго союза, которые своими симпатіями поддерживали-бы императора на его новомъ пути. Изъ всѣхъ совѣтниковъ, окружавшихъ Александра въ эту эпоху его цар-

---

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 96,

[illegible] и [illegible]ніемъ канцлера Румянцева, [illegible] и съ уваженіемъ къ французскому двору. Аракчеевъ никогда не имѣлъ опредѣленныхъ и самостоятельныхъ взглядовъ на вопросы внѣшней политики. Сознавая свою полную несостоятельность на этомъ поприщѣ и заботясь болѣе всего о сохраненіи своего личнаго вліянія на государя, онъ никогда не позволялъ себѣ высказывать свои мнѣнія тамъ, гдѣ они не могли сойтись съ взглядами и намѣреніями императора. Сперанскій, пользовавшійся въ эту эпоху преобладающимъ вліяніемъ на Александра, относился, насколько мы можемъ судить объ этомъ, довольно холодно къ союзу съ Наполеономъ. Мы не знаемъ, отваживался-ли онъ представлять императору всю непрочность и неестественность этого союза, всю его опасность для Россіи; но мы не имѣемъ въ тоже время никакого права заподозривать его въ какихъ-бы то ни было французскихъ симпатіяхъ. Гнусная интрига, жертвою которой сдѣлался въ послѣдствіи благороднѣйшій изъ русскихъ дѣятелей этой эпохи, старалась выставить его чуть не измѣнникомъ, чуть не главнымъ сообщникомъ Наполеона въ его посягательствѣ на самостоятельность Россіи, но этой интригѣ не вѣрили, по всей вѣроятности, даже ея творцы. Сперанскій былъ, правда, большимъ поклонникомъ Наполеоновскаго кодекса, онъ высказывался, какъ говорятъ, съ похвалою о вѣротерпимости Наполеона, но отсюда еще очень далеко не только до полнѣйшей солидарности съ замыслами чуждаго завоевателя, но даже и до безусловнаго одобренія русско-французскаго союза.

Но возникаетъ вопросъ, насколько искренно относился самъ Александръ къ своей дружбѣ съ Наполеономъ, не скрывалъ-ли онъ во всемъ этомъ дѣлѣ съ самаго начала своихъ мыслей? Что Александръ думалъ еще въ Тильзитѣ только обмануть Наполеона и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, утверждать это можетъ только тотъ, кто составилъ себѣ самое поверхностное понятіе о характерѣ Александра, кто усвоилъ себѣ всецѣло мнѣніе самого Наполеона объ Александрѣ, какъ о великомъ актерѣ, — мнѣніе, высказанное, впрочемъ, французскимъ императоромъ въ припадкѣ досады и обману-

таго ожиданія. Если мы припомнимъ, что одна изъ наиболѣе выдающихся чертъ въ характерѣ императора Александра была необыкновенная живость, впечатлительность, увлекаемость, то мы поймемъ, что въ первое время своего личнаго знакомства съ Наполеономъ, онъ легко могъ поддаться чарующему вліянію гигантской личности своего соблазнителя, что онъ могъ вѣрить ему на слово, могъ входить въ его идеи, увлекаться его планами. Но подобное самообольщеніе могло продолжаться во всякомъ случаѣ крайне недолго. Если Румянцевъ и подобные ему поверхностные политики могли вѣрить чуть не до конца въ искренность Наполеона и въ его благорасположеніе къ Россіи, то императоръ Александръ, уже въ силу своей природной проницательности, своей подозрительности и недовѣрчивости, долженъ былъ разочароваться очень скоро въ своемъ союзникѣ. Какъ человѣкъ въ высокой степени сдержанный, наученный еще въ молодости скрывать свои истинныя чувства, онъ съумѣлъ, однако-же, подавить въ глубинѣ своей души это разочарованіе, съумѣлъ казаться искреннимъ и преданнымъ союзникомъ Наполеона даже въ то время, когда раздраженіе, гнѣвъ и чувство мести уже брали въ немъ верхъ надъ прежними порывами удивленія и преданности. Стараясь подражать самому Наполеону, Александръ силился извлечь какъ можно болѣе выгодъ изъ союза съ Франціею, но въ тоже время онъ заботился, чтобы его эгоистическій союзникъ не осуществилъ вполнѣ своихъ плановъ, чтобы онъ не подавилъ окончательно всѣ тѣ силы, которыя могли-бы сосредоточиться вокругъ Россіи въ случаѣ неизбѣжнаго разрыва.

Само собою понятно, что Александръ не могъ помѣшать Наполеону въ его далекомъ испанскомъ предпріятіи, но за то онъ поддерживалъ его крайне вяло въ его войнѣ съ Австріею и бралъ рѣшительно подъ свою защиту Пруссію отъ его непрестанныхъ посягательствъ. Наполеонъ систематически покровительствовалъ полякамъ и поддерживалъ въ нихъ надежды на возстановленіе Рѣчи Посполитой. Александръ тоже старался составить себѣ партію между поляками и тоже, всякомъ случаѣ съ большею искренностью, нежели его

союзникъ, обѣщалъ имъ возстановленіе ихъ государства. Оба союзника вели, такимъ образомъ, тайную войну другъ противъ друга еще въ то время, когда ихъ взаимныя отношенія могли показаться стороннему наблюдателю вполнѣ дружественными. Наступилъ однако-же моментъ, когда пламя вражды начало насильственно пробиваться наружу, когда великій и страшный поединокъ между Россіею и Франціею,—поединокъ, долженствовавшій рѣшить участь цѣлаго міра, становился неизбѣжнѣе съ каждымъ днемъ. Уже въ началѣ 1811 года никто изъ мыслящихъ людей въ Европѣ не сомнѣвался, что дружба, заключенная въ Тильзитѣ и скрѣпленная въ Эрфуртѣ, быстро близится къ своему концу. Уже съ этого времени обѣ стороны начали свои гигантскія приготовленія къ борьбѣ, и уже въ это время умы наблюдательные, смотрѣвшіе на Россію, какъ на послѣдній оплотъ европейской свободы, невольно задавали себѣ страшно-мучительный вопросъ: выдержитъ-ли Россія натискъ Наполеоновской силы, не истощатся-ли ея средства въ неравной борьбѣ и, что самое главное, найдетъ-ли императоръ Александръ въ своей душѣ силы, необходимыя для перенесенія неслыханно-тяжелаго испытанія, въ состояніи-ли онъ будетъ проникнуться глубокою и непоколебимою вѣрою въ божественное Провидѣніе, съумѣетъ-ли слиться съ своимъ народомъ въ единомъ чувствѣ высокаго непобѣдимаго энтузіазма, проистекающаго изъ вѣчно живыхъ источниковъ всякой силы, народнаго и религіознаго чувства? Примѣръ Испаніи ясно показалъ всему міру, что только изъ этихъ источниковъ можетъ почерпнуть угнетенный народъ способность бороться съ такою демоническою, всесокрушающею силою, какова была сила Наполеона. Возникалъ самъ собою роковой вопросъ, найдутъ-ли въ себѣ народъ и Царь Русскій тѣ непобѣдимыя силы, которыя открыли въ себѣ испанцы, вступятъ-ли они въ борьбу съ твердою вѣрою въ самихъ себя и въ неисповѣдимую благость Провидѣнія — этого единственнаго прибѣжища и оплота всякаго праваго и чистаго дѣла?

Въ этомъ заключалась самая сущность вопроса, отъ него зависѣлъ исходъ борьбы, участь Россіи, свобода Европы и

міра. Всѣ преимущества чисто матеріальныя, скажемъ болѣе, человѣческія, поддающіяся счисленію, оцѣнкѣ, взвѣшиванію, были на сторонѣ завоевателя. Его несравненный военный геній не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ мірѣ, страшный ореолъ непобѣдимости окружалъ его голову. Въ его распоряженіи были колоссальныя силы образованныхъ, богатыхъ и густо населенныхъ странъ европейскаго запада. Его армія, правда, въ это время уже разноплеменная и разнохарактерная, представляла тѣмъ не менѣе такую изумительную машину, какой доселѣ не видѣлъ міръ. Тутъ было все совершенно, начиная отъ вооруженія, выправки и оканчивая истинно солдатскимъ духомъ, гордымъ самосознаніемъ и слѣпою вѣрою въ сказочное счастіе своего вождя. Что могла противоставить Россія совокупности этихъ страшныхъ силъ, двигаемыхъ всемогущею рукою великаго завоевателя? Ея матеріальныя средства были крайне скудны въ сравненіи со средствами Наполеона. Императоръ французовъ могъ двинуть на нее, вовсе не напрягая своихъ силъ, шестисотъ-тысячную армію; она-же могла выставить противъ него въ первой линіи не болѣе 175,000 человѣкъ, а всего на-всего не болѣе 350,000 человѣкъ [1]). За Наполеономъ слѣдовала покорно вся Европа; у Россіи не было другихъ союзниковъ, кромѣ слабой Швеціи и Англіи, отъ которой, впрочемъ, нельзя было ожидать иной помощи кромѣ денежныхъ субсидій, да и то не особенно обильныхъ. На сторонѣ Россіи было, впрочемъ, одно страшное матеріальное преимущество — ея громадное пространственное протяженіе. Но подымался вопросъ, отважится-ли воспользоваться Александръ этимъ преимуществомъ, согласится-ли онъ пожертвовать въ случаѣ нужды цѣлою половиною своей имперіи, перенесетъ-ли онъ твердо удары судьбы и найдетъ-ли онъ силы въ крѣпкомъ единеніи съ своимъ народомъ, въ твердой вѣрѣ въ божественное Провидѣніе?

---

[1]) О приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ, о количествѣ ея силъ см., кромѣ извѣстнаго сочиненія Богдановича, Bernhardi: Denkwürdigkeiten Toll's T. I. S. 231—245. Само собою понятно, что въ число 350,000 входятъ лишь одни регулярныя войска.

Люди, считавшіе себя сердцевѣдами,—люди, воображавшіе, что они превосходно изучили характеръ Александра,—люди, подобные австрійскому канцлеру Меттерниху, не задумывались отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательнымъ образомъ. Неужели геній Наполеона и извѣстная слабохарактерность Александра, — спрашивалъ Меттерниха прусскій министръ Гарденбергъ,—приведутъ въ скоромъ времени дѣло къ невыгодному для Россіи миру. „Несомнѣнно!"—отвѣчалъ ему оракулъ тогдашней дипломатіи: „я не разсчитываю ни на какую твердость со стороны императора Александра" [1]). И такъ думалъ не одинъ Меттернихъ, такъ думали всѣ сильные и мудрые міра сего, такъ разсчитывалъ и самъ Наполеонъ.

Иныя предчувствія, ожиданія и надежды шевелились, однакоже, въ эти страшныя минуты въ сердцахъ замученныхъ и истерзанныхъ европейскихъ народовъ. Нужда научитъ молиться: это старое изреченіе народной мудрости оправдалось тогда воочію на европейскихъ народахъ. Какую страшную, развращающую школу невѣрія прошли эти народы, какимъ страшнымъ испытаніямъ подвергъ ихъ этотъ ужасный бичъ міра, который явился единственнымъ преемникомъ великой революціи, мнившей создать счастіе народовъ на развалинахъ всякой откровенной религіи, всякой высшей нравственности! Но теперь, когда народныя массы выпили до дна чашу золъ, поднесенную имъ самозванными освободителями и просвѣтителями,—теперь, когда безжалостная рука безбожнаго завоевателя разбила въ прахъ всѣ формы ихъ самобытной жизни, наложила на нихъ цѣпи рабства, обрекла ихъ на бѣдность и оскудѣніе, наругалась надъ ихъ святынею,—теперь, вмѣстѣ съ неискоренимымъ чувствомъ народности, проснулось въ душѣ ихъ и религіозное чувство [2]). Духъ покаянія, самообличенія пронесся надъ революціонною, невѣрующею Европою. Народы начали отворачиваться отъ своихъ

---

[1]) См. *Соловьевъ*, „Императоръ Александръ I. Политика-дипломатія". Стр. 234.

[2]) О пробужденіи религіознаго духа на Западѣ см., между прочимъ, Зибель Die Erhebung Europas gegen Napoleon.

прежнихъ учителей, да и эти учители, какъ-бы понимая знаменія времени, вдругъ заговорили инымъ языкомъ. Философы, строившіе весь міръ на зыбкой основѣ собственнаго гордаго *я*, заговорили вдругъ о Богѣ, о нравственно-религіозномъ воспитаніи народа. Люди, гордившіеся до тѣхъ поръ своимъ невѣріемъ, вдругъ начали прислушиваться къ пламеннымъ рѣчамъ христіанскихъ проповѣдниковъ, призывавшихъ къ покаянію, къ обновленію стараго обветшавшаго человѣка. Всѣ стали вдругъ искать утѣшенія и спасенія въ лонѣ той самой Церкви, въ истинахъ той самой религіи, на которую смотрѣли они до тѣхъ поръ свысока, о которыхъ отзывались они съ снисходительною усмѣшкою, какъ объ учрежденіи, годномъ лишь для женщинъ и дѣтей, какъ объ уздѣ, придуманной для руководства черни. Ожиданіе чего-то великаго, страшнаго, небывалаго носилось въ воздухѣ. Грядущій судъ Божій казался близокъ и неизбѣженъ тѣмъ простымъ и безхитростнымъ людямъ, которые были очевидцами дикаго потока, собиравшагося нахлынуть на Россію—этотъ послѣдній оплотъ европейской свободы. Они усматривали приближеніе этого суда не въ яркой кометѣ, блиставшей тогда на небѣ и наводившей ужасъ на всѣхъ суевѣрныхъ, а въ неслыханномъ безбожномъ высокомѣріи, обуявшемъ тогда завоевателя и его страшныя полчища. Чѣмъ ближе подвигался Наполеонъ къ пропасти, долженствовавшей поглотить его, тѣмъ циничнѣе становились его языкъ и манеры, тѣмъ самонадѣяннѣе и богохульственнѣе его дѣла и рѣчи. „Россія увлечена своею судьбою, она обречена на гибель“,—провозглашалъ онъ, понимая подъ всесильною судьбою не что иное, какъ самого себя. „Безграничная будущность открывается передо мною, мнѣ некогда заниматься вашими дѣлами“,—отвѣчалъ онъ полякамъ, ожидавшимъ отъ него возстановленія своего отечества. „Вы, кажется, вдовецъ“,—замѣтилъ онъ съ наглою улыбкою королю Фридриху-Вильгельму на свиданіи въ Дрезденѣ,—тому самому королю, любимая супруга котораго не въ состояніи была пережить той тяжести позора, которымъ покрылъ Наполеонъ Пруссію. А какъ вели себя полчища завоевателя, наводнившіе еще въ началѣ 1812 года всю во-

сточную Пруссію и Польшу? [1]) Они выступали не какъ дисциплинированные воины въ мирной и союзной странѣ, а какъ безжалостные побѣдители и варварскіе грабители. Съ ужасомъ смотрѣли испуганные поселяне на буйство этихъ наемниковъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Европы. Они брали, портили, уничтожали все, что попадалось имъ подъ руки. Они бросали въ грязь и топтали ногами бѣлый хлѣбъ, разбивали бочки съ виномъ, ругались надъ честью женщинъ, превращали въ конюшни жилые дома. Не было и помину о старой, суровой дисциплинѣ Наполеоновской арміи. Солдаты свирѣпствовали такъ съ разрѣшенія своего властелина и начальниковъ. Они уже одичали отъ непрерывныхъ войнъ, превратились въ необузданную толпу дикихъ завоевателей. И, что всего поразительнѣе, они шли въ этотъ походъ уже не съ тою самоувѣренностью, какъ прежде. Вѣчная боевая жизнь прискучила уже старымъ солдатамъ; съ невольнымъ страхомъ говорили они о снѣжныхъ пустыняхъ, куда гонитъ ихъ воля повелителя. „Наши кони, жаловались Наполеоновскіе ветераны, ржали всегда такъ весело въ началѣ каждаго похода, теперь они молчатъ“. Но вотъ безчисленныя полчища начали отливать мало-по-малу на востокъ. День и ночь двигались они въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ черезъ города и селенія. Всѣ дороги были покрыты ихъ безконечными обозами. То было настоящее переселеніе народовъ. „Они идутъ на судъ Божій!“—шептали малые, безхитростные люди, провожая глазами ихъ пестрые, разноплеменные ряды.

Простые и неученые оказались на этотъ разъ предусмотрительнѣе знатныхъ и мудрыхъ. Люди, стоявшіе по своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ ближе къ народу, раздѣляли его упованіе, смотрѣли съ вѣрою и надеждою въ будущее. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ проходимцахъ и искателяхъ приключеній, которые стекались тогда со всѣхъ концовъ Европы въ Россію, предлагая ей свои дешевыя услуги; мы не говоримъ и о тѣхъ благородныхъ прускихъ патріотахъ, о тѣхъ офицерахъ, которые не могли примириться съ позоромъ фран-

---

[1]) См. Treitschke, Deutsche Geschichte in XIX Jahrhunderte. T. I, стр. 394.

цузскаго союза и спѣшили вступить въ ряды русской арміи. Мы не говоримъ о нихъ уже потому, что ихъ дѣйствіями руководила, быть можетъ, не столько крѣпкая вѣра и радостная надежда, сколько безвыходное отчаяніе и яростное озлобленіе. Мы указываемъ не на нихъ, а на такихъ лицъ, какъ желѣзный баронъ Штейнъ, какъ глубоко-религіозный Арндтъ. Они пришли въ Россію потому, что твердо вѣрили и въ святость ея дѣла и въ несомнѣнность ея побѣды. Они не сомнѣвались въ императорѣ Александрѣ, уже потому, что онъ самъ призвалъ ихъ къ себѣ; они предугадывали, что русскій Самодержецъ будетъ рости и возвышаться съ событіями, что тяжелыя испытанія очистятъ его характеръ, укрѣпятъ его волю, наполнятъ его душу безграничною вѣрою въ правоту своего дѣла, въ благость божественнаго промысла. И они не ошиблись въ своихъ надеждахъ.

ГЛАВА III.

Александръ въ первую половину своего царствованія.—Религіозный индиферентизмъ императора.—Русская Церковь и іерархія въ началѣ XIX в.—Духовная школа.—Святѣйшій Сѵнодъ.—Митрополитъ Амвросій и другіе члены Сѵнода.—Оберъ-прокуроръ Яковлевъ и его борьба съ іерархами.—Князь А. Н. Голицынъ и новомодная религіозность.—Сперанскій и его проекты.—Вѣротерпимость русскаго правительства и ея источникъ.—Іезуиты при Екатеринѣ Великой и Павлѣ I-мъ.—Патеръ Груберъ и Сестренцевичъ Богушъ.—Іезуиты захватываютъ въ свои руки католическую церковь въ Россіи. — Александръ I и іезуиты. — Отцы іезуиты и русскія барыни. Іезуиты на поприщѣ воспитанія и пропаганды. Значеніе и богатства ордена въ Россіи.—Наканунѣ кризиса.

Предчувствія народовъ, ожиданія Штейна были блистательно оправданы императоромъ Александромъ. Въ тяжелую годину испытаній, русскій императоръ обнаружилъ такую твердость характера, такую покорность Провидѣнію, такую безграничную вѣру въ свой народъ и въ силу Всевышняго, предъ которыми разсыпались въ прахъ всѣ колоссальныя силы Наполеона, всѣ геніальныя соображенія его стратегіи. А между тѣмъ эта твердость, эта вѣра, эта сила были вовсе не присущи Александру, не были развиты въ немъ ни воспитаніемъ, ни жизнью, явились полною и поразительною неожиданностью для всѣхъ людей, знавшихъ его близко. Несомнѣнно, что Александръ почерпнулъ необыкновенныя силы въ томъ неизсякаемомъ источникѣ всякой силы, который открытъ для каждаго изъ насъ, въ божественной нашей религіи; но несомнѣнно также, что этотъ источникъ оставался сокрытымъ для Александра во всю первую половину его царствованія, что религіозныя настроенія вліяли очень мало и

него до той самой минуты, когда пожаръ Москвы и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ зажгли въ его сердцѣ тотъ неугасимый огонь, который преобразилъ его изъ человѣка добраго и мягкаго въ непобѣдимаго поборника провидѣнія и спасителя Европы. Остановимся нѣсколько на этомъ моментѣ; въ немъ заключается ключъ той загадки, предъ которою останавливались въ недоумѣніи и изумленные современники, и пытливое потомство.

Въ первые годы своего правленія Александръ является тѣмъ, что создали изъ него обстоятельства его дѣтства и юности, чѣмъ напитали его умъ и душу его воспитатели и наставники. Прежде всего онъ человѣкъ несомнѣнно благородный, глубоко-впечатлительный, очень добрый, мягкій и при этомъ мнительный, недовѣрчивый, нерѣшительный, въ тоже время способный къ увлеченіямъ, скорымъ рѣшеніямъ, но останавливающійся передъ первою неудачею, поддающійся первому разочарованію. Онъ вступаетъ на престолъ съ самыми возвышенными, но въ тоже время съ крайне общими, неопредѣленными и туманными намѣреніями. Онъ мечтаетъ передѣлать Россію, освободить и просвѣтить русскій народъ, но онъ думаетъ совершить это съ помощью той философской теоріи, которую внушили ему воспитатели и друзья молодости. Онъ приступаетъ къ этому дѣлу безъ всякаго практическаго навыка, безъ всякаго знанія той среды, того народа, надъ которыми поставило его Провидѣніе. Прежде всего онъ провозглашаетъ принципъ законности, стремится подчинить ему все, въ томъ числѣ и неограниченность своей самодержавной власти. Онъ упускаетъ при этомъ совершенно изъ виду, что въ глазахъ громаднаго большинства его народа самодержавная царская власть является не только источникомъ всякой силы, правды и милости на землѣ, но и единственнымъ залогомъ и опорою всего существующаго порядка вещей. Распространяя свою гуманную, освободительную дѣятельность на всѣ отрасли русской жизни, Александръ, во всю первую половину своего царствованія, относится если и не вполнѣ индиферентно, то во всякомъ случаѣ довольно з [illegible] но къ жизни религіозной. Намѣреваясь освободить и

просвѣтить народъ русскій, онъ мало обращаетъ вниманія на ту громадную нравственную и образовательную силу, которая заключается въ русской Церкви, въ русскомъ духовенствѣ. Онъ затрачиваетъ громадныя средства на основаніе новыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но онъ оставляетъ почти что безъ вниманія ту школу, которая одна давала въ то время дѣйствительно солидное научное образованіе,—школу духовную; онъ заботится о возстановленіи и огражденіи правъ дворянства, онъ подтверждаетъ права горожанъ, онъ хлопочетъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, но онъ оставляетъ долгое время въ прежнемъ видѣ безправное положеніе православнаго духовенства. Онъ ищетъ повсюду учителей и наставниковъ для своего народа, онъ принимаетъ на этомъ поприщѣ услуги самыхъ сомнительныхъ и опасныхъ элементовъ, онъ открываетъ даже широкое поле для педагогической дѣятельности іезуитовъ, но не пользуется для тѣхъ-же образовательныхъ цѣлей тѣми богатыми силами, которыя могла-бы дать ему тогдашняя церковная школа.

Изучая длинный рядъ указовъ и манифестовъ императора Александра, изданныхъ въ первые мѣсяцы царствованія [1]) и клонившихся къ искорененію злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ жизни, мы усматриваемъ въ числѣ ихъ лишь одинъ
имѣющій прямое отношеніе къ русской Церкви, или, луч
сказать, къ православному духовенству. Это знаменитый
нифестъ 22-го мая 1801 года объ освобожденіи священ
ковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Уже одно н
леніе этого манифеста указываетъ на то безправное
всѣхъ отношеніяхъ тяжелое положеніе, въ которомъ
дилось въ Россіи духовенство господствующей Церкви
въ началѣ XIX вѣка. Духовенство въ громадномъ бо
ствѣ случаевъ не знало тогда даже своихъ правъ и
епархіальнаго начальства. Изъ записокъ сѵнодальнаго
прокурора Яковлева [2]) мы узнаемъ, что духовный регл

[1]) См. Полное Собраніе Законовъ, годъ 1801 и 1802.

[2]) См. Записки Александра Алексѣевича Яковлева. Памятники
ской исторіи. Сборникъ Калачова. Т. III, стр. 100.

напечатанный еще при Петрѣ Великомъ, сдѣлался въ началѣ XIX вѣка библіографическою рѣдкостью. Высшія свѣтскія и духовныя власти находили совершенно излишними новыя изданія этой книги. Архіереи, утверждаетъ тотъ-же Яковлевъ, прямо не желали распространять ее въ средѣ приходскаго духовенства. Когда въ 1803 г. оберъ-прокуроръ предложилъ напечатать вновь духовный регламентъ, то встрѣтилъ такое сильное противодѣйствіе со стороны высшей іерархіи [1]), что принужденъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію Высочайшей власти. Подобныя дѣйствія нѣкоторыхъ архіереевъ станутъ для насъ совершенно понятными, если мы сообразимъ, какою полною и во всѣхъ отношеніяхъ безконтрольною властью пользовались они тогда надъ приходскимъ духовенствомъ. Отъ архіереевъ зависѣло не только назначеніе, увольненіе и перемѣщеніе священниковъ, но также и отдача ихъ подъ судъ, подверженіе исправительнымъ наказаніямъ всякаго рода, преимущественно тѣлеснымъ. По первому обвиненію, все равно отъ кого-бы ни исходило оно, священника требовали въ архіерейскій домъ, производили разспросъ и изслѣдованіе вины, нерѣдко пристрастные, затѣмъ сажали на цѣпь, заковывали въ кандалы или колодки, бросали въ подвальныя тюрьмы и подвергали тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ [2]). И что всего ужаснѣе, подобная расправа была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ: никто не возмущался ею, никто не обращалъ на нее даже особеннаго вниманія. Да оно и понятно. Не одни только архіереи могли наказывать духовныхъ по своему усмотрѣнію, подобнымъ-же правомъ пользовались и свѣтскія начальства. Судьи приговаривали священниковъ и дьяконовъ къ позорному наказанію кнутомъ на площадяхъ, административныя власти подвергали сѣченію духовныхъ лицъ съ цѣлью исправленія; наконецъ, богатые помѣщики, не признававшіе иного закона кромѣ своей воли,

---

[1]) „Всякъ легко вообразитъ, что сія выдумка имъ не понравилась. Долго они противъ сего боролись, но должны были согласиться...“ Записки Яковлева стр. 100.

[2]) См. „Изъ прошлаго“. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г. Т. 74, стр. 471.

наказывали священниковъ и дьяконовъ по своему произволу. Положеніе духовнаго лица вообще мало чѣмъ отличалось въ тѣ времена отъ положенія крѣпостнаго крестьянина: и его подвергали всевозможнымъ поборамъ въ пользу начальства, и онъ могъ быть подвергнутъ самому несправедливому и постыдному наказанію, и его, наконецъ, могли отдать за какія-нибудь провинности или просто изъ каприза, изъ желанія угодить сильнымъ,—въ солдаты. Такъ распоряжался, между прочимъ, извѣстный въ свое время Нижегородскій епископъ Павелъ. Сохранилось преданіе, что императоръ Павелъ, посѣтивъ однажды Нижній-Новгородъ, шутя замѣтилъ епископу: „какіе хорошіе солдаты вышли-бы изъ твоихъ молодцовъ пѣвчихъ". Епископъ тотчасъ-же приказалъ отдать въ солдаты нѣсколько десятковъ рослыхъ семинаристовъ и прибавилъ къ нимъ, подъ предлогомъ неодобрительнаго поведенія, нѣсколько священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ. Фактъ этотъ, столь невѣроятный на первый взглядъ, подтверждается, впрочемъ, и оффиціальными документами. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ Нижегородской церкви можно встрѣтить противъ именъ священно-и-церковно-служителей собственно-ручную подпись преосвященнаго Павла: „въ военную службу" [1]). И такъ поступали съ классомъ людей, въ рукахъ котораго находилось все религіозно-нравственное воспитаніе народа и представители котораго, не смотря на все свое стѣсненное положеніе, были все-же таки едва-ли не самыми образованными людьми во всей Россіи.

Духовная школа той эпохи находилась, на первый взглядъ, въ самомъ жалкомъ и нищенскомъ положеніи. Какая разница между новыми свѣтскими средними и высшими училищами и духовными семинаріями и академіями. Тамъ щедрыя, роскошныя по тому времени затраты, тутъ средства, недостаточныя до невозможнаго и смѣшнаго; тамъ десятки т сячъ на каждое заведеніе, тутъ 816 рублей на каждую с минарію. Правда, впослѣдствіи, уже въ правленіе Алексаг

1) „Изъ прошлаго". „Русскій Вѣстникъ". т. 71, стр. 451; „Нижегоро Губернскія Вѣдомости" 1849, № 10.

ра I сумма эта возвышена была для семинаріи до 4000 рублей, а академіи начали получать по 12,000 въ годъ, но все-же правительство затрачивало на содержаніе всѣхъ духовныхъ училищъ всего лишь 180,000 рублей, а между тѣмъ въ этихъ училищахъ (4 академіи, 36 семинарій, 115 низшихъ духовныхъ училищъ) получили образованіе около 30,000 человѣкъ [1]).

Крайняя скудость средствъ съ одной стороны, безконтрольность и произволъ властей съ другой, отражались самымъ печальнымъ образомъ какъ на положеніи учащихъ, такъ и учащихся. Преподаватели главнѣйшихъ предметовъ, богословія и философіи, получали по 150 рублей жалованья, — содержаніе крайне скудное даже для того времени. Содержаніе казенно-коштныхъ учениковъ, замѣчаетъ преосвященный Макарій, епископъ Орловскій, ограничивалось пищею и помѣщеніемъ, на одежду выдавалось только сиротамъ по нѣсколько денегъ. Кто могъ пѣть и читать въ приходскихъ церквахъ, и особливо если отличался чистописаніемъ, тотъ только и могъ добывать себѣ на безбѣдное содержаніе. Произношеніе по домамъ праздничныхъ стиховъ, рѣчей и діалоговъ было въ обыкновеніи и доставляло иногда бѣднымъ ученикамъ насущный хлѣбъ. Ученики, не имѣвшіе у себя кондицій, носили у нѣкоторыхъ хозяевъ воду, рубили дрова и были вмѣсто чернорабочихъ-поденщиковъ. По недостатку въ содержаніи, а иногда и по одному обыкновенію, студенты обращались съ просьбами о зачисленіи за ними того или другаго мѣста, а иные, взрослые, были даже женаты. Бѣгство изъ семинаріи, нетрезвое поведеніе, воровство и кулачные бои совершались нерѣдко. Свидѣтельство преосвященнаго Макарія относится, главнымъ образомъ, къ Нижегородской семинаріи, а между тѣмъ эта семинарія была первая по своему учрежденію и едва-ли не первая по своему внутреннему порядку и по методу преподаванія [2]). Что-же творилось въ

---

[1]) „Изъ прошлаго“. „Русскій Вѣстникъ“, т. 74, стр. 447.

[2]) См. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1849 г. № 68; также „Очеркъ исторіи Псковской семинаріи“ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей, годъ 1866, книга I.

[illegible]альныхъ духовныхъ училищахъ? Безъ сомнѣнія, и тутъ упадокъ и деморализація проявлялись въ различныхъ степеняхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что духовныя учебныя заведенія не имѣли ни систематической организаціи, ни правильности и полноты въ учебныхъ курсахъ. Каждая семинарія управлялась по своему. Все зависѣло отъ личности епархіальнаго начальника: заботился онъ объ училищахъ, дѣло шло лучше, не заботился, и деморализація достигала до своихъ крайнихъ предѣловъ.

Въ духовной школѣ, говоря вообще, господствовалъ старый схоластическій методъ преподаванія. Старые учебники, освященные временемъ, пользовались непоколебимымъ авторитетомъ. Риторика, логика, философія считались главнѣйшими предметами обученія; математика, исторія, географія преподавались крайне поверхностно; за то обученіе древнимъ языкамъ, въ особенности латинскому, шло превосходно. Главнымъ образомъ, благодаря этому обученію, а, быть можетъ, и всей суровой обстановкѣ школы, изъ духовныхъ училищъ выходили [illegible], усидчивые, неустанно преслѣдующіе цѣль, умѣющіе [illegible], какъ слѣдуетъ, за [illegible] умственную работу. [illegible] выходили такіе [illegible] и [illegible] широ[illegible] математики и [illegible] М[illegible] какъ [illegible]

[illegible]

неслась бы съ сочувствіемъ и энтузіазмомъ къ дѣлу возрожденія и очищенія русской Церкви, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, если-бы въ воспитаніи Александра отведено было надлежащее мѣсто религіозному элементу. Но мы видѣли, какое значеніе имѣлъ этотъ элементъ во всемъ умственномъ и нравственномъ развитіи Александра. Александръ былъ человѣкъ высоко гуманный, но онъ не былъ человѣкъ религіозный; онъ былъ преисполненъ наилучшими намѣреніями, но онъ не имѣлъ точнаго и яснаго представленія ни о значеніи православной Церкви для жизни народа русскаго, ни объ устройствѣ этой Церкви, ни объ ея нуждахъ и страданіяхъ. Что же удивительнаго, если онъ отнесся къ этой Церкви съ своимъ обычнымъ благоволеніемъ, но не съ достаточнымъ и сердечнымъ вниманіемъ и съ самымъ легкимъ, поверхностнымъ знаніемъ дѣла,—что, стоя на почвѣ вѣротерпимости, столь близкой къ индифферентизму, онъ заботился о православной русской Церкви, но заботился столько-же, сколько заботился и о церквахъ иновѣрческихъ, о протестантской, напр., католической и даже о мусульманскомъ обществѣ.

Верховное управленіе русскою Церковью сосредоточивалось со временъ Петра Великаго въ Святѣйшемъ Сунодѣ. Въ какомъ же положеніи находилась эта высшая правительственная власть русской Церкви въ началѣ царствованія Александра I? Предсѣдателемъ высокой сунодальной коллегіи былъ митрополитъ Новгородскій и Петербургскій Амвросій. Совершенно случайныя обстоятельства и извѣстная доля нравственнаго мужества открыли Амвросію, человѣку не особенно даровитому и не особенно образованному, путь къ самымъ высшимъ церковнымъ должностямъ [1]). Сынъ бѣднаго священника, заурядный ученикъ, а затѣмъ невыдающійся пре-

[1]) Говоря о личности Амвросія Подобѣдова, мы не должны придавать безусловнаго значенія показаніямъ Яковлева. Что Яковлевъ былъ человѣкъ прямой и честный, какъ замѣчаетъ это издатель его записокъ, не можетъ заставить насъ забыть того обстоятельства, что онъ былъ личный врагъ митрополита и другихъ членовъ Св. Сунода и что его записки суть не что иное, какъ памфлетъ или обвинительный актъ, направленный противъ этихъ враговъ.

подаватель семинаріи, потомъ безвѣстный монахъ, Амвросій отважился сказать надгробное слово надъ прахомъ убитаго разъяренною чернью архипастыря Московскаго Амвросія, въ то самое время, когда страшная зараза и бѣшеная толпа царствовали еще въ древней столицѣ Россіи и когда никто изъ высшихъ представителей духовенства не рѣшался говорить и рисковать своею жизнію при такихъ обстоятельствахъ. Этимъ, во всякомъ случаѣ, недюжиннымъ подвигомъ онъ сразу обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины и вступилъ на путь высшихъ духовныхъ степеней. Амвросій вовсе не былъ, впрочемъ, великимъ проповѣдникомъ; его проповѣди, дошедшія до насъ, вовсе не блещутъ выдающимися достоинствами; но онъ былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, умѣвшій припароваться къ потребностямъ среды, къ вкусамъ времени, къ привычкамъ сильныхъ міра сего. Назначенный епископомъ въ Казань, Амвросій умѣлъ сойтись тамъ съ дворянствомъ и высшимъ обществомъ. Своею пышностью, употребляемою при богослуженіи, своею свѣтскою ловкостью, своею широкою жизнью, своими веселыми лѣтними вечерами на архіерейской дачѣ, носившей не совсѣмъ подходящее имя Іерусалима, — вечерами, куда съѣзжались всѣ высшіе представители казанскаго общества, помѣщики и люди чиновные съ женами и дочерьми, — онъ снискалъ себѣ громкую популярность и вновь обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины. Екатерина любила веселыхъ и свѣтскихъ архіереевъ; ей нравилось, когда архіереи сходились съ дворянствомъ. Узнавъ объ образѣ жизни и популярности Амвросія, она вызвала его въ Петербургъ для присутствованія въ Сѵнодѣ, осыпала милостями и подарками. Амвросій находился въ Петербургѣ и въ моментъ вступленія на престолъ императора Павла. [illegible] [illegible] [illegible] са- [illegible] [illegible] Императоръ Павелъ [illegible] [illegible] государей, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

лись съ негодованіемъ къ этому нововведенію [1]. Платонъ, митрополитъ Московскій, открыто протестовалъ противъ пожалованія орденовъ духовнымъ лицамъ и подвергся за то сильному гнѣву своего августѣйшаго ученика. Далеко не такъ рѣшительно поступилъ митрополитъ Петербургскій, Гавріилъ. Онъ долго недоумѣвалъ, сообразно-ли съ его саномъ быть орденскимъ кавалеромъ и надѣлъ голубую ленту не прежде, какъ получилъ рѣшительный приказъ государя. Совершенно иначе поступилъ ловкій и свѣтскій Амвросій. Въ самый день пожалованія его въ Александровскіе кавалеры, ему пришлось по очереди служить панихиду надъ тѣломъ императрицы. Онъ явился въ Зимній дворецъ въ бархатной рясѣ съ пришитою къ ней звѣздою и съ красною лентою черезъ плечо. Павелъ остался чрезвычайно доволенъ и съ тѣхъ поръ карьера Амвросія была обезпечена. Уже въ 1799 году онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа Петербургскаго и назначенъ первоприсутствующимъ въ Св. Сунодѣ, а спустя годъ послѣ того утвержденъ въ высокомъ санѣ митрополита. На этомъ новомъ высокомъ поприщѣ Амвросій остался тѣмъ-же свѣтскимъ и ловкимъ человѣкомъ, какимъ былъ онъ и первоначально. Интересы чисто церковные, религіозные стояли для него, очевидно, на второмъ планѣ. Онъ былъ человѣкъ, въ сущности, добрый, но въ тоже время легкомысленный и откровенный до болт-

---

[1] „Это, замѣчаетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, завелось при Павлѣ. Ни Петръ I, ни Екатерина II, оба великіе, не жаловали монаховъ, ни лекарей въ конники (имя кавалеръ происходитъ отъ слова cavallo—конь, лошадь). Они справедливо разсуждали, что званія сіи носятъ на себѣ врачи душъ и тѣлесъ человѣческихъ, и что первые изъ нихъ смиренномудріемъ и благочестіемъ, а другіе искусствомъ науки своей и человѣколюбивымъ о больныхъ попеченіемъ должны пріобрѣтать почтеніе и любовь народную. Димитрій Ростовскій, Гермогенъ, Палицынъ не были кавалерами, но память ихъ не престанетъ гремѣть и благословляться между потомками. Платонъ при письмѣ возвратилъ Павлу присланный отъ него Александровскій орденъ, сказавъ, что при божественномъ на груди его знакѣ Христа Спасителя другіе свѣтскіе знаки отличія не могутъ быть совмѣстны; но Павелъ съ гнѣвомъ и угрозами принудилъ его принять [illegible]. Сожалѣтельно, что сей достопочтенный архипастырь не возобновилъ о семъ, [illegible] и безуспѣшно, представленія своего Александру I". Шишковъ, Записки, гр. 5 и 86.

ливости. Онъ былъ большой поклонникъ искусства и собралъ великолѣпную коллекцію картинъ [1]). Страсть къ пышности и роскошной обстановкѣ вводила его въ огромные расходы, причиняла ему страшныя непріятности, послужила, наконецъ, причиною его окончательнаго паденія, но онъ никакъ не могъ отречься отъ нея. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Амвросій смотрѣлъ сквозь пальцы на злоупотребленія, давно уже вкравшіяся въ сунодальное дѣлопроизводство, и, какъ утверждали враги его, дѣлился даже съ своими сочленами и секретарями различными излишками, въ томъ числѣ и громадною суммою въ 100,000 рублей, остававшеюся ежегодно отъ 1.400,000 рублей, ассигнованныхъ на содержаніе духовнаго департамента. Относясь вообще крайне безучастно къ дѣламъ церковнымъ и являясь ожесточеннымъ врагомъ всякихъ преобразованій не столько, впрочемъ, изъ нерасположенности къ нимъ, сколько изъ лѣни, Амвросій сохранялъ, однако-же, и въ это время то нравственное мужество, которому онъ былъ обязанъ своимъ первоначальнымъ возвышеніемъ. Его смѣлый образъ дѣйствій по отношенію къ могущественному временщику Палену [2]) вызвалъ въ свое время всеобщее изумленіе и обратилъ на него благосклонное вниманіе самого императора Александра. Быть можетъ, эта самая черта въ характерѣ Амвросія дала ему возможность сохранять такъ долго свое выдающееся положеніе, не смотря на всѣ свои недостатки и упущенія, хорошо извѣстные государю.

Какъ-бы то ни было, но и остальные члены Сунода не могли, по своимъ личнымъ качествамъ, восполнять недостатки митрополита и направлять его на настоящій путь. Тутъ за-

---

[1]) Пополненію этой коллекціи содѣйствовалъ, между прочимъ, и оберъ-прокуроръ Яковлевъ. Исторія о Рубенсовой Мадоннѣ, подаренной имъ Амвросію, свидѣтельствуетъ, что Яковлевъ пытался одно время сойтись съ митрополитомъ. Результатъ былъ, однако, печальный: „понравилась ему у меня Рубенсовой работы Богоматерь, стоющая 1,000 р.; тотчасъ я ему оную подарилъ; она у него и до днесь виситъ на стѣнѣ, но онъ за то не сталъ тише". Записки Яковлева, стр. 94.

[2]) См. между прочимъ: Морошкинъ, „Іезуиты въ Россіи", т. II, стр. 13, 14; Bernhardi, Geschichte Russlands. T. 2, 2 я часть, стр. 452.

сѣдали во-первыхъ такіе нѣмые члены, какъ Варлаамъ Грузинскій [1]), почти вовсе не знавшій русскаго языка,—какъ духовникъ государя, протопресвитеръ Петровичъ, человѣкъ старый, больной, преклонявшійся во всемъ передъ митрополитомъ, — какъ племянникъ Амвросія, Павелъ Яковлевичъ Озерцковскій [2]), „оберъ-священникъ арміи и флота“, само собою понятно, покорное орудіе своего дяди. Тутъ былъ затѣмъ человѣкъ совершенно иного закала—Ириней, архіепископъ Псковскій [3]), замѣчательный ученый, превосходный знатокъ греческаго языка, переводчикъ Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина и другихъ отцовъ Церкви, авторъ толкованій на разныя библейскія книги. Ириней былъ человѣкъ вполнѣ кабинетный. Мало знакомый съ дѣлами, добрый, мягкій, онъ неспособенъ былъ противорѣчить въ чемъ-бы то ни было митрополиту и покорно подписывалъ все, что предлагали ему.

Наиболѣе выдающимся членомъ Св. Сvнода, при воцареніи императора Александра, былъ архіепископъ Ярославскій Павелъ. Человѣкъ замѣчательно даровитый, но въ тоже время вспыльчивый и непреклонный характеромъ, неуживчивый Павелъ, по словамъ своихъ враговъ, былъ не только мстителенъ и корыстолюбивъ, но также золъ, скрытенъ и великій мастеръ въ интригахъ [4]). Вмѣстѣ съ митрополитомъ онъ яв-

---

[1]) Яковлевъ, оберъ-прокуроръ Св. Сvнода, характеризуетъ его такимъ образомъ: „Варлаамъ Грузинскій, пресмыкающійся въ Невскомъ монастырѣ, на хлѣбахъ у митрополита, не имѣя что ѣсть, какъ безмолвная кукла, которую митрополитъ посадилъ членомъ, дабы имѣть вмѣсто одного два голоса. Онъ во все время присутствованія (1801—1808 года) не отверзалъ устъ. На грузинскомъ языкѣ, можетъ быть, и уменъ, но по-русски подписываетъ, не читая, что ни велитъ митрополитъ“.

[2]) Яковлевъ называетъ Озерцковскаго лукавымъ и наглымъ попомъ и объясняетъ всѣ его дѣйствія самыми низкими и корыстными побужденіями. Записки, стр. 102. Духовникъ государя, по словамъ Яковлева, былъ добрый и глупый человѣкъ, чрезмѣрно преданный бахусу. Записки, 103 стр.

[3]) Иринея Яковлевъ называетъ человѣкомъ добрымъ, но упрекаетъ его также въ нетрезвости и въ полнѣйшей зависимости отъ митрополита. Приводимъ всѣ эти отзывы, между прочимъ, и для характеристики манеры Яковлева.

[4]) Яковлевъ слѣдующимъ образомъ сравниваетъ Павла и Амвросія: „Павелъ Ярославскій ничѣмъ не лучше перваго, также мстителенъ, корыстолюбивъ, при-

лялся главнымъ заправилою всѣхъ синодскихъ дѣлъ, быть можетъ, даже главнѣйшимъ виновникомъ всѣхъ упущеній и злоупотребленій.

Чрезвычайно важное мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода, при вступленіи на престолъ Александра I, занималъ графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, извѣстный авторъ неуклюжихъ и нелѣпыхъ стихотвореній, вызывавшихъ тогда всеобщія насмѣшки. Обязанный своимъ высокимъ положеніемъ простому случаю,—онъ былъ женатъ на племянницѣ знаменитаго Суворова,—Хвостовъ былъ оберъ-прокуроромъ только по имени, никогда не занимался дѣлами и предоставлялъ все или самимъ членамъ, или оберъ-секретарямъ. Изъ этихъ послѣднихъ пользовался особеннымъ значеніемъ Пуколовъ, любимецъ Амвросія, какъ увѣряютъ современники, человѣкъ не честный и страшный взяточникъ.

Таковъ былъ личный составъ Св. Синода въ началѣ царствованія императора Александра I. Само собою понятно, что ни митрополитъ Амвросій, ни его духовные сочлены, ни свѣтская прокуратура не въ состояніи были принять на себя починъ въ дѣлѣ нравственнаго и матеріальнаго поднятія русской Церкви и русской церковной школы. Довольные настоящимъ положеніемъ дѣлъ, они готовы были скорѣе мѣшать всякимъ нововведеніямъ, тормозить всякую попытку преобразованія, нежели сочувствовать имъ. Иное дѣло высшая государственная власть, иное дѣло верховный представитель ея, императоръ Александръ I. Какъ ни слабо было религіозное чувство Александра въ первые годы его царствованія, какъ ни мало придавалъ онъ значенія вопросамъ чисто церковнымъ, но все-же отъ его вниманія не могли укрыться такія печальныя и вопіющія явленія, какъ безправное и бѣдственное положеніе массы православнаго духовенства, какъ жалкое, почти нищенское положеніе церковной

верженъ къ разнымъ порокамъ, какъ и митрополитъ. Но первый не уменъ, малоученъ, легкомысленъ, расположенъ къ мягкосердію и откровененъ даже до болтливости; второй—чрезвычайно золъ, скрытенъ, упрямъ, лукавъ, уменъ, многосвѣдущъ, а наипаче въ приказныхъ ябедахъ". Записки, стр. 102.

школы. Уже въ 1802 году, въ то самое время, когда начато было преобразованіе свѣтскихъ училищъ, въ дружественномъ либеральномъ кружкѣ, окружавшемъ императора, заговорили впервые о необходимости преобразовать духовныя училища, а также улучшить положеніе духовенства. Положено было подготовить сначала почву для этихъ преобразованій въ самомъ Сѵнодѣ. Никуда негодный Хвостовъ уволенъ былъ съ почетомъ въ отставку и должность оберъ-прокурора была предоставлена дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Алексѣевичу Яковлеву, рекомендованному государю всемогущимъ тогда Новосильцевымъ.

Яковлевъ былъ человѣкъ энергическій, свѣдущій, дѣятельный, но въ тоже время настоящій бюрократъ, чиновникъ съ головы до ногъ. Порядокъ, законность, форма стояли для него на первомъ планѣ. Властолюбіе его не знало границъ, въ вспыльчивости, въ мстительности онъ не уступалъ злѣйшему своему врагу, епископу Павлу. Его записки, въ которыхъ онъ выставляетъ себя мученикомъ, единственнымъ честнымъ человѣкомъ среди сонма грабителей и разбойниковъ, пропитаны ядовитою желчью, содержатъ въ себѣ настоящій обвинительный актъ противъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода. На свою задачу оберъ-прокуроръ смотрѣлъ, какъ на задачу слѣдователя и разоблачителя преступленій. Онъ открылъ дѣйствительно не мало упущеній и злоупотребленій, но своими частыми доносами надоѣлъ, наконецъ, государю и былъ уволенъ въ отставку уже по прошествіи девяти мѣсяцевъ [1]).

Какъ мало интересовался тогда императоръ церковными дѣлами, видно изъ того, что почти всѣ открытія и доносы Яковлева остались безъ важныхъ послѣдствій. Одинъ только Павелъ Ярославскій, дѣйствовавшій уже слишкомъ неосторожно въ препирательствахъ съ оберъ-прокуроромъ, удаленъ былъ отъ присутствованія въ Сѵнодѣ. Все остальное осталось по старому. Яковлевъ, на ряду съ дѣлами мелочными, подымалъ, впрочемъ, и одинъ вопросъ большой важности. Одно время, съ представленіемъ о новомъ изданіи регламен-

[1]) См. Записки Яковлева, стр. 103—112.

слѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій [1]). Въ его рукахъ соединены были, такимъ образомъ, всѣ духовные интересы разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія имперіи. Охранѣ одного и того-же лица подчинена была, на ряду съ католичествомъ, лютеранствомъ, исламомъ, и православная господствующая Церковь. Явленіе любопытное, бросающее яркій свѣтъ на тогдашній образъ мыслей императора Александра и выдающихся его совѣтниковъ! Кто-же такой былъ князь Голицынъ и какихъ убѣжденій держался онъ? [2]) Молодому сановнику было въ то время около тридцати лѣтъ. Высшему петербургскому обществу онъ былъ извѣстенъ своими безукоризненными свѣтскими манерами, своими успѣхами на паркетѣ, остротами, бойкостью рѣчи и щегольствомъ. Обязанный своимъ возвышеніемъ и всею своею карьерою тому чисто случайному обстоятельству, что онъ, еще въ дѣтствѣ попавъ въ число сверстниковъ Александра, пріобрѣлъ уже тогда его личное расположеніе и съумѣлъ удержать его навсегда, князь Александръ Николаевичъ изучилъ лишь одну науку царедворскую. Не было ему равнаго въ искусствѣ хитрить, лавировать между лицами и партіями. Онъ не зналъ основательно ничего и не имѣлъ, строго говоря, никакихъ собственныхъ убѣжденій. У другихъ совѣтниковъ Александра были свои политическіе и философскіе идеалы. Новосильцовъ и Кочубей были, напримѣръ, англоманы и мечтали перестроить Россію на англійскій образецъ. Сперанскій былъ большой поклонникъ Наполеоновскаго кодекса и стройной системы французской бюрократіи. У князя-же Голицына не было ровно никакихъ опредѣленныхъ идей, за исключеніемъ, быть можетъ, какого-то общаго, неяснаго стремленія просвѣщать и цивилизовать. Въ религіозномъ отношеніи Голицынъ былъ настоящій младенецъ, онъ не имѣлъ никакого яснаго понятія ни о православіи, ни о другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Въ головѣ его,

---

1) Въ 1810 г.

2) О Голицынѣ, кромѣ Пыпина и другихъ, см. также Морошкина, „Іезуиты въ Россіи“, т. II, стр. 30, и Peter von Goetze, Fürst Alexander Nikolajewitsch Galizin und seine Zeit. Leipzig 1882 г.

та духовнаго, онъ высказалъ мысль о необходимости напечатать всѣ книги Св. Писанія на общепонятномъ русскомъ языкѣ. Какъ же отнесся государь къ этой столь дорогой, столь завѣтной для него впослѣдствіи мысли? Очевидно, что книга книгъ не имѣла въ это время для Александра и сотой доли того значенія, которое получила она для него въ тяжкую годину испытанія, въ тѣ страшныя минуты, когда тщета всѣхъ силъ и средствъ человѣческихъ предстала предъ нимъ во всей своей страшной наготѣ. Когда Яковлевъ доложилъ о своемъ проектѣ государю, то Александръ далъ ему понять, что рѣшеніе этого дѣла зависитъ исключительно отъ Сѵнода. Самъ съ своей стороны онъ не усматривалъ препятствія къ переводу и изданію Библіи, но относился ко всему этому предпріятію съ видимымъ равнодушіемъ [1]). Митрополитъ Амвросій, къ которому обратился вслѣдъ затѣмъ Яковлевъ, встрѣтилъ его проектъ съ открытымъ недоброжелательствомъ. Если вѣрить оберъ-прокурору, то Амвросій не нашелъ иныхъ возраженій противъ его доводовъ, кромѣ того, что непонятный языкъ Библіи казался ему даже необходимымъ условіемъ для охраненія чистоты Св. Писанія, что онъ считалъ нужнымъ держать народъ въ ослѣпленіи [2]). Мы не знаемъ, какъ посмотрѣлъ Александръ на такіе доводы митрополита, но уже одно то обстоятельство, что онъ удовлетворился ими, ясно показываетъ, на какой степени религіознаго развитія находился въ то время Александръ.

Мѣсто Яковлева замѣщено было въ скоромъ времени однимъ изъ ближайшихъ друзей и любимцевъ государя, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Назначе... [illegible] ...рактерное и знаменательное во всѣхъ отношеніяхъ! Г... ...лъ назначенъ сначала оберъ-прокуроромъ.

...дивалъ я о томъ государю, и онъ изволилъ от... найдетъ въъ томъ противнаго, то онъ съ своей с... ствовать". Записки, стр. 101.

...трополитъ не нашелъ, однакожъ, иного опр... ...какъ только, что самое то мистическое с... ...зыка) есть необходимѣйшее для народ... необходимо нужно содержать въ ослѣп...

по вѣрному замѣчанію Морошкина, уживались всевозможныя религіозныя вѣрованія, какъ-бы противорѣчивы они ни были. Онъ попадалъ, то и дѣло, въ руки различныхъ сектантовъ и шарлатановъ, служилъ, самъ не сознавая того, орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Какую роль могъ играть подобный человѣкъ во главѣ Синода? Какъ любимецъ и довѣренное лицо государя, онъ могъ выступать, разумѣется, съ несравненно большимъ авторитетомъ, нежели его предшественникъ, могъ легко и скоро положить предѣлъ всякимъ препирательствамъ и всякой оппозиціи; но пойти далѣе этого, явиться руководителемъ въ дѣлахъ болѣе важныхъ, какъ напримѣръ въ вопросахъ объ улучшеніи быта духовенства или поднятія церковной школы, онъ былъ не въ состояніи.

Первый изъ этихъ вопросовъ, хотя и, быть можетъ, наиболѣе настоятельный, былъ, правда, поднятъ оффиціально, но оставленъ безъ всякаго разрѣшенія; второй былъ подвинутъ послѣ долгихъ тщетныхъ усилій и проектовъ значительно впередъ, но не княземъ Голицынымъ, а другимъ болѣе сильнымъ человѣкомъ, Сперанскимъ. Благодаря неутомимой дѣятельности Сперанскаго и его организаторской способности, найдены были, наконецъ, достаточныя денежныя средства для преобразованія и поднятія духовныхъ училищъ, составленъ и утвержденъ самый планъ преобразованія, приступлено даже къ его практическому осуществленію. Императоръ Александръ отнесся сочувственно къ начатой реформѣ, но мы-бы совершенно ошиблись, если-бы вздумали предполагать, что это сочувствіе вытекало у него изъ религіознаго источника. Императоръ смотрѣлъ на это дѣло точно также, какъ и Сперанскій, т. е. исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы. Преобразованныя церковныя школы должны были приготовлять годныхъ чиновниковъ, людей болѣе крѣпкаго закала, нежели тѣ, которыхъ давали только что возникающія высшія свѣтскія училища. Интересъ государства, интересъ создаваемой имъ бюрократіи, стоялъ для Сперанскаго положительно выше интереса церковнаго. Къ этому послѣднему великій дѣятель, вышедшій изъ среды духовенства, относился съ замѣчательною холодностью. Какъ

мало понималъ онъ духъ православной Церкви и міросозерцаніе народа русскаго, видно изъ того, что онъ хлопоталъ о введеніи въ Россіи гражданскаго брака на образецъ Франціи. Какъ безразлично относился онъ къ печальному и во многихъ отношеніяхъ безправному положенію того сословія, изъ котораго вышелъ онъ самъ, ясно изъ того, что онъ не сдѣлалъ ничего для устраненія того неестественнаго положенія, въ силу котораго духовенство господствующей Церкви поставлено было во всѣхъ отношеніяхъ далеко не такъ выгодно, какъ служители не только другихъ христіанскихъ исповѣданій, но даже и самаго мусульманства.

Указывая на это послѣднее обстоятельство, мы касаемся, быть можетъ, одной изъ важнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ чертъ всей религіозной системы первой половины царствованія Александра I. Что русское правительство этой эпохи блюло во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе интересы лютеранскихъ пасторовъ, католическихъ ксендзовъ и татарскихъ муллъ, нежели интересы православнаго духовенства, вытекало, разумѣется, всецѣло изъ того философскаго принципа вѣротерпимости, который лежалъ въ основѣ всего міровоззрѣнія императора Александра и его выдающихся совѣтниковъ. Религія занимала, очевидно, во всей ихъ системѣ мѣсто второстепенное, она должна была служить цѣлямъ, въ сущности, ей чуждымъ,—цѣлямъ частью чисто государственнымъ, частью образовательнымъ. Разсматриваемая съ такой точки зрѣнія всякая религія, всякая церковь, за исключеніемъ грубаго шаманизма, являлась одинаково полезною и необходимою, заслуживала одинаковаго поощренія и поддержки. Особеннымъ покровительствомъ должны были пользоваться, по этому взгляду, тѣ церковныя учрежденія и общества, которыя обладали наибольшею образовательною силою, которыя могли болѣе содѣйствовать правительству въ его цивилизаторскихъ, просвѣтительныхъ стремленіяхъ. Лютеранскіе пасторы были образованнѣе, по ходячему мнѣнію, православныхъ священнослужителей; естественно, что они должны были пользоваться бо́льшими правами и льготами, нежели эти послѣдніе. И вотъ, мы видимъ, что пасторы въ остъ-зейскихъ

губерніяхъ имѣли свои имѣнія, что въ пользу ихъ установлены были особые сборы съ прихожанъ, что отъ этихъ сборовъ не освобождены были даже православные обыватели края. Римско-католическое духовенство пользовалось также, и опять въ силу того-же культурнаго преимущества, полною автономіею, широкими привиллегіями, владѣло колоссальною поземельною собственностью и сотнями тысячъ крѣпостныхъ.

Что вѣротерпимость русскаго правительства вытекала изъ указаннаго выше источника, что вѣротерпимость эта походила, какъ одна капля воды на другую, на индифферентизмъ, сомнѣваться въ этомъ мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго основанія, если обратимъ вниманіе на одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ церковной политики императора Александра, на его отношенія къ ордену іезуитовъ [1]. Какъ ученикъ Лагарпа, какъ питомецъ философіи XVIII вѣка, Александръ не могъ, повидимому, относиться сочувственно къ общинѣ Игнатія Лойолы, а прошлая исторія іезуитовъ въ Россіи, баснословные подвиги, совершенные ими въ два предшествующія царствованія, должны были, казалось, побудить его отнестись къ отцамъ іезуитамъ, если и не съ враждою, то, по крайней мѣрѣ, съ величайшею осторожностью и бдительностью. Александръ и его совѣтники должны были, разумѣется, знать, какъ мало сочувствовала Екатерина Великая ордену іезуитовъ и какъ ловко съумѣли однако-же обойти знаменитую императрицу почтенные сыны Лойолы. Іезуиты облеклись тогда такъ искусно въ покровъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ россійской самодержицы, что Екатерина, предписывавшая вначалѣ своимъ намѣстникамъ во вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши краяхъ наблюдать съ особеннымъ вниманіемъ за іезуитами, этими коварнѣйшими изъ всѣхъ латинскихъ монаховъ, вскорѣ начала считать ихъ сама за пер-

[1] „Исторія іезуитскаго ордена въ Россіи разработана самымъ подробнымъ и тщательнымъ образомъ Морошкинымъ въ его „Исторіи іезуитовъ въ Россіи". Кромѣ того имѣетъ еще значеніе исторія католицизма въ Россіи Толстаго, томъ 2-й. Бернгарди въ своей „Исторіи Россіи" пользуется почти исключительно Морошкинымъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ историкъ іезуитовъ, Кретино-Жоли. См. также статьи Пыпина и другихъ.

выхъ сторонниковъ Россіи, взяла подъ свое покровительство ихъ орденъ и запретила обнародовать въ своей имперіи папскую булу, обрекавшую на уничтоженіе ихъ орденъ.

Еще дальше пошли іезуиты при преемникѣ Екатерины, Павлѣ Петровичѣ. Уже они нашли возможность свить себѣ гнѣздо въ Петербургѣ; уже наиболѣе ловкій изъ нихъ, патеръ Груберъ [1]), успѣлъ проникнуть въ близкій кружокъ императорской семьи, сдѣлаться близкимъ и довѣреннымъ лицомъ самого императора Павла. Трудно представить себѣ болѣе искуснаго и ловкаго человѣка, какъ этотъ знаменитый въ свое время іезуитъ. Родомъ австріецъ, членъ Полоцкой коллегіи іезуитовъ, онъ является въ Петербургъ подъ маскою ученаго, предлагаетъ на разсмотрѣніе академіи наукъ изобрѣтенный имъ ткацкій станокъ, втирается во всѣ аристократическіе кружки столицы, проникаетъ наконецъ, въ качествѣ случайнаго зубнаго врача, во дворецъ и предлагаетъ свои услуги императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Цѣлебныя средства патера оказали чудодѣйственное дѣйствіе [2]). Императрица излѣчилась отъ зубной боли и благодарный Павелъ хотѣлъ наградить іезуита орденомъ. Отецъ Груберъ съ благодарностью отклонилъ предложенную ему высокую честь, но онъ добился въ тоже время несравненно высшаго: онъ сдѣлался близкимъ и довѣреннымъ лицомъ Павла; кабинетъ государя былъ открытъ для него во всякое время. Утвердившись въ милости императора, о. Груберъ старался постепенно и незамѣтно впушить ему самое высокое понятіе о всеспасающемъ значеніи братства Іисуса въ страшныя эпохи

---

[1]) О Груберѣ, кромѣ Морошкина, см. Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich von Wurzbach, 5 Theil, гдѣ помѣщена подробная біографія знаменитаго патера. Другіе источники перечислены у Морошкина, т. I, стр. 367.

[2]) Груберъ былъ, что говорится, мастеръ на всѣ руки. Въ Полоцкомъ коллегіумѣ онъ преподавалъ архитектуру, механику, физику и обогатилъ тамошній физическій кабинетъ многими инструментами своего изобрѣтенія. Въ тоже время онъ былъ математикъ, историкъ, химикъ, музыкантъ, кандитеръ (Павелъ былъ въ восторгѣ отъ шоколада, который приготовлялъ ему собственноручно Груберъ), языковѣдъ и живописецъ. Наружность Грубера была самая типическая: маленькая сутуловатая фигура, огромная, заостренная къ верху голова, сверкающіе, вѣчно опущенные глаза, скромная, какъ-будто робкая поступь. Такъ изображаютъ его очевидцы.

всеобщаго шатанія и революціонныхъ бурь. Одни іезуиты, доказывалъ онъ, могутъ возвратить умамъ утраченную стойкость и нравственность, одни они могутъ воспитать юношество въ духѣ смиренія и повиновенія властямъ предержащимъ, одни они могутъ воскресить исчезнувшее уваженіе къ существующей государственной власти, къ законнымъ, освященнымъ вѣками формамъ, учрежденіямъ, правамъ. Чтобы спасти общество, чтобы предупредить проникновеніе революціоннаго яда въ Россію, надо, слѣдовательно, предоставить прежде всего воспитаніе знатнаго русскаго юношества іезуитамъ. Что можетъ помѣшать іезуитамъ дѣйствовать и въ Россіи на поприщѣ воспитанія также благотворно, какъ дѣйствовали они въ свое время въ другихъ странахъ? Развѣ отцы іезуиты могутъ чѣмъ-либо повредить интересамъ господствующей греко-россійской Церкви,—развѣ ученіе и догматика этой Церкви расходятся въ чемъ-либо существенномъ съ римскимъ католицизмомъ,—развѣ рознь, возникшая между ними, не отличается чисто внѣшнимъ іерархическимъ характеромъ,—развѣ обѣ христіанскія церкви, восточная и западная, не обязаны соединить всѣ свои силы для отпора одному общему врагу ихъ—духу отрицанія, невѣрія, революціи?

Проповѣди и внушенія о. Грубера падали на хорошо подготовленную почву. И императоръ Павелъ, и русская знать не могли сомнѣваться въ непреложности доводовъ ученаго и ловкаго патера. Это было то время, когда страхъ передъ революціею заступилъ мѣсто прежняго страха передъ вѣчными муками ада, когда забота о спасеніи земныхъ благъ и преимуществъ оттѣснили на второй планъ заботу о спасеніи душъ. Вскорѣ о. Груберъ началъ казаться императору настоящимъ оракуломъ премудрости, вскорѣ онъ началъ выслушивать его мнѣнія даже въ первостепенныхъ вопросахъ чисто политическаго свойства. Молва о вліяніи, о силѣ о. іезуита быстро разнеслась по всему міру, сильные и сильнѣйшіе міра сего начали заискивать Грубера. Самъ первый консулъ французской республики, страшный Наполеонъ Бонапарте, обращался съ собственноручными письмами къ Груберу, убѣждалъ его содѣйствовать въ видахъ религіи сближенію между Р

сіею и Франціею. О. Груберъ внялъ этимъ просьбамъ. Съ своей стороны онъ сдѣлалъ все для устройства русско-французскаго соглашенія и оказалъ тѣмъ, по свидѣтельству новѣйшаго апологета и историка ордена іезуитовъ, Кретино-Жоли [1]), двойную услугу католицизму и возстановителю алтарей во Франціи.

Содѣйствуя, такимъ образомъ, рѣшенію вопросовъ высшей политики, о. Груберъ не упускалъ въ тоже время изъ виду и достиженія своихъ ближайшихъ цѣлей. Прежде всего онъ старался подчинить своему ордену римско-католическую церковь въ Россіи и обратить ее въ покорное орудіе іезуитовъ. Задача нелегкая, особливо если вспомнимъ, что во главѣ этой церкви стоялъ, еще со временъ Екатерины, человѣкъ въ высшей степени энергическій, умный, образованный и притомъ заклятый врагъ іезуитовъ, архіепископъ Могилевскій, Сестренцевичъ-Богушъ [2]). По волѣ Екатерины, подтвержденной затѣмъ самимъ Павломъ, Сестренцевичу-Богушу предоставлены были самыя широкія полномочія; ему подчинены были безусловно всѣ католическіе ордена въ Россіи, въ томъ числѣ и сами іезуиты. Не смотря на безусловную благонамѣренность Сестренцевича, не смотря на искреннюю преданность этого почтеннаго прелата интересамъ Россіи, о. Груберъ нашелъ, однакоже, пути и возможность очернить и оклеветать его въ глазахъ императора. При этомъ самъ іезуитъ оставался въ сторонѣ [3]). Доносы, всевозможныя клеветы на Сестренцевича поступали въ кабинетъ Павла чуть не каждый день; они шли изъ самыхъ различныхъ мѣстъ, въ томъ

---

[1]) Кретино-Жоли прямо выставляетъ Грубера главнымъ совѣтникомъ Павла въ дѣлѣ русско-французскаго союза. Histoire de la campagnie de Jesus, par Cretineau-Joly. T. 5, стр. 499.

[2]) Сестренцевичъ, по своему характеру и образу мыслей, представлялъ единственное исключеніе въ средѣ латинскихъ прелатовъ. Умный, высокообразованный, гуманный, чуждый всякаго фанатизма и нетерпимости, онъ сознавалъ превосходно обязанности гражданина и, будучи католическимъ прелатомъ, съумѣлъ быть въ тоже время вѣрнѣйшимъ подданнымъ русскихъ государей. См. Морошкинъ, т. 2, стр. 48.

[3]) Объ интригѣ противъ Сестренцевича подробнѣе всѣхъ говоритъ Морошкинъ, т. I, стр. 381 и слѣд.

числѣ и изъ Рима. Сестренцевича обвиняли въ подозрительномъ образѣ мыслей, въ ненависти къ монархическому принципу; ему приписывали самые чудовищные революціонные замыслы; утверждали, что онъ стремится подчинить безусловно своей власти всю латинскую іерархію, утвердить свой авторитетъ надъ многочисленнымъ католическимъ населеніемъ Западнаго края Россіи, съ измѣнническою цѣлью отторженія этого края отъ имперіи. Какъ ни лживы были всѣ эти внушенія, но императоръ, подпавшій уже подъ окончательное вліяніе Грубера, мало-по-малу убѣдился въ ихъ основательности. Сестренцевичъ-Богушъ и его покровитель, графъ Растопчинъ, вдругъ впали въ немилость. Растопчинъ былъ удаленъ отъ двора и высланъ въ Москву, Сестренцевичъ выгнанъ внезапно изъ своей квартиры при католической церкви св. Екатерины въ Петербургѣ и ему запрещенъ пріѣздъ ко двору. Вслѣдъ затѣмъ явился императорскій указъ, предоставлявшій церковь св. Екатерины, со всѣми ея пристройками и богатыми доходами, около 18,000 рублей въ годъ, въ полную собственность іезуитовъ. Спустя нѣсколько дней о. Груберъ представилъ императору длинный проскрипціонный списокъ лицъ, осмѣлившихся порицать указъ въ пользу іезуитовъ. Въ спискѣ значилось 27 именъ. Во главѣ всѣхъ фигурировалъ Сестренцевичъ, за нимъ слѣдовали всѣ тѣ члены католическаго департамента, которые осмѣливались высказать свои сомнѣнія по поводу законности передачи церкви св. Екатерины іезуитамъ. Павелъ, не терпѣвшій ни малѣйшаго противодѣйствія своимъ распоряженіямъ, не допускавшій даже мысли о ихъ критикѣ, вышелъ по обыкновенію изъ себя; пробѣжавъ списокъ и выслушавъ коварныя внушенія іезуита, онъ тотчасъ-же распорядился о примѣрномъ наказаніи ослушниковъ своей высочайшей воли. Сестренцевичъ былъ высланъ въ свое имѣніе въ Могилевской губерніи [1]) и водворенъ тамъ подъ строжайшимъ полицейскимъ

[1]) Сестренцевичъ былъ водворенъ сначала въ имѣніи Буйничахъ близъ Могилева, гдѣ онъ пользовался сравнительною свободою; затѣмъ по новымъ навѣтамъ Грубера онъ былъ сосланъ въ м. Малятичи, за 80 верстъ отъ Могилева, гдѣ уже находился подъ строжайшимъ надзоромъ. Морошкинъ, томъ I, стр. 408, 419.

надзоромъ. Ему запрещено было принимать кого-бы то ни было, получать или отправлять письма. Всѣ члены католическаго департамента, рѣшившіеся оспаривать законность императорскаго указа, лишились своихъ мѣстъ и были высланы изъ Петербурга въ отдаленныя губерніи. Самая страшная участь постигла Полоцкаго епископа Одинца, единственно за то, что онъ осмѣлился обратиться къ Сестренцевичу съ сочувственнымъ письмомъ. Его бросили безъ слѣдствія и суда въ равелинъ Петро-Павловской крѣпости [1]). Мѣста всѣхъ удаленныхъ и изгнанныхъ заняты были іезуитами; должность предсѣдателя католическаго департамента предоставлена была, по рекомендаціи Грубера, Могилевскому коадъютору, іезуиту Бениславскому. Груберъ достигъ первой изъ своихъ цѣлей: католическая церковь въ Россіи была подчинена безусловно іезуитамъ.

Новые господа не замедлили воспользоваться своею властью. Прежде всего они издали новый регламентъ для католической церкви въ Россіи [2]). Регламентъ этотъ измѣнялъ самымъ радикальнымъ образомъ существующій порядокъ; онъ наносилъ страшный ударъ епископской власти, освобождалъ изъ-подъ нея всѣ монастыри и монашескіе ордена, возстановлялъ орденскіе капитулы, давалъ монастырямъ право избирать самостоятельно своихъ настоятелей, поручалъ надзоръ за монастырскими имѣніями и монашескою дисциплиною орденскимъ провинціаламъ, избираемымъ самими орденами и отнималъ, въ заключеніе, у епископовъ всякое право суда надъ монахами. Давая такую полную автономію монашескимъ орденамъ, іезуиты имѣли, разумѣется, прежде всего въ виду самихъ себя и положеніе своего ордена. Положеніе это сдѣлалось теперь во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ, исключительнымъ. Новый императорскій указъ давалъ іезуитамъ полномочіе увеличивать, по собственному усмотрѣнію, число своихъ резиденцій и воспитательныхъ заведеній; онъ

---

[1]) См. трогательное письмо Одинца къ генералъ-прокурору Обольянинову у Морошкина, т. I, стр. 416—418.

[2]) Регламентъ этотъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ 1800 г. декабря 11, № 19684.

[illegible]

большинствѣ случаевъ полумѣрами, останавливался на половинѣ пути, подчинялся нерѣдко такимъ вліяніямъ и людямъ, которые были ему противны въ глубинѣ души, къ которымъ онъ относился съ затаенною ненавистью и презрѣніемъ. Іезуиты, и прежде всѣхъ о. Груберъ, отлично знали всѣ эти свойства натуры Александра. Вотъ причина, почему внезапная смерть Павла не произвела въ ихъ лагерѣ такого переполоха, какого слѣдовало, повидимому, ожидать. Іезуиты сожалѣли безъ сомнѣнія о смерти своего благодѣтеля, но они не потеряли ни на одну минуту присутствія духа и смотрѣли въ будущее съ прежнею гордою самоувѣренностью [1]). Въ характерѣ молодаго императора они усматривали не мало хорошихъ предзнаменованій для себя. Они могли бояться лишь того, кто обладаетъ энергіею, силою, рѣшительностью; Александръ не обладалъ въ довольной мѣрѣ ни однимъ изъ этихъ качествъ. Они могли страшиться ударовъ, наносимыхъ рукою твердою и безпощадною, а Александръ былъ прежде всего человѣкъ мягкій и въ высокой степени нерѣшительный. Іезуиты знали также отлично, что молодой императоръ будетъ подчиняться чуждымъ вліяніямъ, что онъ будетъ зависѣть во многомъ, если не во всемъ, отъ взглядовъ и стремленій своихъ приближенныхъ и совѣтниковъ. Іезуиты изучили давно уже и въ совершенствѣ всѣхъ сильныхъ и вліятельныхъ людей при дворѣ; они знали, что въ числѣ этихъ людей есть не мало такихъ, которые относятся къ ордену съ полнымъ сочувствіемъ, а еще больше такихъ, которые, считая себя философами и либералами, относятся ко всѣмъ орденамъ и ко всѣмъ религіямъ въ мірѣ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ. Къ числу болѣе или менѣе искреннихъ друзей іезуитовъ принадлежали всѣ ари-

[1]) Лучшимъ доказательствомъ этой самоувѣренности можетъ служить письмо, съ которымъ обратился Груберъ къ молодому императору тотчасъ-же послѣ его вступленія на престолъ. Въ этомъ письмѣ Груберъ проситъ государя о немедленномъ опубликованіи папскаго бреве о возстановленіи ордена іезуитовъ въ Россіи, проситъ личной аудіенціи для себя и выражаетъ надежду, что Александръ отнесется также благосклонно къ ордену, какъ и его предшественникъ. Письмо Грубера напечатано въ подлинникѣ у Морошкина, т. II, стр. 34—35, примѣчаніе 1.

стократы и придворные польскаго происхожденія, большинство французскихъ эмигрантовъ, итальянскіе выходцы и, наконецъ, тѣ русскіе баричи, которые получили свое воспитаніе у іезуитовъ. Въ этой пестрой, разнохарактерной толпѣ мы встрѣчаемъ такихъ лицъ, которыя пользовались сильнымъ вліяніемъ на императора: стоитъ припомнить лишь имена Чарторыжскаго, Огинскаго, дюка де-Ришелье, де-Местра. Каждый изъ этихъ лицъ былъ настолько близокъ къ государю, что всегда могъ предупредить и устранить всякое рѣшеніе, дѣйствительно гибельное для іезуитовъ. Еще болѣе горячихъ сторонниковъ имѣли іезуиты въ средѣ женской аристократіи; а всякій, знакомый хотя сколько-нибудь съ Александровскою эпохою, знаетъ, что вліяніе знатныхъ, красивыхъ и умныхъ женщинъ не ограничивалось тогда узкими предѣлами салона и двора, а распространялось на самыя важныя сферы общественной и политической жизни. Слѣдуя вѣковымъ преданіямъ своего ордена, іезуиты, съ самаго начала своего водворенія въ Россіи, старались пріобрѣсти себѣ какъ можно болѣе прозелитокъ въ кругу знатныхъ и вліятельныхъ женщинъ. У нихъ были свои спеціалисты по части совращенія русскихъ барынь въ лоно всеспасающей римской церкви; пальма первенства на этомъ, не особенно опасномъ и славномъ, но за то заманчивомъ и пріятномъ поприщѣ принадлежала патеру Розавену [1]). Родомъ бретонецъ, запальчивый, смѣлый до дерзости, совершеннѣйшій ханжа и лицемѣръ, настойчивый до упрямства, широко образованный, тонкій діалектикъ, ярый защитникъ іезуитовъ на литературномъ поприщѣ, Розавенъ велъ дѣло пропаганды, по преимуществу, въ женскомъ аристократическомъ кружку такъ открыто и безстрашно, что приводилъ въ изумленіе даже самыхъ смѣлыхъ іезуитовъ. Трудно сказать, имѣлъ-ли при этомъ іезуитскій герой въ виду одни интересы своей церкви и ордена, хотя всѣ іезуиты единогласно объявляли его человѣкомъ святымъ [2]). Что почтен-

---

*) О Розавенѣ см. Морошкинъ, т. II стр. 144 и слѣд.—Histoire de la campagnie de Jesus par Cretineau-Joly. T. II стр. 62—63, 203. — Гизо, Memoires pour servir a l'histoire de mon temps. T. VII, стр. 388—457.

[2]) Особенно энергично бралъ подъ свою защиту Розавена русскій іезуитъ

ный патеръ не забывалъ при случаѣ и своего собственнаго бреннаго *я*, что его отношенія къ женщинамъ, спасаемымъ имъ отъ вѣчнаго осужденія, отличались подъ-часъ довольно двусмысленнымъ характеромъ, видно изъ того, что въ числѣ его вещей найдены были, между прочимъ, два портфеля съ записочками, волосами, картинками и другими женскими сувенирами, а также нѣсколько писемъ съ подписью: „Катинька Т." (т. е. съ подписью извѣстной аристократической фамиліи).

Какъ-бы то ни было, по благодаря неутомимымъ стараніямъ патера Розавена и другихъ миссіонеровъ, братство Лойолы насчитывало въ средѣ своихъ пріятельницъ цѣлую плеяду прелестныхъ и вліятельныхъ русскихъ дамъ. Извѣстная въ то время красавица, Марья Антоновна Нарышкина, урожденная Четвертинская, была духовною дочерью одного изъ іезуитовъ. Въ случаѣ надобности она употребляла все свое вліяніе въ пользу іезуитовъ, а вліяніе это было не малое, какъ можно убѣдиться въ этомъ изъ мемуаровъ Растопчина. Изъ переписки іезуитовъ мы узнаемъ, что они пользовались покровительствомъ и услугами такихъ женщинъ, какъ: Толстая, Бутурлина, Голицына, Растопчина, Гагарина, Шувалова, Куракина; изъ той-же переписки мы узнаемъ, какимъ громаднымъ вліяніемъ пользовались всѣ эти барыни на своихъ мужей и иныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Итакъ, у іезуитовъ было не мало друзей, и притомъ друзей сильныхъ и вліятельныхъ. Гдѣ же были ихъ враги, откуда могли выйти ихъ обличители? Изъ среды русскаго духовенства? Но духовенство не пользовалось рѣшающимъ вліяніемъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ могъ быть рѣшенъ вопросъ о судьбѣ іезуитовъ. Изъ среды либераловъ и реформаторовъ, окружавшихъ императора въ первые годы его царствованія? Но эти люди никоимъ образомъ не могли быть опасны для іезуитовъ. Всѣ они безъ исключенія были прежде всего философы, т. е., другими словами, полнѣйшіе индифферентисты

Гагаринъ. См., между прочимъ, его письмо къ Морошкину: „Іезуиты въ Россіи". Т. II. стр. 144, примѣчаніе 3.

въ области религіи. „Для нихъ, замѣчаетъ Морошкинъ, всѣ вѣроисповѣданія были одинаково хороши, всѣ одинаково терпимы, всѣ имѣли одинаковое право на покровительство правительства, а іезуитское ухо въ этихъ словахъ слышало такія фразы: всѣ вѣроисповѣданія, терпимыя и покровительствуемыя вами, одинаково дурны, не имѣютъ права на ваше покровительство; у васъ нѣтъ вѣры, слѣдовательно, васъ нужно просвѣтить вѣрою и это мы беремъ на себя; мы сдѣлаемъ васъ вѣрующими, да вы сами предоставляете намъ право взять на себя этотъ трудъ, и мы принимаемъ его охотно“ [1]). Если таковы были въ глазахъ іезуитовъ всѣ либеральные и образованные сановники начала Александровской эпохи, то еще важнѣе, что въ числѣ этихъ оригинальныхъ философовъ-либераловъ были и такіе, которые открыто и всѣми силами покровительствовали ихъ ордену. Чѣмъ же руководились при этомъ всѣ эти господа? А вотъ чѣмъ: они желали во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе просвѣтить Россію, создать въ ней такое же просвѣщеніе, какое существовало на Западѣ. Подъ просвѣщеніемъ они понимали прежде всего извѣстную сумму знаній, а затѣмъ тотъ внѣшній лоскъ, то европейское приличіе, которыхъ недоставало русскимъ людямъ. Насаждать то и другое призваны были, по ихъ мнѣнію, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, исключительно иностранцы. Всякій иностранецъ могъ выступить, по ихъ мнѣнію, въ роли учителя и воспитателя русскихъ людей,—все равно, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, положенію и убѣжденію, только-бы онъ былъ человѣкъ образованный и свѣтскій. Іезуиты были, безъ сомнѣнія, и свѣтскіе и образованные люди, къ тому-же они пользовались изстари славою отличныхъ и опытныхъ педагоговъ. Что-же можетъ мѣшать пользоваться услугами іезуитовъ? Ихъ католическая ревность, ихъ страсть пропаганды? Но религіозность, изъ какихъ-бы убѣжденій ни исходила она, есть дѣло хорошее въ смыслѣ сдержанія массъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, а для пропаганды іезуиты могутъ

Морошкинъ: „Іезуиты въ Россіи“, т. II стр. 31.

найти себѣ въ Россіи широкое поприще, вовсе не касаясь при этомъ послѣдователей господствующей православной Церкви. Они могутъ обращать въ христіанство язычниковъ, мусульманъ, евреевъ; развѣ не все равно, къ какой христіанской сектѣ примкнутъ эти новообращенные? Вѣдь, во всякомъ случаѣ, іезуиты дадутъ имъ вмѣстѣ съ своею вѣрою и зачатки высшей культуры, что и требуется доказать. Если-же іезуиты задумаютъ пропагандировать въ средѣ протестантовъ, или даже самихъ православныхъ, то и тутъ, съ точки зрѣнія философа-либерала, не будетъ еще особенной бѣды.

Такихъ мнѣній о значеніи іезуитской педагогики и пропаганды держался, между прочимъ, и князь Голицынъ, этотъ оффиціальный представитель интересовъ образованія и религіи въ Россіи. Голицынъ, по мѣткому замѣчанію Морошкина, былъ „игралищемъ всѣхъ сектантовъ, всѣхъ религіозныхъ утопистовъ. Онъ способенъ былъ увлекаться всевозможными религіозными системами, какъ-бы чудовищны и нелѣпы ни были онѣ сами по себѣ. То онъ возился съ масонами и видѣлъ въ ихъ мистеріяхъ послѣднее слово религіозной философіи, то сходился съ изуродованнымъ и разлагающимся скопцомъ Селивановымъ, то восхищался откровеніями бѣснующейся Татариновой“ [1]). Къ отцамъ іезуитамъ князь относился съ особеннымъ сочувствіемъ: онъ открывалъ даже между собою и ими какую-то тѣсную, таинственную связь. „Нѣчто божественное соединяетъ насъ“ [2]),—писалъ онъ іезуиту Березовскому. И вотъ, въ силу этой божественной связи, а равно изъ пламеннаго желанія просвѣтить какъ можно скорѣе народъ русскій, Голицынъ хлопочетъ, купно съ дюкомъ де-Ришелье, о развитіи іезуитскихъ воспитательныхъ учрежденій въ Одессѣ и предоставляетъ главѣ іезуитской пропаганды въ Новороссійскомъ краѣ, патеру Николя, должность визитатора и начальника всѣхъ католическихъ церквей на югѣ Россіи, поощряетъ вмѣстѣ съ мар-

---

[1]) Морошкинъ: „Іезуиты въ Россіи“, т. 2 стр. 30.

[2]) Ce qui nous unit est divin.

кизомъ Паулуччи іезуитскую пропаганду въ Ригѣ, открываетъ іезуитамъ доступъ на Волгу, въ Сибирь, хлопочетъ о предоставленіи іезуитамъ имѣній, правъ и щедраго жалованья отъ казны.

Но, быть можетъ, замѣтятъ читатели, князь Голицынъ покровительствовалъ іезуитамъ единственно изъ личной, религіозной симпатіи къ нимъ, и что въ этомъ отношеніи онъ представляетъ не болѣе какъ исключеніе въ ряду тѣхъ просвѣщенныхъ совѣтниковъ, которые окружали императора Александра въ первые годы его царствованія; но къ несчастію, князь Голицынъ вовсе не былъ исключеніемъ; его примѣру слѣдовали и другіе, уже, во всякомъ случаѣ, болѣе развитые и либеральные совѣтники молодаго императора. Что Кочубей принадлежалъ къ числу наиболѣе свободномыслящихъ сподвижниковъ Александра, что по уму и образованію онъ стоялъ, во всякомъ случаѣ, выше князя Голицына,— достаточно извѣстно: менѣе извѣстно, что онъ относился къ дѣлу іезуитской пропаганды не то, что равнодушно, а просто сочувственно. Въ извѣстномъ сочиненіи графа Д. Толстаго: „Католицизмъ въ Россіи" мы читаемъ слѣдующее: „Еще въ 1802 году, при самомъ учрежденіи министерствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ о дозволеніи іезуитамъ распространять римско-католическую вѣру и обращать въ нее черезъ своихъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы, обитающіе въ Астраханской, Оренбургской и сибирскихъ губерніяхъ. Противъ Кочубея возсталъ, бывшій тогда министромъ юстиціи, безсмертный нашъ поэтъ Державинъ, говоря, что достаточно терпимости вѣръ, которая уже существуетъ въ имперіи, что возводить католическую вѣру на степень владычествующей религіи неприлично достоинству имперіи, и что, напротивъ того, слѣдовало-бы подумать объ образованіи и посылкѣ къ иновѣрнымъ идолопоклонническимъ и магометанскимъ народамъ миссіонеровъ господствующей религіи, какъ дѣлалъ царь Іоаннъ Васильевичъ, чтобы они пріучили этихъ дикарей къ хлѣбопашеству, разнымъ промысламъ и къ правамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ. Къ

мнѣнію Державина присталъ графъ Румянцевъ, и попытка Кочубея въ пользу іезуитовъ не удалась" [1]).

Если таковы были воззрѣнія выдающихся либеральныхъ совѣтниковъ императора Александра, если самъ государь усматривалъ прежде всего въ іезуитскомъ орденѣ прекрасное и годное орудіе для просвѣщенія и цивилизованія Россіи, то неудивительно, что всѣ опасности, грозившія іезуитамъ послѣ смерти Павла, были скорѣе кажущіяся и призрачныя, нежели дѣйствительныя. Правда, на первыхъ порахъ новаго царствованія послѣдовали нѣкоторыя, крайне непріятныя для іезуитовъ, распоряженія: Одинецъ освобожденъ былъ изъ заточенія, Сестренцевичъ поставленъ вновь во главѣ католической церкви, іезуитамъ дозволено открывать новыя учрежденія и школы въ имперіи не иначе, какъ вслѣдствіе особаго императорскаго разрѣшенія, и возвращеніе прежнихъ имѣній ордена было пріостановлено; но сыны Лойолы, испытанные въ вѣковыхъ бояхъ съ сильными міра сего, ловко съумѣли ослабить силу направленныхъ на нихъ ударовъ и постепенно и незамѣтно съ избыткомъ вознаградить себя за все потерянное. Богатство, сила и вліяніе іезуитскаго ордена въ Россіи возрастали быстро и непрерывно во всю первую половину царствованія императора Александра. Сѣть іезуитской пропаганды раскинута была по всѣмъ областямъ имперіи; центромъ ея служилъ не далекій и бѣдный Полоцкъ, а сама столица государства—Петербургъ. Тутъ основанъ былъ іезуитскій институтъ для воспитанія знатнаго русскаго юношества; тутъ получали свое образованіе дѣти нашихъ аристократовъ, сыновья князей Юсуповыхъ, Голицыныхъ, графовъ Орловыхъ; тутъ учились молодые Нарышкины, Гагарины, Менщиковы, Плещеевы, Бенкендорфы, Волконскіе, Полторацкіе, Дмитріевы и другіе. Всѣ эти юноши, предназначенные впослѣдствіи къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, проникались здѣсь принципами и духомъ іезуитскаго ордена, воспитывали въ себѣ чувство пренебреженія и рав-

---

[1]) Д. Толстой: „Католицизмъ въ Россіи", т. II стр. 185; записки Державина, стр. 359—360. Къ числу либеральныхъ покровителей іезуитскихъ миссій въ Россіи принадлежали также Лопухинъ и Воронцовъ.

[illegible] постоянной [illegible] Из [illegible] [illegible] Они получали [illegible] они [illegible] [illegible]

Работая [illegible] в Петербургъ, [illegible] [illegible] они [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] воспитывали въ [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

шественника: разнесъ іезуитское просвѣщеніе по всѣмъ концамъ Россіи—отъ Петербурга до Тифлиса, отъ Полоцка до границъ Китая. Іезуитскія заведенія открыты были въ Полоцкѣ, Петербургѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Витебскѣ, Ужвальдѣ, Ригѣ, Романовѣ, Дагдѣ, Пущѣ, Халчѣ, Чечерскѣ, Лозовичахъ, Ряснѣ, Астрахани, Саратовѣ, Моздокѣ, Одессѣ и Сибири. Во всѣхъ этихъ пунктахъ іезуитскія миссіи возникали не только съ согласія правительства, но даже при его содѣйствіи. Поразительнѣйшимъ примѣромъ того высокаго, почти безусловнаго довѣрія, которымъ пользовались іезуиты въ глазахъ русскаго правительства, можетъ служить исторія проникновенія іезуитовъ въ Москву. Дѣло происходило въ самомъ началѣ 1812 года, наканунѣ Наполеоновскаго нашествія. Многіе изъ католическихъ духовныхъ, находившихся тогда въ Москвѣ, навлекли на себя своимъ поведеніемъ и своими отношеніями къ французамъ подозрѣніе русскихъ властей и были частью высланы за-границу, частью отправлены въ отдаленные города имперіи. На ихъ мѣста правительство рѣшилось назначить іезуитовъ, которыхъ оно считало способнѣйшими и вѣрнѣйшими изъ всѣхъ латинскихъ клириковъ. Березовскій, тогдашній генералъ ордена, прислалъ въ Москву, по требованію правительства, пятерыхъ іезуитовъ, причемъ каждому изъ нихъ назначено было изъ суммъ іезуитскаго ордена громадное содержаніе отъ 2,500 до 3,000 рублей. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ Морошкинъ, православная Москва изъ рукъ, такъ сказать, самого правительства получила въ даръ себѣ часть папской гвардіи, и впослѣдствіи времени до поразительной ясности показала, что она не уступаетъ нѣмецкому Петербургу въ пламенномъ стремленіи къ латинству и въ легкомысленной быстротѣ мѣнять вѣру отцевъ своихъ на папизмъ“ [1]).

Въ первую половину Александровской эпохи Россія во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлалась обѣтованною страною іезуитовъ; число іезуитской братіи, стекавшейся тогда къ намъ со всѣхъ концовъ свѣта, доходило въ 1812 г., по оффиціальнымъ свѣ-

---

[1]) Морошкинъ: „Іезуиты въ Россіи“, т. II, стр. 458.

[illegible] въ дѣйствительности оно было [illegible] менѣе [illegible] въ теченіи какихъ-нибудь десяти. [illegible] болѣе чѣмъ на [illegible] Имущества и доходы ордена, а равно и отдѣльныхъ его членовъ были громадны. Іезуиты владѣли въ Россіи [illegible] душъ крестьянъ, они обращались съ ними также [illegible] какъ польскіе паны, обременяли ихъ самыми тяжелыми работами и [illegible] поборами, не заботились нимало о ихъ матеріальномъ и нравственномъ [illegible] и [illegible] ихъ до такой страшной нищеты, тупости и [illegible] до которыхъ не доходили никогда крѣпостные, принадлежавшіе частнымъ лицамъ. На своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ іезуиты заводили фабрики, мельницы, [illegible] и иныя промышленныя заведенія и извлекали изъ нихъ [illegible] доходы. Не малые доходы имѣли они также [illegible] типографій, наводнявшихъ всю имперію безчисленными [illegible] и книжонками, графами, мѣсяцесловами. [illegible] дѣятельность была, разумѣется, одною изъ [illegible] статей дохода іезуитскаго общества. [illegible] на основаніи документовъ, бывшихъ у него въ [illegible] что іезуитскій орденъ получалъ ежегодно [illegible] пенсіоновъ, конвиктовъ и другихъ воспитательныхъ заведеній—до 300,000 рублей. Еще громаднѣе [illegible] получаемые іезуитами съ своихъ прихожанъ. [illegible] то, что всѣ іезуиты, исправлявшіе должности [illegible] священниковъ, получали весьма значительное [illegible] отъ казны, почтенные патеры драли нещадно съ [illegible] прихожанъ деньгами и натурою за выполненіе церковныхъ требъ. Саратовскіе іезуиты, напримѣръ, получали [illegible] своихъ прихожанъ, на основаніи договора, одними [illegible] 184,200 рублей; кромѣ того они получали еще [illegible] рыбу, икру, плоды, молоко, мясо, дичь и т. д. А [illegible] Саратовская миссія іезуитовъ была, во всякомъ [illegible] не самая обширная и не самая богатая. Спрашивается: какіе-же громадные доходы извлекали они изъ Бѣлорус-

[illegible] „Католицизмъ въ Россіи“, т. II, приложеніе 1-е.

сіи и Литвы, гдѣ число ихъ прихожанъ доходило до 30,000 душъ,—изъ такихъ богатыхъ центровъ, какъ Петербургъ и Москва, гдѣ въ числѣ ихъ прозелитовъ и поклонниковъ встрѣчались люди изъ самой богатѣйшей русской знати того времени? [1]).

Судьба іезуитскаго ордена въ Россіи въ первые 12 лѣтъ правленія Александра I принадлежитъ къ числу наиболѣе характерныхъ и знаменательныхъ страницъ нашей отечественной исторіи. Въ ней выразилась, какъ нельзя болѣе ярко, та національная и религіозная расшатанность, которая заразила тогда всѣ высшіе слои нашего общества, жертвою которой сдѣлался и тотъ благородный монархъ, котораго само Провидѣніе избрало своимъ орудіемъ для спасенія Европы и человѣчества отъ невыносимаго ига, наложеннаго на нихъ побѣдоноснымъ преемникомъ революціи. Время испытанія, борьбы,—борьбы на жизнь и смерть уже приближалось, но ни императоръ Александръ, ни его совѣтники и друзья, ни вся оффиціальная Россія не были еще готовы къ борьбѣ. Они не открыли еще настоящаго, неизсякаемаго источника своихъ силъ, они не стояли еще па почвѣ народности и вѣры, они искали еще средствъ и путей къ спасенію тамъ, откуда грозили имъ предательство и гибель. Непроницаемая завѣса предубѣжденій все еще покрывала ихъ духовныя очи; обманчивые призраки скрывали отъ нихъ и страшную, въ дѣйствительности, опасность и единственно возможный путь спасенія. Только неожиданные, потрясающіе удары судьбы могли разсѣять окутывавшій ихъ мракъ и озарить ихъ спасительнымъ свѣтомъ истины. Эти удары не замедлили обрушиться на нихъ.

---

[1]) О богатствахъ и доходахъ іезуитскаго ордена см. главнымъ образомъ Морошкина, т. II, стр. 460 и слѣд.

ГЛАВА IV.

Александръ [illegible] — [illegible] — Силы Россіи [illegible] внутреннія [illegible] Александра.— [illegible] — Александръ [illegible] Наполеона при [illegible] — [illegible] Чарторыйскій и его отношенія къ русскому императору.— [illegible] польскіе планы [illegible] — [illegible] патріоты [illegible] императора Александра.— [illegible] войны [illegible] — Де-Местръ и [illegible] — [illegible] — [illegible] VIII.— Іезуиты [illegible] Наполеона.— [illegible] Александра [illegible] де-Местромъ [illegible] академіи въ Полоцкѣ.— Александръ [illegible] въ русскихъ [illegible] — [illegible] съ народомъ [illegible] въ бесѣдѣ [illegible] и на[illegible] — [illegible] — Что особенно [illegible] Шишкова [illegible] — [illegible] веселья [illegible] — [illegible] — [illegible] воззваніе и [illegible] Александра.— [illegible] въ отношеніи [illegible] — Александръ [illegible] въ Москву.

27-го марта 1812 года императоръ Александръ обратился къ барону Штейну, проживавшему тогда въ качествѣ опальнаго изгнанника, преслѣдуемаго повсюду Наполеоновскими агентами и шпіонами, въ Богеміи,—съ слѣдующимъ письмомъ [1]:

„Уваженіе, которое питалъ я къ вамъ всегда, не уменьшилось вслѣдствіе тѣхъ событій, которыя заставили васъ удалиться отъ дѣлъ [2]. Оно внушено было мнѣ энер-

[1] Pertz, Steins Leben, III, стр. [illegible]

[2] Баронъ Штейнъ [illegible] короля Фридриха Вильгельма [illegible] быть [illegible] изгнанника, преслѣдуемаго повсюду Наполеономъ.

гіею вашего характера и выдающимися вашими талантами".

„Рѣшительныя обстоятельства настоящей минуты должны соединить всѣхъ благомыслящихъ существъ, всѣхъ друзей человѣчества и либеральныхъ идей. Дѣло идетъ о спасеніи отъ варварства и рабства, которыя готовятся поглотить ихъ".

„Наполеонъ намѣренъ завершить порабощеніе Европы; чтобы достигнуть этого онъ долженъ ниспровергнуть Россію. Уже давно приготовляются здѣсь къ сопротивленію; уже съ давняго времени сосредоточиваются здѣсь для этой цѣли могущественнѣйшія средства".

„Друзья добродѣтели и всѣ существа, проникнутыя чувствомъ независимости и любви къ человѣчеству, одинаково заинтересованы исходомъ этой борьбы. Вы, г. баронъ, всегда выдававшійся изъ среды ихъ такимъ блестящимъ образомъ, не можете питать иного чувства, кромѣ того, чтобы способствовать съ своей стороны успѣху тѣхъ усилій, которыя подъемлются здѣсь на сѣверѣ для противодѣйствія всепоглощающему деспотизму Наполеона".

„Я приглашаю Васъ настоятельнѣйшимъ образомъ сообщить мнѣ ваши мысли или письменно, если только это возможно, или-же устно, на личномъ свиданіи со мною въ Вильнѣ. Князь Ливенъ доставитъ вамъ необходимый для того паспортъ. Ваше пребываніе въ Богеміи могло-бы принести большую пользу, такъ какъ тамъ вы находитесь, такъ сказать, въ тылу французскихъ армій. Но слабость Австріи навѣрное заставитъ ее стать подъ знамена Наполеона и можетъ подвергнуть опасности вашу личность или вашу переписку".

„Предлагаю Вамъ посему серьезно взвѣсить всѣ обстоятельства и избрать тотъ путь, который покажется Вамъ наиболѣе удобнымъ для пользы того великаго дѣла, которому служимъ мы оба. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять васъ, что въ Россіи вы будете приняты съ отверстыми объятіями; искреннія чувства, питаемыя мною къ вамъ, должны служить вамъ вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ".

Письмо это было написано въ тотъ моментъ, когда война между Франціею и Россіею была уже неизбѣжна. Наполеонъ

былъ уже на пути къ великой арміи. Онъ остановился въ столицѣ своего вѣрнѣйшаго союзника—короля Саксонскаго, въ Дрезденѣ. Окруженный блестящимъ и раболѣпнымъ сонмомъ порабощенныхъ имъ государей Европы, онъ упивался тутъ еще разъ тѣмъ пустымъ внѣшнимъ блескомъ всемірнаго властелина, которымъ никогда не могла насытиться его гордая душа. Ни самъ Наполеонъ, ни его окружающіе не сомнѣвались въ скоромъ и блестящемъ успѣхѣ предстоящей кампаніи. Несравненный военный геній Наполеона, колоссальныя силы, собранныя имъ, его прежніе баснословные успѣхи,—все заставляло предполагать, что и на этотъ разъ онъ разгромитъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, много—недѣль, русскую армію и заставитъ подписать уступчиваго Александра постыдный и гибельный для Россіи миръ. Такія тревожныя и страшныя мысли приходили, безъ сомнѣнія, и въ голову Штейна. Лучше другаго кого-либо зналъ онъ податливую натуру Александра. Онъ могъ допустить, что и на этотъ разъ рѣшимость императора Александра окажется лишь мимолетнымъ порывомъ, что за новымъ Фридландомъ послѣдуетъ второй, еще болѣе постыдный Тильзитъ. А какая участь предстояла въ такомъ случаѣ ему, давно уже намѣченному мстительною и безпощадною рукою Корсиканца? Гдѣ во всемъ мірѣ могъ найти себѣ убѣжище несчастный, опальный, послѣ ниспроверженія Россіи, этого послѣдняго оплота европейской свободы? Въ Англіи? но не лучше-ли бѣжать туда заблаговременно, до наступленія неизбѣжной катастрофы, а если и отправляться въ русскую главную квартиру, то не иначе, какъ подъ защитою и гарантіею англійскаго посольства [1]). Да, такія мысли при-

[1]) См. Письмо Штейна къ графу Мюнстеру въ Лондонъ отъ 19 апрѣля 1812 г. Штейнъ допускаетъ въ этомъ письмѣ, что Россія можетъ отразить нападеніе Наполеона, но онъ опасается, что этотъ результатъ не повлечетъ за собою освобожденія Германіи и Европы. „А между тѣмъ, говоритъ онъ, время и силы исчезаютъ, лучшіе люди изнываютъ въ праздности и принуждены оставаться зрителями всеобщаго бѣдствія и дѣяній злыхъ людей, число которыхъ возрастаетъ ежедневно и образъ мыслей быстро разъѣдаетъ общество, подобно раку". Для себя лично Штейнъ считаетъ невозможнымъ вести далѣе жизнь; онъ проситъ, чтобы англійское правительство отправило его главную квартиру, думаетъ, что онъ можетъ принести тамъ поль

ходили, дѣйствительно, одно время въ голову Штейна, но прочитавъ письмо императора Александра, онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ нихъ. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что на этотъ разъ императоръ Александръ останется твердымъ и непоколебимымъ до конца. А что значили для него лично тѣ возможныя опасности, та мрачная будущность, которыя грозили ему и его семьѣ въ случаѣ пораженія Россіи? Что значило все это, всѣ внушенія, возбужденной мрачными призраками прошлаго, фантазіи, въ сравненіи съ тою великою перспективою, которая открывалась ему еще разъ,—съ величіемъ и святостью того дѣла, служить которому звали его теперь вновь и звали такъ настоятельно? Не колеблясь ни минуты, Штейнъ отвѣчалъ императору такими словами:

„Призывъ, которымъ удостоили меня Ваше Императорское Величество, призывъ стать подъ знамена Ваши, т. е. подъ знамена чести и истинной славы, полученъ мною 19 сего мая. Я повинуюсь ему, хотя и готовлюсь къ новымъ преслѣдованіямъ, отъ которыхъ съумѣетъ оградить меня Ваше Императорское Величество. Я выѣзжаю 27, въ тотъ день, когда мнѣ будутъ выданы мои паспорты. 10 іюня я надѣюсь быть въ Вильнѣ, дабы принять повелѣнія Вашего Величества и принести Вамъ выраженія моего уваженія и вѣрноподданной преданности“ [1]).

Въ назначенный день Штейнъ выѣхалъ въ Россію. На границѣ, въ Радзивиловѣ его ожидалъ русскій маіоръ, разумный, любезный господинъ, высланный къ нему на встрѣчу. На пути въ главную квартиру [2]) Штейну пришлось проѣзжать чрезъ мѣста расположенія русскихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ придвигавшихся къ западной границѣ имперіи.

вѣтомъ и вліяніемъ; напоминаетъ о томъ довѣріи, съ которымъ относился къ нему императоръ Александръ въ 1807 году, предлагая ему тогда вступить въ русскую службу, и о своихъ личныхъ связяхъ съ Россіею. „Да окончится благополучно эта война, заключаетъ Штейнъ свое письмо, или же, да найду я въ ней свой конецъ“. Перцъ: Stein's Leben. T. III, стр. 49—50.

[1]) Перцъ: Stein's Leben. T. III, стр. 53.

[2]) О поѣздкѣ Штейна въ Вильну и его виленскихъ впечатлѣніяхъ см. Перцъ: Stein's Leben. T. III, стр. 54 и слѣд.

Духъ этихъ войскъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; но ихъ слабая численность не могла не внушать Штейну самыхъ тревожныхъ опасеній. Въ Дóбро, неподалеку отъ австрійской границы, стоялъ генералъ Тормасовъ съ 20,000 человѣкъ. Въ Слонимѣ находилась главная квартира князя Багратіона; Штейну передавали, что въ его распоряженіи было отъ 30 до 36,000 человѣкъ. Наконецъ, подъ самою Вильною Штейну пришлось проѣзжать черезъ биваки, такъ называемой, большой арміи, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли. Ему говорили, что въ этой арміи насчитывается всего на всего до 80,000 человѣкъ. Итакъ около 140,000 человѣкъ,—вотъ все, что могъ противопоставить на первый разъ императоръ Александръ своему страшному противнику и его полумилліонной арміи. Правда, военныя приготовленія шли неутомимо во всѣхъ концахъ Россіи; правда, отовсюду двигались къ границѣ вновь сформированные отряды, но вся опасность положенія заключалась именно въ томъ, окажутся-ли достаточными всѣ эти приготовленія, подоспѣютъ-ли вóвремя резервы, не разразится-ли рѣшительная катастрофа еще до прибытія ихъ на театръ войны? Во всякомъ случаѣ, дѣйствительность мало соотвѣтствовала указанію императора на тѣ долгія и неусыпныя приготовленія къ борьбѣ, на тѣ могущественныя средства, которыя собраны были въ Россіи и о которыхъ такъ краснорѣчиво говорилъ онъ въ письмѣ своемъ къ Штейну.

Новыя разочарованія, новыя тревожныя опасенія ожидали Штейна въ Вильнѣ. Изъ личныхъ свиданій съ императоромъ, изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ и его окружающими, Штейнъ вынесъ, правда, прежде всего отрадное убѣжденіе, что Александръ измѣнился во многомъ и къ лучшему со времени Тильзитскаго мира. Его взглядъ на общее положеніе Европы и Россіи, на полнѣйшую несовмѣстность Наполеоновскаго цезаризма съ дальнѣйшимъ существованіемъ свободныхъ государствъ въ Европѣ, былъ вполнѣ солидаренъ со взглядами Штейна. На предстоящую войну онъ смотрѣлъ, какъ на вой-
ну за освобожденіе Европы: уже теперь онъ думалъ о
ствахъ поднять угнетенные народы, и прежде всего г

цевъ, противъ Наполеона. Съ жаромъ ухватился онъ за предложеніе Штейна сформировать германскій легіонъ, охотно одобрилъ онъ проектъ прокламаціи къ германскимъ солдатамъ въ арміи Наполеона,—проектъ, отличавшійся рѣзкимъ, почти что революціоннымъ тономъ [1]). Рѣшимость Александра довести на этотъ разъ дѣло до конца казалась также на первый взглядъ твердою и непоколебимою, а иллюзіи, которымъ поддавался онъ до сихъ поръ такъ легко и охотно, отступили для него, повидимому, на второй планъ.

Какъ ни утѣшительны были всѣ эти симптомы, но отъ опытнаго глаза Штейна не могло, однако-же, укрыться, что внутреннее настроеніе Александра было еще крайне далеко отъ той неизмѣнной рѣшимости, отъ того глубокаго убѣжденія въ правотѣ и силѣ своего дѣла, которое является у людей, даже слабыхъ, первымъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ успѣхѣ. По наружности Александръ казался твердымъ и рѣшительнымъ; въ глубинѣ-же души онъ оставался тѣмъ же слабымъ, колеблющимся человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ печальную эпоху Фридланда и Тильзита. Вѣра въ собственныя силы была у него также шатка, какъ и прежде, а печальныя событія послѣднихъ лѣтъ, въ особенности-же катастрофа Сперанскаго, окончательно подорвали въ немъ вѣру въ другихъ людей. Его подозрительность, его недовѣріе ко всѣмъ и каждому достигли въ это время до своей высшей степени; но эта подозрительность, эта недовѣрчивость нисколько не мѣшали ему слушать всѣхъ и каждаго, поддаваться совѣтамъ и вліяніямъ такихъ лицъ, которыхъ онъ самъ въ глубинѣ души считалъ недостойными. Относительно предстоящихъ рѣшительныхъ событій Александръ не успѣлъ еще освободиться окончательно отъ тѣхъ ложныхъ надеждъ и мечтаній, которыми питалась до сихъ поръ его пылкая фантазія, которыя тщательно поддерживали въ немъ до поры до времени люди, выдававшіе себя за его друзей, но бывшіе самы-

---

[1]) Текстъ прокламаціи у Перца: Stein's Leben. T. III, стр. 78—80. Прокламація была, впрочемъ, значительно смягчена самимъ императоромъ Александромъ I-мъ и подписана главнокомандующимъ первой арміи, Барклаемъ-де-Толли.

ми страшными и вѣроломными врагами его и Россіи. Въ этом обстоятельствѣ, а не въ колоссальномъ превосходствѣ сил Наполеона коренилась, очевидно, самая главная опасност какъ для самого Александра, такъ и для того дѣла, первым представителемъ котораго являлся онъ теперь.

Уже довольно давно, уже съ 1810 года Александръ при шелъ къ убѣжденію въ неизбѣжности рѣшительной борьбы с Наполеономъ; уже съ этого времени въ душѣ его ясно определенно зародилась мысль: Наполеонъ или я, я или онъ,— для насъ обоихъ нѣтъ мѣста въ Европѣ. Но, приходя к убѣжденію въ неизбѣжности борьбы, Александръ сознавал въ тоже время ясно, что ему прійдется имѣть дѣло съ гро маднымъ превосходствомъ силъ, въ состязаніи съ которым собственныя средства Россіи могутъ оказаться недостаточны ми. Необходимо было, слѣдовательно, искать союзниковъ, по пытаться сосредоточить вокругъ себя всѣ элементы, враждеб ные Наполеону. Кабинетная коалиція, въ родѣ 1805 года была, однако-же, немыслима въ 1810 году. Можно было правда, расчитывать на Англію; но Англія, съ которою преж де надо было еще примириться, могла оказать, какъ мы преж де замѣтили, только денежную помощь. На Австрію, послѣ ка тастрофы 1809 года, расчитывать было невозможно. Родств Габсбурговъ съ Наполеономъ съ одной стороны, завоеватель ныя стремленія Россіи на нижнемъ Дунаѣ съ другой, вызва ли окончательное охлажденіе и взаимное недовѣріе межд Вѣною и Петербургомъ. Въ сосѣдней Швеціи утвердился н престолѣ одинъ изъ бывшихъ Наполеоновскихъ маршаловъ Бернадотъ: можно было опасаться, что опираясь на Францію онъ предприметъ попытку возвратить потерянную Финляндію Данія принадлежала къ числу вѣрнѣйшихъ вассаловъ Напо леона; Испанія продолжала еще сопротивляться, но кто мог поручиться, что это сопротивленіе продлится еще долго время, что оно отвлечетъ въ рѣшительный моментъ отъ Рос сіи значительную часть Наполеоновскихъ силъ? Вся осталь ная Европа съ своими богатыми средствами находилась в безусловномъ распоряженіи французскаго императора. Од только Пруссія тяготилась наложеннымъ на нее игомъ;

она готова была примкнуть къ Россіи и поднять оружіе противъ Наполеона. Но возстаніе Пруссіи возможно было лишь при одномъ условіи: Россія должна была вести войну наступательную, противъ которой громко говорили горькіе опыты предшествующихъ войнъ.

Но еще важнѣе были соображенія другаго, болѣе общаго свойства. Кабинетныя коалиціонныя войны,—войны, предпринимаемыя во имя равновѣсія Европы и возстановленія стараго порядка вещей, могли, какъ показало это недавнее прошлое, повести лишь къ новымъ катастрофамъ, къ новому, еще болѣе худшему пораженію и униженію. Наполеонъ достигъ своихъ колоссальныхъ успѣховъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ выступалъ поборникомъ начала революціи, идеи возобновленія и возрожденія старой Европы на основаніи принциповъ 1789 г. Этой разрушительной идеѣ необходимо было противопоставить другую, не менѣе могучую, но зиждительную идею. Такая идея представлялась, повидимому, сама собою. Революціонная идея отрицала начало національности и стремилась пересоздать міръ на основахъ космополитизма; необходимо было, слѣдовательно, противопоставить ей идею самобытнаго развитія и охраненія правъ европейскихъ народностей. Надо было поднять оружіе не во имя династическихъ и кабинетныхъ интересовъ, а во имя свободы и независимости европейскихъ народовъ. Идея эта представлялась не разъ восторженному уму русскаго императора, но она отталкивала его въ тоже время своею новизною и колоссальностью, она казалась ему неосуществимою на дѣлѣ. Примѣръ Испаніи открывалъ, правда, самыя широкія перспективы, но Александръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы другіе европейскіе народы, и прежде всего германцы, рѣшились послѣдовать когда-нибудь примѣру испанцевъ. Онъ зналъ кромѣ того, что итальянцы проникнуты даже преданностью къ Наполеону, и что самое главное,—онъ опасался, не безъ основанія, что сами русскіе отнесутся холодно къ войнѣ за освобожденіе Европы, къ войнѣ за интересы совершенно чуждые имъ. И вотъ Александръ отказывается отъ мысли поднять оружіе за свободу Европы и снова увлекается любимою идеею своей моло-

дости, идеею возстановленія Польши [1]). Онъ хочетъ выступить противъ Наполеона въ качествѣ искупителя исторической неправды прошлаго. Онъ думаетъ провозгласить возстановленіе Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, въ ея старомъ блескѣ, и его пылкая фантазія подсказываетъ ему, что въ такомъ случаѣ всѣ поляки станутъ, какъ одинъ человѣкъ, подъ его знамена. До сихъ поръ поляки слѣдуютъ, правда, съ энтузіазмомъ за Наполеономъ, но что сдѣлалъ до сихъ поръ для нихъ Наполеонъ? Развѣ его политика по отношенію къ Польшѣ не была до сихъ поръ самая двусмысленная и эгоистичная? Развѣ не сознавался онъ самъ неоднократно, что Польша для него только средство, а не цѣль? Развѣ онъ не требовалъ постоянно все новыхъ и новыхъ жертвъ отъ поляковъ? Развѣ не отдѣлывался онъ отъ нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ самыми неопредѣленными указаніями на будущее? Въ замѣнъ всего этого Александръ намѣревался предложить полякамъ немедленное-же возстановленіе ихъ отечества, осуществленіе въ самомъ ближайшемъ будущемъ самыхъ широкихъ и смѣлыхъ ожиданій польскихъ патріотовъ. Всѣ области, входившія когда-то въ составъ великаго княжества Литовскаго, Александръ думалъ возвратить Польшѣ и соединить ихъ въ одно цѣлое съ герцогствомъ Варшавскимъ. Австрійскую Галицію Александръ разсчитывалъ пріобрѣсти отъ Габсбурговъ мирнымъ путемъ въ обмѣнъ за Молдавію и Валахію, которыя

[1]) Оригинальный взглядъ императора Александра на польскій вопросъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій его либеральнаго, космополитическаго воспитанія. Еще въ ранней молодости, въ задушевныхъ бесѣдахъ съ княземъ Чарторыжскимъ, Александръ выражалъ такія мнѣнія о Польшѣ, которыя вызвали у Чарторыжскаго слѣдующія восторженныя слова: „Какъ! русскій Великій князь, наслѣдникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ,—тотъ, кого она, устранивъ сына, хотѣла возвести послѣ себя на престолъ,—тотъ, о которомъ говорили, что въ немъ возродится Екатерина, этотъ Великій князь ненавидѣлъ правила своей бабки и отрекался отъ нихъ и отъ ненавистной политики Россіи! Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ и хотѣлъ-бы видѣть ее счастливою! Не чудомъ-ли въ этой атмосферѣ, въ этой обстановкѣ, могли развиться столь благородные помыслы, столь высокія добродетели". См. „Рус. Архивъ" за 1871 годъ, статья „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыжскій". Извлеченіе и переводъ изъ книги Masade „Alexandre et le prince Czartoryski" etc.

онъ силился отнять во что-бы то ни стало отъ Порты. Возстановленную такимъ образомъ Польшу Александръ думалъ соединить съ Россіею лишь одною династическою связью. Польша должна была имѣть свое особое управленіе, свою армію, свои финансы, свою либеральную конституцію. Чего-же останется желать въ такомъ случаѣ полякамъ? А русскіе? Ихъ національное самолюбіе будетъ вполнѣ удовлетворено номинальнымъ пріобрѣтеніемъ всей Польши. Какъ скоро ихъ императоръ будетъ носить на себѣ корону возстановленной Польши, они легко примирятся съ отторженіемъ старо-русскихъ земель отъ имперіи.

Александръ не сомнѣвался ни на минуту въ возможности осуществленія своего плана. Онъ думалъ, что онъ имѣетъ въ польскомъ лагерѣ несомнѣнно вѣрнаго друга и могучаго союзника въ лицѣ князя Адама Георга Чарторыжскаго. Онъ разсчитывалъ кромѣ того на ревностное содѣйствіе іезуитовъ; онъ былъ увѣренъ, что они окажутъ въ его пользу громадное вліяніе на поляковъ. Это странное предположеніе опиралось въ воображеніи Александра на два, повидимому, незыблемыя основанія. Наполеонъ, какъ истый сынъ революціи, ненавидѣлъ и боялся іезуитовъ, онъ гналъ и преслѣдовалъ ихъ повсюду, онъ не терпѣлъ ихъ въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго. Наполеонъ относился кромѣ того въ послѣднее время враждебно и къ самому папству; своимъ недостойнымъ и грубымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ преемнику св. Петра онъ вызвалъ противъ себя негодованіе всѣхъ истинныхъ католиковъ, пробудилъ симпатіи къ римскому престолу даже въ такихъ кружкахъ, которые относились до тѣхъ поръ къ папамъ и папству съ полнымъ равнодушіемъ, если и не съ враждою. Что-же касается іезуитовъ, Александръ не только терпѣлъ ихъ въ Россіи, но даже покровительствовалъ имъ. Въ русскомъ императорѣ сыны Лойолы обожали своего либеральнаго, великодушнаго защитника; въ Наполеонѣ они видѣли своего страшнаго и непримиримаго врага. Въ рядахъ іезуитовъ было столько поляковъ, самъ генералъ ихъ Березовскій былъ полякъ! Поляки были и прежде и больше всего католики и поклонники іезуитовъ.

Александръ всегда относился благосклонно къ католической церкви и ея главѣ—папѣ. Подымая оружіе за возстановленіе Польши, онъ хотѣлъ выступить въ тоже время и на защиту попранныхъ правъ римскаго первосвященника. Съ какимъ энтузіазмомъ, казалось, должны были откликнуться на его призывъ поляки, съ какою энергіею должны были работать въ его пользу іезуиты!

Странное, ужасное заблужденіе! Не есть-ли оно ясное доказательство того печальнаго религіознаго индиферентизма, того космополитическаго міровоззрѣнія, которыя развиты были въ императорѣ Александрѣ его гуманными философскими воспитателями! Какъ страшно заблуждался онъ на счетъ своихъ предполагаемыхъ вѣрныхъ друзей въ польскомъ лагерѣ, въ средѣ іезуитовъ! Князь Чарторыжскій, на котораго такъ твердо разсчитывалъ императоръ, къ которому онъ относился со всею искренностью юношеской дружбы, давно уже продалъ его, какъ настоящій Іуда,—давно уже перешелъ въ лагерь его злѣйшаго врага. Уже со времени Тильзитскаго мира Чарторыжскій покинулъ русскую службу, поселился въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго и хотя и не занялъ тамъ никакого оффиціальнаго положенія, но тѣмъ не менѣе перешелъ навсегда и окончательно въ Наполеоновскій лагерь. Такой поступокъ князя нисколько не охладилъ, однакоже, дружественныхъ чувствъ къ нему императора Александра. По прежнему считалъ онъ князя своимъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ, по прежнему довѣрялъ ему въ письмахъ своихъ задушевныя мысли и уговорилъ его оставить за собою важный постъ попечителя Виленскаго учебнаго округа. Чарторыжскій умѣлъ воспользоваться, какъ нельзя лучше, безграничнымъ довѣріемъ русскаго государя. Усердно работалъ онъ надъ распространеніемъ польской цивилизаціи въ Западномъ краѣ, устраивалъ на русскія деньги польскіе лицеи и школы, трудился неутомимо надъ полонизаціею и закрѣпощеніемъ русскаго кореннаго населенія и ловко успѣвалъ въ тоже время скрывать отъ императора настоящій характеръ и цѣль своей дѣятельности. Онъ умѣлъ увѣрить Александра, что вся его дѣятельность направлена исключительно

развитіе просвѣщенія и гуманности, что ему чужды всякія посороннія или религіозныя цѣли, что онъ имѣетъ въ виду лишь одно благо и счастіе себѣ подобныхъ. Въ своихъ письмахъ Чарторыжскій постоянно говорилъ языкомъ человѣка прямаго, откровеннаго, по временамъ почти грубаго, и этотъ тонъ его, вытекавшій такъ естественно изъ старой юношеской дружбы, окончательно подкупалъ Александра и разсѣевалъ сомнѣнія, вкрадывавшіяся по временамъ въ его душу на счетъ искренности стараго друга.

Желанія Чарторыжскаго были обязательны для императора, его просьбы и ходатайства увѣнчивались всегда полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ Кременцѣ, на Волыни, нѣкто графъ Чацкій, одинъ изъ патріотовъ 1791 года, основалъ лицей. Чарторыжскій убѣдилъ императора Александра взять этотъ лицей подъ свое покровительство. Императоръ подарилъ лицею нѣсколько богатыхъ имѣній, ассигновалъ значительныя суммы на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, на устройство библіотеки и кабинетовъ. Само собою понятно, что устроенный такимъ образомъ лицей сдѣлался вскорѣ однимъ изъ главныхъ разсадниковъ польскаго національнаго духа, крайне враждебнаго Россіи и всему русскому. Понятно, что Александръ нисколько не подозрѣвалъ этого обстоятельства, что онъ слѣпо вѣрилъ своему другу, рекомендовавшему ему Чацкаго, какъ космополита и филантропа. Истина не замедлила, однакоже, выйти наружу. Поляки, учившіе и учившіеся въ Кременцѣ, перессорились по обыкновенію другъ съ другомъ; нѣкоторые изъ нихъ подали доносъ на Чацкаго самому государю. Назначена была слѣдственная комиссія, и хотя она не дала особенно важныхъ результатовъ, но Чарторыжскій почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ Чацкаго. Онъ потребовалъ отставки отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа и въ своихъ письмахъ старался дать понять Александру, что обстоятельства, быть можетъ, заставятъ его въ скоромъ времени играть нѣсколько иную политическую роль [1]).

---

[1]) См. письмо Чарторыжскаго отъ 15 ноября 1810 г. Вся первая часть письма состоитъ въ защитѣ Чацкаго. Отождествляя себя вполнѣ съ Чацкимъ, Чар-

Принявъ на себя обычную маску прямоты и дружеской откровенности, Чарторыжскій напомнилъ императору, что онъ вступилъ въ русскую службу крайне неохотно, единственно изъ личной дружбы къ императору, и по его настоятельному желанію; что онъ желалъ служить только ему, императору, лично, (а не Россіи, министромъ иностранныхъ дѣлъ которой онъ состоялъ оффиціально!). Личныя чувства, питаемыя имъ къ императору, не измѣнятся никогда, но трудности политическаго положенія побуждаютъ его въ настоящую минуту взять отставку и возвратиться къ тому образу жизни, оставить который онъ никогда не желалъ [1]).

Итакъ Чарторыжскій ясно далъ понять императору Александру, что съ этой минуты онъ намѣренъ принадлежать исключительно Наполеоновской Польшѣ. Александръ понялъ, однако-же, намеки князя, какъ видно, въ совершенно иномъ смыслѣ. Его другъ желаетъ удалиться навсегда въ частную жизнь, въ ту тихую, скромную среду, куда стремился онъ самъ всѣми силами своей души. Но теперь не время думать объ этомъ, онъ долженъ еще сослужить ему и своей родинѣ великую службу [2]). И вотъ Александръ въ отвѣтномъ пись-

---

торыжскій усматриваетъ въ назначеніи слѣдственной коммиссіи выраженіе недовѣрія императора къ нему, какъ къ попечителю Виленскаго учебнаго округа, и проситъ даровать полную отъ службы отставку. „Русскій Архивъ" 1871, стр. 782—7?9.

[1]) „Сочетаніе многихъ причинъ", говоритъ Чарторыжскій въ томъ-же письмѣ отъ 15 ноября 1810 года, — „мое здоровье, которое до сихъ поръ не можетъ поправиться, моя привязанность къ моей семьѣ, ея крайне разстроенныя дѣла, *видъ политическихъ обстоятельствъ, коихъ затруднительность всегда меня страшила*, давно заставляютъ меня желать удаленія отъ службы. Поступилъ я на нее лишь по личной моей преданности къ В. И. В—ву. Вамъ однимъ хотѣлъ я служить. Чувства, подвинувшія меня къ тому, никогда не измѣнятся. Льщу себя даже надеждою, что и В. И. В—во соблаговолите сохранить ко мнѣ, въ частныхъ сношеніяхъ, долю той милости, коей Вы въ прежнее время меня удостоивали. *Но относительно общественной службы дѣло иное, я слишкомъ окончательно и глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ ней я не могу болѣе принести никакой пользы В. И. В—ву*". „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 786.

[2]) „То, что я сообщаю вамъ, будетъ поважнѣе гимназіи и отставки, которую вы у меня просите. Вотъ минута, въ которую вы въ первый разъ можете сослужить вашей родинѣ дѣйствительную службу". Письмо императора отъ 25 декабря 1810 года. „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 797.

мѣ своемъ отъ 25 декабря 1810 г. посвящаетъ Чарторыжскаго въ задуманный имъ грандіозный планъ. Теперь настала минута доказать, что Россія вовсе не врагъ Польши, а напротивъ ея истинный и единственно вѣрный другъ; быть можетъ, наступило уже время и для возстановленія Польши. Прежде всего Чарторыжскій долженъ дать императору отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: „Каково настроеніе общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ Варшавскомъ? Ухватятся-ли жители его съ жадностью за вѣрную возможность своего возрожденія, если она представится имъ? Ухватятся-ли они за эту возможность, все равно, кто-бы ни предложилъ ее имъ?“ (Само собою понятно, что провозглашеніе ихъ возстановленія должно предшествовать ихъ соединенію съ державою спасающею и доказать наглядно искренность намѣреній этой послѣдней). „Или-же есть основаніе предполагать, что они раздѣлятся на партіи? Если такъ, то каковы эти партіи? Существуютъ-ли онѣ и въ войскѣ герцогства? Какая личность пользуется въ этомъ войскѣ наибольшимъ вліяніемъ?“

Императоръ не сомнѣвается, что Чарторыжскій поддержитъ его въ исполненіи его плана; дѣло идетъ о возстановленіи Польши, объ освобожденіи Европы [1]). Если только между варшавцами господствуетъ единодушіе; если они, не колеблясь, примутъ возстановленіе своего отечества, все равно отъ кого-бы оно ни исходило, тогда при помощи Божіей нѣтъ основанія сомнѣваться въ успѣхѣ. Если только поляки станутъ подъ его знамена, то онъ, Александръ, думаетъ вести войну наступательную, идти на Одеръ, на Ѳльбу. Громадное превосходство силъ будетъ на его сторонѣ. У него будетъ 100,000 русскихъ, 50,000 поляковъ, столько-же пруссаковъ и 30,000 датчанъ, всего 230,000 человѣкъ. Наполеонъ, занятый испанскою войною, располагаетъ въ настоящее

---

[1]) „Впрочемъ, предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ долженъ интересовать васъ для того, чтобы я не былъ увѣренъ въ стараніи, которое вы приложите къ тому, чтобы не испортить дѣла, которому ваша родина будетъ обязана своимъ возрожденіемъ, Европа своимъ избавленіемъ, а вы лично славою и наслажденіемъ, которыя принесетъ вамъ содѣйствіе оному“. Письмо отъ 25 декабря 1810 г.

время въ Германіи всего лишь 60,000 французскихъ войскъ. Къ этой цыфрѣ слѣдуетъ, правда, присоединить 30,000 баварцевъ, 30,000 саксонцевъ, 15,000 вестфаловъ и другихъ нѣмцевъ, что̀ составитъ вмѣстѣ съ французами около 155,000 человѣкъ. Можно, однако-же, разсчитывать, что и остальные нѣмцы послѣдуютъ примѣру поляковъ и пруссаковъ,—тогда у Наполеона останутся между Рейномъ и Одеромъ только 60,000 французовъ. Можно надѣяться, наконецъ, склонить на свою сторону и Австрію,—тогда силы союзниковъ увеличатся еще на 200,000 человѣкъ. Отъ рѣшенія поляковъ зависитъ, такимъ образомъ, все,—судьба Европы и мира.

Отвѣтъ Чарторыжскаго на оригинальное посланіе императора составленъ былъ чрезвычайно ловко. Князь старается прежде всего показать, что онъ съ своими личными симпатіями стоитъ всецѣло на сторонѣ императора, что онъ готовъ содѣйствовать всѣми силами осуществленію его плановъ [1]), но въ тоже время онъ не желаетъ скрывать на этотъ разъ правды отъ своего царственнаго друга. Въ Польшѣ, пишетъ князь, господствуетъ полнѣйшее единодушіе; возстановленіе королевства въ его старыхъ предѣлахъ—вотъ цѣль стремленій всѣхъ поляковъ. Они готовы принять возстановленіе своего отечества, все равно, отъ кого-бы ни исходило оно; но будетъ трудно, почти невозможно убѣдить ихъ, что именно Россія намѣрена выступить въ роли ихъ спасительницы и возстановительницы. У поляковъ есть не мало причинъ жаловаться на Наполеона и сомнѣваться въ его добрыхъ намѣреніяхъ, но они возложили уже разъ на него всѣ свои надежды и трудно будетъ поколебать ихъ въ нихъ. Не слѣдуетъ забывать также братства по оружію, заключеннаго между французами и поляками на столькихъ поляхъ битвъ. А

[1]) Князь не находитъ словъ для выраженія императору своей благодарности за благодѣтельныя его намѣренія по отношенію къ Польшѣ; объявляетъ, что намѣренъ исполнять его приказанія со всѣмъ усердіемъ, со всею осмотрительностью, на которыя онъ способенъ и столь хорошо, какъ позволятъ то обстоятельства; говоритъ, что вполнѣ сознаетъ важность минуты, и заявляетъ, что общій вопросъ разобранъ уже государемъ такъ мудро, ясно и осмотрительно, что ему остается отвѣчать лишь на частности. Письмо Чарторыжскаго отъ 18 января 1811 г. „Рус. Архивъ“ 1871 г., стр. 797—814.

чувство благодарности? Вѣдь поляки хорошо понимаютъ, что единственно императору французовъ обязаны они тою частицею возстановленія своего національнаго существованія, которою пользуются они нынѣ. Извѣстно также, что почти всѣ знатные поляки воспитываютъ дѣтей своихъ въ Парижѣ; это обстоятельство усиливаетъ также привязанность къ Франціи. А развѣ поляки могутъ забыть 20,000 солдатъ своихъ въ Испаніи; вѣдь они находятся всецѣло въ рукахъ Наполеона.

Чарторыжскій не отказывался поѣхать въ Варшаву, навести тамъ дальнѣйшія справки и о результатахъ ихъ увѣдомить Александра. Во всякомъ случаѣ, думаетъ онъ, слѣдуетъ обѣщать полякамъ либеральную конституцію 1791 года, возстановленіе ихъ отечества въ его прежнемъ объемѣ и свободные торговые пути съ иностранными государствами. Въ заключеніе князь вновь настаиваетъ на своей отставкѣ и говоритъ, что ему удобнѣе будетъ содѣйствовать планамъ императора въ качествѣ независимаго польскаго магната.

Какъ ни уклончивъ былъ въ сущности отвѣтъ Чарторыжскаго, какъ ни мало надеждъ подавалъ онъ Александру, но императоръ въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ (отъ 31 января и 12 февраля 1811 г.) продолжалъ настаивать на своемъ планѣ и развивать его подробно передъ своимъ мнимымъ другомъ. Онъ заявилъ, между прочимъ, что намѣренъ присоединить къ возстановленной Польшѣ всѣ присоединенныя къ Россіи польскія области, за исключеніемъ, впрочемъ, Бѣлоруссіи [1]). Далѣе онъ обѣщалъ полякамъ національную армію, отдѣльное самостоятельное управленіе и такую либеральную конституцію, которая во всякомъ случаѣ могла-бы удовлетворить поляковъ [2]). Взамѣнъ всѣхъ этихъ щедрыхъ

---

[1]) „Подъ этимъ возрожденіемъ подразумѣваю соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу, со включеніемъ русскихъ областей, за исключеніемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границами были Двина, Березина и Днѣпръ“. Письмо императора Александра отъ 31 января 1811 года. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 815—822.

[2]) „Не помню хорошо конституціи 3-го мая, не могу рѣшить ничего, не видавши ея и прошу васъ ее мнѣ прислать. Во всякомъ случаѣ предлагается конституція либеральная, которая могла-бы удовлетворить желаніямъ ихъ“. Письмо отъ 31 января.

обѣщаній императоръ требуетъ, чтобы корона Польши соединена была на вѣчныя времена съ короною Россійскою, и чтобы знатнѣйшіе представители герцогства Варшавскаго формально и торжественно заявили, что всѣ жители герцогства единогласно желаютъ возстановленія своего отечества при содѣйствіи Россіи и на основаніи вышеизложенныхъ условій.

Вслѣдъ за тѣмъ императоръ возвращается къ военной сторонѣ предстоящаго великаго дѣла. Онъ старается разсѣять сомнѣнія, высказанныя Чарторыжскимъ въ возможности успѣха [1]. Войско, которое будетъ сражаться совмѣстно съ поляками, состоитъ изъ 106.500 чел., его будетъ поддерживать вторая армія изъ 134.000 чел.; сформирована кромѣ того, изъ резервныхъ баталіоновъ и запасныхъ эскадроновъ, третья 45.000-я армія. Ко всѣмъ этимъ массамъ слѣдуетъ еще прибавить 80.000 рекрутовъ. Можно будетъ взять еще въ случаѣ надобности одну или двѣ дивизіи изъ Дунайской арміи. Итакъ, военныхъ силъ будетъ болѣе, нежели достаточно. Остальныя трудности, указанныя княземъ, также не имѣютъ особаго значенія. На счетъ польскихъ солдатъ въ Испаніи нѣтъ надобности тревожиться особенно. Въ самомъ худшемъ случаѣ они могутъ сдѣлаться военно-плѣнными и только; нѣсколько затруднительнѣе вопросъ о возвращеніи Польшѣ австрійской Галиціи; но императоръ надѣется уладить и это дѣло, предложивъ Австріи въ замѣнъ Галиціи Молдавію и Валахію. Надо будетъ также подумать о вознагражденіи короля Саксонскаго, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ сражаться на сторонѣ Россіи и Польши.

Весь способъ веденія предстоящей войны будетъ зависѣть отъ поляковъ. Если они не откликнутся на зовъ Россіи, то Александръ будетъ вести войну строго оборонительную. Наполеонъ пытался, правда, раздражить всячески Россію, заставить ее выступить въ качествѣ нападающей стороны, но

[1] Чарторыжскій высказалъ эти сомнѣнія подробно въ своемъ письмѣ отъ 18 января 1811 года. „Я такъ часто,—замѣтилъ онъ, между прочимъ,—видалъ въ Россіи 100,000 ч., записанныхъ на бумагѣ, а въ дѣйствительности ихъ было лишь 60,000“.

онъ, Александръ, никогда не впадетъ въ эту ошибку, гибельную при настоящемъ положеніи дѣлъ. Иное дѣло, если поляки соединятся съ нимъ. Тогда все перемѣнится разомъ. Усиленный 100,000 поляковъ и пруссаковъ, поддерживаемый моральною революціею, которую вызоветъ, безъ сомнѣнія, примѣръ поляковъ во всей Европѣ, Александръ будетъ дѣйствовать тогда наступательно.

Въ союзѣ съ Россіею, замѣчаетъ въ заключеніе императоръ, поляковъ ожидаетъ великая и славная судьба. Какая-же участь ждетъ ихъ въ случаѣ союза съ Франціею? Герцогство Варшавское сдѣлается тогда театромъ войны; оно превратится въ пустыню, все равно на чью сторону ни склонится побѣда.

Что-же отвѣчалъ князь Чарторыжскій на эти повторенныя и настойчивыя предложенія своего царственнаго друга? Отвѣты его остались для насъ, къ сожалѣнію, неизвѣстными. Не подлежитъ, однако-же, ни малѣйшему сомнѣнію, что отвѣты эти были во всѣхъ отношеніяхъ крайне неутѣшительнаго для Александра свойства. Они отнимали у него всякую надежду на возстановленіе поляковъ и на энергическую поддержку со стороны Чарторыжскаго [1]). Но спрашивается, излечили-ли они окончательно императора отъ его пристрастія къ полякамъ, заставили-ли они отказаться его отъ всякихъ надеждъ на польское движеніе въ пользу дѣла Россіи и Европы? Нѣтъ. Александръ не могъ разстаться такъ скоро съ любимыми планами и мечтами своей молодости. Поляки продолжали играть важную роль въ его политическихъ и военныхъ комбинаціяхъ и, что всего важнѣе для насъ въ данномъ случаѣ, руководителями ихъ, ихъ обратителями на путь спасенія должны были быть, по мнѣнію Александра, не кто-либо иной, какъ отцы іезуиты.

Въ числѣ многочисленныхъ иностранцевъ, тѣснившихся въ главной императорской квартирѣ въ Вильнѣ и предлагав-

---

[1]) „Ваши предыдущія письма“, пишетъ императоръ Александръ Чарторыжскому уже спустя слишкомъ годъ, 1-го апрѣля 1812 года,—„оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на успѣхъ“. Письмо императора отъ 1-го апрѣля 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 822—829.

ѣми силами вліяніе и власть. Онъ сблизился съ такимъ-же интриганомъ, какъ онъ самъ,—министромъ полиціи Балашевымъ, и принималъ, какъ извѣстно, самое дѣятельное участіе въ интригѣ противъ Сперанскаго [1]).

Армфельдъ заключилъ также дружескія связи и съ тѣми польскими аристократами, которые гнѣздились при Петербургскомъ дворѣ. Побуждаемый этими лицами, онъ началъ вновь возбуждать въ императорѣ Александрѣ угасшія на время польскія симпатіи и надежды. Онъ старался доказать государю, что поляки перейдутъ на сторону Россіи, стоитъ лишь обѣщать имъ возстановленіе стараго королевства, либеральную конституцію, самостоятельное управленіе, отдѣльное войско. При этомъ Армфельдтъ ссылался на свою переписку съ знатными поляками и увѣрялъ государя, что хотя поляки и не любятъ Россію, но за то высоко уважаютъ его, императора Александра, и относятся съ недовѣріемъ къ императору французовъ. Не довольствуясь собственными внушеніями, Армфельдтъ доставилъ доступъ къ государю и извѣстному польскому эмигранту, графу Михаилу Огинскому. Огинскій игралъ въ свое время, въ 1794 г., не совсѣмъ блестящую роль въ войнѣ съ русскими. Съ тѣхъ поръ онъ велъ скитальческую жизнь политическаго изгнанника и авантюриста. Онъ появлялся то въ Парижѣ, то въ Турціи. Подобно тысячамъ своихъ земляковъ, онъ возлагалъ долгое время всѣ свои надежды сначала на французскихъ якобинцевъ, а затѣмъ на Наполеона. Мало-по-малу онъ разочаровался, однакоже, въ властелинѣ французовъ и рѣшился искать спасенія для своей родины у великодушнаго русскаго императора [2]). Онъ представилъ Александру планъ дѣйствія по отношенію къ полякамъ. Императоръ, доказывалъ онъ, долженъ пріобрѣсти прежде всего полное довѣріе поляковъ. Онъ долженъ образовать для этой цѣли особое великое княже-

---

[1]) Объ участіи Армфельдта въ интригѣ противъ Сперанскаго см. между прочимъ статью М. Погодина въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г.

[2]) О мотивахъ, побудившихъ Огинскаго оставить всѣ надежды на Наполеона и искать спасенія у Александра, см. его собственные мемуары: Michael Oginski's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 310—313.

указываетъ онъ на это обстоятельство и приписываетъ ему рѣшающее значеніе. „Удовольствуюсь, говоритъ онъ между прочимъ, напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою русскія войска для того, чтобы отступать, не давая себя разстроить, и о возростающихъ трудностяхъ, которымъ будетъ подвергаться Наполеонъ по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ“ [1]).

Итакъ, война оборонительная, итакъ, отступленіе во внутрь Россіи! Но высказывая эту общую мысль, Александръ вовсе не думалъ, что отступленіе это можетъ продолжаться до самыхъ внутреннихъ губерній, до самаго сердца Россіи—Москвы. Онъ надѣялся задержать непріятеля еще въ предѣлахъ Западнаго края, не пустить его далѣе Двины и Днѣпра. Силы Наполеона должны были разбиться о крѣпкія позиціи, заранѣе избранныя нами у Дриссы и на Двинѣ, и его отступленіе должно было окончиться гибелью его арміи. Вотъ съ этого-то времени, съ начала отступленія Наполеона, должно было начаться и рѣшительное для остальной Европы возстаніе поляковъ. Именно въ эту минуту думалъ провозгласить Александръ возстановленіе польскаго королевства и онъ не сомнѣвался, что этотъ рѣшительный шагъ его произведетъ магическое дѣйствіе на поляковъ. Почву для прочнаго союза поляковъ съ Россіею должны были подготовить іезуиты; силою своего нравственнаго вліянія они должны были привлечь умы поляковъ на сторону императора Александра и зажечь въ ихъ сердцахъ ненависть къ обожаемому ими Наполеону. Александръ нисколько не сомнѣвался, что іезуиты могутъ совершить это чудо; онъ думалъ, что они съ энтузіазмомъ возьмутся за это дѣло уже изъ одного чувства благодарности къ русскому императору, осыпавшему ихъ столькими благодѣяніями, а еще болѣе изъ яснаго пониманія своихъ собственныхъ выгодъ и чести св. отца, такъ смертельно оскорбленнаго властелиномъ французовъ. Что іезуиты поступятъ именно такъ, а не иначе, что они дѣйствительно проникнуты чувствами самой пламенной благодарно-

[1]) Тоже письмо отъ 1 апрѣля 1812 года.

сти къ Россіи и ея императору, въ этомъ неустанно увѣряли Александра не только всѣ его приближенные изъ поляковъ, но также и посланникъ короля Сардинскаго, графъ Іосифъ де-Местръ, человѣкъ, мнѣнію котораго въ этомъ вопросѣ императоръ Александръ придавалъ особенно большое значеніе.

Де-Местръ [1]) принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу знаменитѣйшихъ софистовъ новой эпохи. Извѣстно, что онъ всю свою жизнь посвятилъ ожесточенной борьбѣ противъ революціи и ея разрушительныхъ началъ. Неустанная борьба съ революціею,—борьба, происходившая, впрочемъ, исключительно на поприщѣ салона, литературы и дипломатической интриги, открыла де-Местру доступъ ко дворамъ, доставила ему громкую славу въ аристократическихъ и придворныхъ кружкахъ. Единственное спасеніе отъ революціоннаго яда де-Местеръ видѣлъ совершенно основательно въ религіи, но подъ религіею онъ понималъ не христіанство въ истинномъ, высокомъ его значеніи, ни даже римскій католицизмъ, а тотъ видъ католицизма, который проповѣдуется іезуитами. Іезуитовъ и папство де-Местръ считалъ тѣми единственными спасительными силами, которыя могутъ остановить всесокрушающій потокъ революціи, возстановить падшій авторитетъ правительствъ, разрушенную семью, поруганную общественную и частную нравственность. Что папство и іезуиты стремятся сами всѣми силами къ владычеству надъ міромъ, объ этомъ обстоятельствѣ де-Местръ благоразумно умалчивалъ; да его аристократическіе слушатели, очень мало знакомые съ исторіею прошлаго, ослѣпленные и ошеломленные страшнымъ призракомъ революціи, и не въ состояніи были задавать ему непріятные вопросы по этому поводу. Съ чего-же слѣдуетъ начать, по мнѣнію де-Местра, спасеніе об-

[1]) Главнымъ источникомъ для изученія многосторонней дѣятельности графа де-Местра въ Россіи должно служить извѣстное изданіе: Memoires politiques et correspondance diplomatique de J. de-Maistre. Paris 1859. Извлеченіе изъ этого изданія помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г., стр. 54 и слѣд. Де-Местръ былъ посломъ Сардинскаго короля въ Россіи въ теченіи 14 лѣтъ, начиная съ 1803 года.

щества отъ революціоннаго яда? Разумѣется, необходимо прежде всего обратить самое тщательное вниманіе на воспитаніе юношества, необходимо предоставить это великое дѣло іезуитамъ и организовать все воспитаніе по образцу, давно уже выработанному знаменитымъ орденомъ [1]). Прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы учить какъ можно меньше,—учить лишь тому, чтó существенно необходимо. Не слѣдуетъ обременять память молодыхъ людей слишкомъ большимъ количествомъ свѣдѣній, не слѣдуетъ напрягать черезъ мѣру ихъ умственныя способности. Не надо увеличивать такъ поспѣшно число училищъ въ имперіи; русскій народъ вовсе не требуетъ ихъ, не нуждается въ нихъ. Императоръ долженъ проникнуться прежде всего убѣжденіемъ, что онъ нуждается только въ людяхъ честныхъ и въ людяхъ храбрыхъ, другими словами—въ покорныхъ подданныхъ и въ храбрыхъ солдатахъ. Наука, доказываетъ де-Местръ, дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ и неспособнымъ къ великимъ предпріятіямъ; она развиваетъ въ немъ духъ самомнѣнія и заносчивости, превращаетъ его въ критическаго наблюдателя за дѣйствіями правительства, въ поборника новизны, въ врага сильной власти и національности. Не слѣдуетъ забывать также, что наука существуетъ не для всѣхъ. Военные, напримѣръ, а ихъ число составитъ 80 процентовъ всего русскаго дворянства, не могутъ и не должны быть учеными. Наука дѣлаетъ военнаго домосѣдомъ и лѣнтяемъ, она отнимаетъ у него ту смѣлость, тотъ предпріимчивый духъ, безъ которыхъ немыслимы великіе успѣхи. Къ тому же огромное большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не пожелаетъ учиться прилежно, а безъ прилежанія невозможно серьезное ученіе. Естественныя науки должны быть изгнаны, по мнѣнію де-Местра, изъ гимназій, лицеевъ и другихъ общеобразовательныхъ заведеній. Не слѣдуетъ также обременять память учениковъ и отравлять ихъ образъ мыс-

---

[1]) Свои мысли о воспитаніи де-Местръ изложилъ въ пяти письмахъ къ министру народнаго просвѣщенія, Разумовскому. Они помѣщены въ „Lettres et Opuscules“. Т. II стр. 350 и слѣд.

лей изученіемъ всеобщей исторіи: ни одна наука не проникнута такимъ страшнымъ ядомъ для молодыхъ умовъ, какъ исторія. Само собою понятно, что въ школахъ не можетъ имѣть мѣста преподаваніе государственнаго и естественнаго права. Греческій языкъ также не долженъ входить въ программу русской школы. Онъ слишкомъ труденъ для русскихъ: всякій русскій, особенно знатный и благородный, согласится скорѣе выдержать три похода и шесть сраженій, нежели выучить греческія спряженія.

Такимъ оригинальнымъ образомъ доказывалъ де-Местръ необходимость изгнанія греческаго языка изъ русской школы въ письмѣ своемъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія—Разумовскому. Нѣсколько откровеннѣе высказался онъ по этому же вопросу въ своей книгѣ „О папѣ". Латинскій языкъ, говоритъ онъ тамъ, есть языкъ римскихъ завоевателей и миссіонеровъ римской церкви. Греческій языкъ есть, правда, языкъ Евангелія; но Евангеліе не можетъ и не долженъ читать добрый христіанинъ, онъ долженъ довольствоваться живымъ словомъ епископа и священника. Братское единство, вытекающее изъ одного общаго языка, представляетъ собою таинственную, необычайно сильную связь. Въ [illegible] столѣтіи папа Іоаннъ VIII имѣлъ слабость дозволить славянамъ отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, [illegible] самъ [illegible] этого разрѣшенія. Григорій VII отмѣнилъ распоряженіе своего предшественника, но это было уже поздно по отношенію къ русскимъ. Какія невыгоды проистекали изъ этой снисходительности Іоанна VIII для великаго русскаго народа. Если бы латинскій языкъ утвердился въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ, тогда [illegible] Россія [illegible] славянскій [illegible] исторія [illegible]

Такимъ [illegible] оригинальныя воззрѣнія де-Местра на [illegible] софистъ [illegible] императору Александру, [illegible] Разумовскаго. Цѣль самая

раторомъ де-Местръ выступалъ преимущественно въ качествѣ философскаго противника революціи и ея порожденія—Наполеона. Іезуиты, доказывалъ онъ государю, могутъ принести громадную неизмѣримую пользу и въ борьбѣ съ революціонными идеями, и съ самимъ Наполеономъ. Но для этого необходимо имъ дать средства. Они должны имѣть такое высшее учебное заведеніе, которое пользовалось-бы всѣми правами университетовъ, которое дало-бы имъ возможность воспитать цѣлое поколѣніе будущихъ наставниковъ и руководителей юношества и вѣрныхъ слугъ государства. Такое дѣло еще болѣе крѣпкими узами соединитъ іезуитовъ съ Россіею и заставитъ ихъ рѣшиться на все, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ и чести русскаго государя.

Императоръ Александръ поддался на выводы? ловкаго софиста, онъ далъ слово де-Местру возвести іезуитскую Полоцкую коллегію на степень академіи. Между тѣмъ наступилъ страшный 1812 годъ. Александръ, все еще не оставлявшій своихъ польскихъ плановъ, рѣшился воспользоваться для ихъ осуществленія услугами іезуитовъ. Сама судьба, казалось, предостерегала его отъ этихъ союзниковъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, Магницкій донесъ министру полиціи Балашеву, что какой-то іезуитъ являлся къ нему съ предложеніемъ отравить Наполеона. Балашевъ донесъ объ этомъ государю; тотъ вскипѣлъ негодованіемъ и въ скоромъ времени пригласилъ къ себѣ графа де-Местра. „Что думаете вы объ іезуитахъ?“—спросилъ государь входящаго графа. Де-Местръ разразился восторженными похвалами; въ своемъ увлеченіи онъ дошелъ до того, что объявилъ: „никогда-бы не было французской революціи, если-бы папа не закрылъ такъ несвоевременно іезуитскаго ордена“. [1])—„Мнѣ донесли недавно“, прервалъ его государь.—„Я знаю, что вы хотите сказать, Ваше Величество“, замѣтилъ де-Местръ. „Но развѣ можно вѣрить доносамъ такого человѣка, какъ Магницкій. Человѣкъ, рѣшающійся на подобныя вещи, самъ заслуживаетъ висѣлицы,

---

[1]) Подробности этого разговора см. въ депешѣ де-Местра къ его правительству отъ 20 апрѣля 1812 года.

тѣмъ болѣе. что онъ не можетъ даже назвать того патера, который сдѣлалъ ему подобное предложеніе". Александръ, повидимому, вполнѣ удовлетворился этимъ голословнымъ оправданіемъ. Немедленно-же обратился онъ къ вопросу, занимавшему его всего болѣе въ то время. „Какъ вы думаете, спросилъ онъ де-Местра,—расположены-ли іезуиты дѣйствовать въ добромъ смыслѣ на общественное мнѣніе въ Польшѣ?" [1])—„Они готовы къ этому,—отвѣчалъ де-Местръ, и употребятъ на это дѣло всѣ свои силы. Я скоро буду между ними и постараюсь воспламенить еще болѣе ихъ рвеніе, хотя и считаю это излишнимъ. Ученіе іезуитовъ, по отношенію къ тому вопросу, который имѣете въ виду, Ваше величество, есть ученіе католическое. Свѣтъ солнца менѣе извѣстенъ, нежели это ученіе" [2]). Іезуиты пожали давно подготовленную жатву, они получили свою награду заблаговременно. Въ апрѣлѣ 1812 года послѣдовала Высочайшая грамота объ учрежденіи въ Полоцкѣ іезуитской академіи, „для торжественнаго ознаменованія, какъ сказано въ ней, особеннаго монаршаго благоволенія къ Полоцкой іезуитской коллегіи, толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества" [3]). Номинально академія была подчинена министру народнаго просвѣщенія, въ дѣйствительности же она управлялась вполнѣ самостоятельно генераломъ іезуитскаго ордена. Академіи предоставлены были всѣ права и преимущества университетовъ. Она возводила въ ученыя степени и всѣ ея дипломы имѣли одинаковое значеніе съ университетскими. Академія раздѣлялась на три факультета: богословскій, философскій и смѣшанный, въ которомъ преподавались науки естественныя и юридическія. Она имѣла свою собственную типогра-

[1]) Croyez-vous qu'ils fussent disposés à travailler sur l'opinion, en Pologue, dans le bon sens? Депеша де-Местра отъ 20 апрѣля 1812 года.

[2]) Ils y sont très disposés, et ils s'y emploieront de toutes leurs forçes; je vais d'abord les voir sur les lieux et je les échaufferai des toutes mes forçes, mais, je crois, inutilement. Leur enseignement estl' enseignement catholique (sur le point que vous avez en vue): le soleil est moins connu". Тамъ-же.

[3]) Текстъ грамоты помѣщенъ у гр. Толстаго въ его сочиненіи: „Католицизмъ въ Россіи". Т. II. Приложеніе 12. Подробности объ открытіи академіи у Морошкина. Т. II, глава 7.

фію и ей принадлежала цензура печатаемыхъ въ ней книгъ. Наконецъ, всѣ іезуитскія училища въ имперіи подчинены были Полоцкой академіи. Іезуиты и друзья ихъ ликовали. Великое дѣло, о которомъ хлопотали такъ долго и безуспѣшно два генерала ордена, Груберъ и Березовскій, было совершено... Теперь іезуиты должны были сослужить обѣщанную ими службу. Александръ не сомнѣвался въ ихъ благодарной готовности; ниже мы увидимъ, какъ оригинально поняли іезуиты свой долгъ по отношенію къ Россіи и ея государю.

Таковы были тѣ печальныя самообольщенія, которымъ предавался императоръ Александръ на самомъ канунѣ разрыва съ Наполеономъ. На ряду съ этими зловѣщими признаками не было, правда, недостатка и въ другихъ болѣе отрадныхъ предзнаменованіяхъ. Александръ не бросался на этотъ разъ въ войну очертя голову, не соразмѣривъ своихъ силъ съ силами противника, какъ было это въ 1805 году. Онъ былъ далекъ отъ всякой самоувѣренности и отлично сознавалъ, что предстоящая борьба потребуетъ со стороны Россіи крайняго напряженія силъ [1]). Лучше кого-либо другаго сознавалъ онъ также, что главное дѣло въ этой борьбѣ должно выпасть на долю народа русскаго, что необходимо, слѣдовательно, прежде всего сдѣлать эту войну народною, возбудить чувство патріотизма въ народѣ, показать ему, что на этотъ разъ дѣло идетъ о спасеніи чести и существованія отечества. Но для этого необходимо было прежде всего найти человѣка, который по своему характеру, складу ума, образу міровоззрѣнія, могъ-бы явиться посредникомъ между монархомъ и народомъ, языкъ котораго былъ-бы понятенъ и доступенъ для народа. Императоръ Александръ отлично понималъ, что такого че-

---

[1]) „Если только война начнется, писалъ Александръ Чарторыжскому, здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противоположность тому, коего вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже болѣе того хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ того его силу признаютъ и считаютъ неудачи весьма возможными; но не смотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь имперіи". Пис. импер. Александра отъ 1 апрѣля 1812 года.

[redacted]

[illegible]

[illegible] — Карамзинъ [illegible]

проникнуть [illegible]

крайне [illegible]

[illegible]

Уже [illegible]

[illegible] Карамзинъ [illegible]

[illegible] Карамзинъ [illegible]

[illegible] Уже [illegible] Карамзинъ [illegible]

[illegible]

[illegible] эти [illegible] именно тѣми [illegible] См. также примѣчаніе издателей [illegible] Шишкова [illegible] I стр. 12[illegible].

и притомъ, главнымъ образомъ, литераторъ, что онъ былъ пропитанъ, подобно самому императору Александру, идеями Запада, дѣлало его въ концѣ концовъ мало способнымъ говорить съ народомъ въ такія торжественныя минуты. Надо было найти человѣка иного закала, болѣе опытнаго, болѣе виднаго въ государственной службѣ, и въ то-же время болѣе простаго. И вотъ вниманіе Александра останавливается на адмиралѣ Шишковѣ. Выборъ оригинальный, бросающій яркій свѣтъ на характеръ императора Александра! Онъ совсѣмъ не былъ расположенъ къ Шишкову и не благоволилъ ему до самаго послѣдняго времени [1]). Что могло быть общаго между нимъ и этимъ 60-ти лѣтнимъ старикомъ, всецѣло проникнутымъ идеями и воспоминаніями великой Екатерининской эпохи, смотрѣвшимъ съ такимъ явнымъ неудовольствіемъ на всѣ реформы и нововведенія его царствованія, сторонившимся такъ упорно отъ всѣхъ новыхъ людей, окружавшихъ государя. А между тѣмъ старый адмиралъ былъ именно такой человѣкъ, какой нуженъ былъ теперь императору Александру. При всѣхъ своихъ странностяхъ и недостаткахъ, онъ производилъ на всѣхъ, и въ томъ числѣ на иностранцевъ, впечатлѣніе человѣка умнаго, честнаго и, прежде всего, русскаго, и притомъ русскаго съ ногъ до головы. Онъ не былъ способенъ ни къ геніальному паренію Державина, ни къ тонкой, изящной рѣчи Карамзина; его умственный кругозоръ не былъ особенно обширенъ, но за то онъ стоялъ всецѣло на почвѣ своего народа, своей вѣры и стоялъ крѣпко, непоколебимо. Тамъ, гдѣ дѣло касалось его родины, его земляковъ, его вѣры, тамъ онъ не зналъ страха человѣческаго, тамъ онъ способенъ былъ возвыситься до истиннаго вдохновенія, тамъ онъ могъ говорить языкомъ чуднымъ, сильнымъ, языкомъ чисто русскимъ.

„Шишковъ, замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Арндтъ [2]), былъ великій оригиналъ, истый русскій и, какъ сдается мнѣ,—

---

[1]) См. примѣчаніе къ запискамъ, гдѣ Шишковъ самъ говоритъ о той немилости, въ которой онъ былъ у Александра до самаго 1812 г. Т. I, стр. 118.

[2]) Арндтъ, извѣстный германскій патріотъ, былъ вызванъ Штейномъ въ Пе-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

чего-то недобраго [1]), но государь принялъ его ласково, съ тою чарующею любезностью, которая была присуща ему. „Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству, сказалъ онъ старому адмиралу. Имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезнымъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ“.—„Государь! я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ. Это будетъ первый мой опытъ; а потому и не знаю, могу-ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе“,—отвѣчалъ Шишковъ. Государь настоятельно повторилъ свою просьбу, и уже на другой день манифестъ былъ готовъ. Опытъ удался, какъ нельзя лучше. Манифестъ былъ написанъ въ такомъ благородномъ, сдержанномъ, но въ тоже время народномъ и патріотическомъ духѣ, что долженъ былъ произвести наилучшее впечатлѣніе. Онъ далекъ былъ отъ сухаго, дѣловаго тона подобныхъ бумагъ, отъ дипломатическихъ тонкостей и оправданій предпринимаемой чрезвычайной мѣры. Онъ указывалъ на тревожное положеніе Европы вообще, на опасности, могущія возникнуть для Россіи, и выражалъ непоколебимую увѣренность, что народъ русскій, столь миролюбивый по природѣ своей, возстанетъ, по примѣру прошлаго, какъ одинъ человѣкъ на защиту вѣры и отечества, безъ всякаго различія въ чинахъ, званіяхъ и состояніяхъ [2]). Ожиданія государя оправдались какъ нельзя лучше; уже чрезъ нѣсколько дней по изданіи манифеста министръ внутреннихъ дѣлъ началъ получать донесенія и письма изъ разныхъ городовъ, въ которыхъ говорилось, что присланный къ нимъ манифестъ не только не произвелъ того прискорбія, какое обыкновенно при подобныхъ требованіяхъ бываетъ, но что напротивъ всѣми вообще съ радостью былъ читанъ [3]). Гигантъ, имя которому народъ русскій, угрожаемый въ самомъ своемъ отечествѣ, затронутый въ своихъ существеннѣйшихъ интересахъ

---

[1]) См. Записки Шишкова. Т. I, стр. 119—121.

[2]) Текстъ манифеста въ полномъ собраніи законовъ 1812 г. 25,051, а также въ приложеніи къ первому тому Записокъ Шишкова, стр. 423 и 24.

[3]) Записки Шишкова. Т. 1, стр. 122.

нуты предпринималъ онъ все новыя и новыя попытки примиренія. А Наполеонъ, старавшійся обмануть и опутать его окончательно, намѣренно поддерживалъ въ немъ эти надежды. Уже за нѣсколько дней до разрыва онъ прислалъ въ Вильну своего уполномоченнаго—графа Нарбонна. Хотя Нарбоннъ не привезъ съ собою никакихъ опредѣленныхъ предложеній, хотя вся его миссія носила на себѣ шпіонскій характеръ, тѣмъ не менѣе государь принялъ его благосклонно, осыпалъ любезностями, велъ съ нимъ безплодные переговоры и показывалъ ему свои войска.

Изъ этой же послѣдней, замирающей надежды сохранить миръ вытекла отчасти и посылка Балашева къ Наполеону, хотя нельзя не замѣтить, что отряжая этого послѣдняго вѣстника мира, императоръ имѣлъ въ виду и другую, болѣе сообразную съ обстоятельствами цѣль [1]). Онъ хотѣлъ выставить Наполеона передъ глазами всего свѣта единственнымъ виновникомъ войны и доказать еще разъ, и притомъ въ такую тяжелую минуту, свое миролюбіе [2]). Понятно, что посольство Балашева не имѣло, да и не могло имѣть никакихъ результатовъ: оно дало только Наполеону удобный случай разыграть одну изъ тѣхъ трагикомедій, устроить ту возмутительную для самого его-же сцену, разыгрывать которыя онъ былъ такой великій мастеръ [3]). Чего только не наговорилъ императоръ французовъ русскому министру полиціи. Онъ увѣрялъ его въ своемъ неизмѣнномъ расположеніи

---

[1]) Балашевъ отправленъ былъ къ Наполеону въ тотъ день, когда въ Вильнѣ получено было извѣстіе о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ, т. е. когда война началась уже фактически. Балашевъ изложилъ весь разговоръ свой съ Наполеономъ въ особой запискѣ, дословно напечатанной Н. Ф. Дубровинымъ въ его трудѣ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ". См. также статью „Историческаго Вѣстника" 1883 г. май: „Свиданіе генерала Балашева съ Наполеономъ", стр. 424 и слѣдующія.

[2]) „Хотя, впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей посылки прекращенія войны, но пусть-же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы". Подлинныя слова Александра при отпускѣ Балашева.

[3]) Извѣстно, что Наполеонъ принялъ Балашева только послѣ прибытія своего въ Вильну, въ томъ самомъ кабинетѣ, изъ котораго императоръ Александръ отправилъ нѣсколько дней тому назадъ своего уполномоченнаго.

неоправдываемою обстоятельствами обширностью и раскиданностью. Силы России, не смотря на долгія приготовленія, далеко не могли сравниться по своей численности съ силами ея страшнаго противника, а между тѣмъ эти силы не были сосредоточены на томъ театрѣ войны, гдѣ должно было воспослѣдовать рѣшеніе. Значительная часть нашихъ войскъ находилась вдали отъ западныхъ границъ; она предназначалась для такъ называемыхъ диверсій въ тылу противника. Три дивизіи подъ начальствомъ генерала Штейнгейля собраны были на сѣверѣ, въ Финляндіи и окрестностяхъ Петербурга. Онѣ должны были соединиться съ шведами, помочь имъ при завоеваніи Норвегіи—за эту цѣну Швеція заключила съ нами союзъ,—переправиться затѣмъ въ сѣверную Германію и поднять тамъ возстаніе противъ французовъ. Еще болѣе важная задача возлагалась на Дунайскую армію, только что окончившую войну съ Турціею. Она должна была проникнуть чрезъ Сербію въ Далмацію и Иллирію, а въ случаѣ возможности даже въ сѣверную Италію. Предполагалось, не безъ основанія, что воинственныя славянскія племена Балканскаго полуострова окажутъ ей могущественное содѣйствіе, что англичане поддержатъ ея предпріятія своимъ флотомъ, что ея успѣхи могутъ отвлечь отъ Наполеона даже Австрію. Императоръ Александръ и нѣкоторые изъ его военныхъ совѣтниковъ придавали обѣимъ этимъ диверсіямъ, особенно послѣдней, громадное значеніе, но они упускали при этомъ изъ виду самое основное правило военнаго искусства. Правило это требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ должны совершаться рѣшительныя дѣйствія. Во всякомъ случаѣ диверсіи эти могли оказать вліяніе только тогда, когда на главномъ театрѣ войны уже воспослѣдуетъ безповоротное рѣшеніе. Въ концѣ концовъ онѣ должны были устранить отъ участія въ этомъ рѣшеніи весьма значительную часть нашихъ силъ и оказать гибельное вліяніе на весь исходъ дѣла.

Еще важнѣе было другое обстоятельство. Въ то время какъ въ французской арміи господствовало строжайшее единство и вся власть и военныя команды сосредоточены были

ководить самъ движеніями своихъ войскъ, слѣдуя при этомъ внушеніямъ и совѣтамъ своего военнаго ментора, бывшаго прускаго полковника, а въ то время генералъ-лейтенанта Фуля [1]. Фуль былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ недюжинный, но прежде всего страшный оригиналъ и настоящій теоретикъ. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ образованіи, но ему совершенно недоставало практическихъ знаній. Человѣкъ крайне замкнутый въ самомъ себѣ, онъ вѣчно сторонился отъ внѣшней жизни и не хотѣлъ знать ее, на сколько это было возможно. Военный по призванію и по склонности, онъ не обращалъ, однако-же, ни малѣйшаго вниманія на современныя военныя событія. Онъ не признавалъ военнаго генія Наполеона; Юлій Цезарь и Фридрихъ II казались ему единственными, достойными изученія мастерами военнаго дѣла; постоянно изучалъ онъ ихъ походы, но изучалъ безъ всякой исторической критики. Послѣдствіемъ такого изученія явилась, наконецъ, его собственная система, не выдерживавшая, по замѣчанію Клаузевица, ни исторической, ни философской критики. Она заключалась въ чисто мертвомъ, механическомъ правилѣ, казавшемся ему послѣднимъ словомъ стратегической мудрости. Оборонительную войну, гласило это правило, слѣдуетъ вести двумя арміями. Одна изъ этихъ армій должна противостоять непріятелю съ фронта, другая должна производить диверсіи въ тылу и его флангахъ. Для того чтобы прикрывать какую-нибудь дорогу, всего лучше располагаться въ сторонѣ отъ нея, т. е. занимать такъ называемую фланкирующую позицію [2]. Таковы были основныя истины Фулевской стратегіи, которыя онъ считалъ одинаково непреложными при всѣхъ условіяхъ, одинаково примѣнимыми при всѣхъ обстоятельствахъ. Возвѣщая эти истины тономъ непогрѣшимаго учителя, Фуль относился въ тоже время съ такимъ презрѣніемъ къ поверхностности, фальши и слабости заурядныхъ людей, би-

---

[1] О Фулѣ и его планахъ см. Clausewitz: Der Feldzug in Russland 1812. T. I. Bernhardi: Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, въ особенности страницы 255 и слѣд.

[2] Это положеніе своей стратегіи Фуль заимствовалъ изъ сочиненія генерала Бюлова. Bernhardi. T. I стр. 256.

чевалъ съ такою горькою ироніею эти обычные недостатки толпы, что невольно производилъ на людей, имѣвшихъ случай слушать его, впечатлѣніе человѣка необыкновенно глубокаго, сильнаго, геніальнаго. Погруженный въ глубину своего собственнаго я, въ вѣчное созерцаніе своей стратегіи, Фуль терялся окончательно при малѣйшемъ столкновеніи съ грубою дѣйствительностью. Раздражительный, мягкій по природѣ, онъ неспособенъ былъ къ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, и его горделивое мнѣніе о силѣ и непоколебимости разъ выработаннаго имъ рѣшенія часто оказывалось несостоятельнымъ въ приложеніи къ дѣлу. Иронія была его выдающимся качествомъ, она нападала на него послѣ всякой большой неудачи, послѣ страшной катастрофы. Онъ изливался тогда цѣлымъ потокомъ упрековъ, насмѣшекъ, хохоталъ какъ безумный и не дѣлалъ ровно ничего для спасенія потеряннаго дѣла. Во время неудачъ, постигшихъ союзниковъ въ революціонную войну, Фуль говаривалъ съ сарказмомъ: „какое мнѣ до этого дѣло, вѣдь все равно, все должно пойти къ чорту!" Во время бѣгства съ поля битвы при Іенѣ онъ бросилъ свою шляпу на землю и кричалъ съ хохотомъ безумнаго: „прощай прусская монархія!" Въ ноябрѣ 1812 года, въ то самое время, когда французы бѣжали уже изъ Россіи, Фуль обратился къ Клаузевицу со словами: „вѣрьте мнѣ, изъ всего этого дѣла не выйдетъ ничего добраго!"

Спрашивается: какими способами могъ пріобрѣсти этотъ чудакъ то безграничное довѣріе, которымъ онъ пользовался, одно время, у императора Александра? Безъ сомнѣнія, онъ привлекъ къ себѣ русскаго государя отчасти кажущеюся глубиною своихъ стратегическихъ соображеній, а еще болѣе своимъ дѣйствительно честнымъ и благороднымъ характеромъ. Онъ неспособенъ былъ льстить и заискивать подобно другимъ проходимцамъ, онъ былъ человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ, а это и располагало къ нему все болѣе и болѣе императора.

Планъ дѣйствій, составленный Фулемъ и одобренный государемъ, основался на предположеніяхъ и данныхъ, вовсе і существовавшихъ въ дѣйствительности. Фуль пол

Наполеонъ располагаетъ не болѣе какъ 200,000-ою арміею [1], тогда какъ въ дѣйствительности силы непріятеля доходили до семисотъ тысячъ солдатъ. Русская армія, по мнѣнію Фуля, должна была состоять также изъ 200,000 человѣкъ, тогда какъ на дѣлѣ она далеко не достигала этой цифры. Всѣ силы Наполеона, по предположенію Фуля, были сосредоточены на средней Вислѣ, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ расположены были гораздо сѣвернѣе, по нижнему Нѣману. Фуль былъ почему-то увѣренъ, что Наполеонъ перейдетъ русскую границу между Гродно и Бѣлостокомъ, и что отъ Гродно онъ или повернетъ налѣво къ Вильнѣ, или же пойдетъ прямымъ путемъ на Слонимъ и Минскъ къ Смоленску. Эта вторая случайность казалась ему, впрочемъ, мало вѣроятною. При наступленіи первой случайности, первая русская армія, состоявшая, по опредѣленію Фуля и самого императора, изъ 120,000, а въ дѣйствительности всего изъ 95,000 чел., должна была собраться у Свѣнцянъ въ четырехъ переходахъ позади Вильны и отступить вслѣдъ затѣмъ въ укрѣпленный лагерь на Двинѣ, подъ Дриссою. Позиція подъ Дриссою имѣла въ глазахъ Фуля особенно важное значеніе, именно потому, что она лежала между тремя дорогами, изъ которыхъ двѣ вели къ Петербургу, а одна къ Москвѣ. Отсюда, изъ этого пресловутаго лагеря, можно было одинаково угрожать флангу Наполеона, все равно, какимъ-бы путемъ ни двинулся онъ. Мѣсто для лагеря подъ Дриссою было избрано адъютантомъ Фуля, Ф. Вольцогеномъ, такимъ-же чудакомъ и педантомъ, какъ и онъ самъ. Лагерь былъ разбитъ и укрѣпленъ по указаніямъ самого Фуля, но не смотря на все это, а можетъ быть именно поэтому, онъ оказался совершенно негоднымъ для оборонительныхъ цѣлей. Расположенный на берегу широкой, но мелкой Двины, окруженный съ фронта

---

[1] Такихъ-же крайне ошибочныхъ мнѣній о численности непріятельскихъ армій держались и другіе составители плановъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. Такъ полковникъ Толь въ запискѣ, поданной имъ князю Волконскому 22-го мая 1812 г., полагалъ, что главная сила Наполеона, съ которою онъ направится противъ первой арміи, будетъ состоять изъ 100,000 чел. (!) Bernhardi. Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, стр. 269.

большими лѣсами. онъ могъ быть легко обойденъ, атакованъ съ тыла и въ такомъ случаѣ русскую армію должна была постигнуть неизбѣжная гибель.

Столь-же неосновательны были и предположенія Фуля относительно второй русской арміи, князя Багратіона. Эта армія должна была дѣйствовать во флангъ и тылъ наступающаго Наполеона, а между тѣмъ возможно-ли было допустить, что Наполеонъ направитъ всѣ свои силы противъ одной первой арміи, что онъ не отрядитъ весьма значительную часть ихъ противъ второй и постарается или истребить ее совершенно, или отбросить ее далеко на югъ. Къ тому-же эта вторая армія состояла вовсе не изъ 80.000 человѣкъ, какъ предполагалъ Фуль, а всего лишь изъ 40.000 человѣкъ [1].

Едва только сдѣлался извѣстнымъ планъ Фуля, какъ со всѣхъ сторонъ подвергся ожесточенной критикѣ. Боевые генералы только пожимали плечами и съ негодованіемъ отворачивались отъ хитросплетеній кабинетнаго стратега. Знатные иностранцы, толпившіеся при императорской главной квартирѣ, элегантные генералъ-и-флигель-адъютанты, не имѣвшіе никакого опредѣленнаго назначенія, обуреваемые непобѣдимою потребностью мѣшаться во все и вся, громко выражали свое неодобреніе, предлагали свои собственныя соображенія и планы. Особенно суетились и выходили изъ себя ясновельможные паны, находившіеся въ свитѣ государя. Почти всѣ русскіе генералы, въ томъ числѣ и Барклай [2], громко высказывались противъ плана Фуля уже потому, что первый шагъ къ его выполненію заключался въ отступленіи передъ надменнымъ непріятелемъ. Не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній о громадномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, они сгорали нетерпѣніемъ дать противнику рѣшительную битву и остановить его дерзкое стремленіе на са-

[1] Или даже изъ 35.000, какъ высчитываетъ Бернгарди. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. I. стр. 256.

[2] Отступленіе вовсе не входило въ первоначальныя намѣренія Барклая, и вызвано было лишь послѣдующими событіями. „Надѣюсь, писалъ онъ Ба-гратіону, что Богъ избавитъ насъ отъ отступленія", въ другѣ мѣ... См. Bernhardi: Toll's Denkwürdigkeiten. Т. I. стр. 267.

момъ рубежѣ Россіи. Къ счастію для Россіи и для міра императоръ Александръ остался глухъ ко всѣмъ критикамъ своихъ приближенныхъ и требованіямъ своихъ генераловъ. Увѣренный въ превосходствѣ плана Фуля, онъ положилъ держаться его во что-бы то ни стало. Провидѣніе видимо начинало покровительствовать Россіи. Планъ Фуля [1]), самъ по себѣ несостоятельный, сдѣлался однако-же первою причиною отступленія нашихъ войскъ, а въ этомъ отступленіи заключалась единственная возможность нашего спасенія. Не далеко уже было то время, когда предъ прозрѣвшими очами Александра должно было обнаружиться ясно, что Божественный промыслъ обращаетъ къ нашему благу и спасенію самыя страшныя ослѣпленія и ошибки наши.

Пока императоръ Александръ былъ еще крайне далекъ отъ того настроенія, въ которомъ онъ могъ ожидать спасенія отъ неисповѣдимой благости Провидѣнія, пока онъ возлагалъ еще всѣ свои надежды на мудрость и силу человѣческія, шумная жизнь кипѣла вокругъ императора въ Вильнѣ. Все, казалось, поглощено было веселіемъ, наслажденіемъ минуты,— все, казалось, забыло о страшной тучѣ, висѣвшей надъ головами. Празднества, балы, смотры войскъ слѣдовали одни за другими. Польскіе паны стеклись отовсюду съ своими семействами. Императоръ Александръ, по своей врожденной любезности и изъ извѣстной уже намъ политической цѣли, всѣми силами старался привлечь къ себѣ поляковъ. На людей серьезныхъ и настроенныхъ мрачно вся обстановка и весь ходъ дѣлъ въ Вильнѣ производили тяжелое, непріятное впечатлѣніе. „Многія вещи, говоритъ Шишковъ, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, казались мнѣ странными, или, иначе сказать, такими, которыхъ я понимать не могъ. Упо-

1) Впослѣдствіи Фуль утверждалъ, что его планъ вовсе не ограничивался отступленіемъ къ Дриссѣ, а предполагалъ и дальнѣйшее отступленіе во внутрь Россіи, даже до самой Москвы. Такъ передаетъ, по крайней мѣрѣ, со словъ Фуля, прусскій фельдмаршалъ Мюфлингъ. Любопытно, однако-же, что другіе свидѣтели, бесѣдовавшіе съ Фулемъ въ томъ-же 1819 г., какъ и Мюфлингъ, ничего не знаютъ объ этой второй части его плана. Не знаетъ объ ней также ничего и Вольцогенъ, интимный другъ Фуля, посредникъ между нимъ и русскими генералами. См. Bernhardi: Toll's Denkwürdigkeiten. T. I. Beilage 5.

мянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ. Первое, меня удивляло, что г
сударь говоритъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядите
войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполните
его повелѣній. Второе, меня удивляло, что мы съ войска
зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая остави
оную безъ сопротивленія непріятелю, отступая до Дрисс
гдѣ поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ над
жало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ, думалъ я, ид
въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ-бы
плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи? Развѣ непріяте
безъ отступленія нашего не пошелъ-бы къ намъ?" [1]).

Почтеннаго адмирала удивляли еще и многія другія о
стоятельства. Съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, какъ высок
поставленныя лица, напр. Великій князь Константинъ Па
ловичъ [2]), тратили время и заботы на муштровку солдат
на мелочи и пустяки параднаго строя. Но всего болѣе п
ражала Шишкова та страшная безпечность, которая госпо
ствовала вокругъ него, которая втягивала его самого въ св
водоворотъ [3]). „Мы жили, говоритъ онъ, съ такою безпечн
стью, что даже не слыхали о непріятелѣ, словно какъ-б
онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ насъ: занимали
веселостями, строили галерею или залу, чтобы дать въ н
великолѣпный балъ, но зала сія, еще не доконченная, пов
лилась, и строитель ея пропалъ безъ вѣсти. Случайность-л
то была, или злонамѣреніе, чтобы ей обрушиться во врем

[1]) Записки Шишкова. Т. I стр. 125. Извѣстно, что Шишковъ былъ яры
противникомъ отступленія и остался таковымъ, не смотря на неслыханные р
зультаты этого отступленія. Свой взглядъ на весь ходъ кампаніи почтенный а
миралъ излагаетъ подробно въ своихъ запискахъ. Т. I. стр. 131—138.

[2]) Записки Шишкова. Т. I стр. 125 126.

[3]) Не одинъ, впрочемъ, Шишковъ, но и другіе свидѣтели повѣствуютъ
шумной и веселой жизни въ Вильнѣ на канунѣ войны. Графиня Шуазель-Гуф
урожденная Тизенгаузенъ, въ свое время блестящая красавица, съ видимы
увлеченіемъ вспоминаетъ объ этой эпохѣ въ своихъ мемуарахъ. Съ какимъ во
торгомъ говоритъ она о красотѣ императора Александра, о его чарующей л
безности съ дамами, о его добротѣ и простомъ, непринужденномъ обращені
Графиня описываетъ подробно балъ, устроенный всѣми придворными. Запи
гр. Шуазель-Гуфье помѣщены въ „Русской Старинѣ" за 1877 годъ, стр.
632. См. также записки графа Комаровскаго: „Русскій Архивъ" 1867 г., с

собранія и задавить многихъ,—никто не знаетъ [1]). Въ одинъ день, проводя вечеръ съ довольною пріятностью, пришелъ я домой и, ни о чемъ не помышляя, легъ спокойно спать,—какъ вдругъ въ два часа по полуночи будятъ меня и говорятъ, что государь за мною прислалъ. Я съ торопливостью вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ нему. Онъ былъ уже одѣтъ и сидѣлъ за письменнымъ столикомъ въ своемъ кабинетѣ. При входѣ моемъ, сказалъ онъ мнѣ: „надобно теперь же написать приказъ нашимъ арміямъ и къ фельдмаршалу, графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы" [2]).

Такъ окончилось виленское веселье. Прошло недѣли двѣ послѣ переправы Наполеона черезъ Нѣманъ, а уже несостоятельность плана Фуля начала обнаруживаться очевидно. Силы непріятеля были на столько колоссальны, что онъ имѣлъ полную возможность двинуть на каждую изъ нашихъ армій подавляющія массы. Барклай, тѣснимый главными силами непріятеля съ Наполеономъ во главѣ, принужденъ былъ отступать шагъ за шагомъ къ Дриссѣ. Но если это отступленіе входило въ планъ Фуля и могло казаться добровольнымъ и вовсе невынужденнымъ непріятелемъ, то въ совершенно иномъ видѣ представлялось положеніе дѣлъ по отношенію къ нашей второй арміи. Наполеонъ съ самаго начала поставилъ своею задачею оттѣснить князя Багратіона какъ можно далѣе отъ первой арміи, окружить его со всѣхъ сторонъ и нанести ему, если представится возможность, рѣшительное пораженіе. Съ этою цѣлью онъ направилъ противъ второй арміи весьма значительныя силы сначала подъ предводительствомъ брата своего Іеронима Вестфальскаго, а потомъ маршала Даву. Багратіонъ вскорѣ попалъ въ самое затруднительное положеніе. Онъ вышелъ изъ него безъ особенно большихъ

---

[1]) Изъ разсказовъ Шузель-Гуфье и гр. Комаровскаго оказывается, что строитель злополучной галереи былъ полякъ Шульцъ, что обрушилась она вслѣдствіе случайности, а не изъ злонамѣренія и что несчастный строитель, опасаясь отвѣтственности, утопился въ Виліи. Этотъ случай не помѣшалъ, впрочемъ, празднеству, замѣчаетъ гр. Шуазель-Гуфье. Все общество собралось на подмосткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ галереи и т. д. См. также записки гр. Комаровскаго, 6.

[2]) Записки Шишкова. Т. I, стр. 127.

потерь, единственно благодаря своей энергіи, неслыханной стойкости и выносливости своихъ войскъ и медленности движеній французовъ,—медленности, въ которой Наполеонъ винилъ впослѣдствіи своего брата, и которая происходила скорѣе отъ дурныхъ дорогъ, недостатка провіанта и громадной убыли въ лошадяхъ. Принужденный бороться съ превосходными силами непріятеля, отрѣзанный притомъ отъ всякихъ сообщеній съ первою арміею, Багратіонъ не могъ производить, разумѣется, тѣхъ движеній во флангъ и въ тылъ непріятельской арміи, которыя предписывались ему по плану Фуля. Ему казалось, что онъ имѣетъ передъ собою главныя силы Наполеона и онъ горько жаловался, что первая армія не пользуется этимъ выгоднымъ для нея положеніемъ дѣлъ и не переходитъ въ свою очередь въ наступленіе. Отсутствіе всякаго единства въ дѣйствіяхъ, совершенное разобщеніе нашихъ армій, недовѣріе и вражда между главнокомандующими,—вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ повело выполненіе Фулевскаго плана уже на первыхъ шагахъ.

Между тѣмъ первая армія благополучно достигла Дриссы. Въ теченіи трехъ дней, отъ 27 до 29 іюня, войска наши располагались въ укрѣпленномъ лагерѣ въ симметрическомъ порядкѣ, заранѣе предначертанномъ Фулемъ. Государь прибылъ въ лагерь еще 26-го числа. Новыя тяжелыя разочарованія ожидали его тутъ. Прежде всего онъ узналъ здѣсь, что армія Багратіона, тѣснимая непріятелемъ, принуждена была отступить сначала къ Минску, а затѣмъ еще далѣе на югъ къ Нѣсвижу и Бобруйску. Послѣдняя надежда привлечь Багратіона ближе къ лагерю, воспользоваться его силами для давленія на флангъ и тылъ противника, исчезла, такимъ образомъ, окончательно. Столь-же неосновательными оказались всѣ упованія на неприступныя твердыни Дрисскаго лагеря. „Каково мое было удивленіе, говоритъ Шишковъ [1], когда

[1]) Шишковъ. Записки. Т. I. стр. 138. О Дрисскомъ лагерѣ см. Богдановичъ. т. I. стр. 167—168; Bernhardi. т. I. стр. 261. Комаровскій разсказываетъ, что укрѣпленія лагеря были показаны ему Толемъ. „Баронъ Толь математически доказалъ мнѣ, что если мы дождемся Наполеона въ этомъ лагерѣ,

я отъ нѣкоторыхъ искусныхъ и благомыслящихъ людей услышалъ, что мѣстоположеніе сіе, при построенной на берегу рѣки ничтожной бойницѣ, скорѣе можетъ послужить въ пользу непріятеля, нежели нашу; даже говорили, что это западня, въ которую всѣ безъ изъятія могутъ быть загнаны и пойманы. Хотя служа всегда во флотѣ, былъ я несвѣдущъ о выгодныхъ или невыгодныхъ мѣстоположеніяхъ для битвы сухопутныхъ войскъ, однакожъ, по разсказамъ ихъ, находилъ сіе опасеніе ихъ весьма основательнымъ и справедливымъ. Тяжкая грусть овладѣла мною". Уже въ день прибытія государь вмѣстѣ съ своею свитою осматривалъ укрѣпленія лагеря. Находившійся тутъ-же Фуль, замѣчаетъ очевидецъ Клаузевицъ, объяснялъ императору значеніе и цѣль укрѣпленій, причемъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Императоръ видимо искалъ въ замѣчаніяхъ своихъ спутниковъ подтвержденія словъ Фуля, но онъ видѣлъ только однѣ сомнѣвающіяся, недовольныя физіономіи. Полковникъ Мишо даже открыто высказывалъ свое порицаніе, а молчаніе остальныхъ присутствующихъ служило какъ-бы подтвержденіемъ его словъ [1]).

Съ этого времени государь потерялъ окончательно всякую вѣру въ военный геній Фуля. Онъ сталъ избѣгать его, въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не говорилъ съ нимъ ни слова. Само собою понятно, что глядя на государя, и всѣ остальные начали сторониться отъ несчастнаго стратега [2]). А Фуль? Онъ впалъ въ свое обычное ироническое настроеніе. Въ разговорахъ съ генералъ-адъютантомъ Ожаровскимъ онъ хохоталъ вѣроятно тѣмъ же смѣхомъ, какъ и въ дни Іен-

---

то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, живьемъ возьметъ". Записки графа Комаровскаго: „Русскій Архивъ" 1867 г., стр. 772.

[1]) См. Bernhardi. T. I. стр. 297.

[2]) Никто не потѣшался такъ ядовито надъ Фулемъ, какъ маркизъ Паулуччи, Рижскій генералъ-губернаторъ. Онъ называлъ Дрисскій лагерь не иначе, какъ лагерь подъ Пирною. Записка Тучкова къ Комаровскому говоритъ: „никто такъ не надоѣдалъ генералу Фулю своими дерзкими насмѣшками на счетъ укрѣпленнаго его лагеря, какъ маркизъ Паулуччи. Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальскій столъ, но бѣдный Фуль пересталъ ходить съ нами, чтобы не быть предметомъ насмѣшекъ". Записки, 773.

скаго погрома. Шишковъ, бывшій свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ, считалъ этотъ хохотъ неумѣстнымъ весельемъ, видѣлъ въ немъ ясный признакъ, если и не зложеланія, то, по-крайней мѣрѣ, равнодушія къ нашему жребію [1]. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ душѣ злосчастнаго происходила страшная внутренняя борьба, что его мужество было сломлено окончательно, что онъ боялся царской немилости со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями. Долго уговаривалъ его Клаузевицъ предупредить окончательный разрывъ, пойти къ императору и дать ему совѣтъ отдать команду надъ арміею безусловно генералу Барклаю. Фуль рѣшился, наконецъ, идти къ государю. Вопреки ожиданіямъ, императоръ принялъ его ласково; онъ показалъ видъ, что [illegible] свое рѣшеніе единственно вслѣдствіе совѣта Фуля [2].

Уже на другой день въ военномъ совѣтѣ, на которомъ присутствовали лишь немногіе генералы и приближенные государя — Волконскій, Аракчеевъ, Барклай, принцъ Георгій Ольденбургскій и Вольцогенъ, [illegible] Фуля, — рѣшено было покинуть лагерь подъ Дриссой и дать первой арміи [illegible] направленіе, которое [illegible] съ Багратіономъ. [illegible] главнымъ образомъ, на- [illegible] Барклая-де-Толли [illegible] [illegible] соединеніи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [2].

[illegible]

Распрощавшись съ планами Фуля, императоръ Александръ одержалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великую побѣду надъ самимъ собою. Онъ не впалъ ни въ разочарованіе, ни въ отчаяніе,— онъ почувствовалъ въ себѣ, напротивъ, новыя, небывалыя силы, а его сердце, наполняемое до тѣхъ поръ ложными надеждами и хитросплетеніями человѣческими, начало проникаться теплою вѣрою въ благость божественнаго Провидѣнія. Небывалый святой энтузіазмъ проникъ все его существо, умственный кругозоръ его безконечно разсширился; онъ вдругъ понялъ, что эта война—война необычайная, что она требуетъ и необычныхъ мѣръ, и необычнаго напряженія силъ, и необычной твердости. Уже многіе изъ его окружающихъ и близкихъ потеряли присутствіе духа, уже Великій князь Константинъ Павловичъ отважился предложить ему послать къ Наполеону и просить у него мира, на какихъ-бы то ни было условіяхъ [1]). Государь былъ встревоженъ, огорченъ подобными совѣтами, но онъ отвергъ ихъ рѣшительно, не колеблясь ни минуты. Въ письмѣ къ кронпринцу Шведскому изъ Дрисскаго лагеря онъ заявлялъ о своемъ безповоротномъ рѣшеніи продолжать войну во что-бы то ни стало, выдерживать борьбу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, отступать, сражаясь до самой Волги. Выработавъ въ себѣ эту твердую рѣшимость, государь приходитъ въ тоже время къ убѣжденію въ необходимости сосредоточить противъ Наполеона всѣ силы своего государства, отказаться отъ всѣхъ далекихъ диверсій, какъ предпріятій, не только безполезныхъ, но даже

---

[1]) „Сказываютъ, будто Великій князь пріѣзжалъ съ предложеніемъ къ Государю - послать къ Наполеону просить у него мира съ какими-бы то ни было пожертвованіями. Не зная о семъ достовѣрно, я не могу сего утверждать, но судя по тому, что Государь такъ сильно растревоженъ и грустенъ былъ, надлежитъ думать, что разговоръ ихъ заключалъ въ себѣ что-нибуть подобное сему". Записки Шишкова. Т. I стр. 147. Свидѣтельство Шишкова подтверждается, впрочемъ, другими источниками: у Бернгарди, „Мемуары Толя", говорится: „Великій князь, бывшій всегда рѣшительнымъ противникомъ войны съ Франціею, требовалъ теперь (въ Дриссѣ), чтобы императоръ немедленно и безъ дальнѣйшихъ околичностей заключилъ миръ, такъ какъ при такомъ невыгодномъ положеніи дѣлъ, всякое сопротивленіе дѣлается безнадежнымъ. Т. I, стр. 229. См. также біографію Константина Павловича въ „Русской Старинѣ" 1877, стр. 79.

вредныхъ и потребовать отъ своего народа, въ виду возрастающей опасности, новыхъ чрезвычайныхъ усилій и жертвъ. Отсюда изъ этихъ вновь выработавшихся убѣжденій и намѣреній вытекаетъ цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ государемъ еще до отъѣзда изъ Дрисскаго лагеря. Прежде всего Александръ отказался отъ похода въ Иллирію и на Адріатическое побережье,—похода, которому онъ придавалъ прежде такое большое значеніе. Дунайской арміи, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, приказано было выступить немедленно на Волынь, соединиться съ Тормасовымъ и дѣйствовать наступательно противъ непріятеля. О польскихъ планахъ послѣ потери всего Западнаго края, въ виду дальнѣйшаго отступленія во внутрь Россіи, не могло быть болѣе рѣчи. Отцы-іезуиты, на которыхъ возлагалъ прежде столько надеждъ императоръ Александръ, начали представляться ему теперь въ настоящемъ своемъ видѣ [1]). Эти ловкіе дипломаты держали себя съ тѣхъ поръ, какъ началась война, крайне двухсмысленно. Ихъ окончательное рѣшеніе зависѣло, разумѣется, отъ того, на чью сторону склонится побѣда. Такъ какъ успѣхъ сопутствовалъ до сихъ поръ неизмѣнно Наполеону, то іезуиты старались, по возможности, угодить ему. Къ русскимъ они относились, наоборотъ, съ возрастающею безцеремонностью и нахальствомъ. Въ Полоцкѣ они упорно отказывались принять нашихъ раненныхъ въ обширныя помѣщенія своей академіи. Самъ Березовскій, генералъ ордена, желая ускользнуть отъ возможной отвѣтственности, вспомнилъ о важныхъ дѣлахъ, бывшихъ у него въ Испаніи, и уѣхалъ изъ Россіи.

---

[1]) „Въ трудную годину 1812 года, говоритъ гр. Толстой, іезуиты, имѣя всегда значительныя связи, не оказали никакой помощи и большая часть ихъ ушла изъ Бѣлоруссіи; 174 іезуита отправились во внутреннія губерніи, гдѣ они получали квартиру и пособіе отъ казны. Нѣсколько студентовъ Полоцкой академіи вступили даже на службу во французскую армію и сражались противъ русскихъ, а оставшіеся на мѣстѣ іезуиты не показывали ни малѣйшей симпатіи къ русскимъ войскамъ; когда по рѣшительному неимѣнію помѣщенія для нашихъ раненыхъ, они временно были расположены въ іезуитскомъ Полоцкомъ училищѣ, то іезуиты всячески старались выгнать ихъ изъ своего дома, представляя тому причиною необходимость продолжать тамъ лекціи. Вотъ всѣ подвиги іезуитовъ въ 1812 году“. „Католицизмъ въ Россіи“. Т. II, стр. 199—200.

Поляки, и прежде всѣхъ католическое духовенство, становились повсюду съ энтузіазмомъ подъ знамена Наполеона. Коссаковскій, суффраганъ Курляндскій, торжественно принималъ императора Наполеона въ Вильнѣ. Епископъ, коадъюторъ Самогитскій, князь Игнатій Гедройцъ перешелъ на сторону французовъ. Епископъ Минскій, Дедерко, разъѣзжая съ французскимъ отрядомъ по уѣздамъ Минской губерніи, возмущалъ народъ, подговаривалъ молодежь вступать въ армію Наполеона, отказывавшихся отъ этого подкупалъ деньгами или угрожалъ проклятіями церкви, и съ донесеніями своими являлся въ главную квартиру Наполеона [1]). Столь-же несбыточными, какъ надежды на поляковъ, оказались и расчеты на возстаніе въ Германіи, на движенія въ пользу нашу въ средѣ нѣмецкихъ отрядовъ Наполеоновской арміи. Воззванія къ нѣмцамъ, написанныя Штейномъ и распространенныя въ тысячахъ экземпляровъ между нѣмецкими солдатами великой арміи, не остались, правда, безъ всякаго вліянія, но вліяніе это не могло быть особенно сильно до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ неудержимо подвигался впередъ, а русскіе отступали передъ нимъ въ глубину своей страны.

Какъ бы то ни было, но Александръ рѣшается пока оставить въ сторонѣ всѣ свои космополитическіе планы и искать спасенія тамъ, откуда только и могло прійти оно,—въ средѣ народа русскаго.

Уже въ Дриссѣ императоръ призываетъ къ оружію народъ русскій, уже здѣсь подписываетъ онъ свое воззваніе къ Москвѣ, свой манифестъ ко всей Россіи о созывѣ государственнаго ополченія. Содержаніе обоихъ документовъ [2]) въ высокой степени знаменательное! Никогда еще русскій Царь не говорилъ своему народу такъ откровенно, съ такою силою, съ такою безграничною увѣренностью въ неразрывномъ единеніи съ нимъ. Императоръ не скрываетъ отъ своихъ вѣрноподданныхъ, что силы непріятеля громадны, что онъ про-

---

[1]) О дѣйствіяхъ католическихъ прелатовъ въ 1812 году см. гр. Толстой: „Католицизмъ въ Россіи“. Т. II, стр. 430.

[2]) Приложеніе къ Запискамъ Шишкова. Т. I, стр. 425—426.

должаетъ идти во внутрь Россіи съ твердымъ намѣреніемъ разрушить ея славу и благоденствіе, наложивъ на нее вѣчныя цѣпи рабства. Онъ выражаетъ надежду на кипящее мужество своихъ войскъ, твердо полагается на ихъ силу и крѣпость, но въ виду великости непріятельскихъ силъ, въ виду отважности противника, онъ считаетъ необходимымъ собрать новыя силы внутри государства и противоставить вторую ограду для подкрѣпленія первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ. Единодушное, всеобщее возстаніе всего народа, всѣхъ сословій и состояній духовныхъ и мірскихъ должно содѣйствовать отраженію вражескихъ замысловъ и покушеній Наполеона. Пусть вѣрные сыны Россіи поражаютъ на каждомъ шагу непріятеля всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ и никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ. Тогда погибель, въ которую мнитъ Наполеонъ низринуть насъ, обратится на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!“ И такъ въ ту минуту, когда все вокругъ него отчаявалось и теряло мужество, императоръ Александръ ставитъ самую высокую цѣль войны, возвышается до *идеи освобожденія Европы*.

Въ воззваніи къ Москвѣ императоръ заявляетъ о своемъ намѣреніи стать посреди народа своего какъ въ первопрестольной столицѣ своей, такъ и въ другихъ мѣстахъ и своимъ присутствіемъ оживить духъ народа и содѣйствовать рѣшительному поднятію силъ его.

Итакъ императоръ рѣшается оставить дѣйствующую армію и заняться организаціею народнаго сопротивленія внутри государства. Какъ приходитъ онъ къ этому поворотному рѣшенію? Во всякомъ случаѣ не безъ тяжелой внутренней борьбы, не безъ содѣйствія со стороны другихъ лицъ. Шишковъ свидѣтельствуетъ, что инщіатива въ этомъ рѣшеніи [1]) при-

[1]) Объ всемъ этомъ дѣлѣ смотри Записки Шишкова. Т. II, стр. 139—14

надлежала ему, что отъ него вышелъ первоначально спасительный совѣтъ, и записки Комаровскаго до извѣстной степени подтверждаютъ его свидѣтельство. Въ печальные дни Дрисскаго лагеря Шишковъ впалъ въ тяжелую болѣзнь. Положеніе арміи, Россіи, самого государя представлялось ему въ это время въ самомъ безотрадномъ свѣтѣ. Мало-по-малу въ немъ выработалось убѣжденіе, что дальнѣйшее пребываніе государя въ арміи можетъ принести скорѣе вредъ, нежели пользу, что оно можетъ подвергнуть страшной опасности особу самого государя, и что, наоборотъ, появленіе государя въ Москвѣ можетъ придать совершенно иной ходъ поднятію народа русскаго. Свои мысли Шишковъ изложилъ подробно въ особой запискѣ на имя императора, но онъ не рѣшался подать лично эту записку и рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію другихъ приближенныхъ къ государю лицъ. Балашевъ, котораго посвятилъ онъ перваго въ свое намѣреніе, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, находилъ, однакоже, необходимымъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ графа Аракчеева, человѣка самаго близкаго къ государю, его наперсника, какъ выражается Шишковъ. Когда Балашевъ и Шишковъ начали представлять графу Аракчееву, что необходимо государю ѣхать въ Москву и что это единственное средство спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности-ли государь, оставаясь долѣе при арміи?“—„Конечно, отвѣчали ему Шишковъ и Балашевъ, ибо если Наполеонъ аттакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика“. Аракчеевъ проникся силою этихъ доводовъ и согласился не говорить съ государемъ, а подписать записку Шишкова вмѣстѣ съ ея авторомъ и Балашевымъ и положить ее на столикѣ въ спальнѣ государя. Тамъ государь, говорилъ онъ, найдетъ ее утромъ и прочитаетъ самъ. Государь дѣйствительно прочелъ записку, но только черезъ день объявилъ о своемъ намѣре-

---

гдѣ помѣщена и записка, представленная государю, а также записки Комаровскаго, стр. 773—774.

нія оставить армію и поспѣшить въ Москву. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что императоръ Александръ согласился на просьбу своихъ окружающихъ послѣ основательнаго ея обсужденія.

Изъ другихъ свидѣтельствъ, дошедшихъ до насъ, мы узнаемъ кромѣ того, что, задумавъ оставить на время армію, Александръ совѣщался объ этомъ важномъ предметѣ и со многими другими лицами, быть можетъ, болѣе компетентными въ этомъ чисто политическомъ и военномъ вопросѣ, нежели его непосредственные приближенные. Утверждаютъ, что особенно сильное вліяніе въ данномъ случаѣ оказалъ на него англійскій адмиралъ Бентинкъ [1], случайно пріѣхавшій въ это время въ лагерь и чрезвычайно понравившійся императору. Бентинкъ не только поддержалъ колеблющагося Александра своимъ собственнымъ совѣтомъ, но и сослался на мнѣніе Шведскаго кронъ-принца,—мнѣніе, которому государь придавалъ въ это время большое значеніе.

Какъ-бы то ни было, но въ ночь съ 6 на 7 іюля императоръ Александръ выѣхалъ изъ Полоцка въ Москву въ то самое время, когда первая армія, предводимая Барклаемъ-де-Толли, начала свое отступленіе по направленію къ Витебску.

---

[1] Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 101—102.

ГЛАВА V.

Русское общество накануне катастрофы.—Александръ на пути черезъ Литву и Бѣлоруссію.—Французы въ Литвѣ.—Наполеонъ и польскія дамы.—Александръ въ Смоленскѣ, среди своего народа.—Испанскіе уроки не принесли пользы Наполеону.—Москва готовится къ пріему государя.—Графъ Растопчинъ, его хлопоты и тревоги.—Шпіоны и измѣнники.—Печальное открытіе С. Н. Глинки.—Ночная сцена передъ Москвою.—Москва передъ своимъ паденіемъ.—Народъ открываетъ вѣрную стезю спасенія.—Кремлевскій выходъ и народный энтузіазмъ въ своемъ апогеѣ.—Письмо митрополита Платона и рѣчь епископа Августина.—Государь собирается говорить съ своимъ народомъ, а графъ Растопчинъ принимаетъ полицейскія мѣры.—Взрывъ энтузіазма въ дворянскомъ собраніи.—Четыре пословицы и ихъ магическое дѣйствіе.—Пожертвованія купцовъ.—Государь въ дворянской и купеческой залѣ.—Растопчинъ недоволенъ неумѣстными проявленіями патріотизма.—Александръ о московскихъ событіяхъ.—Народное ополченіе и пожертвованія.—Александръ начинаетъ понимать настоящее положеніе дѣлъ.—Стратегическіе совѣты Бернадота.

Отъѣздъ государя изъ арміи въ Москву произошелъ при самыхъ тяжелыхъ, удручающихъ обстоятельствахъ. Что-бы тамъ ни говорили, но начало кампаніи 1812 года было во всѣхъ отношеніяхъ несчастливо для русскаго оружія. Пришлось не только убѣдиться въ полной несостоятельности принятаго въ началѣ войны плана, разочароваться во всѣхъ надеждахъ и тщательно обдуманныхъ комбинаціяхъ, отдать непріятелю почти безъ всякаго сопротивленія всю западную окраину имперіи, но и лишиться громадныхъ запасовъ, собранныхъ для арміи, и,—что самое важное,—дать новое наглядное доказательство превосходства Наполеона, его силъ, его военнаго генія и произвести тѣмъ, быть можетъ, крайне невыгодное, подавляющее впечатлѣніе на собственный народъ. И дѣйствительно, въ средѣ тогдашняго образованнаго русскаго люда нашлось не мало такихъ господъ, которые впа-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

если-бы несчастное стеченіе обстоятельствъ принудило-бы васъ отступать предъ побѣдоноснымъ непріятелемъ, русскій императоръ всегда будетъ страшенъ въ Москвѣ, ужасенъ въ Казани, непобѣдимъ въ Тобольскѣ" [1]).

Твердая вѣра въ русскій народъ, въ его непоколебимую доблесть, въ его безусловное довѣріе къ своему прирожденному вождю, высказывающаяся съ такою силою въ этихъ строкахъ, была присуща не одному графу Растопчину, а и громадному большинству русскихъ дворянъ. Самъ императоръ Александръ всецѣло проникся этою вѣрою въ тѣ самыя минуты, когда съ горечью въ сердцѣ принужденъ былъ отвернуться отъ своихъ ученыхъ совѣтниковъ и стратегическихъ менторовъ, когда ласкаемые имъ польскіе паны и іезуиты перешли въ непріятельскій лагерь, когда торжествующій противникъ неудержимо стремился къ самому сердцу его имперіи. Самое рѣшеніе императора оставить на время армію и спѣшить въ Москву было обусловлено и вызвано прежде всего именно этою пробудившеюся въ немъ вѣрою.

На пути изъ Полоцка въ Москву императоръ подвергался, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ противоположнымъ впечатлѣніямъ. Обгоняя по дорогѣ свои войска, онъ невольно приходилъ въ восторгъ при видѣ своихъ солдатъ, производившихъ, впрочемъ, наилучшее впечатлѣніе не только на него, но и на всѣхъ другихъ наблюдателей. Все въ этихъ войскахъ, начиная отъ духа и оканчивая дисциплиною и выправкою, не оставляло желать ничего лучшаго. Полки, об-

---

[1]) Письмо гр. Растопчина къ императору Александру I-му отъ 11-го іюня 1812 года. Въ этомъ письмѣ встрѣчаемъ еще слѣдующія знаменательныя строки: „Но простите, Государь, мои опасенія и тревоги; они относятся единственно до Вашего священнаго лица, подвергающагося покушеніямъ вѣроломства и злодѣйства человѣка, одареннаго адскимъ геніемъ и поддерживающаго себя ужасомъ. Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго; для него покушеніе на преступленіе и самое преступленіе составляютъ позволительныя средства, лишь бы они вели къ цѣли. Что будетъ съ нами, что будетъ съ Россіею? Снова прошу, Государь, простить за эти размышленія того, кто знаетъ, какъ Вы любите правду, который и самъ ее любитъ и повергаетъ къ стопамъ Вашимъ". Отсюда ясно, что и Растопчинъ считалъ дальнѣйшее пребываніе императора въ арміи не желательнымъ и даже не безопаснымъ для него самого. См. „Русскій Архивъ" 1875 г., книга II-я, стр. 271.

гоняемые государемъ на пути, двигались въ такомъ порядкѣ, подобный которому можно было встрѣтить развѣ на петербургскомъ плацъ-парадѣ. „Выправка удивительная, и ни одного отсталаго!“—писалъ самъ государь Барклаю-де-Толли [1]). „Цѣлый день,—пишетъ польскій графъ Огинскій,—русская армія переходила черезъ мостъ на Двинѣ, вступая въ Витебскъ; мнѣ казалось, что она состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 100,000 человѣкъ и проникнута наилучшимъ духомъ. Огромныя толпы стекшагося отовсюду народа стояли на улицахъ; съ удивленіемъ, съ радостнымъ энтузіазмомъ привѣтствовали они проходившія войска. Да и не удивительно, что эти воины внушали къ себѣ такое довѣріе. Они оглашали воздухъ радостными пѣснями; они ликовали, что отступленіе ихъ приходило къ концу, что ихъ поведутъ скоро на встрѣчу непріятелю, въ побѣдѣ надъ которымъ они были глубоко убѣждены“ [2]). Такое впечатлѣніе производили наши войска на польскаго графа, всецѣло поглощеннаго мечтами о возстановленіи своей отчизны; легко себѣ представить, что́ долженъ былъ чувствовать при видѣ своихъ храбрецовъ русскій государь.

Совершенно иное впечатлѣніе должна была производить на государя страна, чрезъ которую лежалъ его путь. До сихъ поръ на пути черезъ Литву и отчасти Бѣлоруссію, Александру приходилось переживать одни горькія и тяжелыя чувства. Ему не осталось, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтило непріятеля населеніе Вильны, то самое населеніе, которое такъ ласкалъ онъ, такъ очаровалъ своею любезностью, своими щедротами. Какое-то опьяненіе, какая-то бѣшеная радость овладѣли виленцами, лишь только передовые отряды великой арміи вступили въ улицы города. Польскій полкъ князя Доминика Радзивила первый вступилъ торжественно въ литовскую столицу. Польскія аристократки, только что блиставшія передъ тѣмъ на балахъ у русскаго императора и силившіяся плѣнить его своею гра-

[1]) Письмо государя къ Барклаю отъ 6-го іюля. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II-я, стр. 293.

[2]) См. Michael Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 136—37.

ціею и любезностью, выбѣгали на балконы и обливались слезами радости при видѣ красиваго мундира польскихъ уланъ и ихъ знаменъ, украшенныхъ польскими народными цвѣтами. „Я почувствовала въ эту минуту, что я полька, пишетъ одна изъ нихъ. Чудное время! какъ недолго продолжалось оно!“ [1]) Вся Вильна огласилась радостными криками. Люди всѣхъ званій спѣшили выразить свой восторгъ при видѣ своихъ мнимыхъ освободителей. Знатные паны подавали примѣръ шляхтичамъ и черни. „Люди простаго званія бросились вытаскивать изъ Виліи оружіе, брошенное въ воду русскими при ихъ отступленіи. Вооружившись поверхъ своей рабочей одежды, они бѣгали по городу какъ безумные, бросали вверхъ шапки, кричали „виватъ!“ Горожане, съ развѣвающимися знаменами, вышли на встрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи города“ [2]). Что дѣлалось въ Вильнѣ, то повторялось и во всей Литвѣ. Повсюду населеніе, руководимое своими панами и ксендзами, встрѣчало французовъ какъ освободителей. Вездѣ торжественныя встрѣчи, вездѣ громкія заявленія о готовности всѣмъ жертвовать для возстановленія отечества, для славы великаго завоевателя. „Мы докажемъ вамъ, говорили литовцы французамъ, что мы истинные поляки, пожертвуемъ всѣмъ, разоримся до-тла, но докажемъ!“ [3])

Какъ-же относились къ этому горячему энтузіазму сами разноплеменные освободители и ихъ полновластный повелитель? Переправившись черезъ Нѣманъ, Наполеонъ тотчасъже объявилъ въ приказѣ по войскамъ, что они вступили въ непріятельскую землю [4]), и его полчища вели себя вполнѣ

---

[1]) См. „Императоръ Александръ въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье“. „Русская Старина“ за 1877 годъ, декабрь, стр. 596.

[2]) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье. „Русская Старина“ 1877 г. декабрь, стр. 596. „Разсудительный и осторожный отецъ мой, добавляетъ графиня, не предвидѣлъ ничего хорошаго отъ всего этого. „Дураки, сумасброды!—говорилъ онъ; русскіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Вильны. Кто можетъ угадать, куда они двинутся и какой оборотъ пріиметъ дѣло“. Къ сожалѣнію, число такихъ разсудительныхъ людей было крайне не велико“.

[3]) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье. Стр. 597.

[4]) См. Michael Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 126. „Итакъ онъ пришелъ въ Литву, замѣчаетъ Огинскій,—не какъ освободитель или другъ, и не съ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

вертятъ въ Польшѣ" [1]). Выражаясь такъ лестно о польскихъ женщинахъ, Наполеонъ держалъ, однако-же, себя и по отношенію къ нимъ настоящимъ солдатомъ. На публичныхъ аудіенціяхъ онъ предлагалъ обыкновенно дамамъ такіе вопросы: „За мужемъ-ли вы? Сколько у васъ дѣтей? А что ваши дѣти—плотныя, толстыя?" Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ дамамъ онъ замѣчалъ: „Императоръ Александръ очаровалъ васъ всѣхъ своею любезностью, остались-ли вы хорошими польками?" [2]).

По мѣрѣ того какъ польскія патріотки всматривались ближе въ своего освободителя, онъ быстро терялъ въ ихъ глазахъ ореолъ величія и красоты. Онѣ находили, что ни въ наружности, ни въ манерахъ завоевателя не было ничего величественнаго. Онѣ не чувствовали въ его присутствіи того волненія, которое овладѣвало ими въ присутствіи императора Александра. Маленькій, толстенькій, кругленькій человѣкъ, безпрерывно покачивающійся со стороны на сторону, утратилъ въ ихъ глазахъ всякое обаяніе, не смотря на свои прекрасные зубы, матовую бѣлизну и античный профиль своего лица [3]). На балѣ, устроенномъ для него въ Вильнѣ, императоръ французовъ давалъ чувствовать на каждомъ шагу свою власть и свои грубыя манеры. Не одни только придворные и маршалы, но и дамы должны были ожидать его у подъѣзда. При выходѣ изъ экипажа, оберъ-шталмейстеръ Коленкуръ подставилъ его величеству скамейку. Наполеонъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія н австрѣтившихъ его дамъ; онъ не поклонился имъ, не повернулся даже въ ихъ сторону. Во время бала онъ сидѣлъ на возвышеніи, имѣвшемъ видъ трона; ноги его покоились на подушкѣ. Все происходило по командѣ [4]), точно также, какъ и на придворныхъ

---

[1]) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье, стр. 599.

[2]) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье, стр. 600.

[3]) Ibid.

[4]) „Лишь только онъ сѣлъ, отшвырнувъ ногою подушку, раздалось въ родѣ команды: „дамы садитесь!" Дамы размѣстились и начался балъ. Наполеонъ оставался не долго. Посмотрѣвъ на танцующихъ, поговоривъ съ окружавшими его придворными, маршалами и хозяиномъ дома, онъ прошелся въ кружкѣ дамъ и

балахъ въ Парижѣ. Въ обычныхъ оффиціальныхъ возгласахъ: „да здравствуетъ императоръ!“ не было, разумѣется, недостатка.

Въ Бѣлоруссіи не было недостатка ни въ польскихъ панахъ, ни въ шляхтѣ, ни въ ксендзахъ, но горькіе опыты литовцевъ не остались уже и здѣсь безъ послѣдствій. Слухи о неистовствахъ и грабежахъ, производимыхъ французами, о совершенномъ упадкѣ дисциплины, о громадномъ количествѣ вооруженныхъ мародеровъ, бродившихъ вокругъ великой арміи, подѣйствовали охлаждающимъ образомъ на горячій патріотизмъ польскихъ пановъ и паннъ, навели паническій страхъ на горожанъ и сельское населеніе. Съ тревогою смотрѣли несчастные обыватели на удалявшіяся русскія войска: не дожидаясь прихода непріятеля, они бросали свои жилища и имущества и спѣшили укрыться въ непроходимыхъ болотахъ и дремучихъ лѣсахъ своей родины. Все находилось подъ вліяніемъ одного гнетущаго паническаго страха. Знатные и богатые первые показали примѣръ трусости и отчаянія. Въ Витебской, Минской, Могилевской губерніяхъ все бѣжало передъ непріятелемъ и не обнаруживалось ни малѣйшаго движенія ни за непріятеля, ни противъ него. Вся страна обратилась въ настоящую пустыню. „На пути изъ Полоцка, замѣчаетъ Шишковъ, проѣзжали мы деревни совершенно пустыя, въ которыхъ не только людей, даже никакихъ животныхъ не видали“ [2].

Совершенно иныя картины и иной пріемъ ожидали какъ непріятеля, такъ и отступающую армію въ предѣлахъ настоящей Россіи, начиная отъ границы Смоленской губерніи. И тутъ, правда, жители готовились бросать свои дома при появленіи непріятеля, но при этомъ намѣреніи ими руководило не одно чувство безотчетнаго страха, а также горячая

[illegible] императоръ“ [illegible] Мемуары [illegible] Наполеона въ Парижѣ [illegible] Mémoires Madame de Rémusat.

[illegible] III, стр. 1[illegible] и слѣдующія.

[2] [illegible]. „Исторія Отечественной войны“ Т. I, стр. [illegible].

любовь къ родинѣ, пламенное желаніе нанести непріятелю какъ можно болѣе вреда. Проходящія войска встрѣчали у поселянъ самый радушный, гостепріимный пріемъ. Со всѣхъ сторонъ подвозили крестьяне въ лагерь съѣстные припасы и упорно отказывались принимать за нихъ какую-бы то ни было плату. Собираясь жечь свои избы и бѣжать въ лѣса, они спѣшили въ тоже время вооружиться чѣмъ попало и добродушно спрашивали у начальства разрѣшенія бить французовъ [1]). По мѣрѣ того, какъ государь приближался къ Смоленску, въ селеніяхъ становилось все люднѣе и люднѣе [2]). Народъ повсюду привѣтствовалъ съ восторгомъ своего Царя; въ немъ одномъ усматривалъ онъ своего защитника отъ всѣхъ грядущихъ бѣдствій. Дворянство первой чисто русской губерніи, угрожаемой непріятелемъ, спѣшило взять на себя починъ въ дѣлѣ народной обороны. Еще за два дня до пріѣзда государя въ Смоленскъ дворяне, собравшись въ городѣ въ громадномъ количествѣ, составили прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ просили дозволенія вооружиться самимъ и вооружить своихъ крестьянъ въ числѣ 20,000 человѣкъ. Они заявили готовность снабдить ратниковъ необходимымъ продовольствіемъ, брались обучать ихъ стрѣльбѣ, просили только выдать потребное количество оружія [3]). Несмѣтныя толпы народа, людей всѣхъ званій и состояній при-

---

[1]) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 149.

[2]) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 150.

[3]) При этомъ случаѣ выразился и тотъ духъ недовѣрія противъ всѣхъ иностранцевъ, или даже людей съ иностранными фамиліями, который игралъ такую великую роль во всю эту войну. „По пріѣздѣ нашемъ въ Смоленскъ, разсказываетъ Шишковъ, предстало очамъ нашимъ великое множество народа и разныхъ чиновъ отставныхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе приходили мнѣ сказывать, что они всѣхъ крестьянъ своихъ вооружатъ и сами пойдутъ съ ними на встрѣчу непріятелю. Тутъ, смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ исчезающая надежда, и я въ восторгѣ души моей, самъ себѣ сказалъ: Нѣтъ! Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ! Одно только меня смущало: почти всѣ приходившіе ко мнѣ дворяне единогласно говорили, что если дадутъ предводителя, то они охотно повиноваться ему будутъ, лишь бы онъ былъ русскій, но въ тоже самое время назначенъ предводительствовать ими незнающій ни слова по русски, иностранецъ Винценгероде“. Записки. Т. I, стр. 151.

вѣтствованія императора при въѣздѣ его въ старый русскій городъ. Минута была въ полномъ смыслѣ слова торжественная. Настроеніе умовъ было до крайности возбужденное. Извѣстія съ театра войны получались до тѣхъ поръ крайне рѣдко и не отличались ни особенною точностью, ни содержательностью. Стоустая молва, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, преувеличивала и безъ того уже страшную опасность. Непріятельскія массы, подобно грозовымъ тучамъ, съ трехъ сторонъ надвигались на Смоленскъ. Бѣглецы, ежедневно прибывавшіе въ городъ изъ мѣстностей, подвергшихся уже нашествію непріятеля, увеличивали общее смятеніе своими страшными и въ тоже время неопредѣленными разсказами. Смольяне предчувствовали бѣду, готовившуюся обрушиться на нихъ, они собирались встрѣтить ее, какъ истые русскіе люди и православные. Уже 7-го іюля горожане подняли чудотворную икону Смоленской Богоматери изъ Успенскаго собора и перенесли ее въ думу, гдѣ отслужена была всенощная. На другой день устроенъ былъ торжественный крестный ходъ вокругъ стѣнъ города. Громадныя толпы народа, все населеніе города и масса окрестныхъ жителей, со слезами провожали Смоленскую святыню: въ ней, въ помощи Всевышняго, видѣли они свою крѣпчайшую охрану и спасеніе.

Уже на слѣдующій день государь прибылъ въ Смоленскъ. Необходимо представить себѣ всю мрачную, чтобы не сказать, отчаянную обстановку минуты съ одной стороны, и то чарующее впечатлѣніе, которое способна была произвести личность Александра съ другой, чтобы понять тотъ взрывъ народнаго энтузіазма, ту бурю восторга, которые встрѣтили императора при въѣздѣ въ городъ. Александръ былъ въ то время въ полномъ цвѣтѣ мужественной, почти юношеской силы и красоты. Ему было тогда тридцать пять лѣтъ отъ роду, но онъ казался гораздо моложе. Тонкія и правильныя черты, нѣжный цвѣтъ лица, а еще болѣе выраженіе безконечной доброты поражали всѣхъ и каждаго, имѣвшихъ счастіе видѣть его. Это выраженіе привлекало къ нему всѣ сердца и сразу внушало полное довѣріе къ нему. Онъ былъ

прекрасно сложенъ и его станъ, наклоненный немного впередъ, напоминалъ собою позу античныхъ статуй. Высокій ростъ, величественная, благородная осанка сразу давали возможность отличить его отъ всѣхъ окружающихъ. Его чисто голубые глаза смотрѣли быстро, не смотря на близорукость; они свѣтились умомъ и кротостью. Прямой, прекрасно очерченный носъ, маленькій красивый ротъ, весь изящный профиль лица, напоминали красоту его августѣйшей матери. Недостатокъ волосъ на лбу не портилъ этого лица, а придавалъ ему выраженіе открытое и веселое. Онъ тщательно причесывалъ свои золотисто-бѣлокурые волосы на манеръ античный. Въ его голосѣ и манерѣ было безчисленное множество оттѣнковъ: онъ былъ величественъ, но въ тоже время любезенъ въ разговорѣ съ знатными особами, ласковъ съ низшими, почти фамильяренъ съ приближенными, граціозно-любезенъ съ дамами. Тонкая улыбка мелькала на устахъ его; глаза его принимали участіе въ разговорѣ [1]). Таковъ былъ Александръ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, такими чертами рисовала его восторженная польская графиня, имѣвшая счастіе познакомиться съ нимъ въ Вильнѣ. Съ тѣхъ поръ прошло очень немного времени, но событія послѣднихъ недѣль и дней уже успѣли наложить свой отпечатокъ на благородныя и изящныя черты монарха. Внутренній переворотъ, начинавшій совершаться въ душѣ Александра, придавалъ уже всей его физіономіи то безконечно-грустное, но въ тоже время полное глубокой вѣры въ силу божественнаго Провидѣнія выраженіе, которое преображало и освѣщало впослѣдствіи всю его фигуру. Здѣсь въ Смоленскѣ, среди

---

[1]) Такъ изображаетъ Александра женщина, гр. Шуазель-Гуфье, урожденная гр. Софья Тизенгаузенъ. „Ни одному живописцу, замѣчаетъ она также, не удалось воспроизвести вполнѣ выраженія лица Государя. Правда, онъ и не любилъ снимать съ себя портретовъ. Одинъ только Жераръ успѣлъ выпросить у него нѣсколько сеансовъ; но и тотъ, не смотря на все свое мастерство, не съумѣлъ передать характера лица Государя. Онъ придалъ ему видъ завоевателя, что вовсе не гармонировало съ добрымъ выраженіемъ его физіономіи". Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье, стр. 581. О наружности Александра въ эту эпоху см. также Перцъ, Steins Leben. Т. III, стр. 55.

этой толпы, тѣснившейся вокругъ его экипажа, привѣтствовавшей его восторженными кликами и слезами, простиравшей къ нему руки, какъ къ своему отцу и избавителю, Александръ впервые началъ черпать изъ того живаго источника народной силы, который оставался до тѣхъ поръ закрытымъ для него. Но онъ не постигалъ еще въ то время вполнѣ основъ этой силы; переворотъ только что начинался, для окончательнаго просвѣтленія и вразумленія его потребны были еще иныя, болѣе тяжкія и страшныя испытанія.

Государь проѣхалъ прямо въ домъ, приготовленный для его пріема [1]), здѣсь онъ принималъ чиновниковъ и представителей дворянства. Въ немногихъ задушевныхъ словахъ благодарилъ онъ этихъ послѣднихъ за добровольный вызовъ ополчиться противъ непріятеля и вооружить народъ. Отсюда онъ поспѣшилъ въ соборъ и здѣсь горячо молился въ присутствіи многочисленнаго народа. Мысль о поднятіи народныхъ силъ противъ страшнаго врага не покидала его ни на минуту. Послѣ смотра войскъ, собранныхъ въ Смоленскѣ, онъ занялся немедленно составленіемъ правилъ для организаціи народнаго ополченія и тотчасъ-же передалъ ихъ для руководства губернатору.

Испанія, первая подавшая примѣръ народной войны и поставившая тѣмъ самымъ непреодолимыя преграды военному генію Наполеона, служила для него при этомъ, такъ сказать, образцемъ [2]). Примѣняясь къ мѣстнымъ и національнымъ условіямъ и думая дать будущему ополченію правильную и строгую организацію, императоръ намѣревался независимо отъ того вызвать движеніе въ самомъ народѣ, организовать партизанскую войну, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ появится непріятель. Но какими средствами достигнуть этой

---

[1]) О пребываніи Александра въ Смоленскѣ см. въ особенности „Русскій Архивъ", статья: „Москва въ 1812 г.", Попова. 1875 г. кн. 2., стр. 294 и слѣд.

[2]) „Я рѣшился, писалъ государь 27-го іюня Барклаю-де-Толли,—призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ". Богдановичъ: „Исторія Отечественной вой[ны]" Т. I, стр. 171.

послѣдней цѣли, какъ подвинуть къ вооруженному возстанію мирныхъ поселянъ, совершенно отвыкшихъ отъ употребленія оружія,—поселянъ, пораженныхъ,—такъ казалось это, по крайней мѣрѣ, на первый разъ,—паническимъ страхомъ, думавшихъ, повидимому, только о томъ, какъ-бы укрыться куда-нибудь подальше отъ свирѣпаго врага. Что приказы и увѣщанія начальства не въ состояніи будутъ совершить это чудо, что они не въ состояніи будутъ превратить мирныхъ и добродушныхъ крестьянъ въ свирѣпыхъ гверильясовъ, въ этомъ Александръ не сомнѣвался ни на минуту. Для совершенія такого чуда необходимо было дѣйствіе иныхъ болѣе могущественныхъ силъ,—силъ нравственныхъ, и прежде всего начала религіознаго. Примѣръ Испаніи, съ которою Россія именно въ этотъ моментъ вступала въ тѣсный союзъ, блистательно подтверждалъ эту несомнѣнную истину.

Оффиціальная Испанія съ своимъ королемъ, министрами, юнтами, чиновниками, генералами и регулярными войсками спасовала самымъ жалкимъ образомъ передъ первымъ толчкомъ Наполеоновскаго нашествія. Вѣроломный завоеватель захватилъ въ плѣнъ ея монарха, обезоружилъ ея войска, занялъ страшными силами ея столицу и всѣ ея крѣпости, принудилъ къ измѣнѣ и присягѣ узурпатору ея грандовъ и представителей и считалъ дѣло завоеванія поконченнымъ. Но вслѣдъ затѣмъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, испанскій народъ,—народъ забитый, заброшенный, порабощенный, невѣжественный, темный, и всѣ усилія завоевателя обуздать этотъ народъ, подчинить его своей волѣ, оказались тщетными! Что же подняло и воодушевило этотъ несчастный народъ, откуда взялъ онъ эту страшную силу, сломить которую не могли побѣдители всей Европы? Народъ возсталъ, разумѣется, прежде всего изъ чувства оскорбленнаго національнаго самолюбія. Онъ не могъ смотрѣть равнодушно, подобно своимъ грандамъ и чиновникамъ, на то, что иноземный властелинъ и его агенты увели въ плѣнъ его прирожденнаго государя,—что они попирали ногами всю его народную жизнь,—что они ломали и передѣлывали на новый ладъ его учрежденія и порядки,—что они посягали, во имя ка-

кой-то революціонной, невѣдомой ему цивилизаціи, на всѣ его вѣковыя привычки, взгляды, предубѣжденія, симпатіи,— что они осмѣливались играть по отношенію къ нему роль наставниковъ и руководителей. Итакъ, испанскій народъ возсталъ прежде всего на защиту своей самобытности; ради этой самобытности отвергъ онъ съ негодованіемъ ту новомодную свободу и просвѣщеніе, которыя предлагалъ ему завоеватель, и предпочелъ остаться лучше при старомъ рабствѣ и невѣжествѣ. Но народъ возсталъ еще и за другое, неоцѣненное въ глазахъ его благо,—за свою религію. Завоеватель, намѣревавшійся облагодѣтельствовать его, былъ прежде всего представителемъ анти-религіознаго, революціоннаго принципа. Посягая на основы національной жизни, желая стереть съ лица земли всѣ самобытныя народности и превратить все живое разнообразіе національностей въ одну мертвую, механическую массу космополитизма, онъ посягалъ въ то-же время и на религію, стремился превратить христіанскую Церковь въ слѣпое орудіе своей воли, въ простой государственный и полицейскій механизмъ, предназначавшійся исключительно для обузданія грубой массы, для порабощенія и искаженія самой души народа. Онъ возстановилъ католическую церковь во Франціи, онъ заключилъ конкордатъ съ папою, но онъ стремился превратить этого папу въ своего чиновника, а епископовъ и священниковъ—въ своихъ полицейскихъ агентовъ и унтеръ-офицеровъ. Пусть эти чиновники и агенты исполняютъ слѣпо его велѣнія, пусть они внушаютъ народу духъ безусловной покорности, пусть они учатъ народъ молиться за императора, платить исправно подати, давать безпрекословно рекрутъ, и императоръ отнесется къ нимъ съ такимъ же благоволеніемъ, какъ и къ другимъ своимъ слугамъ, наградитъ ихъ также щедро, какъ своихъ маршаловъ, сенаторовъ, префектовъ и солдатъ. Но горе имъ, если они осмѣлятся выйти за предѣлы предначертанной имъ дѣятельности, если они вспомнятъ о своихъ старыхъ правахъ, устраненныхъ революціею, если они вздумаютъ учить народъ не тому, чего желаетъ и требуетъ императоръ, или если они возмечтаютъ, что религія должна служить еще и другимъ,

болѣе высшимъ цѣлямъ, нежели цѣлямъ государственнымъ и полицейскимъ! Страшная участь ожидаетъ ихъ въ такомъ случаѣ, и императоръ не поколеблется ни на минуту покарать, затоптать въ грязь всѣхъ ихъ безъ исключенія. Французы, итальянцы и нѣмцы покорно подчинились такимъ церковнымъ взглядамъ и требованіямъ императора. Они не рѣшились протестовать даже тогда, когда самъ глава католической церкви, римскій епископъ, отведенъ былъ въ качествѣ государственнаго плѣнника въ французскую тюрьму, точно также какъ не протестовали и тогда, когда императоръ отдавалъ сотнями въ солдаты воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

Совершенно иначе отнеслись къ церковной политикѣ Наполеона испанцы, закоснѣлые въ вѣковыхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ, но чуждые въ тоже время духа индиферентизма и невѣрія; они поднялись, какъ одинъ человѣкъ, на защиту вѣры своихъ отцевъ и въ этой вѣрѣ почерпнули гигантскія силы, сдѣлавшія ихъ непобѣдимыми.

Положеніе русской народной массы напоминало, во многихъ отношеніяхъ, положеніе массы испанской. Народъ русскій былъ таже необразованъ и грубъ, какъ народъ испанскій; онъ страдалъ также подъ ярмомъ учрежденій, отжившихъ свой вѣкъ въ другихъ странахъ, но онъ сохранилъ всецѣло свою народную самобытность, онъ не былъ испорченъ иноземными вліяніями, онъ былъ преданъ душею и тѣломъ своему прирожденному Самодержавному Царю, а православная вѣра отцевъ служила для него единственнымъ источникомъ духовной и нравственной жизни. Представитель революціоннаго принципа вступилъ теперь съ своими несмѣтными полчищами въ предѣлы этого народа, онъ мечталъ привлечь къ себѣ этотъ народъ обѣщаніемъ свободы, отмѣною крѣпостнаго права, онъ думалъ поднять рабовъ противъ ихъ господъ и зажечь въ Россіи войну соціальную. И въ то же самое время онъ относился къ вѣрѣ этого народа съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и къ вѣрѣ испанцевъ. Онъ хотѣлъ заставить православное духовенство молиться за себя и за успѣхи своего оружія, точно также, какъ заставилъ онъ

молиться католическихъ прелатовъ и ксендзовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Онъ дозволялъ своимъ солдатамъ ругаться надъ православною святынею, грабить храмы и обращать ихъ въ конюшни. Онъ приказывалъ втаскивать орудія въ церкви и на колокольни и собственноручно направлялъ оттуда ихъ огонь на русскія войска. Однимъ словомъ, онъ дѣлалъ съ своей стороны все, чтобы раздражить противъ себя этотъ народъ, чтобы явиться въ глазахъ его не только врагомъ государства и обожаемаго царя, но и святотатцемъ, антихристомъ, стремящимся искоренить православіе [1]).

Императоръ Александръ понималъ, разумѣется, русскій народъ лучше своего противника. Не будучи самъ первоначально искренно религіознымъ человѣкомъ, онъ придавалъ, однако-же, громадное значеніе силѣ религіознаго принципа. Теперь, подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній и въ силу начавшагося пробуждаться въ немъ самомъ религіознаго чувства, онъ задумалъ дѣйствовать на это чувство въ самомъ народѣ, искать помощи у представителей религіи, побудить ихъ дѣйствовать на народъ своимъ духовнымъ словомъ и пастырскимъ увѣщаніемъ. Представители Церкви, и прежде всѣхъ епископы, должны были призывать народъ на защиту отечества и религіи; всѣми силами должны они были противодѣйствовать дальнѣйшему развитію той паники, которая, видимо, начинала овладѣвать населеніемъ въ виду приближенія непріятеля. „Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители,—

---

[1]) „Въ Москву, разсказываетъ гр. Растопчинъ, начали пріѣзжать изгнанные и бѣжавшіе изъ Бѣлоруссіи, которые, при приближеніи непріятеля, оставили свои имѣнія и пріѣзжали въ столицу, ожидая найти въ ней полную безопасность. Они-то распространили слухи о жестокихъ и святотатственныхъ дѣйствіяхъ Наполеоновыхъ воиновъ. Одинъ отрядъ пришелъ въ деревню, гдѣ находился помѣщикъ съ своимъ семействомъ; эти люди позволяли себѣ всевозможныя неистовства по отношенію ко всѣмъ, не исключая его дочери и племянницы: первая умерла на другой-же день, вторая умирающею была привезена въ Москву. Въ то время, какъ распространилось по городу это извѣстіе, узнали также, что непріятельская кавалерія устраиваетъ въ церквахъ конюшни для своихъ лошадей. Народъ, узнавши объ этомъ, пришелъ въ ярость и началъ вооружаться. Вотъ причина убіенія французскихъ солдатъ крестьянами“. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, стр. 379.

писалъ императоръ Смоленскому епископу Иринею,—оставляя поля и работы свои, бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся еще въ далекомъ разстояніи отъ Смоленска, полагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ внушеніями и увѣщаніями своими ободрить ихъ и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупясь вмѣстѣ, старались вооружиться чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ“ [1]).

Приведенный документъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ прежде всего, что уже въ это время Александръ твердо рѣшился воспользоваться въ предстоящей борьбѣ всѣми тѣми средствами, которыя предоставляла въ его распоряженіе имперія и на ряду съ правильною войною вызвать войну народную, стремиться къ истребленію противника всѣми путями и способами. Не менѣе важно другое соображеніе. Въ приведенномъ документѣ незамѣтно еще и слѣдовъ того религіознаго одушевленія, которое овладѣло Александромъ нѣсколько позже. Очевидно, что императоръ смотритъ еще въ это время на религію, какъ на средство, могущее вызвать энтузіазмъ въ народѣ, но самъ онъ не проникнутъ еще окончательно и всецѣло этимъ энтузіазмомъ.

Дѣйствуя на народъ всѣми способами, ожидая отъ него помощи и спасенія, императоръ старается стать въ тоже время какъ можно ближе къ этому народу, сдѣлать его, такъ сказать, соучастникомъ своихъ помысловъ, своихъ надеждъ и радостей. Прошло то время, когда Царь находился къ своему народу въ отношеніяхъ исключительно оффиціальныхъ, когда онъ передавалъ ему свою волю, извѣщалъ его о событіяхъ первостепенной важности лишь черезъ посредство другихъ лицъ. Александръ понялъ, что теперь наступилъ такой моментъ, когда лучшимъ возвѣстителемъ царской воли, ког-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. книга II, стр. 295.

да самымъ краснорѣчивымъ герольдомъ могъ быть для народа лишь самъ Царь. Въ Смоленскѣ государь получилъ извѣстіе о ратификаціи мирнаго договора Россіи съ Оттоманскою Портою султаномъ. Эта радостная вѣсть не мало успокоила и подняла духъ его. Теперь не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Дунайская армія можетъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ. Теперь можно было повторить предписанія, посланныя адмиралу Чичагову еще изъ Дриссы, въ болѣе рѣшительной и окончательной формѣ; теперь слѣдовало категорически заявить главнокомандующему Дунайской арміи, что онъ долженъ спѣшить, какъ можно скорѣе, на Днѣстръ и распрощаться окончательно съ своими мечтами о походѣ на Константинополь, объ экспедиціи въ Иллирію [1]). Александръ зналъ, что извѣстіе, такъ обрадовавшее его, ожидается съ напряженнымъ нетерпѣніемъ всею Россіею, и спѣшилъ подѣлиться своею радостью съ своимъ народомъ. Поспѣшно вышелъ онъ изъ своего кабинета въ пріемную залу, надѣясь найти еще въ ней представителей смоленскаго дворянства и горожанъ, но зала была уже пуста, случайно въ ней оставался лишь одинъ Смоленскій городской голова. Александръ быстро подошелъ къ нему, обнялъ его, сообщилъ о заключеніи съ Турціею славнаго мира и поручилъ ему объявить объ этомъ немедленно же народу, густыми толпами окружавшему домъ, занимаемый государемъ, и распорядиться, чтобы въ соборномъ храмѣ приготовились служить торжественный мелебенъ. Голова спѣшилъ исполнить Высочайшую волю; громкое, восторженное *ура* покрыло его слова; народныя толпы со всѣхъ сторонъ устремились къ соборному храму. Самъ императоръ присутствовалъ на благодарственномъ молебствіи и вечеромъ того-же дня выѣхалъ въ Москву [2]).

[1]) Любопытно, что окончательныя и категорическія повелѣнія Чичагову посланы были только изъ Москвы, такъ велика была еще нерѣшительность Александра въ это время и такъ тяжело было ему отказаться отъ разъ излюбленныхъ надеждъ и комбинацій.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, 295 стр.

Первопрестольная столица, долженствовавшая пасть такъ скоро очистительною жертвою за спасеніе Россіи и свободу Европы, радостно встрепенулась при первой-же вѣсти о пріѣздѣ государя. Съ небывалымъ энтузіазмомъ, съ горячею готовностью отдать на алтарь отечества все свое достояніе и кровь, ожидала московская масса своего вѣнценоснаго вождя. Въ громадномъ большинствѣ этой массы не было и тѣни тѣхъ опасеній, подозрѣній и страховъ, которыми волновались люди образованные, отъ которыхъ не могли отдѣлаться даже лица, подобныя графу Растопчину,—лица, воображавшія, что они руководятъ народомъ и бывшія въ дѣйствительности не болѣе, какъ слѣпыми орудіями тѣхъ стихійныхъ силъ, которыя начали теперь выдвигаться на первый планъ историческаго дѣйствія.

Никто, впрочемъ, во всей Россіи не сомнѣвался на счетъ того пріема, который готовила Москва своему царственному гостю. „Можно сказать, г-нъ баронъ, что вы обладаете даромъ предвидѣнія, писалъ въ это время графъ Кочубей барону Штейну [1]), такъ удачно выбрали вы моментъ для вашей поѣздки въ Москву. Вы увидите эту древнюю столицу во всемъ ея блескѣ, и,—чтó еще важнѣе,—вы встрѣтите въ ней великую привязанность, великій энтузіазмъ къ законному государю. Вы будете свидѣтелемъ великихъ пожертвованій, и все это не можетъ не подѣйствовать пріятно на человѣка, думающаго и чувствующаго подобно вамъ. Я крайне жалѣю, что не могу быть очевидцемъ этихъ прекрасныхъ порывовъ; я люблю ихъ вдвойне,—за нихъ самихъ и за то доказательство, которое даютъ они о великости нашихъ силъ и нашихъ средствъ“.

Само собою понятно, что первое извѣстіе о пріѣздѣ государя въ Москву получилъ гавнокомандующій столицы, графъ Растопчинъ. Извѣстіе это перепугало графа не на шутку. Растопчинъ [2]), человѣкъ безспорно умный и въ своемъ родѣ

---

[1]) Письмо гр. Кочубея къ барону Штейну изъ Великихъ Лукъ отъ 11 іюня (н. с.) 1812 г. См. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 613. Слѣдуетъ замѣтить, что Кочубей находился въ наилучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ Штейну.

[2]) О Растопчинѣ писано очень много, но окончательное мнѣніе объ этой

большой патріотъ, но въ тоже время суетливый и нервный, обнаружилъ съ самыхъ-же первыхъ дней своего назначенія въ Москву крайне энергичную, почти лихорадочную дѣятельность. Обладая большимъ практическимъ смысломъ, умѣя говорить и обходиться съ людьми всѣхъ состояній и званій, выбирая съ большимъ умѣніемъ и тактомъ своихъ помощниковъ, графъ Растопчинъ дѣйствовалъ, однакоже, очень часто скорѣе подъ вліяніемъ своей пылкой фантазіи и врожденной подозрительности, нежели трезваго смысла и правильнаго пониманія положенія дѣлъ. Онъ держалъ цѣлую массу шпіоновъ и агентовъ, прислушивался самъ къ народному говору и не имѣлъ, однако-же, не смотря на все это, вѣрнаго представленія о настроеніи народной массы. Графъ не сомнѣвался, что воззваніе государя къ Москвѣ должно произвести сильное впечатлѣніе на населеніе столицы; онъ былъ убѣжденъ, что дворянство, польщенное довѣренностью къ нему государя, воодушевится благороднымъ усердіемъ на благо отечества; онъ былъ увѣренъ, что купцы изъявятъ го-

---

личности все еще не установилось, какъ видно это, между прочимъ, и изъ прекрасныхъ статей А. П. Попова: „Москва въ 1812 году", помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ". Главнѣйшимъ матеріаломъ для характеристики графа и его дѣятельности въ 1812 г. должна служить, во-первыхъ, его переписка съ императоромъ Александромъ I и другими высокопоставленными лицами, обширныя извлеченія изъ которой мы находимъ у Попова. Далѣе имѣютъ значеніе Matériaux, en grande partie inédits, pour la biographie future du comte Rastopchine, ressemblés par son fils, изданныя въ Брюсселѣ (Отрывки изъ нихъ помѣщены въ русскомъ переводѣ во 2-й книгѣ „XIX вѣка"). Сегюръ, внукъ Растопчина, напечаталъ біографію своего дѣда подъ заглавіемъ „Vie du c-te Rastopchine", Paris 1871 г., не имѣющую, впрочемъ, особеннаго значенія. Чрезвычайно важны записки Растопчина о его дѣятельности въ Москвѣ въ 1812. Подлинная рукопись этихъ записокъ хранится въ государственномъ архивѣ; мы могли пользоваться лишь, впрочемъ, весьма обширными извлеченіями изъ нея у Попова. Далеко не такъ важно другое сочиненіе самого графа: „Правда о Московскомъ пожарѣ", изданное имъ въ Парижѣ въ 1823 г. Во 2-й книгѣ „XIX вѣка" помѣщены письма гр. Растопчина къ князю Циціанову, не имѣющія никакого отношенія къ событіямъ 1812 года (письма относятся къ первымъ годамъ XIX ст.), но чрезвычайно важныя для характеристики самого графа. Въ этихъ письмахъ сказывается весь Растопчинъ, человѣкъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, минутнаго увлеченія, болѣзненный, раздражительный, никого не щадившій, вѣчно подозрѣвающій, вѣчно дѣйствующій подъ вліяніемъ своего пламеннаго воображенія.

товность на всевозможныя пожертвованія; но самый народъ, казалось ему, относится довольно равнодушно къ предстоящимъ великимъ и грознымъ событіямъ. Масса, доносили графу его шпіоны, не допускаетъ и возможности, чтобы непріятель могъ войти въ Москву. „Такую неблагоразумную увѣренность, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, въ ней поддерживало то обстоятельство, что въ продолженіи ста лѣтъ нога непріятельская не была на русской землѣ и что Наполеонъ долженъ погибнуть, какъ Карлъ XII подъ Полтавою. Бороды постоянно повторяли: Наполеонъ не можетъ насъ побѣдить, потому что для этого нужно всѣхъ насъ напередъ перебить" [1]).

Всякій согласится, что въ этой послѣдней фразѣ, да и во всемъ томъ, что говоритъ Растопчинъ о настроеніи массы, высказывается лишь самое драгоцѣнное въ такія критическія минуты народное чувство — твердая увѣренность въ самомъ себѣ и въ своей силѣ, а отнюдь не равнодушіе. Упрекая народъ въ этомъ небываломъ равнодушіи, графъ Растопчинъ заподозрѣвалъ его въ тоже время въ чемъ-то другомъ, несравненно худшемъ. Сознавая всю недостойность, весь позоръ крѣпостнаго ярма, лежавшаго на половинѣ населенія имперіи, графъ Растопчинъ страшно опасался, подобно другимъ интеллигентамъ, что русскій народъ согласится принять свободу изъ рукъ иноземнаго завоевателя, что по призыву Наполеона онъ пріймется истреблять своихъ помѣщиковъ и весь образованный классъ. Это страшное подозрѣніе не давало ни на минуту покоя Московскому главнокомандующему. Измѣнники, предатели, возмутители народа мерещились ему на каждомъ шагу. Мартинисты и якобинцы, открытые въ Москвѣ его сыщиками, казалось ему, работали неутомимо надъ поднятіемъ народной массы. Верещагинъ, молодой купеческій сынъ, все преступленіе котораго заключалось въ переводѣ изъ газетъ двухъ прокламацій Наполеона, являлся въ его глазахъ страшнымъ государственнымъ преступникомъ, чуть не первымъ сообщникомъ Наполеона въ

---

[1]) Записки Растопчина, у Попова: „Москва въ 1812 г.", стр. 297—98.

Москвѣ. [illegible] Рас-
топчинъ [illegible] чтобы [illegible] народъ отъ
[illegible] чтобы предупредить гро-
[illegible] графъ [illegible] между про-
[illegible] жителямъ.
[illegible] изъ этихъ
[illegible] свободѣ,
которую [illegible] Наполеонъ [illegible] народу. „Иной вслу-
шается, [illegible] что Наполеонъ за
добро къ намъ идетъ, а [illegible] обѣщаетъ все, а вый-
детъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ
[illegible] свободу“ [1]. Не довольствуясь своими
прокламаціями, графъ поручалъ спасать народъ и своимъ агентамъ. Извѣстный писатель и патріотъ С. Н. Глинка долженъ былъ возбуждать народъ противъ Наполеона, доказывать ему историческими примѣрами, что обѣщанія чужаго завоевателя дать крѣпостнымъ людямъ свободу — не болѣе, какъ грубый обманъ и ложь. Подобныя порученія могли возмутить, впрочемъ, и самого Глинку. Онъ очень хорошо зналъ, что самъ Растопчинъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ императору свидѣтельствовалъ о спокойствіи народа, объ его глубокой преданности отечеству и государю, объ его готовности на всякія пожертвованія, и въ тоже время опасался измѣны со стороны народа, подозрѣвалъ, что онъ можетъ принять освобожденіе отъ крѣпостной зависимости изъ рукъ врага отечества. „Говоря съ народомъ, замѣчаетъ Глинка, графъ Ѳедоръ Васильевичъ отдалялъ отъ себя званіе главнокомандующаго. Въ дружескихъ своихъ посланіяхъ онъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый и привѣтливый другъ. Словомъ, онъ поставилъ себя на череду старшины мірской сходки“ [2]. И въ самомъ дѣлѣ, какъ-же можно было, становясь такъ къ народу, питать въ тоже время самое оскорбитель-

[1] О мартинистахъ и шпіонахъ Растопчина см. Попова, „Москва въ 1812 г.“, первая глава. Тамъ-же о Верещагинѣ. Еще въ 1811 г. Растопчинъ представилъ записку о мартинистахъ Великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Она напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1875 г. кн. III, стр. 75—81.

[2] „Записки о Москвѣ“ Глинки, стр. 43.

ное для того-же народа подозрѣніе? Но подозрѣніе лежало въ самой натурѣ графа. Добродушный писатель не замедлилъ вскорѣ сдѣлать печальное открытіе, что заботливый главнокомандующій подозрѣвалъ и его самого и устроилъ даже надъ нимъ бдительный надзоръ [1]).

По этой подозрительности и неустойчивости во взглядахъ и убѣжденіяхъ, Московскій главнокомандующій дѣятельно покровительствовалъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ своею супругою [2]) іезуитамъ и нарочито вызвалъ ихъ въ Москву для охраненія проживавшихъ тамъ иностранцевъ отъ тлетворнаго вліянія мартинистовъ и Наполеоновскихъ агентовъ. Но онъ обомлѣлъ отъ страха, получивъ отъ генералъ-адъютанта князя Трубецкаго пакетъ съ воззваніемъ императора къ Москвѣ и съ увѣдомленіемъ о скоромъ прибытіи его въ столицу. Съ первой минуты ему представилось, что наши арміи уже не существуютъ, что онѣ разбиты и разсѣяны непріятелемъ. Долго распрашивалъ графъ князя Трубецкаго объ участи нашихъ войскъ и убѣдился наконецъ, что опасенія его неосновательны, что на театрѣ войны не произошло ничего рѣшительнаго, и что обѣ наши арміи готовятся соединиться подъ стѣнами Смоленска. Успокоившись окончательно, графъ немедленно-же принялся за работу, провелъ всю ночь безъ сна, успѣлъ повидаться со многими лицами, по-

---

[1]) „Не знаю почему, разсказываетъ самъ Глинка, приказано было за мною присматривать". Записки Глинки, стр. 12.

[2]) Извѣстно, что супруга графа гр. Екатерина Петровна, урожденная Протасова, была совращена въ католичество іезуитами. Получивъ чисто свѣтское образованіе, она не имѣла первоначально, по свидѣтельству своего внука, никакихъ религіозныхъ убѣжденій. „Какъ жаль, говаривала она, что такое прекрасное ученіе, какъ христіанство— ложно". Первымъ обратителемъ графини на путь истины явился знаменитый де-Местръ, наконецъ аббатъ Серюгъ убѣдилъ ее окончательно, „что христіанская вѣра есть истинная вѣра, и что во всей своей полнотѣ она выразилась въ римско-католическомъ исповѣданіи". Аббатъ ввелъ ее въ нѣдра всеспасающей церкви, взявъ съ нея напередъ строгое обѣщаніе, что она сохранитъ это въ тайнѣ даже отъ своего мужа. Тайна сохранялась, впрочемъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Гр. Растопчинъ, этотъ пламенный патріотъ, ничего не имѣлъ противъ обращенія своей супруги. Онъ самъ усердно посѣщалъ церковь Св. Людовика, гдѣ проповѣдывали іезуиты, и посылалъ туда своего сына. См Vie de c-te Rastopchine, стр. 159—162.

рѣшилъ напечатать воззваніе вмѣстѣ съ извѣщеніемъ къ народу, и на другой день вся Москва узнала о скоромъ пріѣздѣ императора [1].

11-го іюля получено было извѣстіе о приближеніи государя къ Москвѣ. Одни утверждали, что государь прибудетъ въ столицу въ тотъ-же день вечеромъ; другіе увѣряли, что онъ будетъ ночевать на послѣдней станціи въ Перхушковѣ. Уже съ ранняго утра Москва взволновалась и всѣ улицы наполнились народомъ. Масса простаго народа, казавшаяся почему-то графу Растопчину равнодушною, горѣла нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе своего царственнаго вождя, услышать изъ его устъ слово, долженствующее положить предѣлъ томительной неизвѣстности, разрѣшить муки сомнѣнія и недоумѣнія и указать путь къ спасенію отечества. Громадныя толпы народа всѣхъ званій и состояній устремились за городскія заставы на Смоленскую дорогу; онѣ намѣревались встрѣтить государя за нѣсколько верстъ отъ города, выпрячь лошадей изъ его коляски и на своихъ рукахъ ввезти его въ столицу [2]. Императоръ Александръ, съ своей стороны, не былъ любителемъ торжественныхъ встрѣчъ. Шумныя оваціи, восторженные возгласы толпы скорѣе стѣсняли его скромную, стыдливую натуру, нежели доставляли ему удовольствіе. И въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полную противоположность своему противнику, душа котораго никогда не могла насытиться оффиціальною лестью, торжественными, чисто театральными церемоніями. Графъ Растопчинъ, какъ видно, не вполнѣ посвященный въ намѣреніе императора въѣхать въ Москву какъ можно тише и избѣжать всякаго шумнаго пріема, выѣхалъ на встрѣчу къ государю въ Перхушково, гдѣ по его распоряженію приготовленъ былъ обѣдъ.

[1] См. Записки гр. Растопчина, у Попова, стр. 297.

[2] „Это намѣреніе народа крайне не нравилось гр. Растопчину, но еще болѣе удивило его то обстоятельство, что мысль эта отъ народа перешла и къ болѣе высшимъ классамъ, и мнѣ было извѣстно, что многія лица, имѣвшія даже ордена, намѣревались отправиться къ заставѣ и, можетъ быть, по усердію, а можетъ быть, и по глупости, превратиться тамъ въ четвероногихъ". Записки Растопчина, у Попова, стр. 300.

Государя ждали около полудня, но онъ съ намѣреніемъ замедлилъ свой пріѣздъ и прибылъ въ Перхушково только къ пяти часамъ вечера. Графъ ожидалъ встрѣтить императора взволнованнымъ, потрясеннымъ послѣдними событіями, но, къ своему удивленію, онъ нашелъ его совершенно спокойнымъ и, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ принялъ графа съ своею обычною любезностью, хвалилъ его образъ дѣйствій, въ особенности-же то, что онъ успѣлъ заслужить расположеніе жителей Москвы. Затѣмъ государь началъ говорить о войнѣ, онъ не обвинялъ никого въ дурномъ образѣ дѣйствій и высказывалъ твердую увѣренность, что арміи Барклая де-Толли и Багратіона успѣютъ соединиться подъ стѣнами Смоленска. Затѣмъ онъ спрашивалъ графа о настроеніи умовъ въ Москвѣ, сообщилъ ему о своемъ намѣреніи обратиться къ дворянству съ предложеніемъ составить земское ополченіе и въ заключеніе объявилъ, что онъ намѣренъ въѣхать въ Москву попозже и остановиться на окраинѣ города, въ такъ называемомъ Слободскомъ дворцѣ. Растопчинъ замѣтилъ, что въ настоящую торжественную минуту государю слѣдовало-бы проѣхать прямо въ Кремль и остановиться во дворцѣ своихъ предковъ и въ средоточіи города. Государь согласился съ замѣчаніемъ графа, но онъ настоялъ на своемъ желаніи пріѣхать въ Москву, какъ можно позже и избѣжать тѣмъ шумной встрѣчи [1]). Растопчинъ, по обыкновенію, очень много суетился и въ его распоряженіяхъ высказалась и теперь его подозрительная, полицейская натура. Въ свитѣ государя, состоявшей лишь изъ весьма немногихъ лицъ, въ томъ числѣ графа Толстаго, графа Аракчеева, князя Волконскаго, графа Комаровскаго (Балашевъ, Шишковъ и другія лица ѣхали позади), находился и баронъ Штейнъ. Растопчинъ не любилъ Штейна, казавшагося ему настоящимъ революціонеромъ; одновременный въѣздъ этого опаснаго человѣка, и притомъ иностранца, въ Москву вмѣстѣ съ государемъ казался ему неудобнымъ. Народъ былъ

---

[1]) Всѣ эти подробности передаетъ самъ гр. Растопчинъ въ своихъ запискахъ. Стр. 299—300.

настроенъ, по его мнѣнію, крайне враждебно противъ всѣхъ иноземцевъ; онъ считалъ ихъ всѣхъ, безъ исключенія, нашими врагами и шпіонами Наполеона. Растопчинъ принялъ видъ, что онъ опасается, чтобы присутствіе Штейна въ свитѣ государя не вызвало недовольства и ропота въ москвичахъ, не охладило ихъ энтузіазма и отдалъ поэтому приказъ задержать на нѣсколько часовъ Штейна въ Перхушковѣ подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ [1]). Какъ видно, графъ зналъ очень мало дѣйствительное настроеніе москвичей: иначе онъ не могъ-бы заниматься подобными пустяками въ такія минуты.

Было уже около девяти часовъ вечера, когда государь выѣхалъ изъ Перхушкова. Ночь была великолѣпная, небо ясно, незамѣтно было ни одного облачка. Величественная тишина стояла въ воздухѣ, яркій лунный свѣтъ озарялъ живописную, богатую и густо-населенную мѣстность. Громадныя толпы народа, вышедшія еще съ утра изъ Москвы на встрѣчу государю, терпѣливо ожидали его проѣзда. Живописными группами расположились они по краямъ дороги; одни лежали, другіе сидѣли, почти у всѣхъ въ рукахъ были зажжены фонари. Цѣлые потоки свѣта заливали дорогу и затемняли лучи мѣсяца. Изо всѣхъ деревень, лежавшихъ по пути, выходили священники, съ крестомъ въ рукахъ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи своихъ прихожанъ съ зажженными свѣчами. Они спѣшили на встрѣчу государя, чтобы привѣтствовать, благословить его. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести эта встрѣча на воспріимчивую натуру государя, потрясенную, но не сломленную столькими ужасными событіями. Эти толпы народа, онѣмѣвшія отъ восторга при видѣ своего Царя, эти свѣчи, эти священники, и эта величественная тишина ночи,—все это было для него чѣмъ-то новымъ, небывалымъ, непережитымъ, затрогивавшимъ самыя сокровенныя струны сердца, вливавшимъ въ душу неиспытанныя до тѣхъ поръ чувства умиле-

---

[1]) „Я сдѣлалъ это, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, въ виду сильно укоренившагося мнѣнія, что всѣ иностранцы наши враги и шпіоны“.

нія и дѣтской покорности волѣ всеблагаго Провидѣнія. И вся эта картина подернута была какимъ-то грустнымъ, траурнымъ флеромъ. Казалось, что цѣлый великій народъ торжественно, спокойно и тихо обрекалъ себя на жертву за горячо любимое отечество, за вѣру предковъ и произносилъ передъ лицомъ Всемогущаго нѣмой, но въ тоже время громкій обѣтъ вѣрности до конца, до послѣдней капли крови, своему прирожденному государю. Тяжело и въ тоже время радостно становилось на сердцѣ, волновалась душа и тревожился умъ. Глаза всѣхъ невольно подымались къ небу и силились прочесть въ немъ грядущую судьбу отечества. У села Филей или Покровскаго, которому суждено было вскорѣ пріобрѣсти такую всемірно-историческую извѣстность, наступилъ самый торжественный моментъ встрѣчи. Густыя толпы народа занимали здѣсь сплошь всю дорогу. Тутъ были и москвичи, и жители окрестныхъ деревень, и всѣ, поголовно, обыватели села Филей. Впереди всѣхъ стоялъ священникъ Григорій Гавриловъ въ полномъ облаченіи, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ; подлѣ него старикъ - дьяконъ съ зажженною свѣчою. Экипажъ государя остановился. Императоръ вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ провозгласилъ: „да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его". Было уже за полночь, когда государь прибылъ въ Кремль [1]). Тамъ всѣ уже спали. По какому-то странному недоразумѣнію его ожидали въ другомъ дворцѣ [2]).

На другой день, 12 іюля, народъ уже зналъ безъ всякихъ

---

[1]) Обо всей этой замѣчательной встрѣчѣ говорятъ: гр. Растопчинъ въ своихъ Запискахъ, гр. Комаровскій въ своихъ Запискахъ, стр. 775 и Глинка въ Запискахъ, стр. 11—12.

[2]) Странное это недоразумѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ А. Н. Поповъ, произошло вѣроятно отъ самого гр. Растопчина. По его свидѣтельству, государь предполагалъ остановиться въ Слободскомъ дворцѣ, и безъ сомнѣнія, согласно съ этимъ желаніемъ, сдѣланы были приготовленія для его пріема. Онъ измѣнилъ это намѣреніе по совѣту гр. Растопчина, который ранѣе государя пріѣхалъ въ Москву изъ Перхушкова, но не далъ знать кому слѣдовало о томъ, что государь прибудетъ въ Кремлевскій дворецъ. См. „Москва въ 1812 г." стр. 301.

объявленій, что государь въ Москвѣ. Съ самаго ранняго утра густыя толпы спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Кремль. День былъ великолѣпный, солнце сіяло въ полномъ блескѣ. Колоссальный городъ представлялъ величественное, несравненное зрѣлище. Москва, долженствовавшая пасть такъ скоро очистительною жертвою за спасеніе цѣлаго міра, сіяла во всемъ своемъ блескѣ. На иностранцевъ, подобныхъ Штейну и Арндту, она производила чарующее впечатлѣніе. Она казалась имъ не городомъ, а цѣлымъ сонмомъ городовъ. Эта масса построекъ самаго разнообразнаго характера, эта пестрая смѣсь великолѣпныхъ дворцовъ, деревянныхъ домовъ, бѣдныхъ хижинъ, эта масса куполовъ, позлащенныхъ главъ и шпицовъ, эта смѣсь византійскаго и восточнаго стиля, эти громадныя группы зеленѣющихъ садовъ, — все это переносило ихъ въ какую-то чудную, волшебную страну [1]). И среди всего этого, по этимъ узкимъ и кривымъ улицамъ, по этимъ площадямъ, четырехсотъ, тысячное населеніе, стремящееся къ одному центру, величественному Кремлю, бросившее свои повседневныя занятія, забывшее свои обычныя треволненія и мелочи жизни, преисполненное одною думою, слившееся въ одномъ великомъ чувствѣ.

Обширныя пространства Кремля не въ состояніи были вмѣстить въ себѣ нахлынувшаго со всѣхъ сторонъ потока народа. Не только всѣ площади Кремля, но и всѣ улицы, ведущія къ нему, всѣ кровли сосѣднихъ домовъ сплошь были покрыты народомъ. Въ 9 часовъ должно было начаться шествіе императора въ Успенскій соборъ, тамъ должно было совершиться торжественное молебствіе по случаю заключенія мира съ Портою. Едва только государь показался на Красномъ крыльцѣ, какъ колокольный звонъ и привѣтственные громовые возгласы народа огласили воздухъ. Слышалось

---

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 104 и 105. Тамъ-же помѣщены два любопытныхъ письма Штейна къ женѣ о Москвѣ, стр. 106—108. Арндтъ разсказываетъ о Москвѣ въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ былъ въ ней, впрочемъ, позже государя и Штейна, и оставался всего лишь два дня: „Этотъ городъ-чудо я видѣлъ только два дня. Я не могъ осмотрѣть ничего, а могъ только дивиться“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 87.

не одно только обычное русское *ура*, но и восклицанія иного рода. „Отецъ нашъ, ангелъ нашъ“—кричали тысячи восторженныхъ голосовъ,—„веди насъ куда хочешь, умремъ или побѣдимъ“. Народъ, казалось, обезумѣлъ, вышелъ изъ себя отъ восторга. Столько томительныхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, носился передъ нимъ мрачный призракъ нашествія, грозившаго гибелью отечеству, ему самому и всему дорогому для него. И среди этого мрака невѣдѣнія, среди страшнаго хаоса слуховъ, противорѣчившихъ другъ другу, сбивавшихъ всѣхъ съ толку, ни одного луча свѣта, ни одного указанія свыше,—куда идти, что дѣлать, чѣмъ руководиться! И вдругъ эта взволнованная и двигавшаяся во тьмѣ масса увидѣла свѣтъ, открыла вѣрную стезю спасенія. Ея законный, ея царственный вождь предсталъ передъ нею при яркихъ лучахъ утренняго солнца. Выяснилась страшная опасность, но блеснулъ и яркій лучъ надежды. Тьма невѣдѣнія и сомнѣній разсѣялась, всѣ почувствовали инстинктивно, что надлежитъ дѣлать, какія великія жертвы подобаетъ принести; всѣмъ дано было средоточіе и руководство въ лицѣ обожаемаго Монарха.

Государь двинулся къ Успенскому собору. „На всѣхъ ступеняхъ Краснаго крыльца, говоритъ очевидецъ [1]), сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цаловали и орошали ихъ слезами. Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе и болѣе; чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте ихъ, не троньте ихъ; я пройду!“ „Стеченіе народа на всей Кремлевской площади, замѣчаетъ другой очевидецъ, графъ Комаровскій [2]), было такъ велико, что находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести государя отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гауптвахты и

---

[1]) Записки С. Н. Глинки о 1812 г., стр. 13—14; его-же „Русскіе анекдоты“. Т, II, стр. 7—10.

[2]) Записки гр. Комаровскаго, „Русскій Архивъ“ 1867 г., стр. 775.

оттуда уже кое-какъ добрались до собора. Между тѣмъ громогласное *ура* почти что заглушало колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это утро". „Прибытіе императора, говоритъ Штейнъ [1]), взволновало все населеніе Москвы и окрестностей. Безчисленный, стекшійся со всѣхъ сторонъ народъ преисполненъ былъ самымъ возвышеннымъ религіознымъ и національнымъ одушевленіемъ, и всѣ сословія соперничали въ готовности жертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ, дабы на дѣлѣ доказать свою любовь къ государю. Видъ этой массы, тѣснившейся вокругъ государя, почти боготворившей его, старавшейся увидѣть его, прикоснуться къ нему, и пламенное чувство набожности, жаръ, съ которымъ молилась она въ церквахъ, одушевляли душу каждаго присутствующаго, возвышали его сердце".

Престарѣлый Платонъ, митрополитъ Московскій, разбитый уже въ то время параличомъ, плохо владѣвшій языкомъ, не въ состояніи былъ лично явиться, чтобы привѣтствовать государя на порогѣ главной Московской святыни [2]). Тяжелое болѣзненное состояніе не помѣшало ему, однакоже, прислать изъ своего уединенія, изъ Виѳанскаго монастыря въ 60 верстахъ отъ Москвы, образъ преподобнаго Сергія [3]) вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать въ объятія усердныхъ сыновъ своихъ и, сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне!

---

[1]) Перцъ, Stein's Leben. Т. 3, стр. 104—105.

[2]) Платонъ собирался ѣхать въ столицу, чтобы привѣтствовать государя; нѣсколько разъ запрягали лошадей, нѣсколько разъ онъ подходилъ къ каретѣ; но, изнемогая отъ старости и болѣзни, возвращался въ свою келью. „Москва въ 1812 г.", стр. 304.

[3]) Образъ этотъ имѣлъ важное историческое значеніе. Онъ былъ написанъ въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ находился при войскахъ въ войнѣ съ Польшею въ 1654 г. Точно также онъ сопутствовалъ нашимъ войскамъ во всю Сѣверную войну при Петрѣ Великомъ.

Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Болѣзную, что слабѣющія силы мои препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ Вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ въ благихъ желанія Вашего Величества [1]).

Вмѣсто отсутствующаго митрополита, государя привѣтствовалъ въ дверяхъ Успенскаго собора, Московскій викарій архіепископъ Августинъ, одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ того времени. Въ своей умной и живой рѣчи, хотя и не чуждой риторической изысканности, онъ привѣтствовалъ государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тамъ среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь души наши любовью къ тебѣ и отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь, тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь. Государь, оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостью—тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими“. Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушалъ государь рѣчь Московскаго архипастыря. И въ этой рѣчи чувствовалось могучее вѣяніе того духа всепроникающей любви къ государю, къ отечеству, который охватилъ тогда всю Москву, всю Россію. Этотъ духъ высказывался на каждомъ шагу, онъ проявлялся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ дѣйствіи тѣхъ лицъ, которыя были преисполнены имъ. Государь вступилъ во внутрь храма, и пѣвчіе, по рас-

[1]) Письмо митрополита Платона изъ Виѳаніи отъ 14 іюля. См. Снегирева „Жизнь митрополита Платона“, ч. II, стр. 42, примѣч. 19.

поряженію преосвященнаго Августина, вмѣсто обычной пѣсни: „Спаси Господи люди твоя“, запѣли: „да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его“ [1]).

Обратное шествіе государя изъ собора во дворецъ сопряжено было еще съ большими трудностями. Толпы народа возрасли въ числѣ, а ихъ горячій энтузіазмъ, ихъ страстное желаніе увидѣть какъ можно ближе государя, прикоснуться, если возможно, къ нему, достигли до своего крайняго предѣла. Неоднократно государь принужденъ былъ останавливаться, чтобы дать толпѣ возможность раздвинуться и открыть ему путь [2]). Радостно взволнованный, проникнутый твердою вѣрою въ крѣпкую, неразрывную связь между собою и народомъ, возвратился государь во дворецъ. Теперь у него не оставалось и тѣни сомнѣнія, что Москва, а вслѣдъ за нею и вся Россія дадутъ ему неисчерпаемыя средства для борьбы съ нашествіемъ. Война всеобщая, война народная, о которой мечталъ онъ уже по выѣздѣ своемъ изъ Дрисскаго лагеря, возжечь которую пытался онъ уже въ Смоленскѣ, предстала передъ нимъ во всемъ мрачномъ и величавомъ блескѣ дѣйствительности. Энтузіазмъ, охватившій весь народъ, овладѣлъ и имъ самимъ, онъ заставлялъ его идти впередъ и отбросить въ сторону всѣ колебанія и полумѣры. Надо было открыть путь потоку народнаго одушевленія, необходимо было указать ему на цѣль войны и на тѣ жертвы, которыя требовались отъ него для достиженія этой цѣли. Государь рѣшился прямо обратиться къ своимъ подданнымъ и съ этою цѣлью назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться 15 іюля въ залахъ Слободскаго дворца.

Назначая такое необычное, по тогдашнимъ понятіямъ, собраніе, государь не сомнѣвался ни на минуту, что одна мысль и одно чувство будутъ господствовать въ собраніи, что о какой-бы то ни было оппозиціи не можетъ быть и рѣчи, что нѣтъ, слѣдовательно, ни малѣйшей надобности въ ка-

---

[1]) См. Снегиревъ: „Очерки жизни Московскаго архіепископа Августина“, стр. 19—21.

[2]) Записки Растопчина, у Попова, стр. 304.

кихъ-бы то ни было подготовительныхъ мѣрахъ, въ какихъ-бы то ни было искусственныхъ возбужденіяхъ и направленіяхъ общественнаго мнѣнія. Иначе смотрѣлъ на дѣло Московскій главнокомандующій. Предстоящее собраніе казалось ему дѣломъ необычнымъ, требующимъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Не довѣряя въ глубинѣ души своей простому народу, Растопчинъ не довѣрялъ въ тоже время и дворянству. Если мужики способны были, по его мнѣнію, принимать свободу изъ рукъ Наполеона, то въ средѣ дворянства, казалось ему, могли найтись господа, которые воспользуются удобнымъ случаемъ поиграть въ оппозицію. Донесенія его вѣрныхъ агентовъ не замедлили подтвердить его подозрѣніе. Уже въ день пріѣзда государя, они увѣдомили графа, что нѣкоторые изъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу мартинистовъ, сговариваются предложить государю въ собраніи вопросы: сколько у насъ теперь войска, сколько у непріятеля, какія имѣются средства къ оборонѣ и т. п. Графъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что это предположеніе смѣлое, неумѣстное и опасное при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нисколько не испугало его, такъ какъ мартинисты храбры лишь у себя на дому, но трусливы въ обществѣ. Въ дѣйствительности-же главнокомандующій перетревожился, какъ видно, не на шутку. Съ намѣреніемъ объявлялъ онъ во всеуслышаніе, что надѣялся представить государю зрѣлище дворянскаго собранія вѣрнаго и почтительнаго, что онъ будетъ въ отчаяніи, если кто-либо изъ неблагонамѣренныхъ людей забудется въ присутствіи государя, и что такой господинъ, прежде нежели окончитъ то, что захочетъ сказать, полетитъ во всю прыть въ дальній путь. Не довольствуясь этими угрозами, графъ въ самый день собранія приказалъ поставить неподалеку отъ Слободскаго дворца двѣ телѣжки, запряженныя почтовыми лошадьми, и двухъ полицейскихъ офицеровъ, одѣтыхъ по-дорожному. Господа эти должны были прохаживаться возлѣ телѣжекъ и на вопросы любопытныхъ, для кого приготовлены эти телѣжки, отвѣчать: для тѣхъ, которыхъ пошлютъ въ ссылку. Растопчинъ былъ въ восторгѣ отъ своей выдумки; онъ былъ глубоко убѣжденъ,

что слухъ о телѣжкахъ достигнетъ до собранія и удержитъ въ предѣлахъ благоразумія злонамѣренныхъ мартинистовъ [1]).

Не одни, впрочемъ, замыслы мартинистовъ, но и соображенія иного рода занимали Московскаго главнокомандующаго передъ открытіемъ назначеннаго собранія. Графъ Растопчинъ, уже въ самомъ началѣ кампаніи, пришелъ къ убѣжденію, что Москва должна быть предоставлена французамъ, что Наполеонъ найдетъ себѣ въ ней вѣрную могилу и что необходимо, слѣдовательно, заманить его туда. Наоборотъ, Растопчинъ считалъ Россію погибшею въ томъ случаѣ, если Наполеонъ остановится у Днѣпра и Западной Двины, если онъ подготовитъ, какъ слѣдуетъ, будущую кампанію, подыметъ противъ Россіи всѣхъ поляковъ и взволнуетъ русское простонародье, объявивъ уничтоженіе крѣпостнаго права [2]). Растопчинъ былъ глубоко убѣжденъ въ справедливости своихъ надеждъ и опасеній, но онъ зналъ въ тоже время хорошо, что мысль о добровольномъ предоставленіи столицы непріятелю не приходитъ никому въ голову. Надобно, слѣдовательно, предполагалъ онъ, заблаговременно распространять эту мысль, пріучать къ ней умы, выставить въ глазахъ всѣхъ всю ея роковую необходимость и неизбѣжность. Растопчинъ думалъ воспользоваться назначеннымъ собраніемъ для распространенія своей мысли, а роль оратора и возвѣстителя своей идеи онъ возложилъ на извѣстнаго писателя Глинку [3]).

---

[1]) Записки гр. Растопчина, у Попова, стр. 310—11: „Слухъ объ этихъ отвѣтахъ и о телѣжкахъ дошелъ и до собранія. Хвастуны ничего не говорили въ собраніи и вели себя умно“.

[2]) „Я былъ взволнованъ постоянно мыслью, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, что Наполеонъ остановится въ Смоленскѣ до будущей весны. Не нужно было много предвидѣнія, чтобы въ этой мѣрѣ не увидать величайшихъ несчастій для Россіи“. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г., кн. 3, стр. 11.

[3]) Растопчинъ самъ нигдѣ не говоритъ о порученіи, возложенномъ на Глинку, точно также умалчиваетъ о немъ и самъ Глинка. Мы думаемъ, однакоже, что Глинка провозгласилъ мысль объ оставленіи Москвы не самъ собою, а по порученію графа. Въ противномъ случаѣ пришлось-бы допустить, что Растопчинъ и Глинка пришли къ этой мысли совершенно независимо другъ отъ друга, что Растопчинъ держалъ ее про себя и что Глинка отважился заговорить о ней въ собраніи самъ, безъ вѣдома Московскаго главнокомандующаго.

Въ назначенный день, 15-го іюля, залы Слободскаго дворца наполнились громаднымъ количествомъ дворянъ и купцовъ. Глинка явился одинъ изъ первыхъ, хотя онъ не имѣлъ ни поземельной собственности, ни крѣпостныхъ. Между собравшимися шли самые оживленные разговоры. Кто-то изъ чиновныхъ бояръ замѣтилъ: „Мы должны спросить у государя, сколько у насъ войска и гдѣ оно?“—„Если-бы мы и имѣли право спрашивать объ этомъ государя, возразилъ генералъ Апраксинъ, то онъ не могъ-бы дать намъ удовлетворительнаго отвѣта; войска наши двигаются сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ; также можетъ измѣняться и число войскъ“. Въ разговоръ генерала и чиновника вмѣшался какой-то мужчина лѣтъ 40, высокій ростомъ, плечистый, красивый, въ мундирѣ безъ эполетъ. „Теперь не время, воскликнулъ онъ громогласно, разсуждать,—надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная, война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилу и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу, и эта война требуетъ и необычайной доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ, вооружимся чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля, составимъ конныя дружины, будемъ вездѣ тревожить Наполеона, отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію“. Горячія, задушевныя слова неизвѣстнаго оратора подѣйствовали на всѣхъ слушавшихъ его, какъ электрическая искра. Глинка, человѣкъ въ высшей степени увлекающійся, пришелъ въ настоящій экстазъ. Теперь настала минута, когда онъ могъ высказать мысль графа о необходимости принести въ жертву Москву. „Адъ должно отражать адомъ“,—такими словами началъ онъ свою рѣчь. Воодушевляясь съ минуты на минуту, онъ говорилъ около получаса объ опасности, грозящей отечеству, о необходимости крайнихъ мѣръ. Вокругъ него стѣснился большой кружокъ слушателей. Всѣ слушали его молча, съ напряженнымъ вниманіемъ. Наконецъ, Глинка воскликнулъ: „мы не должны ужасаться,—Москва будетъ сдана“. Слова эти произвели потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Люди, сидѣвшіе до тѣхъ поръ спокойно на креслахъ,

повскакивали съ своихъ мѣстъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: „Кто вамъ сказалъ это? Почему вы это знаете"? Волей или неволей, а Глинка долженъ былъ продолжать свою рѣчь. „Милостивые государи, говорилъ онъ, во-первыхъ отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни одной природной или искусственной обороны, достаточной для того, чтобы остановить сильнаго непріятеля. Во-вторыхъ, всѣ отечественныя наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Москва привыкла страдать за Россію, и въ третьихъ, и дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова—сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы!" Неизвѣстно, какъ далеко зашелъ-бы Глинка въ своемъ увлеченіи, но его рѣчь была прервана появленіемъ въ залѣ собранія графа Растопчина и государственнаго секретаря Шишкова [1]). Они явились въ собраніе по приказу государя, для того чтобы еще до его пріѣзда прочесть дворянству и купечеству манифестъ отъ 6 іюля [2]).

---

[1]) Записки Глинки о 1812 г., стр. 16—19.

[2]) Вотъ текстъ этого достопамятнаго документа: „Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясти спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію на устахъ несетъ онъ вѣчныя для нея цѣпи и оковы. Мы призвавъ на помощь Бога, поставляемъ ему въ преграду войска наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнымъ согнать съ лица земли нашей. Мы возлагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ него бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ".

„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, а нынѣ вызываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты, во всѣ времена, было спасителемъ отечества. Святѣйшій с

Манифестъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвелъ одинаково сильное дѣйствіе и на дворянъ, и на купцовъ, но энтузіазмъ того и другаго сословія высказался совершенно различнымъ способомъ. Въ дворянской залѣ все происходило тихо и въ порядкѣ; въ залѣ купеческой энтузіазмъ выразился цѣлою бурею, внезапно вырвавшагося наружу, патріотическаго одушевленія. „Сначала вниманіе, говоритъ Растопчинъ, потомъ гнѣвъ; но когда Шишковъ произнесъ слова, въ которыхъ говорилось, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва, струившіяся по этимъ лицамъ, напоминавшимъ древнихъ. Я видѣлъ одного, который скрежеталъ зубами. При этомъ шумѣ невозможно было разобрать, что говорили, но явно было, что это были угрозы и возгласы гнѣва и стенанія“ [1]). Это единственное въ своемъ родѣ зрѣлище страшно озадачило графа, стоявшаго, не смотря на свои оригинальныя въ мужицкомъ стилѣ прокламаціи, также далеко отъ народа, какъ и вся тогдашняя, да и теперешняя интеллигенція.

Уже много лѣтъ спустя, при составленіи своихъ записокъ [2]), графъ Растопчинъ старался уяснить себѣ непонятный для него феноменъ этого внезапнаго и страстнаго проявленія національнаго чувства у того класса людей, который, по его собственному внутреннѣйшему убѣжденію, способенъ былъ думать лишь о рубляхъ и алтынахъ, да въ самомъ лучшемъ случаѣ жертвовать тысячи и милліоны по приказанію начальства, или же ради полученія пустыхъ, внѣшнихъ знаковъ отличія. Какъ разсуждалъ онъ, эти русскіе люди при-

---

нодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“ Записки Шишкова. Т. I, прилож. V, стр. 426.

[1]) Записки графа Растопчина, у Попова, стр. 307.

[2]) Извѣстно, что графъ Растопчинъ писалъ свои записки долго спустя послѣ 1812 г., по всѣмъ соображеніямъ около 1823 года. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. I кн., стр. 270, примѣчаніе.

всячески подстрекаетъ купцовъ и своимъ могучимъ словомъ развязываетъ ихъ кошельки [1]). Въ дѣйствительности, дѣло было, однако-же, не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ это графъ Растопчинъ. Изъ свидѣтельствъ другихъ очевидцевъ оказывается несомнѣнно, что подписка пожертвованій началась по почину самихъ купцовъ, безъ всякаго посторонняго воздѣйствія, еще до прибытія государя,—въ то время, когда графъ Растопчинъ удалился изъ собранія, чтобы донести императору, что все готово [2]). Первый подписался градской голова. Весь капиталъ его состоялъ изъ 100,000 рублей; изъ нихъ онъ пожертвовалъ 50,000, крестясь и говоря: „мнѣ далъ ихъ Богъ, а я отдаю ихъ отечеству". Еще государь не входилъ въ купеческую залу, а уже подписка достигла въ какихъ-нибудь полчаса до нѣсколькихъ милліоновъ.

Между тѣмъ государь прибылъ изъ Кремля въ Слободской дворецъ и остановился предварительно въ своихъ покояхъ. Графъ Растопчинъ явился къ нему съ докладомъ, что все готово. На слова государя, что онъ расчитываетъ получить отъ Московской губерніи 10,000 ратниковъ, Растопчинъ замѣтилъ, что ихъ будетъ вѣроятно гораздо больше. Изъ своихъ покоевъ государь пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершено было краткое молебствіе. На предстоящій шагъ онъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій своей жизни; намѣреваясь говорить съ своимъ народомъ, онъ укрѣплялъ себя предварительно помощью свыше. Прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, онъ чувствовалъ, что его собственная сила удваивается, что онъ является воистину самодержавнымъ владыкою, олицетвореніемъ страшной, стихійной силы своего народа. Само собою понятно, что торжественное сознаніе всей всемірно-исторической важности момента наполняло собою все существо императора, что оно придавало его лицу видъ сосредоточенности и озабоченности, что оно замедляло самый шагъ его и могло быть понято сви-

[1]) Обо всемъ этомъ повѣствуетъ, разумѣется, самъ графъ въ своихъ Запискахъ, стр. 308.

[2]) Такъ свидѣтельствуетъ гр. Комаровскій. Записки Комаровскаго. „Русскій Архивъ" 1867 г., стр. 777.

[redacted]

вплоть до самаго Кремля, оглашая воздухъ громкими криками *ура*.

Такъ повѣствуютъ о событіяхъ этого достопамятнаго дня всѣ безпристрастные свидѣтели очевидцы, писавшіе подъ впечатлѣніемъ минуты, не преслѣдовавшіе никакихъ предвзятыхъ цѣлей [1]). На основаніи ихъ правдивыхъ и безъискусственныхъ свидѣтельствъ должна говорить и исторія, имѣющая въ виду одну истину. Исторія будетъ утверждать вмѣстѣ съ ними, что въ тотъ великій день загорѣлся въ залахъ Слободскаго дворца яркимъ пламенемъ тотъ святой и спасительный огонь, который вспыхивалъ передъ тѣмъ уже въ Смоленскѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ чисто Русской земли, которыхъ касалась нога завоевателя, который освѣтилъ уже яркимъ свѣтомъ Кремль и всю Москву въ день 12-го іюля и которому суждено было теперь свыше спасти и очистить отъ позорнѣйшаго рабства всю Европу. Иное дѣло графъ Растопчинъ и его тенденціозные разсказы, возникшіе уже много лѣтъ спустя послѣ событій. Если вѣрить графу, хлопотавшему болѣе всего о собственной репутаціи и славѣ, то энтузіазмъ, охватившій тогда Москву, а вслѣдъ за нею и всю Россію, далеко не былъ такъ всеобщъ, искрененъ и неподдѣленъ, какъ утверждаютъ это другіе очевидцы. Рѣчь государя дворянамъ производитъ, по его словамъ, электрическое дѣйствіе, она располагаетъ всѣхъ жертвовать частію своего состоянія, чтобы спасти все. Итакъ, дворяне дѣйствуютъ не подъ вліяніемъ охватившаго ихъ могучаго чувства, а скорѣе холоднаго экономическаго разсчета. Въ лицѣ своего перваго представителя, графа Гудовича, бывшаго главнокомандующаго Москвы, они предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяцъ продовольствіемъ. Это предложеніе, замѣчаетъ графъ Растопчинъ, было и справедливо и разумно, но едва только фельдмаршалъ кончилъ свою рѣчь, какъ послышались голоса: „нѣтъ не по од-

---

[1]) Такъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ: гр. Комаровскій, Глинка, Шишковъ, Бестужевъ-Рюминъ, Мертваго, Лубяновскій, Вильсонъ, Штейнъ, Нелединскій-Мелецкій и многіе другіе.

ному съ 25, но по одному съ 10, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца". Это съ шумомъ было повторено всѣмъ собраніемъ [1]).

Графъ Растопчинъ остался крайне недоволенъ такою неумѣстною щедростью. Немедленно-же произвелъ онъ надлежащее разслѣдованіе съ цѣлью развѣдать, кто были крикуны, первые осмѣлившіеся видоизмѣнить такимъ радикальнымъ образомъ предложеніе престарѣлаго фельдмаршала [2]). Оказалось, что крикуновъ этихъ было два человѣка, впрочемъ, совершенно различныхъ между собою. „Одинъ изъ этихъ господъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что у него не было никакой собственности въ Московской губерніи, и онъ случайно сдѣлалъ свое предложеніе, какъ-бы шутя. Другой съ сильными легкими, былъ низкій человѣкъ, глупый и злой; онъ мнѣ обѣщалъ свой голосъ за то, чтобы имѣть честь быть приглашеннымъ къ императорскому столу. И вотъ какъ часто направляютъ собранія и какъ они дѣйствуютъ и подаютъ голоса по увлеченію и безъ размышленія! Бываютъ люди, которыхъ газетчики, біографы и историки-романисты возвышаютъ до небесъ за какой-нибудь поступокъ или слово, въ которомъ они сейчасъ-же, быть можетъ, раскаявались, что его сдѣлали, или произнесли" [3]).

Произнося эти рѣзкія слова для назиданія потомства, графъ Растопчинъ вѣроятно и не подозрѣвалъ, что достопамятная эпоха 1812 года обрѣла именно въ немъ одного изъ тѣхъ историковъ-романистовъ, надъ которыми онъ такъ глумился. И въ самомъ дѣлѣ, изъ романа, сочиненнаго графомъ, оказывается, что весь неслыханный энтузіазмъ, овладѣвшій Москвою, вызванъ былъ вовсе не грознымъ нашествіемъ Наполеона, не любовью къ отечеству, вѣрѣ предковъ и государю, а полицейскими мѣропріятіями самого графа, почтовыми те-

---

[1]) Записки Растопчина, стр. 308.

[2]) Гр. Растопчинъ начинаетъ повѣствованіе о своихъ открытіяхъ такими словами: „Теперь надо объяснить, почему собраніе было такъ щедро и благородно". (Si généreuse et si noble).

[3]) Записки Растопчина, у Попова, стр. 309.

лѣжками и одѣтыми по дорожному квартальными, разудалыми прокламаціями и ловкими внушеніями агентовъ главнокомандующаго, приглашеніями къ обѣду, подстрекательствами и понуканіями, сдѣланными въ настоящую, хорошо выбранную минуту, на купцовъ, неспособныхъ, по своей натурѣ, ни къ какому увлеченію, да четырьмя магическими пословицами. И если собраніе вышло изъ тѣхъ предѣловъ, которые предначерталъ для него графъ, хватило черезъ край и приняло предложеніе, не совсѣмъ совмѣстное съ выгодами дворянскаго сословія, то единственными виновниками этого были два незванныхъ и непрошенныхъ крикуна,—одинъ веселый шутникъ, другой злой дуракъ. Какъ жаль, что графъ Растопчинъ во́-время не предвидѣлъ выходки этихъ господъ; навѣрное онъ заблаговременно отправилъ-бы ихъ съ квартальными на телѣжкахъ, куда слѣдуетъ! Столь-же неумѣстною казалось, впрочемъ, графу Растопчину, какъ выходка двухъ упомянутыхъ господъ, и приведенное нами выше письмо митрополита Платона. Письмо написано было, правда, прекрасно и умно, но съ чего это вздумалъ митрополитъ сравнивать государя съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона съ Голіаѳомъ. „Времена были уже иныя: Наполеонъ не сдѣлалъ-бы вызова и не таковъ былъ, чтобы позволить себя убить ударомъ пращи“ [1]). Еще-бы! Но дѣло не въ однихъ только временахъ, а еще и кое въ чемъ другомъ. Развѣ могъ понять языкъ вѣры, языкъ православнаго архипастыря, человѣкъ, думавшій и говорившій по-французски и принимавшій такъ къ сердцу интересы іезуитскихъ патеровъ, писавшихъ и произносившихъ свои проповѣди, разумѣется, въ самомъ модномъ, раціоналистическомъ стилѣ!

Не одинъ, впрочемъ, графъ Растопчинъ, а также и другіе высокопоставленные оффиціальные дѣятели этой эпохи относились совершенно своеобразно къ проявленіямъ патріотическаго чувства. Вотъ что разсказываетъ, по этому поводу, Бестужевъ-Рюминъ [2]). Дворянство Рязанской губерніи, узнавъ

---

[1]) Записки Растопчина, у Попова, стр. 304.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, членъ вотчиннаго департамента, составилъ „Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г.“ Сочиненіе это напе-

о воззванiи императора въ Москвѣ, отправило въ качествѣ депутатовъ къ императору своихъ уѣздныхъ предводителей, заявить государю, что они готовы поставить на защиту отечества 60 тысячъ ратниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ. Предводители, прiѣхавъ въ Москву, отправились къ министру полицiи, Балашеву. Каково-же было ихъ удивленiе, когда министръ принялъ ихъ крайне неблагосклонно, началъ кричать на нихъ и осыпать упреками за то, что они осмѣлились отлучиться отъ своихъ должностей. Изумленные, обиженные депутаты отвѣчали, что они прiѣхали не самовольно, а по общему приговору дворянства и съ согласiя рязанскаго губернатора. Но Балашевъ не унимался. Онъ объявилъ, что подвергнетъ строгому взысканiю всѣхъ тѣхъ, которые дозволили имъ прiѣхать, и въ заключенiе почти что выгналъ депутатовъ. Оскорбленные предводители дворянства искали защиты у московскаго генералъ-губернатора. Графъ Растопчинъ принялъ ихъ дѣйствительно чрезвычайно вѣжливо и ласково, порицалъ образъ дѣйствiй Балашева и обѣщалъ доложить о нихъ немедленно государю. Предводители возвратились домой, очарованные любезностью графа и совершенно успокоенные на счетъ успѣха порученiя, возложеннаго на нихъ рязанскимъ дворянствомъ. Каково-же было ихъ удивленiе и негодованiе, когда, на другой день утромъ, они получили черезъ полицiю приказанiе немедленно-же выѣхать изъ Москвы [1]).

Таковы были закулисныя дѣйствiя тѣхъ лицъ, которыя впослѣдствiи приписывали чуть не однимъ себѣ главную заслугу въ дѣлѣ изгнанiя Наполеона изъ Россiи. Само собою понятно, что императоръ Александръ остался въ полномъ невѣдѣнiи на счетъ суетливой дѣятельности графа Растопчина и своего министра полицiи. Слухъ о почтовыхъ телѣжкахъ и наряженныхъ квартальныхъ у Слободскаго дворца, о предполагаемой и счастливо предупрежденной оппозицiи

чатано въ „Чтенiяхъ въ Имп. Обществѣ Исторiи и Древностей при Московск. универс.“ 1859 г. к. II, отд. V.

[1]) Бестужевъ-Рюминъ: „Краткое описанiе“ и пр., стр. 75—76.

мартинистовъ, о высылкѣ рязанскихъ депутатовъ изъ Москвы, никогда не достигъ до него. Приписывая большое значеніе дѣятельности графа Растопчина въ дѣлѣ поднятія Москвы, государь не усматривалъ, однако-же, въ этомъ движеніи ничего искусственнаго, а считалъ его, напротивъ, прямымъ и совершенно естественнымъ выраженіемъ народнаго чувства, затронутаго, взволнованнаго въ самой глубинѣ своей дерзкимъ посягательствомъ иноземнаго врага на достоинство и цѣлость отечества. „Мой пріѣздъ въ Москву имѣлъ настоящую пользу, писалъ онъ графу Салтыкову [1]). Нельзя быть не тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ". Московскія событія,—событія, въ которыхъ впервые пришлось ему стать лицемъ къ лицу съ народомъ, проникнуться его силою, почувствовать ясно и сознательно свое великое значеніе, какъ самодержавнаго вождя и руководителя этого народа, казались ему на столько важными, что онъ принялъ тотчасъ-же мѣры, дабы память объ этихъ событіяхъ перешла по возможности въ настоящемъ и неискаженномъ видѣ къ потомству. Съ этою цѣлью онъ поручилъ описать пріѣздъ свой въ Москву, со всѣми его неожиданными послѣдствіями, извѣстному тогда писателю Нелединскому-Мелецкому. Описаніе это [2]), передающее дѣйствительно вѣрно, и вполнѣ согласно съ другими современными свидѣтельствами, народное движеніе, охватившее тогда Москву, оканчивается слѣдующими знаменательными словами: „Да познаетъ надменный и жребіемъ подвластныхъ ему людей играющій врагъ нашъ, что мы идемъ противъ него всѣ, предводимые вѣрою, неизмѣнною любовью къ Монарху и отечеству своему; умремъ всѣ совокупно или побѣдимъ". Духъ высокой и непреклонной рѣшимости, выражающійся въ этихъ словахъ, былъ тотъ самый духъ, который выражали „бороды" своими словами: „чтобы насъ побѣдить, нужно всѣхъ перебить",—который

---

[1]) Письмо императора къ Салтыкову отъ 15 іюля 1812 г. См. „Русскій Архивъ" за 1875 г. кн. II, стр. 311.

[2]) Оно помѣщено въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" за 1812 г. № 58.

началъ уже наполнять сердце императора Александра, но который казался страннымъ и непонятнымъ феноменомъ для людей, подобныхъ графу Растопчину.

Еще три дня послѣ 15 іюля оставался государь въ Москвѣ; эти дни были днями самой оживленной, лихорадочной дѣятельности. Необходимо было прежде всего торжественно оповѣстить всю Россію о святомъ энтузіазмѣ, объявшемъ Москву, необходимо было принять неотложныя мѣры къ возможно скорѣйшей организаціи, призванныхъ къ защитѣ отечества народныхъ силъ. И то и другое исполнено было въ Высочайшемъ манифестѣ, подписанномъ 15 іюля [1]).

„По прибытіи нашемъ въ Москву, говорилось въ манифестѣ, нашли мы, къ совершенному удовольствію нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей. Сего ради, пріемля таковое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностью, обращаемъ мы попеченіе наше на то, чтобы, составя достаточныя силы изъ однихъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ". Вслѣдствіе такого соображенія императоръ предписывалъ составить на первый разъ ополченія только въ 16 губерніяхъ. Эти губерніи были раздѣлены на три округа. Первый округъ состоялъ изъ губерній, прилегавшихъ непосредственно къ Москвѣ (Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской). Въ этомъ округѣ предполагалось принять самыя скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устроенію внутреннихъ силъ, долженствовавшихъ охранять Москву и предѣлы всего округа. Такія-же мѣры должны были быть предприняты и во второмъ округѣ (губерніи С.-Петербургская и Новгородская), ополченія котораго назначались, главнымъ образомъ, для прикрытія Петербурга. Что-же касается до третьяго округа, состоявшаго изъ Казанской, Нижегородской, Костромской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерній,

---

[1]) Манифестъ напечатанъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ" за 1812 г., а также въ запискахъ Шишкова. Т. I, приложеніе VI, стр. 427—428.

то здѣсь предполагалось пока ограничиться однѣми подготовительными мѣрами, разчислить и назначить людей, но не собирать ихъ пока и не отрывать отъ сельскихъ работъ. Манифестъ возвѣщалъ въ заключеніе, что призываемая, такимъ образомъ, народная сила „не есть милиція, или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое для предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія отечества. Каждый изъ военачальниковъ и воиновъ, при новомъ званіи своемъ, сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды, а по прошествіи надобности, т. е. по изгнаніи непріятеля изъ земли нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ".

Какъ ни велики были пожертвованія [1], приносимыя вѣрными сынами Россіи въ эту тяжелую минуту, но при всемъ томъ ощущался недостатокъ въ самомъ существенномъ,—въ вооруженіи. Ополченіе Московской губерніи состояло, напримѣръ, изъ 25,000 человѣкъ, а ружей для него нашлось всего 6000. Получать необходимое оружіе изъ-за границы не было пока никакой возможности, такъ какъ миръ съ Англіею все еще не былъ формально заключенъ и наши порты все еще оставались закрытыми для англійскихъ судовъ. Въ виду этого приходилось прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Государь нарочно вызвалъ въ Москву генерала Воронова, начальника надъ тульскими оружейными заводами: онъ поручилъ ему принять мѣры, чтобы казенные мастеровые приготовляли ежемѣсячно по 7000 ружей новаго образца, войти въ соглашеніе съ частными оружейниками, чтобы они изготовляли по три тысячи ружей въ мѣсяцъ и передѣлывать, наконецъ, съ помощью вольныхъ рабочихъ по три тысячи старыхъ ружей, также въ теченіи каждаго мѣсяца. „Поручаю вамъ, говорилъ государь въ своемъ предписа-

[1] О количествѣ пожертвованій см. Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны". Т. II стр. 33—39. Всего Россія выставила добровольно, по призыву своего Царя, 320,000 воиновъ, въ томъ числѣ 50,000 конницы и пожертвовала около ста милліоновъ рублей.

ніи Воронову, объявить всѣмъ заводскимъ мастерамъ и фабрикантамъ, имѣющимъ свои фабрики, что въ никакое еще время въ отечествѣ нашемъ не требовалось болѣе отъ каждаго усердія и пожертвованій, какъ въ нынѣшнее" [1]. Но всѣ эти чрезвычайныя мѣропріятія не казались императору вполнѣ достаточными. И въ самомъ дѣлѣ, время не ждало, людей было достаточно, а необходимое для нихъ оружіе могло поспѣть лишь черезъ два, три мѣсяца. Надо было достать его во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе. И вотъ императоръ поручаетъ Барклаю собрать всѣ ружья, оставшіяся отъ убитыхъ, умершихъ и больныхъ и прислать немедленно въ Москву [2]. За недостаткомъ ружей пришлось, однако-же, вооружать пока ратниковъ пиками.

Двоякое, отчасти противоположное теченіе продолжаетъ еще все это время бороться въ душѣ императора Александра. Съ одной стороны онъ начинаетъ возлагать всѣ свои надежды и упованія на помощь Всевышняго, на доказанную вновь и на дѣлѣ мощь и непоколебимую вѣрность народа русскаго, съ другой онъ продолжаетъ еще искать спасенія тамъ, откуда могла прійти въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь помощь слабая и несвоевременная. Остановимся нѣсколько на этихъ противоположныхъ теченіяхъ. Ихъ борьба и приближающаяся видимо побѣда перваго изъ нихъ знаменуетъ собою наступленіе того внутренняго кризиса въ душѣ Александра, который создалъ изъ него новаго человѣка, который превратилъ человѣка искони слабаго и колеблющаго въ непобѣдимаго героя, спасителя Россіи и Европы. Твердое упованіе на заступничество Всевышняго высказывается во всѣхъ частныхъ и оффиціальныхъ письмахъ Александра, относящихся къ этой эпохѣ. „Образъ святаго поборника Россійскихъ военныхъ силъ,—пишетъ императоръ въ своемъ рескриптѣ къ митрополиту Платону,—велѣлъ я отдать составляющемуся для защиты отечества московскому ополченію; да

[1] Письмо генералу Воронову отъ 17-го іюля 1812 г.,—извлеченіе у Попова: „Русскій Архивъ" 1875 г. кн. II, стр. 316.

[2] Письмо императора къ Барклаю-де-Толли изъ Москвы отъ 17 іюня 1812 г. у Попова. „Русскій Архивъ" 1875 г. кн. II, стр. 315.

сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у престола Божія[1]. „Вы не можете представить, пишетъ онъ въ частномъ письмѣ генералу Барклаю,—съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я вашихъ донесеній объ исходѣ генеральнаго сраженія, къ которому вы приготовляетесь. Я полагаю надежды на милость Всевышняго“ [2]. Изъ этого твердаго упованія черпаетъ Александръ свою рѣшимость продолжать войну до послѣдней крайности. Графъ Толстой, бесѣдуя въ это время съ императоромъ, предложилъ ему однажды вопросъ, что намѣренъ онъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если Наполеонъ займетъ Москву и останется въ ней на зиму. „Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію“, отвѣчалъ государь [3].

Итакъ Александръ начинаетъ уже въ это время примиряться съ мыслью о потерѣ Москвы. Даже эта страшная мысль не колеблетъ его въ намѣреніи продолжать войну. Пусть вступаетъ Наполеонъ побѣдителемъ въ древнюю нашу столицу, пусть линіи Двины и Днѣпра будутъ окончательно потеряны, сопротивленіе нашествію должно возобновиться съ новою силою на берегахъ Оки и Волги. Уже императоръ приказываетъ устроить для этой цѣли укрѣпленный лагерь въ Нижнемъ Новгородѣ, уже онъ готовится поставить врагу новыя страшныя преграды на рубежѣ Азіи.

Всѣ эти распоряженія, знаменуя собою переворотъ, происходящій въ душѣ Александра, не обозначаютъ еще, однако-же, полнаго и окончательнаго исчезновенія тѣхъ обманчивыхъ надеждъ и иллюзій, которыми убаюкивалъ онъ себя въ началѣ кампаніи. Александръ имѣетъ уже въ виду возможность потери Москвы, но онъ не хочетъ еще вѣрить въ неизбѣжность этой возможности. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы очищеніе Москвы, а тѣмъ болѣе сожженіе ея составляли уже тогда предметъ тайной бесѣды между государемъ и Московскимъ главнокомандующимъ. Самъ Растопчинъ, ожидавшій спасенія Россіи отъ паденія Москвы,

1) Рескриптъ митрополиту Платону помѣщенъ въ запискахъ Шишкова. Т. I, приложеніе VIII, стр. 429.

2) Письмо къ Барклаю отъ 17 іюня 1812 г. у Попова, „Русскій Архивъ.“

3) Михайловскій-Данилевскій. Томъ IV, стр. 178.

не ожидалъ и не расчитывалъ, что паденіе это должно послѣдовать такъ скоро. „Я надѣялся, писалъ онъ, что Смоленскъ остановитъ движеніе Наполеона и что онъ окончитъ первую свою кампанію на берегахъ Днѣпра“ [1]). Подобныхъ же мнѣній держался, очевидно, и самъ государь. Изъ его писемъ къ Барклаю видно, что онъ возлагалъ еще въ это время всѣ свои надежды на исходъ генеральнаго сраженія. Отъ этого исхода зависѣли всѣ его дальнѣйшія рѣшенія. Къ тому же онъ находился еще и тогда въ полнѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ плановъ и намѣреній непріятеля. Онъ не въ состояніи былъ даже предвидѣть, куда направитъ Наполеонъ свои главныя силы, на Москву или на Петербургъ. Эта послѣдняя возможность могла казаться въ то время столь же вѣроятною, какъ и первая, и главнымъ образомъ въ виду ея начинала пріобрѣтать въ глазахъ Александра все большее и большее значеніе та новая связь, которая установилась въ это время между Россіею и побѣжденною ею Швеціею, или, выражаясь точнѣе, между императоромъ Александромъ и шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ.

Бернадотъ, бывшій Наполеоновскій маршалъ, типъ настоящаго гасконца, человѣкъ, безъ сомнѣнія, умный и чрезвычайно прозорливый, пользовался въ это время большимъ вліяніемъ на Александра. Бернадотъ вступилъ въ союзъ съ Англіею, а затѣмъ и съ Россіею изъ вѣрнаго пониманія интересовъ Швеціи, а вовсе не изъ какихъ-либо идеальныхъ стремленій спасти Европу отъ ига своего бывшаго повелителя. Онъ очень хорошо понималъ, что только этотъ союзъ можетъ дать ему возможность отнять у датчанъ Норвегію, вознаградить Швецію за потерю Финляндіи и утвердить тѣмъ самымъ за нимъ и за его потомствомъ шведскій престолъ. Суетливый, хвастливый до безконечности, Бернадотъ успѣлъ увѣрить императора Александра въ громадномъ значеніи своей помощи и въ своихъ колоссальныхъ военныхъ талантахъ, равныхъ чуть не генію самого Наполеона [2]). Уже

---

1) „Русскій Архивъ“ 1875 годъ, книга II, стр. 373.

2) Бернадотъ явился въ настоящемъ свѣтѣ въ кампанію 1813 г., когда онъ не дѣлая самъ ровно ничего и заботясь единственно о цѣлости и невредимости

въ самомъ началѣ войны онъ началъ поражать императора Александра глубиною и смѣлостью своихъ стратегическихъ соображеній, хотя слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти соображенія и совѣты оказались столь-же ошибочными, какъ и планы Фуля. До самаго пріѣзда своего въ Москву, императоръ Александръ, слѣдуя настоятельнымъ внушеніямъ Бернадота, возлагалъ большія надежды на предположенную русско-шведскую экспедицію на берега сѣверной Германіи. Только теперь, по мѣрѣ того какъ начало обнаруживаться все яснѣе и яснѣе громадное превосходство силъ Наполеона, Александръ сталъ сомнѣваться въ пользѣ и даже возможности предположенной диверсіи. Прибѣгая къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ созывъ государственнаго ополченія, собираясь обратить Россію во вторую Испанію, Александръ не могъ въ тоже время разбрасывать свои, и безъ того уже не особенно многочисленныя, регулярныя силы и отправлять въ заморскія экспедиціи цѣлые отряды войскъ въ то самое время, когда непріятель съ главными своими силами приближался къ Смоленску, маршалъ Удино угрожалъ Полоцку, а Макдональдъ подошелъ уже къ самой Ригѣ и принудилъ генерала Эссена запереться въ стѣнахъ этой крѣпости. Страшная опасность угрожала такимъ образомъ одновременно о Москвѣ и Петербургу, и войска генерала Штейнгеля могли быть употреблены съ несравненно большею пользою для прикрытія сѣверной столицы, нежели для экспедицій въ Норвегію и Германію. Соображенія эти были такъ естественны, что они приходили въ голову всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя знакомы были болѣе или менѣе съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ войны. На нихъ указывалъ, между прочимъ, и престарѣлый фельдмаршалъ Салтыковъ, С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ [1]). Онъ предлагалъ даже прямо государю призвать войска изъ Финляндіи и употребить ихъ для прикрытія Петербурга и Риги. Въ своемъ от-

своихъ шведовъ, съумѣлъ однако-же присвоить себѣ честь всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ русскими и прусскими генералами, бывшими подъ его начальствомъ.

[1]) Письмо гр. Салтыкова къ императору изъ Петербурга отъ 7 іюля 1812 г. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, стр. 319.

вѣтѣ [1]) графу Салтыкову императоръ давалъ видъ, что Петербургу не угрожаетъ еще особенная опасность, что непріятель обратитъ прежде всѣ свои усилія на Ригу, и не двинется далѣе прежде взятія этого города. Необходимо впрочемъ, писалъ императоръ, принять всѣ мѣры къ вывозу всѣхъ драгоцѣнностей, подготовить также все къ отъѣзду императорской фамиліи изъ Петербурга въ Казань. Для защиты столицы императоръ предлагаетъ различныя мѣры, но онъ разрѣшаетъ употребить для этой цѣли только тѣ войска, которыя не назначены къ посадкѣ на суда вмѣстѣ съ шведами. Императоръ держался, такимъ образомъ, до послѣдней возможности за предположенную диверсію, но обстоятельства вскорѣ оказались и въ этомъ дѣлѣ сильнѣе его. Правда, въ это время состоялся, наконецъ давно желанный миръ съ Англіею и англичане изъявили готовность содѣйствовать русско-шведской высадкѣ въ сѣверную Германію, но одновременно съ этимъ начала приближаться и такая пора, когда морскія экспедиціи въ сѣверныхъ моряхъ становились опасными. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, а также совершенной беззащитности Петербурга въ томъ случаѣ, если-бы войска Штейнгейля удержали свое первоначальное назначеніе. Александръ началъ, наконецъ, сомнѣваться въ удобоисполнимости сѣверной диверсіи. Отказаться отъ нея было, однако-же, гораздо труднѣе во многихъ отношеніяхъ, нежели отъ Иллирійскихъ плановъ адмирала Чичагова. Можно было опасаться, что Бернадотъ, раздраженный этимъ отказомъ, разорветъ только что заключенный союзъ съ Россіею и, пользуясь обстоятельствами, займетъ беззащитную Финляндію. Волнуемый этими опасеніями и сомнѣніями, императоръ уже по пріѣздѣ въ Москву получилъ письмо отъ Бернадота [2]). „Мы находимся въ постоянномъ ожиданіи извѣстій изъ вашей главной квартиры, писалъ шведскій кронпринцъ, а между тѣмъ вооруженія наши продолжаются. Къ концу мѣсяца

[1]) Письмо императора къ гр. Салтыкову отъ 18 іюля изъ Москвы. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, стр. 321.

[2]) Письмо Бернадота къ императору изъ Еребро отъ 15 іюня 1812 г. См. „Русскій Архивъ“ 1878 г. кн. II, стр. 323.

35 тысячъ шведскихъ войскъ будутъ готовы къ посадкѣ на суда, другая армія будетъ собрана на границахъ Норвегіи". Затѣмъ Бернадотъ совѣтуетъ императору укрѣпить какъ можно сильнѣе Ригу и высказываетъ убѣжденіе, что эта крѣпость можетъ долгое время задержать Наполеона на Двинѣ. „Извините, государь, что я вдаюсь въ подробности, говоритъ онъ въ заключеніе,—которыя вѣроятно входили въ ваши соображенія; но желаніе торжества вашимъ войскамъ увлекаетъ и занимаетъ меня до такой степени, что я молю Провидѣніе, чтобы каждый городъ, каждое укрѣпленіе вашей имперіи защищались также, какъ Сарагосса. Надѣюсь, однакоже, что крѣпости Вашего Величества будутъ счастливѣе, потому что военныя лѣтописи мало представляютъ примѣровъ, чтобы русскія войска сдавались на капитуляцію". Въ припискѣ къ этому письму, Бернадотъ вновь обращаетъ вниманіе императора на нашъ лѣвый флангъ, т. е. на Ригу, выходя очевидно изъ ошибочнаго убѣжденія, что Наполеонъ направитъ свои главныя силы на Петербургъ.

Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо императоръ Александръ дѣлаетъ, наконецъ, серьезную попытку отказаться отъ высадки въ Германію и предлагаетъ вмѣсто того направить соединенныя русско-шведскія войска къ Ревелю, откуда они могутъ угрожать тылу Макдональда. Письмо любопытно и въ другихъ отношеніяхъ [1]). Императоръ благодаритъ принца за тѣ чувства, которыя выражаетъ онъ ему при каждомъ удобномъ случаѣ, и проситъ вѣрить въ неизмѣнность его чувствъ къ нему. „Да позволено будетъ мнѣ присовокупить къ этому, продолжаетъ онъ затѣмъ, что много разъ желалъ я видѣть васъ присутствующимъ посреди моихъ войскъ, чтобы руководить вашими высокими дарованіями и большою опытностью всю совокупность военныхъ дѣйствій въ этой важной войнѣ. Я получилъ ваши письма, когда всѣ движенія были уже окончены и когда не представлялось уже никакой возможности измѣнить ихъ. Не остановлюсь откровенно вы-

---

[1]) Письмо императора къ Бернадоту отъ 17-го іюля 1812 г. „Русскій Архивъ" 1875 г., кн. II, стр. 324.

разить мое мнѣніе, что ваши соображенія нашелъ я несравненно превосходнѣе тѣхъ, которыми мы руководились. Одно только изъ нихъ до сихъ поръ исполнялось въ точности; мы избѣгали генеральныхъ сраженій, а всѣ частныя дѣла оканчивались въ нашу пользу". Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ о движеніяхъ второй арміи, императоръ обращается къ самому существенному пункту своего письма. „Рѣшившись, говоритъ онъ, продолжать войну до послѣдней крайности, я долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы составить новыя резервныя войска. Въ виду этой цѣли необходимо было мое присутствіе въ средоточіи имперіи, чтобы возбудить духъ и склонить на новыя пожертвованія моихъ подданныхъ. Я воспользовался промежуткомъ времени, которое мнѣ оставалось до полученія вашего отвѣта на тѣ сообщенія, которыя я поручилъ адмиралу Бентинку доставить вамъ, чтобы съѣздить на нѣсколько дней въ Москву. Эта поѣздка доставила мнѣ болѣе 100,000 ополченія, которое предложили мнѣ Московская и смежныя съ нею губерніи. Другое такое же ополченіе будетъ устроено между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью. Пробывъ здѣсь восемь дней, я отправлюсь въ Петербургъ, гдѣ буду 20 с. ст. Тамъ я надѣюсь получить отвѣтъ Вашего Высочества, отъ котораго будетъ зависѣть, направлюсь-ли я къ тому мѣсту свиданія съ вами, которое вы назначите [1]), или возвращусь къ войскамъ, если вы не найдете возможнымъ устроить наше свиданіе въ настоящее время. Корпусъ Макдональда приблизился къ Ригѣ, чтобы начать осаду. Если Наполеонъ одержитъ значительные успѣхи надъ моими арміями, то Петербургъ окажется въ опасности, потому что Рига можетъ быть прикрыта частью корпуса Макдональда. Поэтому я полагаю, что высадку нашихъ соединенныхъ войскъ съ гораздо большею пользою можно-бы было произвести у Ревеля. Соображеніямъ Вашего королевскаго Высочества я предоставляю рѣшить этотъ вопросъ, и вполнѣ полагаюсь какъ на вашу дружбу, такъ и на желаніе ваше успѣха общему

---

[1]) Это свиданіе предложено было нѣсколько ранѣе Александромъ чрезъ посредство англійскаго адмирала Бентинка.

дѣлу. Будьте увѣрены, что ни что не ослабитъ моихъ усилій для торжества святаго дѣла и что я вижу спасеніе Россіи и Европы только въ томъ постоянствѣ, съ которымъ мы будемъ стремиться къ этой цѣли".

Уже изъ этого письма видно, что государь оставилъ Москву, не имѣя никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ намѣреній на счетъ своего дальнѣйшаго мѣстопребыванія. Пока онъ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы принять тамъ мѣры для защиты своей сѣверной столицы, но оттуда онъ думалъ поспѣшить на свиданіе съ Бернадотомъ. Что предприметъ онъ затѣмъ, отправится-ли въ армію, или возвратится въ Петербургъ—рѣшеніе этого важнаго вопроса онъ предоставляетъ обстоятельствамъ. Онъ покинулъ свою старую столицу сосредоточенный, но не грустный, твердо увѣренный въ конечномъ успѣхѣ того святаго дѣла, которому онъ теперь служилъ. Новыя и въ высокой степени тяжелыя испытанія ожидали его въ Петербургѣ; чтобы понять ихъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на дальнѣйшее развитіе военныхъ дѣйствій, начиная отъ отступленія нашей первой арміи къ Витебску.

ГЛАВА VI.

Легенда о русскомъ военномъ планѣ 1812 г.—Отступленіе нашихъ армій, какъ результатъ случайностей и превосходства силъ непріятеля.—Александръ противъ отступленія.—Барклай-де-Толли заботится лишь о соединеніи нашихъ армій и не намѣренъ уклоняться отъ генеральнаго сраженія.—Почему не состоялось сраженіе подъ Витебскомъ.—Досада Наполеона и начало бѣдствій великой арміи.—Недовольство противъ Барклая.—Интриги въ нашей главной квартирѣ.—Багратіонъ и Барклай.—Вольцогенъ побуждаетъ Багратіона идти къ Смоленску.—Свиданіе нашихъ главнокомандующихъ.—Багратіонъ жалуется гр. Аракчееву, а Барклай объясняетъ свой образъ дѣйствій въ запискѣ, поданной на имя государя.—Планъ Толля и неудавшееся наступленіе.—Наполеонъ подъ Смоленскомъ.—Барклай усмиряетъ своихъ генераловъ.—Чѣмъ мотивируется наше дальнѣйшее отступленіе?—Позиція на р. Ужѣ и странное поведеніе Багратіона.—Барклай самъ работаетъ въ пользу своихъ враговъ.

Всякое великое событіе [1]), все равно относится-ли оно ко временамъ глубокой древности, или къ эпохамъ болѣе близкимъ намъ, почти что современнымъ, оставляетъ по себѣ двоякій слѣдъ въ воспоминаніи потомства, двойную традицію, одну болѣе историческаго, другую болѣе легендарнаго свой-

---

[1]) Настоящая глава заключаетъ въ себѣ нѣсколько страницъ изъ военной исторіи 1812 года. Авторъ не могъ обойтись безъ этихъ страницъ, такъ какъ онѣ имѣютъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ его предмету. Онъ долженъ былъ показать до очевидности, что военныя событія 1812 года не были результатомъ какого-либо плана, что они развивались сами собою, помимо и противъ воли участвовавшихъ въ нихъ лицъ. Случай, говорятъ одни, Провидѣніе, утверждаемъ мы, вело эти событія отъ одного неожиданнаго поворота къ другому и привело ихъ, наконецъ, къ той по истинѣ чудесной, никѣмъ непредвидѣнной развязкѣ, которая спасла Россію и Европу и создала изъ императора Александра иного новаго человѣка. Въ этихъ событіяхъ и ихъ потрясающемъ вліяніи должны искать мы источника внутренняго переворота, происшедшаго въ душѣ Александра.

ства. Чѣмъ важнѣе событіе, чѣмъ болѣе возбуждало оно воображеніе современниковъ и потомковъ, тѣмъ колоссальнѣе легенда, порождаемая имъ, тѣмъ сильнѣе внѣдряется она въ умахъ, тѣмъ тяжелѣе становится борьба съ нею для историка, ставящаго интересы истины выше интересовъ личности, династіи, партіи и даже національности. Гигантская по своимъ событіямъ, небывалая по своему характеру, эпоха 1812 года подала поводъ къ возникновенію подавляющей массы вымысловъ, созданныхъ лишь отчасти фантазіею, а еще болѣе придуманныхъ умышленно, преслѣдующихъ извѣстную цѣль, старающихся уяснить событія съ извѣстной точки зрѣнія. Безъ сомнѣнія, народная гордость, ложный патріотизмъ играли не послѣднюю роль въ изобрѣтеніи подобныхъ вымысловъ какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны. Въ настоящемъ случаѣ мы будемъ, впрочемъ, имѣть дѣло лишь съ тѣми вымыслами, или если хотите, гипотезами, которыя возникли въ нашемъ собственномъ лагерѣ.

Уже современники должны были убѣдиться воочію, что главная причина гибели Наполеоновской арміи и спасенія Россіи заключалась въ постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ передъ непріятелемъ, въ завлеченіи Наполеона въ глубь Россіи, въ постепенномъ уменьшеніи и исчезновеніи его силы. Этого мало. Еще до 1812 г. во многихъ умахъ ясно и отчетливо являлась мысль, что военный геній Наполеона, непобѣдимый самъ по себѣ, можетъ быть побѣжденъ только двумя всесильными элементами: пространствомъ и временемъ, что необходимо затягивать съ нимъ войну по мѣрѣ возможности, избѣгать всякаго рѣшительнаго столкновенія съ его массами, отступать въ глубь своей территоріи и опустошать ее систематически, дабы лишить тѣмъ завоевателя всякой возможности, всякихъ средствъ для продолженія нашествія. Люди, высказывавшіе подобныя мысли, отлично сознавали, что условія, необходимыя для подобной борьбы, существуютъ лишь въ одной Россіи; они отваживались совѣтовать императору [1])

[1]) Въ январѣ 1812 года представленъ былъ Александру, чрезъ посредство [illegible]ирала Мордвинова, планъ французскаго эмигранта, графа д'Аллонвиля, въ

воспользоваться въ предстоящей войнѣ громадными пространственными протяженіями Россіи, да и самъ Александръ проникнутъ былъ до извѣстной степени основательностью подобныхъ соображеній [1]). Вотъ историческіе факты, не подлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію. Что-же сдѣлала изъ нихъ пытливая любознательность и воспламененное воображеніе современниковъ и участниковъ событій въ тотъ моментъ, когда исходъ войны оправдалъ самымъ блистательнымъ образомъ идею, высказанную въ самомъ началѣ ея?

Возникло тотчасъ-же мнѣніе и пріобрѣло силу несомнѣнной истины, что въ потрясающихъ событіяхъ 1812 г. не имѣли мѣста случай или сила обстоятельствъ, а что все совершалось согласно идеѣ, возникшей еще до начала кампаніи, согласно заранѣе обдуманному и установленному плану. На счетъ того, кому принадлежала идея систематическаго отступленія въ глубину Россіи, а еще болѣе на счетъ того, кому принадлежало упорное и неотступное выполненіе разъ предначертаннаго плана, существовало однако-же съ самаго начала полное разногласіе. Одни готовы были приписать и честь идеи, и самаго выполненія главнокомандующему первой западной арміи Барклаю-де-Толли, другіе считали Барклая не болѣе, какъ орудіемъ иной болѣе высшей воли; утверждали, что главнокомандующій руководился во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ тайными инструкціями и предписаніями, исходившими отъ са-

основѣ коего лежала идея отступленія и выжиданія. Мордвиновъ рекомендовалъ этотъ планъ и старался подкрѣпить его ссылкою на два историческія событія: отступленіе Петра Великаго передъ Карломъ XII и Веллингтона къ Торресъ-Ведрасу. См. между прочимъ Богдановичъ: „Исторія отечественной войны". Т. I, стр. 94—99.

[1]) Изъ лицъ, развившихъ подробно и научно идею отступленія, обращаетъ на себя особенное вниманіе Ф. Вольцогенъ. Еще въ 1810 г. представилъ онъ свой планъ кампаніи генералъ-квартирмейстеру, князю Волконскому. Прусскій генералъ Кнезебекъ предлагалъ ту-же идею императору Александру въ началѣ 1812 г. Барклай, въ бесѣдѣ съ Нибуромъ еще въ 1807 г., выразился, по свидѣтельству знаменитаго историка, такимъ образомъ: „если-бы мнѣ пришлось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ-бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы нашли-бы вмѣсто рѣшительной побѣды другую Полтаву". См. Богдановичъ: „Исторія отечественной войны". Т. I, стр. 104.

мого императора Александра [1]). Посмотримъ, насколько основательны то и другое мнѣніе, давно уже устраненныя серьезною наукою, но не утратившія еще окончательно кредита въ ходячихъ традиціяхъ объ отечественной войнѣ.

Идея отступленія въ глубь Россіи, убѣжденіе, что военный геній Наполеона можетъ быть побѣжденъ только при помощи такихъ элементарныхъ условій, какъ колоссальныя пространственныя протяженія Россіи съ одной стороны, какъ героическое самопожертвованіе народа русскаго—съ другой, высказывались еще задолго до начала отечественной войны многими лицами, и, какъ замѣчено уже выше, не были чужды ни императору Александру, ни Барклаю. Одно дѣло, однако-же, высказывать и проникаться героическими мыслями, и совершенно иное дѣло—осуществлять ихъ въ дѣйствительности. Не трудно было предвидѣть, что отступленіе въ глубь Россіи повлечетъ за собою прежде всего страшныя, небывалыя жертвы, что его первѣйшимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явится опустошеніе цѣлой половины имперіи, колоссальное истребленіе частной и общественной собственности, разореніе и обнищаніе цѣлыхъ милліоновъ русскихъ людей. И кто могъ предвидѣть, что отступленіе остановится на берегахъ Днѣпра, или Оки, что оно не пойдетъ далѣе до береговъ Волги и предѣловъ Азіи? А какъ должно было подѣйствовать это вѣчное бѣгство предъ торжествующимъ надменнымъ врагомъ на народъ русскій и войско? Не могло-ли оно вызвать въ нихъ бурю негодованія и отчаянія, привести въ концѣ концовъ къ всеобщему разложенію и деморализаціи? Спрашивается: кто могъ рѣшиться, въ виду всѣхъ этихъ возможностей, взять на себя страшную отвѣтственность за пареянскій способъ веденія войны? Само собою понятно, что одинъ только прирожденный вождь народа, что одинъ толь-

[1]) Это послѣднее мнѣніе высказываетъ въ числѣ другихъ и знаменитый участникъ отечественной войны, принцъ Евгеній Виртембергскій. Въ своихъ запискахъ онъ прямо говоритъ, что инструкціи, данныя государемъ Барклаю, предписывали ему систематическое отступленіе, дабы приготовить тѣмъ французскому императору и его полчищамъ участь Красса у Пареянъ. См. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, стр. 332.

ко русскій Самодержецъ могъ не отшатнуться отъ такой страшной задачи. Русскій Царь могъ взять на себя подобное дѣло, онъ могъ потребовать отъ своего народа и небывалыхъ жертвъ, и неслыханнаго самоотверженія; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ или обладать такою-же желѣзною волею, какъ его противникъ, французскій императоръ, или быть проникнутымъ до глубины души безусловно вѣрою въ помощь и заступничество божественнаго Промысла. Но мы уже знаемъ, что Александръ не былъ сильнымъ человѣкомъ, что его мягкая, воспріимчивая и восторженная натура способна была къ героическимъ порывамъ и рѣшеніямъ [1]), но не въ состояніи была упорно и во что бы то ни стало преслѣдовать вопреки всему и всѣмъ мысль, въ сущности столь ужасную, столь антипатичную, какъ безконечное отступленіе во внутрь имперіи передъ побѣдоноснымъ непріятелемъ. Натуры сами по себѣ мягкія могутъ черпать нравственную силу и геройскую рѣшимость изъ первоначальнаго источника всякой силы,—изъ источника вѣры; но намъ уже извѣстно, что Александръ, воспитанный на легкой философіи XVIII вѣка, вовсе не былъ религіознымъ человѣкомъ во всю первую половину своего царствованія, что приступая къ рѣшительной борьбѣ съ Наполеономъ, онъ возлагалъ первоначально всѣ свои надежды на силы и комбинаціи, не имѣвшія ничего общаго съ элементомъ религіознымъ, что религіозное чувство начало пробуждаться въ немъ и овладѣвать всѣмъ его существомъ лишь во время самой борьбы, что оно боролось въ душѣ его съ иными настроеніями еще во время его пребыванія въ Москвѣ, что Богъ и народъ не казались еще ему единственными якорями спасенія даже въ ту минуту,

---

[1]) Въ началѣ 1812 года Александръ сказалъ на прощальной аудіенціи маіору Ф. Кнезебеку, присланному къ нему съ тайнымъ порученіемъ отъ Берлинскаго двора: „Скажите королю, что я не заключу мира даже въ томъ случаѣ, если меня оттѣснятъ до Казани"! Произнося эти слова, императоръ, по справедливому замѣчанію Толля, хотѣлъ лишь высказать свою геройскую рѣшимость не уступать даже въ случаѣ величайшаго несчастія, а вовсе не имѣлъ въ виду какого-нибудь опредѣленнаго плана. Подобное отступленіе представлялось ему лишь, какъ возможная несчастная необходимость, а не какъ дѣло свободнаго выбора или сознательнаго разсчета. См. Toll's Denkwürdigkeiten. T. I. стр. 277.

когда полчища страшнаго завоевателя приближались къ рубежу старой Россіи, къ стѣнамъ Смоленска. Въ началѣ кампаніи императоръ возлагалъ всѣ свои надежды на кабинетную стратегію Фуля, на воображаемое сочувствіе поляковъ, на содѣйствіе іезуитовъ. Болѣе нежели кто-либо онъ былъ въ то время далекъ отъ всякой мысли объ отступленіи въ глубину имперіи; судьба войны, по его мнѣнію, должна была тогда рѣшиться на берегахъ Двины, непріятельское нашествіе должно было разбиться о твердыни Дрисскаго лагеря. Судьба рѣшила иначе. Ходъ военныхъ дѣйствій воочію доказалъ всю несостоятельность ученой стратегіи Фуля. Разочарованный, глубоко потрясенный императоръ оставляетъ армію; онъ спѣшитъ въ Москву, чтобы призвать къ оружію свой народъ, чтобы собрать новыя силы для противодѣйствія нашествію. Смутное предчувствіе новыхъ неожиданныхъ поворотовъ гнететъ его душу, возможность дальнѣйшаго отступленія къ Москвѣ, за Москву представляется ясно его взволнованному воображенію. Онъ обдумываетъ и принимаетъ мѣры въ виду этой страшной возможности, онъ силится проникнуться, столь несвойственною ему по натурѣ, геройскою рѣшимостью; онъ ищетъ опоры въ религіи, въ энтузіазмѣ своего народа, но въ то-же время онъ не въ состояніи разстаться окончательно съ прежними обманчивыми надеждами и разсчетами. Онъ видимо не сознаетъ вполнѣ всей великости опасности, онъ не имѣетъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго понятія о подавляющей силѣ врага, а потому и не можетъ отказаться вдругъ и рѣшительно отъ искусственныхъ комбинацій, придуманныхъ въ началѣ кампаніи, отъ полумѣръ и далекихъ диверсій, въ которыхъ искали тогда спасенія и его наставники-стратеги.

Гроза надвигается сильнѣе, а онъ все возлагаетъ надежды на тотъ утлый якорь спасенія, который изготовили для него Фуль и компанія. Уже въ Дриссѣ онъ приходитъ, повидимому, къ убѣжденію, что диверсія, возложенная на Дунайскую армію, не имѣетъ смысла при измѣнившихся обстоятельствахъ, но все-же онъ не рѣшается отмѣнить ее рѣшительно и безповоротно. Въ Смоленскѣ онъ утверждается

болѣе въ своемъ мнѣніи призвать немедленно-же Дунайскую армію на главный театръ войны; онъ пишетъ даже въ этомъ смыслѣ адмиралу Чичагову, но пишетъ не такъ категорически и не такъ повелительно, какъ-бы слѣдовало. Только въ Москвѣ, въ виду опасности, принимающей съ каждымъ днемъ все болѣе грозные размѣры, дѣлаетъ онъ, наконецъ, столь тяжелый для него шагъ. Только отсюда даетъ онъ окончательный приказъ Чичагову; только здѣсь убѣждается онъ и въ несвоевременности другой диверсіи, предполагаемой шведско-русской высадки на берега сѣверной Германіи и спѣшитъ высказать это свое мнѣніе въ письмѣ къ кронъпринцу шведскому.

Отказываясь съ такимъ трудомъ и послѣ такой тяжелой внутренней борьбы отъ своихъ излюбленныхъ плановъ, допуская возможность проникновенія непріятеля въ самое сердце Россіи, императоръ Александръ остается, однако-же, крайне далекъ отъ мысли постояннаго и систематическаго отступленія передъ непріятелемъ. Нигдѣ, ни въ одномъ изъ своихъ приказовъ и писемъ къ главнокомандующему, не даетъ онъ ни одного повелѣнія, иструкціи или даже совѣта въ этомъ смыслѣ. Выражая постоянно свое довѣріе къ Барклаю-де-Толли, онъ настаиваетъ, однако-же, на генеральномъ сраженіи, на необходимости пріостановить отступленіе и дать непріятелю рѣшительный и энергическій отпоръ. Всякое извѣстіе о намѣреніи главнокомандующаго вступить въ сраженіе съ непріятелемъ наполняетъ его душу радостными надеждами; наоборотъ, вѣсть о новомъ уклоненіи отъ рѣшительнаго боя съ противникомъ вызываетъ въ немъ чувство прискорбія и глубокаго недовольства. Послѣ оставленія Витебска, императоръ отзывается съ горечью о дѣйствіяхъ второй арміи, усматривая въ нихъ главную причину несостоявшагося генеральнаго сраженія. Соединеніе обѣихъ нашихъ армій подъ стѣнами Смоленска радуетъ его, главнымъ образомъ, потому, что онъ усматриваетъ въ этомъ счастливомъ событіи начало рѣшительнаго поворота въ ходѣ военныхъ дѣйствій, сигналъ къ энергическому наступленію съ нашей стороны. „Я не могу умолчать, писалъ тогда императоръ

Барклаю-де-Толли, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однако-же не иначе, какъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до Смоленска. Съ великимъ удовольствіемъ слышу я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Не менѣе также доволенъ опытами ихъ отличной храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ и терпѣливостью, оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ. Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ безъ всякаго препятствія, а потому и надѣюсь я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми" [1]).

Извѣстно, что это настоятельное посланіе императора заставило, между прочимъ [2]), Барклая-де-Толли предпринять наступательное движеніе къ Руднѣ,—движеніе, едва не окончившееся катастрофою для нашихъ армій. Несчастіе было предупреждено благодаря непоколебимой твердости и осторожности нашего главнокомандующаго, но потеря Смоленска и вновь начавшееся затѣмъ отступленіе не только не входили въ соображенія Александра, но даже показались ему явнымъ нарушеніемъ его приказаній и вызвали, наконецъ, давно ожидаемую и требуемую общественнымъ мнѣніемъ перемѣну главнокомандующаго. Таковы были дѣйствительныя настроенія, желанія и требованія императора во всю первую половину отечественной войны. Никогда и нигдѣ не рекомендуетъ онъ избранному имъ самимъ главнокомандующему пароянскаго способа веденія войны; постоянно требуетъ онъ отъ него наступленія и рѣшительныхъ битвъ; ни разу не одобряетъ онъ прямо и открыто его образа дѣйствій, ни ра-

---

[1]) Собственноручное повелѣніе императора Александра. См. Богдановичъ: „Исторія отечественной войны". Т. I, стр. 224—225.

[2]) Мы говоримъ, „между прочимъ", такъ какъ на Барклая обнаружи въ это время давленіе и съ другихъ сторонъ.

зу не подаетъ онъ ему руку помощи въ тяжелой борьбѣ съ людьми и обстоятельствами. „Императоръ, свидѣтельствуетъ генералъ Кутайсовъ (лицо очень близкое къ Барклаю),—никогда не имѣлъ въ виду возможности отступленія къ Москвѣ, никогда не уполномачивалъ онъ главнокомандующаго ни къ чему подобному. Барклай долженъ былъ дѣйствовать на свою отвѣтственность, единственно, соображаясь съ обстоятельствами. Самъ Барклай жаловался мнѣ на это безчисленное количество разъ“ [1]).

Итакъ, если отступленіе нашихъ армій въ глубину Россіи происходило согласно заранѣе обдуманному и составленному плану, то вся заслуга въ этомъ отношеніи могла принадлежать лишь одному лицу, главнокомандующему первой арміи, Барклаю де-Толли. На первый взглядъ Барклай обладалъ всѣми качествами, необходимыми для составленія и осуществленія подобнаго плана. Не смотря на свою сравнительную молодость [2]), Барклай-де-Толли принадлежалъ къ числу наиболѣе осторожныхъ и осмотрительныхъ полководцевъ достопамятной Наполеоновской эпохи. Его обдуманная осторожность и осмотрительность никогда не переходили, впрочемъ, въ нерѣшительность и трусость. Блестящая личная храбрость соединялась въ немъ съ непоколебимою твердостью. Это былъ человѣкъ, не знавшій въ полномъ смыслѣ страха; это была натура, дѣйствовавшая лишь въ силу собственнаго убѣжденія, не поддававшаяся ни на какія увѣщанія и доводы, не отступавшая ни предъ какими угрозами. Барклай не принадлежалъ къ числу ученыхъ военныхъ теоретиковъ, подобныхъ Фулю, Вольцогену или Клаузевицу; онъ не былъ также великимъ военнымъ геніемъ, подобнымъ Наполеону или Суворову. Природный умъ, вѣрный глазъ, быстрое

---

[1]) Эти слова генерала Кутайсова приводитъ въ своихъ запискахъ принцъ Евгеній Виртембергскій, свидѣтель въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе важный и безпристрастный, что слова Кутайсова опровергаютъ совершенно его собственное мнѣніе объ инструкціяхъ, данныхъ Барклаю государемъ. См. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, стр. 310.

[2]) Барклай де-Толли былъ на 15 лѣтъ моложе Кутузова. Въ 1812 году ему было всего 53 года отъ роду.

соображеніе и необычайная находчивость, ледяное спокойствіе, невозмутимое хладнокровіе, не оставлявшее его даже въ такія критическія минуты, когда все вокругъ него терялось и приходило въ отчаяніе, дѣлали, однако-же, изъ него замѣчательнаго вождя, способнаго руководить арміею даже въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, каковъ былъ Наполеонъ. Что Барклай могъ проникнуться идеею отступленія передъ непріятелемъ [1]), что онъ могъ лучше кого-либо выполнить эту идею, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но сущность вопроса, занимающаго насъ въ настоящую минуту, заключается вовсе не въ томъ. Мы спрашиваемъ; дѣйствовалъ-ли Барклай по заранѣе составленному, все равно—имъ-ли самимъ, или другими, плану, имѣлъ-ли онъ въ самомъ началѣ кампаніи въ виду отступать не только до Смоленска, но до Москвы и далѣе? И отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно [2]). Не глубокомысленныя соображенія и заранѣе обдуманные планы, а единственно сила обстоятельствъ, умѣнье примиряться съ ними, извлекать изъ нихъ пользу, руководили дѣйствіями нашего главнокомандующаго. Отступленіе нашихъ армій въ глубину Россіи, погубившее Наполеона, не было дѣломъ какого-либо отдѣльнаго лица, не было дѣломъ рукъ человѣческихъ, а совершилось въ силу обстоятельствъ, какъ разсуждаютъ люди, склонные отрицать всякое вліяніе какихъ-бы то ни было высшихъ силъ на судьбы народовъ и

---

[1]) См. приведенное уже выше свидѣтельство Нибура. Свидѣтельство это не можетъ, впрочемъ, имѣть особеннаго вѣса, если мы сообразимъ, что оно встрѣчается не въ сочиненіяхъ или письмахъ самого знаменитаго историка, а въ запискахъ генералъ-маіора Левенштерна, бывшаго старшимъ адъютантомъ штаба 1-й западной арміи. Левенштернъ утверждаетъ, что слова, сказанныя Нибуру, были переданы ему самимъ Барклаемъ.

[2]) Нѣсколько иного мнѣнія держится Богдановичъ. Онъ полагаетъ, что Барклай, знавшій отлично, въ качествѣ военнаго министра, военныя силы и средства Россіи, убѣжденъ былъ въ необходимости отступленія, но что ни онъ, ни кто-либо другой, не отваживались подать голосъ въ этомъ смыслѣ, боясь быть сочтенными за измѣнниковъ, и потому, продолжаетъ Богдановичъ, Барклаю не оставалось ничего болѣе, какъ скрывать отъ всѣхъ, и даже отъ старшихъ нашихъ генераловъ необходимость отступленія. Все наше дальнѣйше изложеніе показываетъ, на сколько противорѣчитъ мнѣніе Богдановича всѣмъ фактамъ и на сколько основано оно на предвзятой идеѣ.

человѣчества, или-же было дѣломъ божественнаго Промысла, низложившаго гордыню Наполеона и положившаго конецъ неслыханнымъ страданіямъ европейскаго человѣчества, какъ склонны думать всѣ люди, не утратившіе окончательно всякое религіозное чувство. Самъ императоръ Александръ отлично сознавалъ, что спасеніе Россіи и Европы совершилось не тѣми путями и средствами, которые имѣлъ въ виду онъ самъ и его совѣтники, и это сознаніе произвело въ немъ тотъ глубокій нравственный переворотъ, поучительная исторія котораго и составляетъ главное содержаніе настоящаго изслѣдованія.

Въ началѣ войны Барклай де-Толи вовсе не принадлежалъ къ числу сторонниковъ отступленія во что бы то ни стало. Подобно большинству русскихъ генераловъ, онъ горѣлъ желаніемъ сразиться съ противникомъ на самомъ рубежѣ родной земли [1]); подобно имъ, онъ не имѣлъ точнаго представленія о громадномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, считалъ ихъ далеко ниже дѣйствительныхъ. Планъ Фуля былъ противенъ ему до глубины души, главнымъ образомъ, потому, что основная идея этого плана была отступленіе,— отступленіе, правда, не далекое, всего лишь до Дриссы, но все-же отступленіе. Движеніе къ Витебску было предпринято главнокомандующимъ первою арміею вовсе не съ цѣлью уходить затѣмъ къ Смоленску и далѣе, а единственно съ намѣреніемъ достигнуть соединенія со второю арміею и дѣйствовать затѣмъ наступательно противъ непріятеля. Какъ человѣкъ, имѣвшій всегда въ виду достиженіе ближайшей, необходимѣйшей цѣли, Барклай сосредоточилъ въ это время всѣ свои помыслы и стремленія на соединеніи нашихъ обѣихъ армій. Онъ готовъ былъ на всевозможныя жертвы и усилія съ своей стороны, лишь-бы достигнуть этой цѣли; онъ готовъ былъ въ случаѣ крайности рѣшиться на послѣднее отчаянное средство, вступить въ генеральное сраженіе съ превосходными силами непріятеля. Выступая изъ Дрисскаго лагеря, Барклай имѣетъ сначала въ виду лишь движеніе къ

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ писалъ тогда, между прочимъ, Барклай Багратіону.

Полоцку. Онъ предполагаетъ занять тутъ такую позицію [1]), которая дала-бы ему возможность поддерживать съ одной стороны корпусъ Витгенштейна, оставленный на лѣвомъ берегу Двины, а съ другой прикрывать дороги на Себежъ и Невель, откуда получалъ онъ провіантъ для своей арміи. Узнавъ, что значительныя непріятельскія силы направляются на Бѣшенковичи и Витебскъ, и усматривая въ этомъ совершенно основательно намѣреніе Наполеона разъединить окончательно наши арміи и отбросить первую армію на сѣверозападъ, Барклай де-Толли немедленно-же отправляется къ Витебску и располагаетъ свою армію на лѣвомъ берегу Двины, вдоль дороги въ Бабиновичи,—позиціи, указанной заранѣе герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ, витебскимъ генералъ-губернаторомъ.

Тотчасъ-же по прибытіи въ Витебскъ, получено было извѣстіе, оказавшееся впослѣдствіи невѣрнымъ, что Могилевъ на Днѣпрѣ находится уже въ рукахъ Багратіона и занятъ авангардомъ второй арміи. Велика была радость главнокомандующаго по поводу этой фальшивой вѣсти. „Благодареніе Всевышнему, писалъ онъ смоленскому губернатору, соединеніе наше воспослѣдовало, и мы, князь Багратіонъ и я, перейдемъ теперь къ наступленію“ [2]). Барклай не упалъ духомъ, когда радостное извѣстіе оказалось невѣрнымъ; онъ рѣшился даже оставаться подъ Витебскомъ и дать непріятелю генеральное сраженіе. Какіе-же мотивы побудили главнокомандующаго первою арміею принять столь отважное рѣшеніе? Барклай самъ указываетъ намъ на нихъ: онъ полагалъ, что имѣетъ передъ собою лишь одну часть непріятельскихъ силъ; необычайная стойкость и храбрость, обнаруженныя русскими войсками во всѣхъ столкновеніяхъ передъ Витебскомъ, подавали ему надежду на побѣду, и что самое главное, предполагаемымъ сраженіемъ онъ думалъ привлечь къ себѣ все вниманіе непріятеля и облегчить тѣмъ князю Багратіону при-

---

[1]) Такъ объясняетъ свои намѣренія самъ Барклай въ собственноручной запискѣ, поданной имъ императору Александру.

[2]) Письмо Барклая къ смоленскому губернатора, у Бернгарди. Т. I, стр. 312.

ближеніе къ первой арміи [1]). Если-бы предположенное сраженіе состоялось, то, по мнѣнію большинства военныхъ писателей, оно могло-бы окончиться для русской арміи лишь самымъ печальнымъ образомъ. На сторонѣ непріятеля было громадное превосходство силъ: Наполеонъ располагалъ на этомъ пунктѣ 140,000 человѣкъ, Барклай могъ противопоставить этимъ массамъ никакъ не болѣе 80000 человѣкъ. Позиція, избранная русскою арміею, легко могла́ быть обойдена съ лѣваго фланга; въ такомъ случаѣ арміи была-бы отрѣзана всякая возможность отступленія. Отброшенная къ Двинѣ, которая течетъ здѣсь въ крутыхъ берегахъ, она могла-бы подвергнуться не только страшному пораженію, но и совершенному истребленію. Какъ могъ рѣшиться принять сраженіе при такихъ крайне невыгодныхъ условіяхъ столь осторожный Барклай,—кажется рѣшительно непонятнымъ на первый взглядъ. Быть можетъ, русскій главнокомандующій уступалъ въ этомъ случаѣ лишь единодушному требованію своихъ войскъ; быть можетъ, онъ искалъ лишь предлога, чтобы избѣгнуть отчаяннаго рѣшенія и искать спасенія арміи и Россіи въ дальнѣйшемъ отступленіи. Такъ думали по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ историковъ отечественной войны [2]), но категорическое заявленіе самого Барклая въ собственноручной запискѣ, поданной имъ императору, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что главнокомандующій былъ твердо намѣренъ не отступать отъ Витебска, не давши непріятелю генеральнаго сраженія, отъ исхода котораго, по его собственнымъ словамъ, зависѣло все.

Судьба Россіи, свобода Европы висѣли на волоскѣ. Русская армія собиралась вступить въ бой, который могъ окончиться для нея лишь самымъ печальнымъ образомъ, котораго такъ желалъ и добивался Наполеонъ. Но Провидѣнію угодно было рѣшить иначе! „Генераламъ, — разсказываетъ Барклай,—розданы уже были необходимыя инструкціи, все

---

[1]) См. записку Барклая.

[2]) См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, 315—316, гдѣ это мнѣніе опровергнуто самыхъ основательнымъ образомъ.

было полно ожиданіемъ важныхъ событій предстоящаго дня, какъ вдругъ ночью я получилъ отъ князя Багратіона извѣстіе о неудачномъ нападеніи его на Могилевъ. Онъ сообщалъ мнѣ, что онъ принужденъ поворотить еще далѣе вправо и потерялъ надежду соединиться съ первою арміею, такъ какъ маршалъ Даву сосредоточилъ всѣ свои силы у Могилева. Онъ сознавался хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, что теперь уже ни онъ, ни я не въ состояніи предупредить маршала Даву въ занятіи Смоленска".

„При такихъ обстоятельствахъ,—продолжаетъ Барклай,—было уже неумѣстно принимать сраженіе подъ Витебскомъ, ибо самая побѣда оказалась-бы безплодною, если-бы маршалъ Даву успѣлъ между тѣмъ занять Смоленскъ. Весь ходъ войны принялъ-бы тогда для насъ чрезвычайно тяжелый оборотъ. Я пожертвовалъ-бы безъ всякой пользы двадцатью или двадцатью пятью тысячами человѣкъ, не имѣя даже возможности преслѣдовать непріятеля послѣ одержанной побѣды, такъ какъ, занявъ Смоленскъ, маршалъ Даву очутился-бы въ тылу нашей первой арміи. Если-бы я отважился напасть на него, то Наполеонъ послѣдовалъ-бы за мною по пятамъ, и я былъ-бы окруженъ. Не оставалось-бы мнѣ другаго пути отступленія, какъ на Суражъ и Велижъ, т. е. въ направленіи, отдалявшемъ меня все далѣе и далѣе отъ второй арміи. Въ виду всѣхъ этихъ основаній и соображеній, я рѣшилъ немедленно же двинуться къ Смоленску, на тамошняго губернатора и предводителя дворянства возложилъ я заботы по продовольствію арміи" [1]).

Соображеніями Барклая были на этотъ разъ какъ нельзя болѣе основательны. Отводя армію отъ Витебска, устремляясь съ возможною быстротою къ Смоленску, главнокомандующій не только спасалъ ввѣренныя ему войска отъ неизбѣжной гибели, но и дѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ къ столь желанному для него соединенію съ княземъ Багратіономъ. Отступленіе отъ Витебска, въ виду грозныхъ непріятельскихъ силъ, совершено было мастерскимъ образомъ. Хладнокровіе

[1]) Записка Барклая.

Барклая, его осторожная, неторопливая обдуманность оказались при этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Въ теченіи цѣлаго дня, 15 іюля, первая армія оставалась неподвижною на своей позиціи на Лучосѣ; тогда какъ графъ Паленъ съ ничтожнымъ отрядомъ (14 баталіоновъ, 32 эскадрона, 2 казачьихъ полка и 40 орудій) побѣдоносно отражалъ всѣ атаки непріятеля, предпринятыя превосходными силами. Только съ 4 часовъ по-полудни войска наши начали сниматься съ позиціи и отходить тремя отдѣльными колоннами по направленію къ Смоленску. Аріергардъ графа Палена оставался до разсвѣта слѣдующаго дня на Лучосѣ. На мѣстѣ бывшаго лагеря первой арміи пылали всю ночь громадные бивуачные костры; обманутый ими, непріятель провелъ всю ночь въ приготовленіяхъ къ рѣшительному бою слѣдующаго дня [1]).

Велика была досада и разочарованіе Наполеона, когда на другой день онъ убѣдился, что противникъ, которому надѣялся онъ нанести, наконецъ, рѣшительный ударъ, вновь ускользнулъ изъ его рукъ. Но дѣлать было нечего. Думать о преслѣдованіи отступающихъ русскихъ для Наполеона было немыслимо; этому рѣшительно противилось плачевное состояніе его собственной арміи. Пятинедѣльный походъ отъ Нѣмана къ Витебску не только изнурилъ силы великой арміи, но и совершенно разстроилъ ея организацію. Войска должны были двигаться сначала подъ проливнымъ дождемъ и по непроходимымъ дорогамъ; затѣмъ наступила продолжительная засуха и страшныя жары, достигавшія до 28 градусовъ по Р. въ тѣни. Уже послѣ первыхъ переходовъ армія потеряла огромное количество обозныхъ лошадей и начала терпѣть страшный недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ. Литва и Бѣлоруссія, страны сами по себѣ бѣдныя и опустошенныя въ добавокъ нашими и французскими войсками, не въ состояніи были дать достаточныхъ средствъ для продоволь-

---

[1]) Подробности отступленія и аріергардныхъ дѣлъ, происходившихъ при этомъ случаѣ, см.: у Богдановича, т. I гл. VIII, Бернгарди т. I стр. 318 и слѣдующія; Тьеръ, т. XIV и др.

ствія громадной Наполеоновской арміи. Французы гнали, правда, за собою громадныя стада рогатаго скота и не чувствовали ни малѣйшаго недостатка въ мясѣ, но за то они крайне нуждались въ хлѣбѣ и соли. Русскіе магазины, захваченные непріятелемъ, оказались далеко недостаточными для продовольствія французской арміи. Всѣ мельницы, лежавшія по пути великой арміи, были разрушены отступающимъ противникомъ: не было, такимъ образомъ, возможности, превратить въ муку значительные запасы зерноваго хлѣба, найденные въ странѣ. Ко всему этому съ наступленіемъ засухи присоединился недостатокъ въ хорошей и здоровой водѣ. Источники и колодези изсякли, другіе были испорчены или засыпаны русскими. Приходилось пить рѣчную или гнилую болотную воду. Отъ совокупности всѣхъ этихъ причинъ въ войскахъ быстро развились повальныя болѣзни, лихорадки и дизентерія. Вмѣстѣ съ тѣмъ начало проявляться все въ большихъ и большихъ размѣрахъ бродяжничество и мародерство, сначала въ иностранныхъ войскахъ, а затѣмъ и во всей арміи. Ежедневная убыль въ войскахъ росла съ поразительною быстротою; число больныхъ, отсталыхъ, мародеровъ достигло вскорѣ до ужасающей цифры. Войска, состоявшія въ это время подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона (корпуса Нея, вице-короля Евгенія, Сенъ-Сира, три дивизіи Даву, кавалерія Мюрата, старая и молодая гвардія), ослабились во время перехода отъ Нѣмана къ Витебску на цѣлую треть, потеряли 70,000 человѣкъ, изъ числа коихъ не выбыло изъ строя въ бояхъ и десятой части [1]).

До сей поры Наполеонъ не обращалъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на эти страшные факты. Занятый, поглощенный своими стратегическими соображеніями, холодный и безчувственный ко всему остальному, кромѣ того кроваваго призрака военной славы, за которымъ онъ гнался всю свою жизнь, онъ шелъ неустанно впередъ по трупамъ своихъ и чужихъ, не озираясь, не оглядываясь назадъ. Стрем-

[1]) О положеніи французской арміи въ это время см.: Chambray, t. I, 242—249; Thiers, t. XIV, стр. 176—185.

леніе разобщить русскую армію, уничтожить ее по частямъ, наполняло все его существо, заглушало всѣ остальныя соображенія и помыслы. Въ виду этой великой цѣли всѣ потери, всѣ жертвы, какъ-бы колоссальны онѣ ни были, должны были представляться ничтожными, не заслуживающими вниманія мелочами. Что значили десятки и даже сотня тысячъ людей, въ сравненіи съ низложеніемъ послѣдняго противника въ Европѣ, съ осуществленіемъ гигантской мечты всесвѣтнаго владычества? И вотъ Наполеонъ гонитъ неутомимо впередъ свои полчища, надѣясь каждую минуту схватить и уничтожить ускользающаго отъ него противника. Онъ горитъ негодованіемъ, онъ выходитъ изъ себя при каждомъ замедленіи, при каждой неудачѣ, онъ не допускаетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, онъ осыпаетъ жесткими укоризнами своихъ маршаловъ. Храбрѣйшіе, рѣшительнѣйшіе изъ нихъ кажутся ему на этотъ разъ вялыми и медленными. Онъ прогоняетъ своего брата Іеронима съ театра войны [1]), онъ не хочетъ и слышать о стихійныхъ препятствіяхъ, противопоставляемыхъ ему самою природою и климатомъ страны. Но вотъ онъ, повидимому, у цѣли. Непріятель, такъ долго ускользавшій отъ него, располагается, наконецъ, на крѣпкой позиціи въ виду его силъ; все, рѣшительно все, заставляетъ думать, что онъ намѣренъ принять генеральное сраженіе, а въ исходѣ этого сраженія не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. И вдругъ новое, неожиданное разочарованіе! Въ теченіе одной ночи непріятельскія массы исчезаютъ съ занимаемыхъ ими высотъ, и цѣль, которая была уже въ рукахъ, ускользаетъ вновь въ эту непригляднуюлѣсную даль, гоньба по которой стоила уже такихъ страшныхъ жертвъ. Сомнѣніе и колебаніе впервые закрадываются въ душу геніальнаго вождя. Какой-то внутренній голосъ говоритъ ему, что пора остановиться, что лживый призракъ славы влечетъ его на этотъ разъ къ погибели. Маршалы и генералы заговари-

---

[1]) Іеронимъ былъ удаленъ съ театра войны еще въ началѣ кампаніи за то, что не тѣснилъ съ достаточною энергіею Багратіона. Мѣсто его занялъ маршалъ Даву, впрочемъ, также не успѣвшій уничтожить Багратіона.

наетъ о настоятельной необходимости дать продолжительный отдыхъ истомленнымъ войскамъ. Сама природа даетъ послѣднее предостереженіе. Возвратившаяся дождливая погода грозитъ окончательно испортить дороги. Волей или неволей, а надо остановиться, надо внять голосу благоразумія, требованію необходимости. Спѣшить впередъ нѣтъ уже болѣе надобности. Разъединенныя арміи противника достигли уже своей цѣли, не смотря на всѣ усилія великой арміи, на геніальность ея вождя. Никакія силы не могутъ помѣшать уже соединенію Барклая де-Толли и князя Багратіона. Прозаическая, столь презираемая Наполеономъ тактика русскаго главнокомандующаго восторжествовала надъ геніальными порывами великаго завоевателя.

Итакъ, въ то самое время, когда обѣ арміи наши быстро приближались къ Смоленску, главныя силы непріятеля расположились на продолжительный отдыхъ на пространствѣ между Суражемъ и Бѣшенковичами. Спрашивается: какъ же отнеслись къ этому, безъ сомнѣнія, выгодному для насъ результату первой части кампаніи наши войска и въ особенности тѣ высокопоставленныя лица, которыми была переполнена главная квартира первой арміи? Что постоянное отступленіе должно было подѣйствовать неблагопріятнымъ образомъ на духъ нашихъ войскъ, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Ни солдаты, ни офицеры, ни даже строевые генералы не имѣли достаточнаго понятія ни о силахъ непріятеля, ни о настоящихъ намѣреніяхъ и планахъ своего главнокомандующаго. Горя желаніемъ сразиться, выдерживая такъ стойко натиски непріятеля, имѣя надъ нимъ даже нерѣдко успѣхъ, они не могли понять необходимости и смысла все новаго и новаго отступленія. Характеръ главнокомандующаго не въ состояніи былъ внушить имъ ни довѣрія, ни любви. Это невозмутимое хладнокровіе, эта несообщительность, это совершенное неумѣнье говорить съ русскимъ солдатомъ, производили на нихъ отталкивающее впечатлѣніе. Они не въ состояніи были не уважать блестящей личной храбрости своего вождя, они не могли не удивляться его находчивости и распорядительности въ трудныя минуты; но

они не считали Барклая способнымъ состязаться съ военнымъ геніемъ Наполеона, а его нерусское имя внушало имъ какое-то смутное недовѣріе къ нему. Тяжелое настроеніе, господствовавшее въ арміи, выражается даже въ частныхъ письмахъ такихъ безусловно-честныхъ, геройски-храбрыхъ, чуждыхъ всякой интригѣ людей, какъ генералъ Коновницынъ [1]). „Я не посрамился передъ всѣми, — пишетъ онъ 16-го іюля изъ Суража своей женѣ,—былъ съ стрѣлками впереди, имѣлъ противъ себя два корпуса и самого Бонапарте; даже его самъ видѣлъ,—сходно съ показаніемъ плѣнныхъ,—на бѣлой маленькой лошадкѣ безъ хвоста. Отъ 8 часовъ утра до пяти часовъ по-полудни я дрался съ четырьмя полками и двумя баталіонами сводныхъ гренадеръ, противъ, смѣю сказать, 60 тысячъ человѣкъ. Скажу тебѣ, мой другъ, не посрамился; ни ты, ни дѣти мои за меня не покраснѣютъ. Я цѣлый день держалъ самого Наполеона, который хотѣлъ обѣдать въ Витебскѣ, но не попалъ и на ночь, развѣ на другой день. Наши дерутся, какъ львы. Но мы не соединены. Багратіонъ, Платовъ и Витгенштейнъ отъ насъ отрѣзаны. Мы въ худомъ положеніи. Авось—Богъ насъ невидимо избавитъ. Ты не думай... Я себя не посрамлю и охотно умру за отечество. Дѣтей и тебя Богъ не оставитъ, а отечество мое, можетъ быть, меня вспомнитъ. Вообрази, мой другъ, что двѣ батареи были у меня уже взяты, но явился я съ первыми рядами: все было переколото и пушки цѣлы... когда одинъ мой товарищъ на канунѣ потерялъ 6... О наградахъ не думаемъ... Это дѣло не наше“.

Если таково было настроеніе боевыхъ генераловъ, если они смотрѣли на положеніе дѣлъ такъ безнадежно и думали только о смерти, а не о побѣдѣ, то легко себѣ представить, что̀ дѣлалось въ средѣ тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя толпились при главной квартирѣ первой арміи,—лицъ, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго назначенія и занятія,— лицъ, не облеченныхъ никакою отвѣтственностью, но пользовавшихся громаднымъ вліяніемъ и на государя и на такъ

---

[1]) Богдановичъ. Т. I, стр. 198.

называемое высшее общество, смотрѣвшихъ па интригу, какъ на свое спеціальное занятіе, дававшихъ полную волю своему языку, объяснявшихъ по своему каждый фактъ и доносившихъ обо всемъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ, уѣзжая изъ арміи, не взялъ съ собою, къ несчастію, тѣхъ лицъ, которыя составляли при немъ такъ называемую главную квартиру. Онъ имѣлъ неосторожность отдать избраннаго имъ самимъ главнокомандующаго на жертву такимъ отъявленнымъ интриганамъ, какъ генералъ Бенингсенъ, какъ злополучный Римскій-Корсаковъ [1]), какъ графъ Армфельдтъ [2]). Барклай старался отдѣлаться отъ тягостнаго вліянія этихъ господъ и ихъ непрошеннаго контроля тѣмъ, что отправлялъ ихъ во время похода впередъ на цѣлыя сутки. Но и это средство не помогало [3]). При всякой остановкѣ арміи непрошенные совѣтники оказывались на лицо и не давали главнокомандующему ни минуты покоя, не оставляли безъ критики ни одного его распоряженія, надоѣдали ему своими настойчивыми совѣтами, жалобами, представленіями. Каждое изъ названныхъ лицъ имѣло въ арміи, въ особенности въ числѣ адъютантовъ императора, цѣлую массу приверженцевъ [4]). Эти сателиты, люди по большей части знатнаго происхожденія и вполнѣ салоннаго типа, получали инструкціи отъ своихъ патроновъ, прислушивались ко всему, хватали на лету каждое слово, снабжали его своими комментаріями, передавали все всѣмъ и каждому, распространяли духъ недовольства и интриги въ цѣлой арміи.

Какъ ни дѣятельно работала главная квартира, какъ ни искусно подкапывалась она подъ несчастнаго главнокомандующаго, но все-же ея работа не могла идти вполнѣ успѣшно

---

[1]) Римскій-Корсаковъ, извѣстный въ военной исторіи по своей постыдной Цюрихской капитуляціи.

[2]) Къ числу поименованныхъ лицъ можно-бы было присоединить еще и нѣсколько другихъ. Упомянемъ еще о герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ, имѣвшемъ слабость воображать себя великимъ стратегомъ, каковымъ онъ вовсе не былъ въ дѣйствительности.

[3]) Бернгарди. Т. 1, стр. 309.

[4]) Въ числѣ этихъ адъютантовъ находилось, какъ извѣстно, очень много лицъ польскаго происхожденія.

до тѣхъ поръ, пока первая армія дѣйствовала отдѣльно, пока Барклай де-Толли не имѣлъ на ряду съ собою такихъ лицъ, которые могли-бы претендовать на вполнѣ самостоятельное оффиціальное значеніе, которые могли-бы противопоставить его авторитету свой собственный и свои дѣйствительныя боевыя, а не салонныя заслуги. Но положеніе дѣлъ сразу измѣнилось, когда воспослѣдовало, наконецъ, подъ стѣнами Смоленска давно желанное и давно ожидаемое соединеніе обѣихъ армій. Событіе это, результатъ столькихъ усилій и жертвъ, столь радостное само по себѣ для главнокомандующаго первою арміею, сдѣлалось однако-же для него въ скоромъ времени источникомъ страшныхъ непріятностей, поставило его въ самое безвыходное положеніе. Князь Багратіонъ по своему характеру и темпераменту представлялъ полнѣйшую противоположность Барклаю де-Толли. Какъ полководецъ, онъ стоялъ ниже [1]) своего соперника, но за то онъ обладалъ въ избыткѣ всѣми тѣми качествами, которыя способны вызвать любовь и преданность солдата и внушить ему слѣпое довѣріе къ своему вождю. Багратіонъ былъ превосходный боевой генералъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Врагъ всякихъ теорій, всякихъ искусственныхъ комбинацій, онъ слѣдовалъ прежде всего одному основному военному правилу: скорѣе умереть, нежели оставить свой постъ, нежели отступить передъ противникомъ. Сподвижникъ Суворова, прошедшій чрезъ великую школу безсмертнаго вождя, онъ не могъ, разумѣется, усвоить геніальныхъ способностей своего наставника, но онъ проникся до мозга костей Суворовскимъ духомъ, онъ научился говорить съ русскимъ солдатомъ, внушать ему безпредѣльный энтузіазмъ, увлекающій его за любимымъ вождемъ на встрѣчу опасности и смерти. Багратіонъ съ самаго начала не могъ относиться дружелюбно къ Барклаю де-Толли. Онъ не могъ полюбить, если

---

[1]) Багратіонъ былъ превосходный боевой генералъ, но, за исключеніемъ короткаго похода на Дунаѣ, онъ не выступалъ въ качествѣ самостоятельнаго главнокомандующаго. Александръ остался, впрочемъ, недоволенъ его образомъ дѣйствій противъ турокъ.

бы и захотѣлъ, этого холоднаго, замкнутаго въ себѣ, несообщительнаго, неприступнаго нѣмца. Довѣріе государя къ Барклаю казалось ему пристрастіемъ. Онъ не отрицалъ военныхъ заслугъ Барклая, но онъ ставилъ гораздо выше свои собственныя. Будучи старшимъ по службѣ, онъ неохотно подчинялся военному министру, да и этотъ послѣдній, поставленный, благодаря нерѣшительности и полумѣрамъ самого императора, скорѣе въ товарищи, нежели въ начальники Багратіону, не рѣшался требовать отъ него настоящаго и полнаго повиновенія. Недоразумѣнія и неудовольствія между главнокомандующими обѣихъ армій начались тотчасъ-же послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Вынужденные оба согласоваться съ планомъ, въ составленіи котораго они не принимали ни малѣйшаго участія, основная идея котораго казалась имъ совершенно ошибочною, они относились другъ къ другу съ недовѣріемъ и подозрительностью и уже по одному этому не могли согласовать взаимно своихъ дѣйствій. Не имѣя вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній о громадномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, каждый изъ нихъ воображалъ, что имѣетъ дѣло съ главными силами Наполеона и винилъ соперника въ бездѣйствіи, въ неумѣньи пользоваться обстоятельствами. Барклай согласно всему своему характеру, обнаруживалъ и въ этихъ отношеніяхъ гораздо болѣе сдержанности и такта, нежели пылкій и нетерпѣливый Багратіонъ. Въ своихъ письмахъ къ главнокомандующему второй арміи Барклай никогда не рѣшался приказывать, зная очень хорошо, что его приказы встрѣтятъ рѣшительный отпоръ. Ставя интересъ общій, спасеніе отечества выше своего личнаго достоинства, онъ предпочиталъ говорить въ тонѣ просителя. Отношенія, безъ сомнѣнія, безпримѣрныя во всей военной исторіи: главнокомандующій, принужденный даже въ самыя рѣшительныя минуты просить и умолять подчиненнаго и пускать въ ходъ всю силу краснорѣчія тамъ, гдѣ по праву онъ долженъ былъ только повелѣвать и требовать безусловнаго повиновенія!

Изъ Витебска Барклай отправилъ Багратіону отъ имени императора приказъ, въ которомъ предписывалъ ему дѣй-

ствовать наступательно противъ лѣваго фланга непріятеля между Березиною и Днѣпромъ. Къ приказу приложено было объяснительное письмо, въ которомъ Барклай убѣждаетъ главнокомандующаго второй арміи исполнить приказъ. „Судьба имперіи,—говоритъ онъ между прочимъ,—не должна быть ввѣрена силамъ одной арміи. Скорѣйшее соединеніе армій есть, напротивъ, священный долгъ обѣихъ, дабы отечество могло быть спокойно подъ ихъ охраною и дабы они общими усиліями достигли несомнѣнной побѣды, этой единственной цѣли нашихъ обоюдныхъ стремленій. А посему прошу васъ покорнѣйше доставлять мнѣ, какъ можно чаще, въ соотвѣтствіи посылаемымъ мною вамъ донесеніямъ, таковыя-же о расположеніи вашихъ войскъ и о всемъ, что происходитъ при вашей арміи. Точно также извѣщайте меня съ наивозможною скоростью о всѣхъ принятыхъ или имѣющихъ быть принятыми вами мѣрахъ, дабы я могъ согласовать съ ними мои движенія. Передъ мыслью, что намъ ввѣрена защита отечества должны умолкнуть въ это рѣшительное время всѣ остальныя соображенія,—все, что могло-бы вліять извѣстнымъ образомъ на наши дѣйствія при обыкновенныхъ условіяхъ. Голосъ отечества требуетъ отъ насъ единодушія, этого вѣрнѣйшаго ручательства нашихъ побѣдъ и ихъ полезныхъ послѣдствій; ибо при отсутствіи единодушія даже знаменитѣйшіе герои не могли предохранить себя отъ пораженій. Соединимся-же и будемъ бороться противъ враговъ Россіи. Отечество будетъ благословлять наше согласіе“ [1]).

Призывъ Барклая остался и на этотъ разъ безплоднымъ. Главнокомандующій второю арміею относился съ непобѣдимымъ недовѣріемъ къ этому замкнутому, антипатичному для него нѣмцу; онъ не довѣрялъ его русскому патріотизму, онъ ставилъ его на одну доску съ Фулемъ и подобными проходимцами. Въ страстныхъ, несдержанныхъ выраженіяхъ высказывалъ онъ свои мнѣнія о министрѣ въ письмахъ къ графу Аракчееву и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. „Я ни въ чемъ не виноватъ,—писалъ онъ вскорѣ послѣ откры-

---

[1]) Бернгарди. Т. I, стр. 314.

тіи кампаніи ¹)—растянули меня сначала какъ кишку, пока непріятель ворвался къ намъ безъ выстрѣла; мы начали отходить, не вѣдаю за что. Никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи, что мы не проданы. Я одинъ Россіи защищать не могу. Первая армія тотчасъ должна идти и наступать къ Вильнѣ непремѣнно; чего бояться? Я весь окруженъ, и куда продерусь—заранѣе сказать не могу; что Богъ дастъ, а дремать не стану... Я васъ прошу непремѣнно наступать, какъ пріятеля, а то худо будетъ и отъ непріятеля, а то можетъ быть и дома. Шутить не должно. Русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали. Я найду себѣ пунктъ продраться, конечно, и съ потерею; но вамъ стыдно, имѣючи въ тылу укрѣпленный лагерь, фланги свободные, а противъ васъ слабые корпуса ¹). Надобно атаковать. Мой хвостъ всякій день теперь въ дракѣ, а на Минскъ и на Вильну мнѣ не можно пройти отъ лѣсовъ, болотъ и мерзкихъ дорогъ. Я не имѣю покоя и не живу для себя; Богъ свидѣтель, радъ все дѣлать, но надобно имѣть и совѣсть и справедливость. Вы будете отходить назадъ, а я все пробивайся. Ежели для того, что фигуру мою не терпите, лучше избавь меня отъ ярма, которое на шеѣ моей, и пришли другаго командовать; но за что войска мучить безъ цѣли и удовольствія? Славу свою потерять готовы? Не слушайтесь никого. [illegible]—ничего не потеряешь! Такъ я полагаю. [illegible] Пожалѣйте Государя и Россію. Зачѣмъ представляться войскамъ непріятельскимъ, тогда какъ мы можемъ ихъ побѣдить? [illegible] отступать—приказать двинуться впередъ. Отступать стыдно [illegible] кампанію и наступать всей арміей. Вотъ и честь и слава. Иначе, я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ

[illegible]

лагерѣ. Онъ на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ. Наступайте, ради Бога! Войско ободрится. Уже нѣсколько приказовъ даю, чтобы драться, а мы бѣжимъ. Вотъ вамъ моя откровенность и привязанность къ государю моему и отечеству. Если не нравится, избавьте меня, и я не хочу быть свидѣтелемъ худыхъ послѣдствій. Хорошо ретироваться 500 верстъ; но видно есть злодѣй Государю и Россіи, что гибель намъ предлагаетъ. Итакъ прощайте! я вамъ все сказалъ, какъ русскій русскому, но если умъ мой иначе понимаетъ, прошу въ томъ простить".

Такъ писалъ Багратіонъ въ то время, когда первая армія находилась еще на пути къ Дриссѣ, когда при ней слѣдовали еще государь и всѣ его приближенные. Пылкій князь совершенно не подозрѣвалъ, что по пятамъ Барклая идетъ самъ Наполеонъ съ главными своими силами. Онъ былъ убѣжденъ, что главныя массы непріятеля устремлены на него, что первая армія имѣетъ передъ собою лишь слабые отряды, и выходилъ изъ себя отъ этого робкаго, непонятнаго для него отступленія. Виновникомъ такой постыдной и безразсудной, по его мнѣнію, тактики, князь Багратіонъ не могъ еще считать въ это время Барклая. Онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, знать, что главнокомандующій первой арміи, не смотря на носимое имъ званіе военнаго министра, далеко не былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что на ряду съ нимъ, не говоря уже о государѣ, пользовались преобладающимъ вліяніемъ и Фуль и другія приближенныя къ государю лица. Съ того момента, однако-же, когда императоръ оставилъ первую армію, вся вина продолжающагося отступленія всецѣло обрушилась, въ глазахъ Багратіона, на голову несчастнаго военнаго министра. Негодованіе князя противъ этого воображаемаго виновника всѣхъ бѣдъ Россіи, а еще болѣе противъ нѣкоторыхъ его приближенныхъ, въ особенности-же Вольцогена, дѣятельно поддерживалось письмами, получаемыми имъ изъ главной квартиры первой арміи, переполненной, какъ извѣстно, самыми ярыми недоброжелателями Барклая. Подъ вліяніемъ этихъ писемъ, а еще болѣе своего всегдашняго предубѣжденія противъ мини-

[illegible] самыми событіями. [illegible] въ малѣйшей [illegible] стремиться [illegible] соединенію съ первою арміею, пойти въ непосредствен[illegible] съ этимъ [illegible] непріятелемъ. Такъ на[illegible] движеніе къ Смоленску [illegible] на [illegible], казалось ему даже невозможнымъ. [illegible] даже [illegible] не болѣе [illegible] арміи, [illegible] въ Украйнѣ. [illegible] свою армію и [illegible] противъ [illegible]. При такомъ положеніи былъ [illegible] Барклая. Вольцогенъ изъ Витебска [illegible] вторую армію. Во [illegible] въ немедленномъ-же движеніи на Смоленскъ [illegible] было назвать [illegible]. Но [illegible] на этотъ разъ, какъ нельзя [illegible] возложенное на него порученіе [2]. На [illegible] Багратіона, что движеніе къ Смоленску [illegible] въ настоящее время, адъютантъ Барклая возразилъ: Императоръ требуетъ этого движенія, а [illegible], оно должно быть [illegible] и непріятель, по всей вѣроятности, не въ состояніи будетъ помѣшать ему. Мы не знаемъ, какъ принялъ главнокомандующій второй арміи [illegible] замѣчанія адъютанта, но во всякомъ случаѣ онъ рѣшился двинуться теперь къ Смоленску.

Движенія Багратіона казались, однако-же, Барклаю настолько медленными и нерѣшительными, что онъ считалъ необходимымъ возбуждать его энергію все болѣе и болѣе настойчивыми письменными побужденіями. Достигнувъ Порѣчья, военный министръ отправилъ отсюда слѣдующее письмо къ главнокомандующему второй арміи: «Я иду усиленными маршами къ Порѣчью на Смоленскъ, чтобы во всякомъ случаѣ предупредить тамъ непріятеля и не позволить проникнуть ему далѣе во внутрь имперіи. Почему я твердо намѣренъ

[1]) Объ этомъ мнѣніи Багратіона мы узнаемъ изъ мемуаровъ Вольцогена. [illegible] стр. 325.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ авторитетъ вполнѣ безпристрастный — принцъ Евгеній Виртембергскій.

ни подъ какимъ видомъ не отступать отъ Смоленска и дать тамъ сраженіе, не обращая вниманія на то, что силы Наполеона и Даву теперь соединены. Теперь, кажется, ничто не можетъ помѣшать вашему быстрому движенію къ Смоленску,—движенію, отъ котораго зависитъ судьба имперіи. Я расчитываю на ваше рѣшительное содѣйствіе; безъ него будетъ тяжело противостать всей соединенной силѣ непріятеля. Первой арміи останется тогда одно утѣшеніе—пожертвовать собою для защиты отечества, будучи покинутою своими товарищами. Именемъ отечества прошу васъ настоятельнѣйшимъ образомъ спѣшить къ Смоленску по прямѣйшему направленію. Какъ только вы подойдете, первая армія немедленно-же обратится направо, чтобы очистить отъ непріятеля Витебскую, Псковскую и Лифляндскую губерніи".

Одновременно съ этимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ, между прочимъ, о твердомъ намѣреніи Барклая отстаивать Смоленскъ, главнокомандующій писалъ такимъ образомъ смоленскому губернатору: „увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности и не вѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ, съ другой стороны, идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22 числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества, или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ къ побѣдѣ ихъ" [1]). Это письмо ясно свидѣтельствуетъ, что Барклай былъ твердо намѣренъ не отступать далѣе Смоленска, только обстоятельства заставили его впослѣдствіи поступить иначе.

21 іюля совершилось, наконецъ, подъ Смоленскомъ соединеніе обѣихъ нашихъ армій. Сосредоточенныя такимъ образомъ силы, всего на всего около 122,000 человѣкъ, считая

---

[1]) Богдановичъ, т. I, стр. 530.

въ томъ числѣ казаковъ, далеко не могли идти въ сравненіе съ массами Наполеона, и что еще хуже: никто не зналъ, кто-же долженъ руководить теперь соединенными арміями? Замѣчательно, что императоръ Александръ, вѣчно колеблющаяся, нерѣшительная натура котораго сказалась и въ этомъ критическомъ случаѣ, не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакого точнаго распоряженія. Онъ ограничился лишь выраженіемъ желанія, чтобы главнокомандующіе старались дѣйствовать согласно. Желаніе невыполнимое, какъ не замедлили показать дальнѣйшія событія. Правда, на первый разъ и Багратіонъ и Барклай старались заглушить въ себѣ всѣ движенія личнаго честолюбія, одушевлены были, повидимому, однимъ общимъ желаніемъ отстоять отечество отъ грозившей ему страшной бѣды. Князь Багратіонъ, по прибытіи своемъ въ Смоленскъ, тотчасъ-же поспѣшилъ къ Барклаю. Главнокомандующій первой арміи, замѣтивъ изъ окна приближеніе князя, поспѣшно надѣлъ шарфъ и шляпу и встрѣтилъ Багратіона въ передней комнатѣ. „Узнавши о вашемъ пріѣздѣ въ Смоленскъ, я уже готовъ былъ ѣхать къ вамъ"—сказалъ онъ ему. Съ этими словами, Барклай вручилъ Багратіону, какъ старшему по службѣ генералу, рапортъ о состояніи ввѣренной ему арміи. Багратіонъ былъ видимо тронутъ и польщенъ такою любезностью: онъ тутъ-же изъявилъ желаніе подчиниться главнокомандующему первой арміи, не смотря на свое старшинство по чину [1]. Всѣ бывшія до тѣхъ поръ недоразумѣнія казались окончательно разсѣянными: оба главнокомандующіе въ донесеніяхъ своихъ государю отдавали полную справедливость другъ другу. Императоръ, крайне обрадованный такимъ поворотомъ дѣлъ, спѣшилъ выразить имъ свое удовольствіе. „Я весьма обрадовался,—писалъ онъ Барклаю,—услышавъ о добромъ согласіи вашемъ съ княземъ Багратіономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая лич-

---

[1] Поступокъ кн. Багратіона всѣ прославляли тогда, какъ настоящій подвигъ самоотверженія: поведеніе-же Барклая казалось почему-то не болѣе, какъ обыкновеннымъ. См. Богдановичъ, гл. I стр. 219; Toll, т. I стр. 323.

ность должна быть устранена, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества". Въ письмѣ къ Багратіону императоръ выразился такимъ образомъ: „зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ отечеству, я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для онаго, время, вы отстраните всѣ личныя побужденія, имѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи. Вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на мою признательность" [1]).

Свѣтлымъ ожиданіямъ императора не суждено было осуществиться. Согласіе между обоими главнокомандующими было лишь кажущееся, или лучше сказать, кратковременное и непрочное. Князь Багратіонъ никоимъ образомъ не могъ примириться съ своимъ подчиненнымъ второстепеннымъ положеніемъ; на свою уступку онъ смотрѣлъ, какъ на чисто формальную и придавалъ ей въ тоже время величайшее значеніе. „Вся армія,—писалъ онъ Аракчееву уже 26 іюля,—просила меня гласно, чтобы я всѣми командовалъ; но я на сіе имъ ничего не отвѣчалъ; ибо есть на то воля Государя моего". Багратіонъ считалъ себя въ тоже время крайне оскорбленнымъ Барклаемъ; онъ готовъ былъ забыть эти оскорбленія лишь потому, что главнокомандующій первою арміею просилъ его лично о прощеніи. „И хотя до крайности,—писалъ онъ въ томъ-же письмѣ,—огорченъ я лично отъ министра, между нами сказать,—но онъ самъ опомнился и писалъ простить его въ томъ. Я простилъ его и обошелся съ нимъ не такъ, какъ старшій, но такъ, какъ подкомандующій. Сіе я дѣлалъ и дѣлаю точно по привязанности моей къ Государю". Письмо это показываетъ до очевидности, какое громадное значеніе придавалъ Багратіонъ своему старшинству по службѣ и какъ мало придавалъ онъ вѣсу тому обстоятельству, что Барклай могъ требовать отъ него повиновенія и въ ка-

---

[1]) Итакъ, императоръ и теперь не рѣшился прямо и открыто объявить Барклая единственнымъ главнокомандующимъ и предпочелъ оставить отношенія въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ находились они и до тѣхъ поръ. Письма Александра см. у Богдановича, т. I стр. 219.

честв военнаго министра, и въ качеств лица, облеченнаго наибольшимъ довріемъ самого государя [1]).

Прошло нсколько дней посл этихъ изліяній, и все уже пошло на старый ладъ. Прежняя вражда и взаимное недовріе, дятельно поджигаемыя различными проходимцами, кишившими въ главныхъ квартирахъ обихъ армій, вспыхнули съ прежнею силою. Барклай, не придававшій очевидно особаго значенія стратегическимъ способностямъ своего товарища и желавшій быть главнокомандующимъ не только по форм, но и по существу дла, не считалъ нужнымъ посвящать Багратіона во вс свои соображенія и планы. Багратіонъ, съ своей стороны, возмущался этимъ недовріемъ и видлъ въ каждомъ шаг Барклая стремленіе унизить его, уколоть его самолюбіе. „Истинно и по совсти вамъ скажу,—писалъ онъ Аракчееву уже 29 іюля,—что я никакой претензіи не имю, но со мною поступаютъ такъ неоткровенно и такъ непріятно, что описать всего невозможно. Воля государя моего,—я никакъ вмст съ министромъ не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать въ Молдавію или на Кавказъ, а здсь быть не могу; и вся главная квартира нмцами наполнена такъ, что русскому жить невозможно и толку никакого нтъ. Воля ваша, или увольте меня, хотя отдохнуть на мсяцъ. Ей Богу, съ ума свели меня отъ ежеминутныхъ перемнъ, я-жъ никакой въ себ не нахожу. Армія называется только по имени, но около 40,000, и то растягиваютъ какъ нитку и таскаютъ назадъ и въ бокъ. Армію мою раздлить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думалъ—истинно служу Государю и отечеству, а на поврку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу“ [2]).

Относясь такъ рзко къ главнокомандующему, Багратіонъ не хотлъ и не могъ, разумется, ни на минуту войти въ положеніе этого послдняго,—положеніе во всхъ отношеніяхъ безпримрное и крайне тяжелое. „Никогда еще ни одинъ полководецъ

---

[1]) Письмо Багратіона см. у Богдановича, т. II, приложеніе, стр. 501 и 502.
[2]) Богдановичъ. Т. I приложеніе, стр. 502 и 503.

ни одной арміи,—говоритъ Барклай въ запискѣ, поданной имъ на Высочайшее имя,—не находился въ такомъ крайне непріятномъ положеніи, какъ я. Каждая изъ обѣихъ соединенныхъ армій имѣла своего особаго главнокомандующаго, которые зависѣли единственно отъ Вашего Императорскаго Величества и облечены были полномочіями, вполнѣ соотвѣтствующими таковому положенію. Каждый изъ нихъ имѣлъ право доносить лично Вашему Величеству и распоряжаться, по собственному усмотрѣнію, ввѣренною ему арміею. Правда, я имѣлъ, въ качествѣ военнаго министра, право отдавать приказы отъ Высочайшаго имени Вашего Величества, но я не рѣшался воспользоваться этимъ правомъ безъ особаго полномочія Вашего Величества въ такихъ важныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависѣла судьба всей Россіи. Итакъ, мнѣ надлежало прежде всего употребить всѣ средства, чтобы установить между княземъ и мною наивозможное согласіе, дабы имѣть возможность руководить обѣими арміями и направлять ихъ не къ безнадежнымъ, а согласнымъ и направленнымъ къ одной общей цѣли предпріятіямъ; тѣмъ болѣе, что изъ предшествующей переписки нашей, по поводу медленности его движеній, возникли уже между нами отношенія натянутыя. Я принуждалъ себя льстить его самолюбію, уступать ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, противъ собственнаго убѣжденія, дабы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ настоять на своемъ въ дѣлахъ важнѣйшихъ. Однимъ словомъ, я принужденъ былъ играть такую роль, которая была не по мнѣ, которая противорѣчила и моему характеру, и моимъ чувствамъ. Не смотря на все это, я воображалъ, однако-же, одно время, что я достигъ вполнѣ моей цѣли, но впослѣдствіи я долженъ былъ убѣдиться, какъ жестоко заблуждался я въ этомъ отношеніи. Духъ интриги и партейности, распространившійся въ арміи, разнорѣчивыя мнѣнія и взгляды, невыгодные слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ,—все это получило свое начало со времени соединенія обѣихъ армій. Около этого-же самаго времени возвратился въ армію изъ Москвы и великій князь Константинъ Павловичъ [1]).

---

[1]) Барклай довольствуется однимъ этимъ указаніемъ, полагая, что государь

Ко всему этому слѣдуетъ причислить и вліяніе тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ главной квартирѣ Вашего Императорскаго Величества. Чтобы представить Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, хотя слабый очеркъ того, что происходило въ тогдашнее время, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ изъ главныхъ лицъ, находившихся тогда въ главной квартирѣ въ Смоленскѣ, изъ которыхъ каждый считалъ себя призваннымъ порицать все и вся. Герцогъ Александръ Виртембергскій, генералы Бенингсенъ, Корсаковъ и Армфельдтъ имѣли каждый какъ въ средѣ адъютантовъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и въ арміи своихъ сторонниковъ, дѣятельно распространявшихъ въ самыхъ широкихъ кружкахъ все то, что доходило до ихъ свѣдѣнія. Я скажу болѣе: даже начальникъ

поймётъ его, какъ слѣдуетъ. Александръ зналъ лучше кого-либо въ высшей степени страстный, капризный и неуживчивый характеръ своего брата. Онъ зналъ также безнадежный взглядъ Великаго князя на всю эту войну и его враждебныя отношенія къ арміи. Онъ самъ пытался удалить великаго князя изъ главной квартиры, но Великій князь возвратился туда противъ его желанія. Еще изъ Витебска цесаревичъ былъ отправленъ Барклаемъ къ государю съ важнымъ порученіемъ. Растопчинъ говоритъ по этому поводу въ своихъ запискахъ слѣдующее: Великій князь прибылъ изъ арміи Барклая, который, считая его присутствіе безполезнымъ и затруднительнымъ, отправилъ его курьеромъ въ Москву съ словеснымъ порученіемъ представить отчетъ о состояніи войскъ и о предположеніяхъ главнокомандующаго. Императоръ хотѣлъ оставить въ Москвѣ Константина Павловича, поручивъ ему сформировать кавалерійскій полкъ. Цесаревичъ предполагалъ окончить это порученіе въ какихъ-нибудь 15 дней, употребивъ для этого самое простое средство, а именно забирая всюду годныхъ людей и лошадей. Предвидя неудобства отъ пребыванія Великаго князя въ Москвѣ и то дурное впечатлѣніе, какое могъ-бы произвести тотъ способъ, какой онъ намѣревался употребить, Растопчинъ просилъ императора дать Великому князю другое порученіе, чтобы избавить его, Растопчина, отъ непріятностей. Вслѣдствіе такой просьбы государь поручилъ ему сформировать ополченіе въ Нижнемъ Новгородѣ, но Великій князь не захотѣлъ заняться этимъ и императоръ согласился отпустить его снова въ армію. См. „Русская Старина“ за сентябрь 1877 г., стр. 80.

Великій князь Константинъ Павловичъ, представлявшій во многихъ отношеніяхъ такую странную противоположность своему царственному брату, способенъ былъ, впрочемъ, по временамъ и къ такимъ благороднымъ порывамъ, которые могли примирить съ нимъ даже лицъ, страдавшихъ отъ его капризовъ и дикихъ вспышекъ. Такимъ является между прочимъ Великій князь и въ запискахъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, напечатанныхъ въ послѣднихъ книгахъ „Русскаго Архива“.

генеральнаго штаба, генералъ-маіоръ Ермоловъ, человѣкъ способный, но въ тоже время большой обманщикъ и человѣкъ крайне фальшивый, даже и тотъ присоединился къ общему порицающему голосу, съ единственною цѣлью заискать расположеніе вышеупомянутыхъ лицъ, Его Императорскаго Высочества (В. К. Константина) и князя Багратіона. Что касается до меня лично и до моей канцеляріи, то мы не имѣли ни минуты покоя отъ людей, преданныхъ названнымъ лицамъ и старавшихся разузнать заранѣе о всѣхъ предполагаемыхъ мѣропріятіяхъ. Едва только удавалось имъ добиться отъ насъ какихъ-нибудь, по ихъ мнѣнію, новыхъ извѣстій, какъ они тотчасъ-же сообщали ихъ другъ другу нерѣдко совершенно публично, на улицѣ. Ни мало не удивительно послѣ того, что непріятель такъ хорошо зналъ обо всемъ [1]). Я дѣлалъ все отъ меня зависѣвшее, чтобы положить хотя сколько-нибудь предѣлъ этому злу. Я удалилъ лицъ, которыя особенно ревностно распространяли все подслушанное и вывѣданное ими. Я удалилъ адъютантовъ Вашего Величества: князя Любомірскаго, графа Браницкаго, Влодека [2]) и многихъ другихъ. Этимъ я не пріобрѣлъ себѣ, разумѣется, друзей въ кругу тѣхъ лицъ, которыя окружаютъ непосредственно Ваше Величество. Но я очень желалъ имѣть въ то время право выслать изъ арміи и нѣсколькихъ лицъ болѣе высшаго сана".

Въ такой-то сферѣ принужденъ былъ дѣйствовать Барклай де-Толли въ тотъ самый моментъ, когда ему приходилось рѣшать самый тяжелый и неотложный вопросъ: слѣдуетъ-ли вступить, наконецъ, въ столь желанный и столь требуемый всѣми, и арміею, и Россіею, и самимъ государемъ рѣшительный бой съ непріятелемъ, или-же необходимо еще разъ укло-

---

[1]) Въ этихъ словахъ Барклая заключается полнѣйшее разъясненіе тѣхъ постоянныхъ слуховъ объ измѣнѣ, о передачѣ важнѣйшихъ свѣдѣній непріятелю, которые то и дѣло ходили по арміи. Господа, кричавшіе объ измѣнѣ, сами являлись въ такихъ случаяхъ измѣнниками.

[2]) Достаточно однихъ этихъ именъ, чтобы понять, гдѣ гнѣздилась измѣна и орудіемъ какихъ лицъ были, сами не сознавая того, В. князь, Багратіонъ и другіе русскіе.

[illegible] и что [illegible] въ [illegible] съ противникомъ и вступить вновь на [illegible] направленный вновь путь отступленія. [illegible] Барклай не [illegible] высказывалъ твердое намѣреніе дать генеральное сраженіе: именно съ этою цѣлью направлялъ онъ, по собственному заявленію, къ Смоленску, именно потому добивался онъ такъ настойчиво возможно скорѣйшаго соединенія съ второю арміею. Теперь соединеніе армій воспослѣдовало. Оно подняло духъ въ войскахъ, но подняло только потому, что всѣ съ увѣренностью ожидали теперь перехода въ наступленіе, къ рѣшительнымъ ударамъ. Не одни только солдаты и низшіе офицеры, но и большинство генераловъ и всѣ такъ называемые высокопоставленныя лица высказывали самое горячее желаніе немедленнаго боя, не хотѣли и слышать о дальнѣйшемъ отступленіи. Итакъ желаніе арміи совпадало, какъ нельзя болѣе, съ желаніемъ главнокомандующаго; но именно въ эту самую минуту Барклай начинаетъ вновь сомнѣваться и колебаться. Сознаніе, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ силамъ непріятеля, закрадывается въ его душу; счастливый инстинктъ, какъ говорятъ другіе, вѣрный тактъ, какъ думаемъ мы, отталкиваетъ его отъ кроваваго рѣшенія. Какъ въ другія минуты, приближающагося рѣшенія, такъ и теперь, онъ задавалъ себѣ постоянно одинъ и тотъ-же мучительный вопросъ: а что станется съ Россіею, кто будетъ защищать отечество, если предполагаемое наступленіе не увѣнчается успѣхомъ, если армія, ввѣренная его попеченію, подвергнется совершенному истребленію? Вопросъ этотъ, повидимому, не существовалъ для большинства тѣхъ лицъ, которыя считали себя въ правѣ высказывать свое мнѣніе. Лица эти, даже такіе даровитые и истинно военные люди, какъ напримѣръ Багратіонъ, Ермоловъ, Толь, не имѣли и теперь еще достаточно точнаго представленія о превосходствѣ силъ Наполеона. Они знали, что непріятельская армія понесла громадныя потери людьми и лошадьми на походѣ отъ Нѣмана къ Днѣпру и утверждали, что эта убыль уравняла уже силы непріятеля съ нашими. Теперь, говорили они, Наполеонъ расположился на продолжительный отдыхъ, онъ разбросалъ свои войска на гро-

мадномъ пространствѣ между Могилевомъ и Порѣчьемъ и открылъ намъ тѣмъ самымъ возможность разбить по частямъ его массы. Съ особеннымъ жаромъ указывалъ на эту возможность полковникъ Толь; онъ составилъ даже планъ нападенія на непріятеля и представилъ его главнокомандующему. Самъ по себѣ планъ этотъ былъ превосходенъ и обличалъ въ Толѣ не только хорошаго военнаго теоретика, но и смѣлаго, находчиваго полководца. Основаніемъ ему служило самое расположеніе непріятельскихъ массъ, насколько оно было извѣстно въ русской главной квартирѣ. Лѣвое непріятельское крыло подъ начальствомъ вице-короля Евгенія находилось между Велижемъ, Суражемъ и Яновичами; авангардъ его у Порѣчья составляла кавалерія Нансути; въ центрѣ стояла кавалерія Мюрата, передовые посты которой расположены были передъ Руднею; сзади Мюрата у Лесны стоялъ съ своимъ корпусомъ Ней; наконецъ, вокругъ самаго Витебска, гдѣ находилась главная квартира Наполеона, стояли гвардія и одна дивизія корпуса Даву. Правое непріятельское крыло тянулось до самаго Могилева; оно состояло изъ поляковъ Понятовскаго на крайнемъ правомъ флангѣ, изъ вестфальцевъ у Орши и изъ остальныхъ дивизій Даву между Бабиновичами и Дубровною на Днѣпрѣ. Въ виду такого растянутаго положенія непріятельскихъ силъ, Толь предлагалъ направить всю соединенную подъ Смоленскомъ армію по дорогѣ черезъ Рудню на Витебскъ, опрокинуть всѣ непріятельскіе отряды, расположенные по этой дорогѣ, занять по отношенію къ другимъ непріятельскимъ корпусамъ такъ называемую внутреннюю операціонную линію и пріобрѣсти тѣмъ самымъ возможность атаковать всѣми силами эти разрозненные корпуса и нанести имъ рѣшительное пораженіе. Въ особенности-же совѣтовалъ Толь броситься на правое непріятельское крыло, атаковать его съ лѣваго фланга и оттѣснить къ Могилеву. Толь высказывалъ убѣжденіе, что предлагаемое имъ предпріятіе можетъ дать войнѣ совершенно иной оборотъ. Пусть даже оно не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, пусть непріятельскіе отряды уклонятся отъ встрѣчи и соединятся далѣе позади, и въ такомъ случаѣ непрія-

телю прійдется отойти за Улу, выиграно будетъ время для вооруженія и подымется духъ войска. Какъ ни превосходенъ былъ планъ Толя, но несомнѣнно, что онъ заключалъ въ себѣ элементъ опасности: самые частные успѣхи надъ отдѣльными непріятельскими отрядами могли завлечь русскую армію слишкомъ далеко, и заставить ее принять генеральное сраженіе съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ [1]. Не трудно было предвидѣть, чѣмъ должно было окончиться такое сраженіе. Именно эту крайне вѣроятную возможность имѣлъ въ виду Барклай и только на этомъ основаніи онъ рѣшительно отвергнулъ планъ Толя. При обыкновенномъ, нормальномъ порядкѣ, этимъ должно-бы было окончиться все дѣло; но мы уже знаемъ, какіе во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрные порядки господствовали тогда въ главной квартирѣ русской арміи. Планъ Толя, отвергнутый главнокомандующимъ, не замедлилъ сдѣлаться извѣстнымъ. Багратіонъ, одинъ изъ первыхъ, ухватился за него со всею горячностью своей натуры. Великій князь Константинъ Павловичъ, давно уже не терпѣвшій Барклая, поспѣшилъ послѣдовать его примѣру. Съ обычною запальчивостью и страстностью выступилъ онъ противъ главнокомандующаго: онъ объявилъ, что планъ Толя долженъ быть выполненъ во чтобы то ни стало, что онъ настоитъ на этомъ вопреки всѣмъ главнокомандующимъ въ мірѣ [2].

---

[1]) Подробный разборъ плана Толя см. у Бернгарди. Особенно любопытное слѣдующее мѣсто: Theilweise Vortheile konnte man ohne Zweifel erfechten; es ist sogar wahrscheinlich, dass man deren auf diesem Wege erlangte. War man nun auf einem sistematischen Ruckzug und Widerstand in solcher Form vorbereitet: darauf gefasst zufriden mit dem Einfluss, den diese erkampften Vortheile auf die weiter hinaus geschobene Entscheidung jedenfalls ausüben mussten, anzuhalten und umzukehren, sobald der Feind seine Macht vereinigt hatte, und den erlangten materiellen und moralischen gleichsam mitzunehmen auf den weiteren Ruckzug, – dann war alles ganz gut und schön. Die Gefahr lag aber darin, dass eben nicht entfernt davon die Rede war, den Krieg in diesem Geiste zu führen, dass man sich wahrscheinlich durch die ersten Vortheile und gesteigertes Gelbstvertauen hinreissen liess und sich am Ende in eine Hauptschlacht verwickelt sah, in einen entscheidenden Kampf mit einer Uebermacht, die nicht die mindeste Hoffnung zum Siege liess. T. I, стр. 327.

[2]) Бернгарди, имѣвшій подъ руками всѣ бумаги Толя, прямо говоритъ, что

По настоянію Великаго князя, Барклай принужденъ былъ созвать военный совѣтъ и предложить на его обсужденіе планъ Толя. На совѣтѣ присутствовали Барклай, Багратіонъ, Великій князь, Ермоловъ, Толь, генералъ-квартирмейстеръ второй арміи, графъ Сенъ-При и генералъ-маіоръ Витицкій. Положеніе Барклая было самое тяжелое. Всѣ присутствующіе взяли сторону его противника. Самъ онъ былъ плохой діалектикъ и не въ состояніи былъ отстоять своего мнѣнія. Если-бы онъ былъ сознательнымъ сторонникомъ отступленія систематическаго, если-бы идея парѳянской войны принадлежала дѣйствительно ему, то теперь наступила минута, когда онъ долженъ-бы былъ высказать ее рѣшительно и безстрашно. Онъ долженъ-бы былъ заявить, что онъ не намѣренъ вовсе вступать въ бой, до тѣхъ поръ пока не собраны будутъ внутри имперіи новыя силы, пока обстоятельства не измѣнятся тѣмъ или инымъ способомъ, пока не установится равновѣсіе въ силахъ. Но Барклай не сдѣлалъ подобнаго заявленія, и не сдѣлалъ его вовсе не потому, что онъ не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, что онъ сробѣлъ передъ массою своихъ враговъ, что онъ склонился предъ авторитетомъ цесаревича. Нѣтъ! Барклай не принадлежалъ къ числу людей робкихъ и податливыхъ; героическая, непоколебимая твердость была отличительною чертою его характера. Если онъ не явился на военномъ совѣтѣ представителемъ идеи систематическаго отступленія и выжиданія, то лишь потому, что эта идея вовсе не принадлежала ему. Онъ самъ стоялъ въ сущности на той-же почвѣ, какъ и его противники, онъ соглашался съ ними въ необходимости дать сраженіе, и только его врожденная осторожность и опытность удерживали его каждый разъ отъ страшнаго, рискованнаго шага. Такъ и теперь. Вмѣсто движенія на Рудню, т. е. на центръ непріятельской позиціи, онъ предпочиталъ двинуться на лѣвый флангъ непріятеля, атаковать вицекороля у Порѣчья, очистить отъ непріятеля все простран-

---

В. князь хотѣлъ провести это дѣло силою вопреки главнокомандующему. Т. I, стр. 341.

сти между Суражемъ и Велижемъ и занять его войсками генерала Винцингероде. Въ этомъ движеніи должны были принимать участіе лишь силы первой арміи; вторая армія должна была оставаться у Смоленска и прикрывать московскую дорогу. Только послѣ пораженія лѣваго непріятельскаго крыла, обѣ арміи, соединившись вмѣстѣ, должны были двинуться на непріятельскій центръ у Рудни. Само собою понятно, что планъ Барклая, съ военной точки зрѣнія, стоялъ неизмѣримо ниже предложенія Толя. Внушенный крайней осторожностью, желаніемъ прикрывать и обезпечивать все, онъ грѣшилъ въ сущности еще большею дерзостью уже потому, что раздѣлялъ вновь только что соединенныя силы. Самая исходная точка его была ошибочна. Барклай почему-то предполагалъ, что у Порѣчья сосредоточены главныя силы непріятеля, что оттуда будетъ угрожать его правому крылу, въ случаѣ движенія на Рудню, величайшая опасность, тогда какъ въ дѣйствительности за Порѣчьемъ стояли лишь сравнительно слабые отряды. Военный совѣтъ, какъ бываетъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, не привелъ ни къ какому положительному результату [1]. Каждая сторона отстаивала съ жаромъ свое мнѣніе, каждая осталась при своемъ убѣжденіи; но уже вечеромъ этого-же дня произошло нѣчто совершенно неожиданное. Барклай, утомленный борьбою, уступая общему давленію, изъявилъ свое согласіе на предложеніе Толя, но подъ условіемъ, чтобы армія удалилась отъ Смоленска не болѣе какъ на три перехода; изъявляя согласіе на такой рискованный, по его мнѣнію, ма-

[1] Подробности объ этомъ военномъ совѣтѣ см. у Бернгарди, т. I стр. 341—342. Богдановичъ ограничивается въ этомъ случаѣ, какъ и вообще повсюду, гдѣ дѣло идетъ о тайной исторіи войны, лишь самыми общими и притомъ неточными показаніями. См. т. I, стр. 226. Въ запискахъ Ермолова встрѣчается слѣдующее, не лишенное интереса мѣсто, касающееся Великаго князя Константина и его роли на военномъ совѣтѣ: „Я первый разъ, въ случаѣ столь важномъ, видѣлъ Великаго князя и не могу довольно сказать похвалы какъ о разсужденіи его, чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предлагалъ онъ его, и съ сего времени удвоилось мое къ нему почтеніе". Едва-ли этотъ отзывъ Ермолова можетъ быть признанъ вполнѣ безпристрастнымъ, въ виду его извѣстныхъ отношеній къ Барклаю и къ Великому князю.

невръ, Барклай готовъ былъ, впрочемъ, ухватиться за первый-же предлогъ, чтобы остановить наступленіе къ Руднѣ. Этотъ предлогъ не замедлилъ представиться. По мѣрѣ наступленія нашихъ армій, непріятельскіе форпосты отходили повсемѣстно назадъ, только на одной дорогѣ къ Порѣчью они остались неподвижны. Это чисто случайное обстоятельство показалось главнокомандующему яснымъ подтвержденіемъ его предположеній. Опасаясь за свой правый флангъ, онъ немедленно-же прекратилъ движеніе на Рудню, передвинулъ по направленію къ Порѣчью главныя силы первой арміи и предложилъ второй арміи занять оборонительную позицію для защиты Смоленска. Барклай былъ въ восторгѣ, что ему удалось возвратиться къ своему первоначальному плану [1]; но во всей арміи поднялся глухой ропотъ недовольства. Распоряженія главнокомандующаго произвели на всѣхъ самое удручающее впечатлѣніе, вызвали отовсюду самую ожесточенную критику. Князь Багратіонъ настойчиво требовалъ продолжать наступленіе на Рудню. Толь, справедливо предполагавшій главную массу непріятеля между Витебскомъ, Руднею и Оршею, усматривалъ величайшую опасность въ мѣропріятіяхъ главнокомандующаго, въ особенности для второй арміи, выставленной, по его мнѣнію, какъ-бы на жертву непріятелю. Великій князь Константинъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва. Ермоловъ, а за нимъ и вся главная квартира публично и громко порицали всѣ дѣйствія Барклая. Негодованіе, у однихъ дѣйствительное, у другихъ притворное, выходило изъ всякихъ предѣловъ благоразумія и приличія. До сихъ поръ толковали лишь о неспособности главнокомандующаго, теперь впервые начали кричать объ измѣнѣ. Гнусная клевета

[1] „Изъ моей новой позиціи, писалъ Барклай въ тотъ-же день государю, я могу напасть съ превосходными силами на лѣвый флангъ непріятеля, открыть вновь мои сообщенія съ верхнею Двиною и обезпечить лѣвый флангъ графа Витгенштейна. Обѣ арміи удалены одна отъ другой лишь на одинъ переходъ; онѣ прикрываютъ собою дорогу въ Москву и все пространство между истоками Двины и Днѣпра. Эта позиція представляетъ несомнѣнныя выгоды и даетъ полную возможность дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ“. Бернгарди, т. I, стр. 345.

не рѣшалась еще коснуться личности Барклая: она всею силою обрушилась на Вольцогена: несчастнаго теоретика открыто начали упрекать въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ непріятелемъ [1].

Въ то время, когда въ арміи нашей происходили эти небывалыя сцены, грозившія всеобщимъ разложеніемъ и деморализаціею, когда войска наши производили ежедневно, повидимому, безцѣльныя передвиженія, Наполеонъ, встревоженный нашимъ наступленіемъ на Рудню, поспѣшно сосредоточилъ свои массы въ числѣ 185000 человѣкъ и началъ переправлять ихъ на лѣвый берегъ Днѣпра, намѣреваясь двинуться черезъ Оршу къ Смоленску. Такое движеніе непріятеля, очевидно разсчитывавшаго захватить беззащитный Смоленскъ, стать въ тылу нашихъ армій и отрѣзать имъ московскую дорогу, прекратило, разумѣется, на время бурныя пререканія въ главной квартирѣ и побудило обѣ наши арміи поспѣшить на защиту Смоленска. Что Смоленскъ невозможно было покинуть безъ обороны, въ этомъ были согласны оба наши главнокомандующіе; но цѣли, которыя они имѣли при этомъ въ виду, были совершенно различныя. Барклай думалъ удерживать Смоленскъ лишь до тѣхъ поръ, пока ему удастся обезпечить московскую дорогу и перевести на нее свои главныя силы. Вступать подъ Смоленскомъ въ рѣшительное сраженіе съ непріятелемъ онъ считалъ еще менѣе удобнымъ, нежели подъ Витебскомъ или Руднею. Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло Багратіонъ. По его мнѣнію, арміи наши должны были удерживаться подъ Смоленскомъ во чтобы то ни стало; въ Смоленскѣ, а не гдѣ-нибудь позади, слѣдовало положить, по его убѣжденію, несокрушимые предѣлы непріятельскому нашествію. „Я надѣюсь,—писалъ онъ государю,—что военный министръ, имѣя передъ Смоленскомъ всю первую армію, будетъ держать Смоленскъ, я же буду

---

[1]) Барклай счелъ необходимымъ оправдаться передъ государемъ противъ возведенныхъ на него обвиненій. Въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ у Бернгарди, т. I, стр. 347, онъ не высказывается, однако-же, противъ сраженія вообще, а единственно противъ сраженія у Рудни и то лишь въ виду опасности, грозившей намъ, по его мнѣнію, со стороны Порѣчья.

отражать всѣ попытки непріятеля двинуться впередъ по московской дорогѣ, если таковыя будутъ предприняты имъ".

Извѣстно, что намѣреніе Наполеона захватить Смоленскъ въ расплохъ безъ сопротивленія не удалось. Въ теченіи двухъ дней подъ стѣнами стараго города кипѣла ожесточенная борьба. Войска наши покрыли въ ней себя неувядаемою славою. Всѣ штурмы, предпринятые непріятелемъ въ превосходномъ числѣ и съ неслыханною яростью, были отражены; потери французовъ вдвое превосходили наши потери, непріятелю удалось только зажечь своими снарядами городъ. Вечеромъ втораго дня Барклай порѣшилъ оставить развалины Смоленска. „Наша цѣль,—писалъ онъ императору,—при защитѣ Смоленска заключалась въ томъ, чтобы занять здѣсь непріятеля, помѣшать его намѣренію достигнуть Ельни и Дорогобужа и дать тѣмъ князю Багратіону возможность достигнуть безпрепятственно Дорогобужа. Удерживать Смоленскъ долѣе (по достиженіи этой цѣли) не представляло ни малѣйшей выгоды, наоборотъ, могло повести къ совершенно безполезной потерѣ еще нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ солдатъ" [1]). Едва только началъ выполнять Барклай свой планъ, едва только отданъ былъ приказъ войскамъ, защищавшимъ городъ, отходить въ Петербургское предмѣстье, какъ въ средѣ высшаго офицерства поднялась настоящая буря. Удачная защита города въ теченіи двухъ дней принимаема была всѣми не только за почетное въ высшей степени для русскаго оружія дѣло, но за блестящую побѣду. И вдругъ это новое отступленіе, этотъ новый, повидимому, ничѣмъ не вызванный. ничѣмъ не оправдываемый шагъ назадъ! Уже около 11 часовъ утра Барклай получилъ письмо отъ Багратіона. Князь требовалъ въ немъ продолжать защиту Смоленска и перейти къ нападенію. Пусть непріятель, доказывалъ онъ, истощитъ сначала свои силы въ напрасныхъ штурмахъ, тогда настанетъ время перейти черезъ рѣку и нанести ему рѣшительный ударъ [2]). Содержаніе письма не осталось тайною. Мно-

---

[1]) См. Бернгарди, т. I, стр. 367.

[2]) См. Бернгарди, т. I, стр. 368.

гіе ожидали отъ него рѣшительнаго дѣйствія, но они видно плохо знали характеръ Барклая. Тотчасъ-же по полученіи письма, главнокомандующій приказалъ выйти изъ города послѣднимъ войскамъ и зажечь мостъ. Тогда-то негодованіе въ средѣ высшаго генералитета едва не повело къ открытому бунту въ арміи. Вожакомъ недовольныхъ выступилъ никто иной, какъ Великій князь Константинъ. Въ то время какъ генералы и штабные офицеры не давали ни минуты покоя Барклаю своими настоятельными предложеніями и совѣтами, въ то время какъ одни изъ нихъ предлагали главнокомандующему продолжать во чтобы-то ни стало защиту Смоленска, а другіе требовали воспользоваться самоувѣреннымъ, побѣдоноснымъ настроеніемъ войска, перейти немедленно-же черезъ Днѣпръ и ударить на утомленнаго непріятеля. Великій князь ѣздилъ между рядами войскъ и не стѣсняясь во всеуслышаніе давалъ волю своему гнѣву. Подъѣхавъ къ батареѣ генерала Жиркевича, около которой столпилась кучка смольянъ, потерявшихъ все свое имущество во время боя и пожара, онъ обратился къ нимъ съ такими словами: „что дѣлать друзья! Мы не виноваты, не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, хоть намъ и больно, должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце надрывается“ [1]).

Старый интриганъ Бенингсенъ вообразилъ, что теперь настало, наконецъ, его время. Вмѣстѣ съ Великимъ княземъ и нѣсколькими генералами онъ отправился къ Барклаю. Ихъ цѣль была потребовать отъ главнокомандующаго немедленной-же отмѣны только что отданныхъ приказовъ. Само собою понятно, что ни Бенингсенъ, ни его товарищи не рѣшились-бы на поступокъ, очень близкій къ бунту, если-бы во главѣ ихъ не стоялъ братъ государя. Безъ сомнѣнія, всѣ ихъ разсчеты основывались на полнѣйшемъ незнаніи характера Барклая. Скромность, сдержанность и молчаливость Барклая казались имъ симптомами слабости. Теперь имъ при-

---

[1]) См. Записки Жиркевича. „Русская Старина“ 1874 года, стр. 651.

шлось горько разочароваться. Подробности бурной сцены, произошедшей между главнокомандующимъ и его подчиненными, переданы были извѣстному историку Бернгарди, но онъ не рѣшился занести ихъ въ свою книгу, выдать ихъ за настоящую и подлинную исторію. „Подобныя дѣла, замѣчаетъ онъ, могли быть извѣстны первоначально лишь въ тѣсномъ кружкѣ непосредственныхъ участниковъ. Затѣмъ повторяется то, что случается всегда съ разсказами много лѣтъ спустя о подобныхъ возбужденныхъ минутахъ. Частности подобныхъ разсказовъ никогда не совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстно положительно и достовѣрно объ общемъ положеніи дѣлъ“ [1]). Какъ-бы то ни было, но Барклай вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Съ твердостью и достоинствомъ съумѣлъ онъ отстоять свое положеніе и напомнить присутствующимъ объ ихъ подчиненной роли. Въ заключеніе главнокомандующій обратился къ Великому князю. „Я долженъ препроводить, — сказалъ онъ, — государю императору бумаги столь великой важности, что могу довѣрить ихъ только августѣйшему его брату. Черезъ нѣсколько часовъ я буду имѣть честь вручить ихъ Вашему Императорскому Высочеству“ [2]).

Великій князь долженъ былъ подчиниться приказу главнокомандующаго, но легко себѣ представить, въ какомъ настроеніи, съ какими чувствами къ Барклаю покидалъ онъ армію. Тотчасъ-же послѣ его отъѣзда не только въ главной квартирѣ, но и во всей арміи распространился слухъ, что Великій князь ѣдетъ въ Петербургъ съ цѣлью открыть глаза императору, показать ему всю неспособность Барклая и добиться назначе-

---

[1]) Berngardi, t. I, стр. 369.

[2]) Въ запискахъ Граббе встрѣчается слѣдующее извѣстіе: „разрывъ между Великимъ княземъ и Барклаемъ произошелъ при осмотрѣ позиціи при Дорогобужѣ и послѣ этого роль цесаревича стала затруднительна. Онъ слѣдовалъ общему увлеченію противъ Барклая де-Толли, это было уже слишкомъ много для послѣдняго. Хладнокровный, безпристрастный, онъ рѣшился, однако, выслать цесаревича изъ арміи. Это было въ Дорогобужѣ“. См. „Русская старина“ 1877 сент., стр. 81. Но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что осмотръ Дорогобужской позиціи не повелъ ни къ какимъ бурнымъ сценамъ, и что Великаго князя не было уже въ это время въ арміи.

нія другаго главнокомандующаго. Вскорѣ послѣ Великаго князя счелъ за лучшее выѣхать изъ арміи и генералъ Бенингсенъ. Всѣ его попытки пріобрѣсти въ главной квартирѣ преобладающее значеніе, играть тамъ первую роль не удались; въ Петербургѣ открывалось болѣе широкое, болѣе успѣшное поприще для его интригъ. Назначеніе новаго главнокомандующаго становилось вѣроятнымъ съ каждымъ днемъ; такой важный актъ не могъ совершиться, разумѣется, безъ прямаго и дѣятельнаго участія героя, печальной памяти, Фридланда.

Съ своей стороны Барклай пытался впослѣдствіи оправдать передъ государемъ свой образъ дѣйствій подъ стѣнами Смоленска. Неудивительно, что чувство оскорбленнаго достоинства говоритъ въ каждой строкѣ его записки, но это чувство ни мало не уменьшаетъ вѣскости и доказательности его доводовъ. „По поводу оставленія Смоленска,—говоритъ онъ, между прочимъ,—распространяли невыгодные слухи и записки именно тѣ лица, которыя находились тогда вдали отъ Смоленска и не принимали никакого участія въ защитѣ полуразрушенныхъ стѣнъ этого города. Быть можетъ, именно поэтому считали они себя въ правѣ порицать меня съ такимъ нахальствомъ. Чтобы показать всю основательность этихъ порицаній, единственный источникъ которыхъ заключается, безъ сомнѣнія, въ привычкѣ отвергать все, что не исходитъ отъ самыхъ мудрыхъ людей, укажу лишь на слѣдующее. 2-го августа я предписалъ обѣимъ арміямъ расположиться на позиціи у Волоковой, единственной во всей окрестности, на которой можно ожидать съ увѣренностью нападенія непріятеля. Это предписанное мною движеніе вызвало всеобщее порицаніе. Утверждали, что я подвергаю опасности всю армію, противопоставляя ее соединенной силѣ непріятеля. Наоборотъ потомъ, когда первая армія отдѣлена была отъ второй, отъ меня требовали, чтобы я сталъ съ 75,000 человѣкъ противъ 150,000. 5 августа, ожесточенныя нападенія непріятеля отбиты были, правда, нашими храбрыми войсками, но этотъ день стоилъ арміи 4000 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ два генерала. Если-бы я намѣревался удерживать городъ еще

далѣе, тогда войска, сражавшіяся въ Смоленскѣ въ теченіи 24 часовъ, должны-бы были быть смѣнены остальною арміею, т. е. отборною частію ея, которую я щадилъ и берегъ до сихъ поръ для генеральнаго сраженія. Пришлось-бы въ такомъ случаѣ подвергнуть эти войска потерѣ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и притомъ при условіяхъ болѣе невыгодныхъ, нежели 5 августа, такъ какъ непріятель занималъ уже высоты, съ которыхъ онъ могъ обстрѣливать мостъ черезъ Днѣпръ и прекратить даже сообщеніе арміи съ городомъ. Но предположимъ, что я удержалъ-бы городъ, тогда непріятелю стоило лишь переправить часть своей арміи черезъ Днѣпръ ниже Смоленска, зайти въ мой правый флангъ и принудить меня выйти изъ города. Тогда-бы этотъ послѣдній попалъ въ руки непріятеля, а я-бы потерялъ безъ всякой пользы отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ и принужденъ-бы былъ или принять противъ моей воли сраженіе съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, или предпринять въ виду его отступленіе. Вторая армія легко-бы могла отвлечь непріятеля, если-бы она съ своей стороны переправилась черезъ Днѣпръ выше Смоленска; но невозможно было разсчитывать на подобныя согласующія движенія тамъ, гдѣ двѣ арміи должны были дѣйствовать сообща подъ начальствомъ двухъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга главнокомандующихъ. Событія 7 августа доказали это до очевидности. Многіе возвѣщали громогласно, что если-бы обѣ арміи оставались подъ Смоленскомъ и атаковали непріятеля, то война вѣроятно приняла-бы разомъ совершенно иной оборотъ. Но я отказываюсь понимать, что случилось-бы съ арміею, въ случаѣ неудачи, съ крутымъ берегомъ Днѣпра и съ пылающимъ городомъ въ тылу. Всѣ эти господа, которые такъ любятъ порицать и доказывать, какъ слѣдовало-бы поступать, очутились-бы въ крайне тяжеломъ положеніи и навѣрное потеряли-бы всякое присутствіе духа, если-бы имъ пришлось занимать мѣсто главнокомандующаго и нести на своей отвѣтственности не только защиту одного города, но цѣлой имперіи. Нѣтъ ничего легче, какъ измышлять распоряженія, не имѣя въ виду ни общей цѣлесообразности, ни будущности и въ особенно-

[redacted]

сти сознавая, что мы не обязаны выполнять эти распоряженія и нести отвѣтственность за нихъ“ [1]).

Такъ оправдывался Барклай. Что-же могли противоставить этимъ оправданіямъ его враги? Ничего, кромѣ голословныхъ утвержденій и площадной брани. Отъ подобной брани не удержался и Багратіонъ, на ряду съ Барклаемъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ героевъ отечественной войны. „Я думаю,—писалъ онъ Аракчееву,—что министръ уже рапортовалъ объ оставленіи Смоленска. Больно и грустно и вся армія въ отчаяніи, что самое важное мѣсто бросили по напрасну. Я съ моей стороны просилъ лично его убѣдительнѣйшимъ образомъ, наконецъ и писалъ, но ни на что его не согласилъ. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ-бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я удержалъ съ 15 тысячами болѣе 35 часовъ и билъ ихъ; но онъ не хотѣлъ остаться и 14 часовъ. Это стыдно и пятно арміи нашей; а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика, неправда; можетъ быть около 4000, не болѣе; но и того нѣтъ. Хотя-бы и десять, какъ быть,—война! Но за то непріятель потерялъ бездну“ [2]).

Ожесточаясь все болѣе и болѣе, Багратіонъ произноситъ такой судъ надъ Барклаемъ: „вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству; но генералъ не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества“. Багратіонъ протестуетъ противъ всякаго мира съ непріятелемъ; онъ требуетъ, чтобы государь вооружилъ поголовно весь народъ, ибо министръ, замѣчаетъ онъ, мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Онъ отваживается даже заподозрить Барклая въ измѣнѣ. „Большое подозрѣніе, говоритъ онъ, подаетъ всей арміи господинъ флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ совѣтуетъ все министру“. Князь жалѣетъ государя,

---

[1]) Записка Барклая у Бернгарди, т. I. стр. 370—372.

[2]) См. Богдановичъ, т. II, приложеніе, стр. 503—505.

оплакиваетъ его ослѣпленіе, отказывается понимать, какъ могъ онъ „вручить судьбу отечества сволочамъ и вселить тѣмъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе“ [1]).

Письмо Багратіона писано 7-го августа въ тотъ самый день, когда Барклай еще разъ покрылъ себя неувядаемою славою и спасъ армію отъ страшной катастрофы. Отступленіе отъ Смоленска сопряжено было съ величайшими опасностями. Этимъ опасностямъ не подвергалась ни мало вторая армія, она отошла отъ города ранѣе первой, не понеся никакихъ потерь отъ непріятеля. Отдѣльныя колонны первой арміи заблудились въ лѣсахъ и къ вечеру 6-го августа очутились вновь въ виду непріятеля у Смоленска. Потребовалось все хладнокровіе, вся распорядительность Барклая, чтобы внести порядокъ въ возникавшій хаосъ и отвести благополучно войска изъ самой пасти превосходнаго въ числѣ непріятеля. Сраженіе при Валутиной горѣ, веденное съ такимъ искусствомъ, прикрывшее такъ удачно армію отъ наступавшаго непріятеля, относится также исключительно къ заслугамъ Барклая, какъ и спасеніе арміи подъ Витебскомъ и Смоленскомъ.

Ближайшая цѣль, которую всегда только и имѣлъ въ виду главнокомандующій, была достигнута; къ чему-же обращаются теперь всѣ его дальнѣйшія стремленія и помыслы? Помышляетъ-ли онъ о новомъ отступленіи, о завлеченіи Наполеона еще далѣе въ глубь Россіи? Нѣтъ, онъ также далекъ отъ этой мысли, какъ и въ первое время своей команды.... Если онъ и отступалъ до сихъ поръ, то единственно въ силу необходимости, подъ давленіемъ текущихъ обстоятельствъ, безъ всякой предвзятой мысли, съ тяжелой болью въ сердцѣ. Уже неоднократно пытался онъ противостать непріятелю; но сознаніе, что на сторонѣ противника находится и превосходство силъ и всѣ остальные шансы побѣды,—сознаніе, что вмѣстѣ съ этою арміею, ввѣренною его руководству, должна

---

[1]) Въ письмѣ встрѣчаются еще слѣдующія фразы: „чего трусить, кого бояться? Я не виноватъ, что министръ трусъ, нерѣшимъ, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаетъ его на смерть..... Всѣ отъ досады и грусти съ ума сходятъ“.

такъ страстно сраженія, который возставалъ такъ горячо противъ нерѣшительности и трусости Барклая. Осмотрѣвъ позицію, Багратіонъ объявилъ Барклаю, что онъ ни за что не согласенъ драться въ этой мѣстности. Эта позиція, доказывалъ онъ, никуда не годна, возвышеніе по ту сторону Днѣпра господствуетъ надъ ея правымъ крыломъ; къ тому же непріятель можетъ обойти насъ слѣва и сбросить нашу армію въ Днѣпръ. Полковникъ Толь, присутствовавшій при объясненіи между главнокомандующими, не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Онъ пытался возражать Багратіону, доказать ему всю неосновательность его соображеній, но князь вышелъ изъ себя и заставилъ его замолчать рѣзкими словами: „господинъ полковникъ! ваше поведеніе заслуживаетъ разжалованья въ рядовые!“ Вслѣдъ затѣмъ Багратіонъ началъ говорить, что подъ Дорогобужемъ можно найти несравненно лучшую позицію. Барклай молчалъ. Онъ сознавалъ очень хорошо, что онъ не имѣетъ никакой возможности принудить Багратіона принять участіе въ сраженіи. Не оставалось другаго исхода, какъ отступить дальше къ Дорогобужу [1]).

Спрашивается: чѣмъ объяснить такое на первый разъ непонятное поведеніе Багратіона? Большинство историковъ отечественной войны не даетъ намъ на этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Бернгарди въ своихъ „Достопамятностяхъ Толя“ объясняетъ весь этотъ эпизодъ крайне неблагопріятнымъ для характера Багратіона образомъ. Извѣстно, напоминаетъ онъ, что интрига противъ Барклая была въ это время въ полномъ ходу какъ въ главной квартирѣ, такъ и въ Петербургѣ. Багратіонъ могъ знать, что враги Барклая, столь ненавистнаго и ему, уже близки къ цѣли, что въ Петербургѣ учрежденъ уже комитетъ для изслѣдова-

---

[1]) Въ офиціальной исторіи Богдановича нѣтъ ни малѣйшаго намека на эту бурную сцену. У него все происходитъ спокойно и прилично. Багратіонъ выражаетъ только опасеніе за свой лѣвый флангъ, подверженный обходу, и Барклай, принимая во вниманіе это обстоятельство и извѣстіе о движеніяхъ вице-короля отъ Духовщины къ Дорогобужу, рѣшаетъ отступленіе. Подробности находимъ у Бернгарди (т. I, стр. 401—402), который взялъ ихъ изъ источника самаго достовѣрнаго,—записокъ Толя.

нія того [illegible] для операцій дѣйствующихъ ар-мій. [illegible] въ томъ направленіи [illegible] противъ Барклая, такъ какъ [illegible] изъ са-мыхъ [illegible] обвиненій [illegible]. Въ какихъ-же [illegible] были [illegible] обвиненія въ томъ случаѣ, если-бы Барклай далъ генеральное сраженіе непріятелю по сво-ему собственному почину и въ мѣстности, избранной имъ самимъ, и если-бы въ концѣ концовъ сраженіе это окончи-лось удачно. Необходимо было, слѣдовательно, во чтобы-то ни стало разстроить намѣреніе Барклая [1].

Не наше дѣло рѣшать, насколько основательна догадка Бернгарди, мы не располагаемъ для этого даже достаточ-нымъ матеріаломъ; но мы имѣемъ право утверждать, что и въ данномъ случаѣ Провидѣніе взяло подъ свою защиту дѣло Россіи. Не чудно-ли въ самомъ дѣлѣ, что не только ошибки нашихъ вождей, но и ихъ вражда и интриги вели къ одной и той-же спасительной цѣли, устраняли все далѣе и далѣе кровавое рѣшеніе и тѣмъ самымъ приводили все въ большее и большее соотвѣтствіе наши силы съ силами противника.

Любопытно, какъ отнесся Барклай къ поступку своего то-варища. Воспользовался-ли онъ столь удобнымъ случаемъ, чтобы очернить его въ глазахъ государя, указалъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, на то чрезвычайно важное для него лич-но обстоятельство, что единственнымъ виновникомъ несосто-явшагося сраженія былъ на этотъ разъ Багратіонъ? Нѣтъ, благородство характера Барклая обнаружилось на этотъ разъ самымъ блестящимъ образомъ. Въ своемъ донесеніи государю онъ не намекнулъ ни однимъ словомъ на дѣйствительную при-чину оставленія позиціи на Ужѣ, не позволилъ себѣ ника-кой жалобы на Багратіона. „Первая армія, писалъ онъ го-сударю, понесла весьма значительныя потери въ послѣднихъ сраженіяхъ. На этомъ основаніи и принимая во вниманіе, что въ случаѣ неблагополучнаго исхода, армія не будетъ имѣть за собою никакихъ подкрѣпленій, я нахожу себя вы-нужденнымъ испросить разрѣшенія Вашего Величества на

1) Bernhardi, T. I, стр. 402.

сформированіе резервнаго корпуса, который могъ-бы служить мнѣ подкрѣпленіемъ и къ которому я могъ-бы отступить по московской дорогѣ. Я писалъ уже въ этомъ смыслѣ Милорадовичу, пока-же я буду стараться вмѣстѣ съ княземъ Багратіономъ уклоняться отъ генеральнаго сраженія, дабы избѣгнуть случайностей, сопряженныхъ со всякимъ рискованнымъ предпріятіемъ. Впрочемъ, положеніе наше таково, что я сомнѣваюсь, удастся-ли мнѣ это; но я надѣюсь на Бога, на правоту нашего дѣла и на храбрость нашихъ воиновъ" [1]).

Итакъ Барклай, самъ не сознавая того, продолжалъ работать въ пользу своихъ враговъ. Онъ принималъ на себя вновь всю вину отступленія, хотя на этотъ разъ вина была вовсе не на его сторонѣ и онъ поступалъ такъ въ ту самую минуту, когда противники его были уже близки къ полной побѣдѣ въ Петербургѣ, когда паденіе его было уже дѣло рѣшенное. Какимъ-же образомъ произошло это паденіе, что побудило императора Александра смѣнить назначеннаго имъ самимъ главнокомандующаго и поставить на его мѣсто другое лицо, крайне непріятное ему лично,—вотъ вопросъ, на который думаемъ мы обратить теперь вниманіе нашихъ читателей.

---

1) Это письмо Барклая напечатано еще у Данилевскаго. См. также Бернгарди. Т. I, стр. 403.

ГЛАВА VII.

Александръ и Великая княгиня Екатерина Павловна.—Драконъ и ракъ.—Настроеніе Петербургскаго общества. – Салонные стратеги и критики. — Выборъ новаго главнокомандующаго.—Кутузовъ и его прежнія отношенія къ Александру.—Докладъ комитета и Кутузовъ въ кабинетѣ государя.—Характеръ новаго главнокомандующаго.—Позиція подъ Дорогобужемъ и отзывъ Клаузевица.—Армія подъ Царевымъ-Займищемъ и пріѣздъ Кутузова. — Дальнѣйшее отступленіе.—Высокое самоотверженіе Барклая.—Бенингсенъ боится лѣса. — Сраженіе при Бородинѣ и его результаты.—Донесеніе Кутузова.—Москва на канунѣ гибели.—Роковая вѣсть.

Мы оставили императора Александра въ тотъ моментъ, когда онъ покидалъ Москву, преисполненный сознаніемъ своего высокаго значенія, какъ самодержца Россіи, ободренный, поднятый въ духѣ горячею любовью, беззавѣтною преданностью своего народа. Москва сдѣлала свое дѣло. Въ тяжелую годину испытаній она подала всему народу русскому безсмертный примѣръ патріотическаго движенія, и что самое важное, она влила геройское мужество въ душу вѣнценоснаго вождя Россіи, внушила ему неизмѣнную рѣшимость скорѣе погибнуть, нежели преклониться предъ надменнымъ завоевателемъ и запятнать честь Россіи позорными уступками. Императоръ спѣшилъ прежде всего въ Тверь, онъ спѣшилъ подѣлиться своими московскими впечатлѣніями съ своею любимою сестрою, герцогинею Ольденбургскою, Екатериною Павловною. Эта умная, образованная, горячо любившая Россію и страстно ненавидѣвшая Наполеона, женщина была въ эти тяжелые дни лучшею собесѣдницею для императора. Если

кто-либо, то именно она способна была поддержать въ немъ настроеніе, вызванное московскимъ движеніемъ, укрѣпить его рѣшимость, вселить въ его душу твердую вѣру въ непобѣдимую силу народа, въ несомнѣнный успѣхъ праваго дѣла. Она первая возымѣла мысль о вооруженіи народа русскаго, о составленіи народнаго ополченія. Она-же указала на то громадное значеніе, которое имѣло въ глазахъ всего народа русскаго Москва, на ту первенствующую роль, которую играло тогда въ Россіи дворянство, сильное не только своимъ богатствомъ и образованіемъ, но и тѣмъ почтеніемъ, тѣмъ довѣріемъ, съ которыми относились къ нему другія сословія. Стоитъ только, утверждала она, указать дворянству на опасность, въ какой находится отечество и на народное значеніе этой войны, и оно подымется, какъ одинъ человѣкъ. Удобнѣе всего сдѣлать это въ Москвѣ: въ Москвѣ проживаютъ дворяне всѣхъ губерній; энтузіазмъ, который охватитъ ихъ, немедленно-же распространится на всю Россію. Не дожидаясь чьего-либо почина, предупреждая самого государя, герцогиня проситъ императора дозволить ей образовать изъ ея удѣльныхъ имѣній особый баталіонъ и содержать его на свой счетъ въ продолженіи войны. А какъ возликовала она при вѣсти, что императоръ вполнѣ одобряетъ ея мысль, что онъ самъ намѣренъ созвать всеобщее ополченіе! „Великая мысль приводится въ исполненіе,—писала она въ восторгѣ,—на перекоръ графу Растопчину. Я рада, что благое дѣло совершится чрезъ кого-бы то ни было; вы поймете меня; спѣшу сообщить это извѣстіе, полученное мною вчера“ [1]).

Императоръ провелъ два дня въ обществѣ своей сестры. Штейнъ, сопровождавшій тогда государя, говоритъ съ восторгомъ о той очаровательной, исключительно свойственной ей любезности, которою отличалась герцогиня. Высокая ростомъ, прекрасно сложенная съ пріятными чертами лица, она

---

[1]) См. два письма Великой княгини Екатерины Павловны къ князю А. Н. Оболенскому (состоявшему при ея дворѣ въ Твери). Французскіе подлинники обоихъ писемъ напечатаны въ сочиненіи А. Языкова: „Баталіонъ Е. И. В. Великой княгини Екатерины Павловны“. С.-Петербургъ. 1868 г., стр. 43—45, 52—54.

производила сильнѣйшее впечатлѣніе и своею внѣшностью, и своимъ развитымъ умомъ, живымъ, интереснымъ разговоромъ, высокимъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ своей чистой, женственной души. Ея бракъ съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ былъ чрезвычайно счастливъ. Принцъ былъ назначенъ тверскимъ и ярославскимъ генералъ-губернаторомъ. Какъ онъ, такъ и въ особенности его супруга, съумѣли внушить къ себѣ самое безусловное довѣріе и горячую любовь мѣстнаго населенія. Дворянство просто боготворило принцессу. Утверждаютъ, что въ тѣ страшные дни, когда Наполеонъ неудержимо стремился во внутрь Россіи и гналъ передъ собою нашу армію, тверскіе и ярославскіе дворяне умоляли принцессу стать во главѣ ихъ ополченій и вести ихъ на спасеніе отечества. Разсказываютъ далѣе, что принцесса отклонила предложеніе дворянства, но что этотъ случай сдѣлался извѣстнымъ государю и поколебалъ до нѣкоторой степени его прежнее безусловное довѣріе къ сестрѣ [1]). Всѣ эти слухи дошли до Штейна еще до прибытія въ Тверь, но онъ не замѣтилъ, чтобы случившееся повліяло чѣмъ-либо на настроеніе сестры императора. Она приняла знаменитаго изгнанника и злѣйшаго врага Наполеона не только съ обычною, очаровательною любезностью, но и съ уваженіемъ, какъ человѣка, пострадавшаго за свои убѣжденія, съ энтузіазмомъ, какъ своего единомышленника. Изъ бесѣдъ съ принцессою Штейнъ вынесъ убѣжденіе, что она принимаетъ самое горячее и рѣшительное участіе въ текущихъ политическихъ событіяхъ, что по своему образу мыслей она вполнѣ солидарна съ своимъ супругомъ и съ нимъ, Штейномъ, и что ея вліяніе на императора и на Великаго князя Константина по прежнему чрезвычайно велико [2]).

Легко себѣ представить, какимъ ободряющимъ, возбуждающимъ способомъ должно было подѣйствовать общество такой женщины на натуру, подобную императору Александру

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, Т. 3, стр. 107—108.

[2]) Штейнъ пользовался благосклоннымъ расположеніемъ принцессы впослѣдствіи, когда она вступила на Виртембергскій престолъ. (Первый мужъ ея скончался въ томъ-же 1812 г.).

и притомъ въ такой всемірно-историческій моментъ приближающагося кризиса въ великой борьбѣ съ нашествіемъ. Государь выѣхалъ изъ Твери съ душою полною энтузіазма и увѣренности въ успѣхъ своего дѣла, но въ тоже время безпокойный, взволнованный тревожными вѣстями, то и дѣло приходившими изъ арміи. Всегдашній любитель скорой ѣзды, онъ ѣхалъ теперь съ такою быстротою, что всѣ его спутники скоро отстали отъ него. Отсталъ въ числѣ другихъ и старый государственный секретарь Шишковъ. Погруженный, подобно государю, въ глубокія размышленія о возможномъ исходѣ этой страшной войны, онъ приказалъ своему ямщику ѣхать тише и отдался всецѣло своимъ думамъ. Очевидно, онъ былъ озабоченъ и взволнованъ не менѣе самого государя. Его воспламененное воображеніе усматривало повсюду чудесныя знаменія грядущихъ событій и онъ старался уяснить себѣ сокровенный смыслъ этихъ знаменій. „На пути видѣлъ я,—разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ,—удивившее меня явленіе: день былъ ясенъ, на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака съ головою, хвостомъ, протянутыми лапами и разверстыми клешнями; другое такъ было похоже на дракона, какъ бы на бумагѣ было нарисовано. Увидя ихъ, я удивился сему ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Они сближались одно съ другимъ, и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться и облако потеряло свой прежній видъ. Казалось, ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде, какъ минутъ черезъ пять и самъ разрушился“. Шишковъ рѣшилъ, не колеблясь ни минуты, что видѣнное имъ явленіе имѣетъ прямое отношеніе къ текущей войнѣ. „Сидя въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ и кто драконъ? Напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что ракъ означалъ Россію, поелику оба сіи слова (ракъ и Россія) начинаются съ буквы *р*, и эта мысль утѣшала меня всю дорогу“ [1]). Какъ ни забавны сами по себѣ эти разсужденія

---

[1]) Шишкова. Т. I, стр. 152.

государственнаго секретаря, но и они показываютъ, какъ сильно вліяли небывалыя грозныя событія даже на натуры чисто прозаическія. Бѣды, обрушившіяся на отечество, непроглядная темнота будущаго невольно заставляли людей обращать глаза къ небу, искать отвѣта на страшные вопросы, занимавшіе ихъ въ чудесныхъ знаменіяхъ, въ сверхъестественныхъ указаніяхъ свыше. Умъ и воображеніе настроены были такъ болѣзненно, напряжены такъ страшно, что охотно усматривали сверхъестественное и знаменательное въ самомъ обычномъ и повседневномъ. Почва для суевѣрія была подготовлена, но подготовлены были и условія для мистическаго поднятія духа, для проявленія религіознаго энтузіазма. Темныя массы, съ возбужденнымъ воображеніемъ, но безъ сознательныхъ воззрѣній всецѣло отдавались обаянію суевѣрныхъ призраковъ; напротивъ, умы болѣе возвышенные и просвѣтленные духовнымъ вѣдѣніемъ, искали утѣшенія въ глубинѣ религіознаго созерцанія, въ беззавѣтномъ и всецѣломъ преклоненіи своего эгоистическаго *я* предъ неисповѣдимою волею божественнаго Промысла.

Совершенно новыя впечатлѣнія ожидали императора во второй его столицѣ, куда онъ прибылъ 22-го іюля. Тутъ не было и намека на то восторженное настроеніе массъ, которое впервые окружило императора въ Смоленскѣ, которое охватило его всецѣло въ Москвѣ, вѣянія котораго чувствовались имъ и на пути черезъ чисто русскія губерніи. Населеніе Петербурга, по замѣчанію Штейна [1]), состояло изъ придворныхъ, чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ. Это была пестрая смѣсь русскихъ и иностранцевъ,—смѣсь не способная по самой своей натурѣ къ высокому патріотическому одушевленію, проникнутому идеями національности и религіи. Тщеславіе, честолюбіе чисто мелочное, страсть къ наживѣ, отсутствіе духа народнаго и духа религіозности, казались Штейну выдающимися чертами петербуржцевъ. Въ петербургскихъ сферахъ, особенно высшихъ, господствовало, годъ тому назадъ, крайне воинственное настроеніе,—настро-

---

[1]) Перцъ, Stein's Leben. T. 3, стр. 108—109.

еніе, не отличавшееся, впрочемъ, ни особенною глубиною, ни искренностью,—настроеніе, подобное тому, которое распространено было въ 1805 году и которое такъ мастерски очерчено гр. Л. Толстымъ въ его романѣ „Война и Миръ". Какъ тогда, такъ и теперь петербуржцы были убѣждены, что война будетъ происходить очень далеко отъ нихъ за границами имперіи, и на этомъ основаніи давали полную волю своему дешевому патріотизму и своей ненависти къ виновнику континентальной системы и застоя во всѣхъ торговыхъ операціяхъ. Дѣла приняли, однако-же, на этотъ разъ совершенно неожиданный оборотъ. Правительство не рѣшилось перенести войну за предѣлы Россіи, не рѣшилось воспользоваться тѣми выгодами и политическими комбинаціями, на которыя указывали ему такъ самоувѣренно петербургскіе салонные стратеги. Непріятель вступилъ въ предѣлы имперіи, опасность становилась съ каждымъ днемъ очевиднѣе и надвигалась все ближе и ближе. Необходимость пожертвованій всякаго рода, неизбѣжность колоссальныхъ личныхъ потерь, быть можетъ, даже всего состоянія, война вблизи со всѣми своими бѣдствіями и ужасами, предстали вдругъ во всей своей наготѣ передъ очами, поглощеннаго до тѣхъ поръ всецѣло собственными мелочными интересами, столичнаго люда. Воинственный пылъ улетучился мгновенно; придворные, чиновники, негоціанты начали вдругъ смотрѣть на войну, какъ на великое зло, какъ на бѣдствіе. По мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ непріятеля, настроеніе общества становилось все хуже и угнетеннѣе. Озабоченные прежде всего интересомъ самосохраненія, петербуржцы со страхомъ слѣдили за каждымъ шагомъ непріятеля, разсчитывая тотъ день и часъ, когда онъ постучится въ ворота ихъ столицы. Постоянное отступленіе нашихъ армій выводило ихъ изъ себя. Они давали полную волю своимъ языкамъ. Духъ порицанія, критики распространился во всѣхъ салонахъ и конторахъ. Гостинные стратеги съ жаромъ излагали свои глубокомысленныя комбинаціи, не находили словъ для осужденія каждаго шага нашихъ главнокомандующихъ. Неблагопріятные слухи, приходившіе каждый день изъ арміи, письма изъ главной квартиры, про-

никнутыя клеветою и ложью, давали самую обильную пищу злословію. Главнымъ виновникомъ отступленій и всѣхъ бѣдствій объявленъ былъ какъ въ арміи, такъ и въ Петербургѣ, несчастный военный министръ. Яростныя обвиненія, взводимыя на главнокомандующаго первою арміею такими авторитетными лицами, какъ Багратіонъ, Ермоловъ, Сенъ-При [1], не говоря уже о массѣ лицъ второстепенныхъ, не оставались, разумѣется, тайною, дѣлались достояніемъ свѣтской и придворной болтовни.

Въ началѣ кампаніи салонные стратеги потѣшались особенно прилежно надъ Фулемъ; теперь несчастный теоретикъ былъ забытъ всѣми. Вопили противъ Барклая де-Толли, въ тѣсномъ кружку винили во всемъ государя; въ его слабости, нерѣшительности и непонятномъ пристрастіи къ лицамъ, осужденнымъ давно уже общественнымъ мнѣніемъ, усматривали причины всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій. Маркизъ Паулуччи, такъ ядовито смѣявшійся надъ несчастнымъ Фулемъ въ Дрисскомъ лагерѣ, человѣкъ, умѣвшій критиковать все и вся, былъ встрѣченъ петербургскимъ обществомъ съ большимъ, совершенно незаслуженнымъ почетомъ [2]. Самому императору оказанъ былъ, наоборотъ, пріемъ холодный, представлявшій самый рѣзкій контрастъ восторженному энтузіазму москвичей. Воспріимчивый, чувствительный до болѣзненности Александръ былъ крайне оскорбленъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, этою дѣйствительно ничѣмъ незаслуженною и невызванною холодностью населенія своей резиденціи. Уже въ первые дни своего пребыванія въ Петербургѣ императоръ пришелъ къ печальному убѣжденію, что населеніе его столицы склонно скорѣе заниматься легкою и безопасною игрою въ оппозицію, нежели жертвовать, подобно другимъ русскимъ, своимъ достояніемъ и кровью для спасенія отечества. И въ самомъ дѣлѣ, петербуржцы, кричавшіе такъ громко о смѣнѣ главнокомандующаго, порицавшіе

---

[1]) Письма этихъ генераловъ явились впослѣдствіи главными обвинительными актами противъ Барклая.

[2]) См. Перцъ, Stein's Leben. T. 3. стр. 109.

всѣ мѣропріятія правительства, оказывались нерѣдко глухими и нѣмыми тамъ, гдѣ дѣло шло о личныхъ пожертвованіяхъ. Правда, и въ Петербургѣ сформировано было земское ополченіе, правда и тутъ сдѣланы были значительныя пожертвованія, но все это не соотвѣтствовало тѣмъ результатамъ, которыхъ достигло патріотическое движеніе въ Москвѣ и внутреннихъ русскихъ губерніяхъ.

Вопросъ о назначеніи новаго главнокомандующаго поставленъ былъ, впрочемъ, передъ императоромъ не однимъ дворомъ или салономъ, не тѣмъ или другимъ вліятельнымъ лицомъ, а силою самыхъ обстоятельствъ и громкимъ голосомъ общественнаго мнѣнія. Положеніе, въ которомъ очутился, не по своей винѣ, главнокомандующій первою арміею, было таково, что могло повлечь, наконецъ, за собою самыя печальныя послѣдствія. Кто-же былъ главнымъ виновникомъ такого трагическаго, во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрнаго положенія Барклая де-Толли? Положа руку на сердце, императоръ долженъ былъ сознаться, что виновникомъ этимъ былъ не кто иной, какъ онъ самъ. Александръ зналъ Барклая лучше кого-либо другаго, онъ одинъ оцѣнилъ вполнѣ его несравненныя достоинства; онъ былъ убѣжденъ съ самаго начала кампаніи, что изъ всѣхъ русскихъ генераловъ одинъ Барклай можетъ противостать съ успѣхомъ Наполеону. Въ силу своего опыта и убѣжденія, императоръ и назначилъ Барклая главнокомандующимъ первою арміею, но личныя качества Александра намъ уже хорошо извѣстны:—эта нерѣшительность, доходящая до робости, лишавшая его возможности воспользоваться своимъ авторитетомъ вполнѣ и взять на себя всю отвѣтственность, это всегдашнее стремленіе оставлять для себя свободу выбора, возможность идти тѣмъ или другимъ путемъ, помѣшали ему и въ этомъ важномъ вопросѣ довести дѣло до конца, принять цѣлостное, окончательное и безповоротное рѣшеніе. Онъ предпочелъ остановиться и въ этомъ случаѣ на полумѣрѣ, на полурѣшеніи. Барклай былъ назначенъ главнокомандующимъ лишь одной первой арміи, но о рѣшительномъ, полномъ подчиненіи его авторитету остальныхъ армій не было и рѣчи. До тѣхъ поръ пока

самъ императоръ находился при арміи, Барклай могъ хотя распоряжаться его именемъ. Когда-же отъѣхалъ государь, онъ попалъ въ положеніе самое недостойное. Онъ принужденъ былъ ухаживать за главнокомандующими второстепенныхъ армій, принужденъ былъ просить и умолять тамъ, гдѣ ему надлежало лишь повелѣвать и требовать безусловнаго повиновенія. Вотъ въ этомъ-то ненормальномъ положеніи, а не въ другихъ второстепенныхъ обстоятельствахъ, заключалась главная причина паденія авторитета Барклая. Указанія на нерусское происхожденіе Барклая, глупые толки о его измѣнѣ, упреки въ неспособности, требованія смѣны,— все это являлось лишь послѣдствіемъ того первоначальнаго, основнаго факта, что избранный самимъ государемъ не былъ облеченъ полнотою власти, лишенъ былъ всякаго дѣйствительнаго авторитета надъ начальниками второстепенныхъ и третьестепенныхъ армій, отданъ на жертву общей критики и глумленію. Какъ-же было выйти изъ этого ненормальнаго, невозможнаго положенія? Представлялось два пути, двѣ возможности. Императоръ могъ облечь Барклая дѣйствительною и полною властью, онъ могъ подчинить ему безусловно всѣхъ остальныхъ главнокомандующихъ, не только Тормасова, Чичагова и Витгенштейна, но и самого Багратіона; онъ могъ смѣстить тѣхъ изъ нихъ, которые были скомпрометированы своимъ образомъ дѣйствій, и прежде всего Багратіона. Такой путь былъ, повидимому, самый прямой и естественный, быть можетъ, онъ былъ-бы даже единственный въ томъ случаѣ, если-бы Александръ былъ человѣкъ твердой воли и непоколебимыхъ убѣжденій; но для Александра, такого, каковъ былъ онъ въ дѣйствительности, подобный путь былъ немыслимъ, а затѣмъ онъ и совсѣмъ закрылся для него съ того момента, когда послѣдовало соединеніе обѣихъ западныхъ армій, когда оставленъ былъ Смоленскъ. Удержать Барклая во главѣ всѣхъ армій, облечь его полнотою власти, когда вся армія была уже проникнута чувствомъ глубокаго недовольства и недовѣрія къ своему вождю, когда подчиненные начальники дошли уже почти до открытаго бунта противъ главнокомандующаго, такая задача оказалась-бы не по силамъ и

болѣе твердому человѣку, нежели императоръ Александръ. Оставался, слѣдовательно, лишь другой путь; необходимо было назначить третье лицо, надо было избрать такого главнокомандующаго, который не принималъ никакого участія въ предыдущихъ операціяхъ, который былъ-бы чуждъ всякихъ интригъ и препирательствъ въ арміи, который пользовался-бы наибольшимъ довѣріемъ народа и войска. Общественное мнѣніе давно уже высказалось въ этомъ смыслѣ; оно указало уже на лицо, удовлетворявшее всѣмъ этимъ требованіямъ, единственно способное положить конецъ всѣмъ интригамъ и пререканіямъ между второстепенными начальниками. Генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ избранъ былъ почти одновременно начальникомъ с.-петербургскаго и московскаго ополченій. На этотъ разъ гласъ народа оказался дѣйствительно гласомъ Божіимъ.

Какъ-же отнесся императоръ Александръ къ требованію обстоятельствъ, къ указанію общественнаго мнѣнія? Личное положеніе императора было самое тяжелое, почти трагическое. Какъ прежде, такъ и теперь, онъ былъ убѣжденъ въ правильности своего выбора, на Барклая онъ продолжалъ возлагать свое наибольшее довѣріе, и что самое важное, Кутузовъ, любимецъ общественнаго мнѣнія, былъ ему непріятенъ во многихъ отношеніяхъ, почти антипатиченъ. Явленіе во всѣхъ отношеніяхъ естественное и вполнѣ понятное. Кутузовъ былъ человѣкъ екатерининскаго вѣка, онъ былъ всецѣло проникнутъ традиціями и воззрѣніями этой эпохи, и уже одного этого было достаточно, чтобы сдѣлать его непріятнымъ для Александра. Александръ былъ человѣкъ новыхъ идей, новыхъ гуманныхъ началъ, онъ чувствовалъ какое-то инстинктивное отвращеніе къ этимъ представителямъ того вѣка, у которыхъ придворныя и дипломатическія качества стояли на первомъ планѣ, которые умѣли скрывать свои истинныя убѣжденія, льстить вкусамъ и мнѣніямъ толпы, потакать ей для виду, искать ея популярности, но въ тоже время, незамѣтно для нея самой, руководить ее твердою и ловкою рукою. Ко всему этому присоединились и другія болѣе случайныя, личныя отношенія. Судьба два раза сближала

Кутузова и императора Александра и каждый разъ обстоятельства слагались такъ, что могли только оттолкнуть императора отъ ловкаго воина-дипломата. Кутузовъ, человѣкъ одаренный замѣчательнымъ умомъ, необычайно ловкій, прозорливый, успѣлъ заявить себя еще въ эпоху Екатерины самымъ блестящимъ образомъ на такихъ поприщахъ, которыя требовали, повидимому, самыхъ разнообразныхъ, почти противоположныхъ качествъ [1]). Онъ показалъ себя неустрашимымъ воиномъ, достойнымъ сподвижникомъ Суворова, ловкимъ дипломатомъ, превосходнымъ педагогомъ. Его геройскіе подвиги подъ Алуштою, подъ стѣнами Измаила, подъ Мачиномъ, безпримѣрныя раны, полученныя имъ въ двухъ сраженіяхъ [2]), обратили на него вниманіе государыни, пріобрѣли ему расположеніе великаго Суворова [3]), сдѣлали его любимцемъ націи. Призванный ко двору, онъ обнаружилъ не только свойства умнаго собесѣдника и ловкаго царедворца, но и показался Екатеринѣ искуснымъ дипломатомъ. Она назначила Кутузова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и результатъ оправдалъ, какъ нельзя болѣе, ея выборъ. Обладая самыми основательными свѣдѣніями по внѣшней политикѣ, отличаясь изумительнымъ тактомъ, тонкимъ и всестороннимъ знаніемъ свѣта и людей, великій мастеръ въ интригѣ всякаго рода, Кутузовъ очаровалъ въ короткое время весь Диванъ своимъ умомъ, любезностью и предупредительностью, пріобрѣлъ дружбу матери султана и верховнаго визиря и перехитрилъ французскихъ дипломатовъ. Назначенный впослѣдствіи генералъ-директоромъ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса, Кутузовъ сразу вошелъ и въ эту

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Кутузовѣ, кромѣ сочиненій общаго содержанія, мы находимъ въ извѣстномъ трудѣ: „Императоръ Александръ и его сподвижники въ 1812, 13, 14 и 15 годахъ". Извлеченіе изъ этого сочиненія, см. у Богдановича, т. II. стр. 493—496.

[2]) Кутузовъ раненъ былъ, въ первый разъ подъ Алуштою, пулею, ударившею его въ лѣвый високъ и вышедшею у праваго глаза. При осадѣ Очакова въ 1788 году онъ былъ раненъ пулею, которая, попавъ ему въ щеку, вышла въ затылокъ. Оба раза онъ былъ спасенъ вопреки всѣмъ ожиданіямъ.

[3]) „При штурмѣ Измаила, говорилъ Суворовъ, Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою".

совершенно новую для него роль. Онъ выступилъ и въ качествѣ преподавателя и воспитателя, онъ проводилъ цѣлые дни въ корпусѣ, преподавалъ самъ тактику и военную исторію, принималъ дѣятельное участіе въ экзаменахъ, и его зоркій взглядъ всегда съумѣлъ подмѣтить характерныя особенности учащихся, выдвинуть наиболѣе способныхъ, поставить на настоящую дорогу такихъ выдающихся людей, какъ Толь [1]).

Въ царствованіе Павла мы вновь встрѣчаемъ Кутузова на дипломатическомъ поприщѣ. Съ успѣхомъ исполняетъ онъ тогда возложенное на него порученіе при Берлинскомъ дворѣ. Какъ почти всѣ екатерининскіе люди, такъ и Кутузовъ удаляется со сцены вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра. Правда, въ самомъ началѣ царствованія Кутузовъ былъ назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ скоромъ времени онъ испрашиваетъ увольненіе отъ службы и проводитъ три года въ деревнѣ, въ кругу своей семьи. Что побудило тогда Кутузова выйти въ отставку? Изнуреніе-ли отъ трудовъ и ранъ, или же нежеланіе уживаться съ новыми людьми и обстоятельствами,— на это мы не можемъ дать положительнаго отвѣта.

Насталъ 1805 годъ и императоръ Александръ вспомнилъ о Кутузовѣ. Онъ назначилъ его главнокомандующимъ надъ арміею, посланною на помощь Австріи. Извѣстна печальная исторія этой кампаніи. Австрійская армія была истреблена прежде, нежели русскіе успѣли явиться на театръ войны. Кутузову пришлось отступать передъ напоромъ непріятеля, превосходнаго въ числѣ, упоеннаго своею побѣдою. Онъ разрѣшилъ эту задачу вполнѣ удовлетворительно. Войска наши не только отходили отъ непріятеля, но и давали ему по временамъ энергическій отпоръ, а при Кремсѣ нанесли даже

---

[1]) Ничто не рисуетъ намъ такъ хорошо Кутузова, какъ человѣка и какъ воспитателя, какъ та сердечная преданность, то глубокое уваженіе, которое сохранилъ къ нему на всю жизнь даровитѣйшій ученикъ его и одинъ изъ блистательнѣйшихъ и честнѣйшихъ нашихъ дѣятелей, Толь. У Бернгарди (воспоминанія Толя), мы находимъ самыя интересныя подробности о дѣятельности Кутузова въ кадетскомъ корпусѣ. См. т. I, стр. 12—16.

рѣшительное пораженіе одной изъ дивизій Наполеоновской арміи. Сраженіе при Аустерлицѣ предпринято было вопреки совѣтамъ Кутузова [1]), тѣмъ не менѣе императоръ Александръ винилъ въ неудачахъ стараго вождя, или выражаясь точнѣе,—личность Кутузова, бывшаго тогда совершенно различнаго съ нимъ мнѣнія и предвидѣвшаго пораженіе, сдѣлалось ему съ этого времени окончательно непріятною [2]). Кутузовъ былъ для него, такъ сказать, живымъ напоминаніемъ позорной катастрофы и онъ систематически избѣгалъ съ этихъ поръ давать ему какія бы то ни было выдающіяся порученія. Война въ Пруссіи, война со шведами и первые годы турецкой войны прошли безъ всякаго участія Кутузова; всѣ эти войны не выдвинули, однакоже, ни одного генерала, который могъ-бы замѣнить вполнѣ стараго вождя Суворовской школы. Рѣшительная борьба съ Наполеономъ приближалась, а война съ Турціею все еще была далека отъ конца. Тогда Александръ превозмогъ свое отвращеніе къ Кутузову и поручилъ ему команду надъ Дунайскою арміею. Кутузовъ принялъ эту команду при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: наша армія уменьшена была на половину, а султанъ, подстрекаемый агентами Наполеона, не хотѣлъ слышать о мирѣ, какихъ бы то ни было уступкахъ въ пользу Россіи. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ успѣлъ нанести рѣшительное пораженіе непріятелю и заставить его вступить въ переговоры. Переговоры эти тянулись, однако-же, крайне мед-

---

[1]) Извѣстно, что и самая диспозиція для Аустерлицкаго сраженія составлена была австрійскимъ генераломъ Вейротеромъ и что самое начальствованіе Кутузова было въ тѣ дни чисто номинальное. См. между прочимъ Bernhardi, т. I, стр. 157.

[2]) „Государь не благоволилъ къ нему, замѣчаетъ Шишковъ, съ этого времени, потому что онъ, предводительствовавшій тогда, въ присутствіи государя, войсками, былъ различнаго съ нимъ мнѣнія о распоряженіи военныхъ движеній и дѣйствій, и какъ дѣйствія сіи были неудачны, то относясь къ одному лицу государя, дѣлали ему непріятнымъ полководца, не раздѣлявшаго съ нимъ толковъ о сихъ неудачныхъ послѣдствіяхъ“. Шишковъ вѣроятно желаетъ сказать, что Кутузовъ былъ непріятенъ для государя уже потому, что никто въ Россіи не думалъ винить Кутузова въ Аустерлицкомъ пораженіи, хотя онъ и считался тогда главнокомандующимъ. См. Записки Шишкова. Т. I, стр. 153.

ленно и вяло. Не смотря на повторенные приказы императора, не смотря на его убѣдительнѣйшія просьбы [1]), Кутузовъ тянулъ дѣло и доносилъ государю, что онъ не въ состояніи превозмочь упорства турокъ, подстрекаемыхъ агентами Франціи и Австріи. Быть можетъ, его увѣренія были и искренни, но уже тогда утверждали, что Кутузовъ медлилъ нарочно и слѣдовалъ не приказамъ государя, а тайнымъ инструкціямъ, посылаемымъ ему канцлеромъ Румянцевымъ, ярымъ сторонникомъ союза съ Франціею [2]). Какъ бы то ни было, но подъ конецъ терпѣніе государя истощилось, онъ удалилъ Кутузова отъ команды и поручилъ адмиралу Чичагову покончить турецкое дѣло. Кутузовъ, однакоже, не дремалъ. Во-время предупрежденный Румянцевымъ, онъ далъ совершенно иной ходъ переговорамъ и заключилъ миръ съ Портою ровно за четыре дня до пріѣзда новаго главнокомандующаго. Условія мира были не блистательны, но все же, принимая во вниманіе обстоятельства, довольно выгодны. Россія не только освобождалась отъ крайней тяжелой и несвоевременной войны, но и пріобрѣтала еще Бессарабскую область. Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ остался крайне недоволенъ не только всѣмъ образомъ дѣйствій Кутузова, но и самыми условіями мира. „Генералъ Кутузовъ,—писалъ онъ адмиралу Чичагову,—упустилъ изъ виду чрезвычайно важный пунктъ: онъ согласился на всѣ уступки съ нашей стороны, не обусловивъ ихъ заключеніемъ наступательнаго союза съ Портою. Только такой союзъ могъ-бы

---

[1]) Императоръ писалъ Кутузову отъ 22-го марта 1812 года: „величайшую услугу вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портою. Убѣдительнѣйше васъ вызываю любовію къ своему отечеству обратить все ваше вниманіе и усилія къ достиженію сей цѣли. Слава вамъ будетъ вѣчная. Всякая потеря времени въ настоящихъ обстоятельствахъ есть совершенное зло. Отстраните всѣ побочныя занятія, и съ тѣмъ проницаніемъ, которымъ вы одарены, примитесь сами за столь важную работу“. Императоръ уполномачиваетъ затѣмъ, Кутузова въ случаѣ крайности, принять за границу рѣку Прутъ, „но, добавляетъ онъ, на сію столь важную уступку не иначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою“. См. Богдановичъ, т. II, примѣчаніе къ главѣ XV стр. 497.

[2]) Объ этихъ обвиненіяхъ см., между прочимъ, Бернгарди, т. II, стр. 3 и 4.

должность. Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся онъ за работу, проводилъ цѣлые дни въ пріемѣ ратниковъ, слѣдилъ за ихъ обмундированіемъ, училъ ихъ военному строю. Дальновидный старецъ понималъ, что трудясь на этомъ скромномъ поприщѣ, онъ подготовляетъ для себя вмѣстѣ съ тѣмъ новую, болѣе славную сферу дѣятельности.

Недовольство ходомъ военныхъ дѣйствій усиливалось между тѣмъ съ каждымъ днемъ. Уже самъ императоръ Александръ начиналъ колебаться передъ общимъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Сомнѣніе въ достоинствахъ избраннаго имъ самимъ главнокомандующаго начало закрадываться въ его душу. Ему казалось, что Барклай сдѣлалъ дѣйствительно громадную ошибку, не вступивъ въ рѣшительный бой съ непріятелемъ подъ Смоленскомъ: чѣмъ сражаться подъ Царевымъ-Займищемъ, гораздо удобнѣе было-бы сражаться подъ Смоленскомъ; нечего было бояться фланговаго обхода непріятеля,—такой обходъ можетъ случиться на любомъ мѣстѣ сраженія. Силы обѣихъ армій были не тронуты еще подъ Смоленскомъ, а русскій солдатъ дрался-бы съ энтузіазмомъ; вѣдь онъ защищалъ-бы въ немъ первый истинно русскій городъ. Александръ зналъ, что потеря Смоленска произвела сильнѣйшее впечатлѣніе во всей имперіи. „Если и прежде,—писалъ онъ впослѣдствіи Барклаю де-Толли,—нашъ планъ кампаніи встрѣчалъ всеобщее неодобреніе, то теперь поднялись со всѣхъ сторонъ еще болѣе громкія жалобы. Опытъ показалъ,—слышалось со всѣхъ сторонъ,—на сколько планъ этотъ былъ несостоятеленъ, онъ поставилъ имперію въ величайшую опасность“ [1]).

Александръ не принадлежалъ къ числу крѣпкихъ и даже особенно прямыхъ людей. Бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, особенно при такихъ тяжелыхъ, небывалыхъ обстоя-

---

[1]) Императоръ не объясняетъ, однако-же, въ чемъ состоялъ планъ кампаніи, принятый имъ и Барклаемъ. Что планъ этотъ не заключался въ систематическомъ уклоненіи отъ генеральнаго сраженія, видно изъ того мѣста письма, гдѣ государь прямо утверждаетъ, что подъ Смоленскомъ слѣдовало дать такое сраженіе. Письмо государя къ Барклаю см. у Богдановича, т. II, стр. 529—530.

тельствахъ, было ему не по силамъ. Москва, Петербургъ и армія въ одинъ голосъ требовали смѣны главнокомандующаго; единодушно указывали они на Кутузова, какъ на единственнаго человѣка, способнаго спасти Россію [1]). Императоръ былъ въ сущности совершенно иного мнѣнія, онъ считалъ свой первый выборъ наиболѣе основательнымъ и правильнымъ, онъ относился съ недовѣріемъ и къ личности Кутузова, и къ его военнымъ дарованіямъ. И побужденія самолюбія, и стремленіе поддержать свой царственный авторитетъ, и особенно внутреннее убѣжденіе, заставляли его, повидимому, отстаивать до конца Барклая. Но Александръ не привыкъ съ самаго дѣтства стоять на своемъ мнѣніи, какъбы разумно и сильно ни казалось оно ему. Голосъ общественнаго мнѣнія, имѣвшій для него большое значеніе, оказался и въ этомъ случаѣ рѣшающимъ для него. Онъ рѣшился уступить общему требованію, рѣшился подавить собственное мнѣніе [2]). Но уступая требованію публики, такъ какъ о народѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, онъ позаботился въ тоже время устранить отъ себя всякую отвѣтственность. Рѣшеніе вопроса о назначеніи новаго главнокомандующаго передано было на разсмотрѣніе особаго комитета. Уже одинъ личный составъ этого комитета показываетъ ясно, что задача, возложенная на него, была уже предрѣшена заранѣе, что ему оставалось только констатировать фактъ, подтвердить приговоръ общественнаго мнѣнія. Комитетъ долженъ былъ разобрать весь ходъ операцій нашихъ дѣйствующихъ армій, а между тѣмъ члены его далеко не принадлежали къ числу первостепенныхъ стратеговъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не были военными людьми. Тутъ былъ, вопервыхъ, старый воспитатель императора, генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, вся военная эрудиція котораго исчерпывалась традиціями семилѣтней войны; тутъ засѣдалъ генералъ отъ инфантеріи Вязьмитиновъ, никогда не заявляв-

[1]) Собственныя слова государя въ приведенномъ выше письмѣ.

[2]) „Уступая ихъ мнѣнію, говоритъ онъ въ томъ-же письмѣ, я долженъ былъ ставить молчать мое собственное чувство“.

шій себя никакими особенными подвигами, тутъ имѣли рѣшающіе голоса графъ Аракчеевъ и генералъ Балашевъ, изъ которыхъ первый всегда держался вдали отъ непріятельскаго огня, а второй извѣстенъ былъ только своими полицейскими способностями; тутъ были, наконецъ, и такіе члены, какъ дѣйствительные тайные совѣтники графъ Кочубей и князь Лопухинъ, никогда не занимавшіеся никакими военными вопросами. Комитетъ имѣлъ только одно засѣданіе, продолжавшееся три съ половиною часа, и въ этотъ короткій срокъ порѣшилъ возложенное на него порученіе. Въ началѣ засѣданія комитетъ разбиралъ причины неудачи нашихъ военныхъ операцій и съ этою цѣлью выслушалъ не только оффиціальные рапорты главнокомандующихъ обѣихъ западныхъ армій, но и частныя письма князя Багратіона, графа Сенъ-При и другихъ обвинителей Барклая [1]). По выслушаніи всѣхъ этихъ документовъ, комитетъ пришелъ къ заключенію, „что недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми арміями положительной единогласной власти“. Отклонивъ отъ себя, такимъ образомъ, вопросъ о виновности того или другаго лица и указавъ лишь на причину самую общую и неподлежащую сомнѣнію, комитетъ указалъ еще на несовмѣстимость званія военнаго министра съ главнымъ начальствованіемъ надъ арміею и перешелъ вслѣдъ затѣмъ къ рѣшенію вопроса объ избраніи новаго главнокомандующаго. И тутъ вопросъ предрѣшенъ былъ заранѣе. Называли для формы другихъ лицъ: Бенингсена и Багратіона, упоминали даже о такихъ невозможныхъ кандидатахъ, какъ Тормасовъ и Паленъ, но едва было произнесено имя Кутузова, какъ всѣ члены комитета единогласно постановили облечь его званіемъ главнокомандующаго надъ всѣми арміями и донести о таковомъ своемъ предположеніи государю.

Управляющій военнымъ министерствомъ князь А. И. Гор-

---

[1]) Съ образцами этихъ писемъ читатели наши уже достаточно знакомы. О совѣщаніяхъ комитета см., между прочимъ, Богдановичъ, гдѣ помѣщены извлеченія изъ журнала комитета. Т. II, стр. 7—9.

[illegible]

[illegible] Уже

[illegible]

на другой день послѣ аудіенціи Горчакова, Кутузовъ, по требованію государя, явился во дворецъ. Дежурство графа Комаровскаго еще продолжалось. Онъ былъ одинъ въ пріемной и Кутузовъ обратился къ нему съ такими словами: „мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще. Я противъ Наполеона почти не служилъ; онъ все шелъ впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ нельзя было иначе. Скажите мнѣ,—продолжалъ онъ,—кто находится въ главной квартирѣ Барклая изъ чиновниковъ, занимающихъ мѣста по штабу? Я никого не знаю". Комаровскій спѣшилъ удовлетворить любопытству новаго главнокомандующаго. Онъ назвалъ ему имена всѣхъ штабныхъ. Кутузовъ слушалъ равнодушно, но когда Комаровскій назвалъ оберъ-квартирмейстера, барона Толя, лицо его освѣтилось улыбкою. „Я этому очень радъ,—замѣтилъ онъ,—Толь выпущенъ былъ изъ перваго кадетскаго корпуса, когда я имъ командовалъ". Едва только Кутузовъ сказалъ эти слова, какъ его потребовали къ государю. При бесѣдѣ императора съ главнокомандующимъ не было постороннихъ свидѣтелей. Выходя изъ кабинета, Кутузовъ сказалъ Комаровскому: „дѣло рѣшено, я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій; но затворяя уже двери кабинета, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ ни полушки денегъ на дорогу; я воротился и сказалъ: Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent pour partir. Государь мнѣ пожаловалъ 10000 рублей" [1]).

Призывъ Кутузова встрѣченъ былъ современниками съ восторгамъ. Какъ-же должна смотрѣть на него безпристрастная исторія? Обязана-ли она, слѣдуя голосу современниковъ, приписывать одному лицу безсмертную заслугу спасенія Россіи и всей ея будущности, или-же она должна распредѣлить эту заслугу между нѣсколькими лицами и воздать каждому по дѣламъ его? Въ оффиціальной исторіографіи и въ популярныхъ сочиненіяхъ по исторіи отечественной войны принято и по сію пору за правило приписывать все одному лицу, возвеличивать славу Кутузова на счетъ другихъ героевъ вѣч-

---

[1]) См. записки графа Комаровскаго. „Русскій Архивъ" 1867 г., стр. 779—780.

[illegible]

[illegible]

во всѣхъ отношеніяхъ фальшивое и двусмысленное. Онъ могъ только просить и умолять тамъ, гдѣ ему слѣдовало приказывать; онъ принужденъ былъ бороться на каждомъ шагу съ явною оппозиціею своего сотоварища, съ тайною оппозиціею своихъ подчиненныхъ. Спрашивается, могъ-ли онъ, при подобныхъ условіяхъ, довести побѣдоносно до конца ввѣренное ему великое дѣло, могъ-ли онъ рѣшиться дать такое сраженіе, какъ при Бородинѣ, могъ-ли онъ взять на себя отвѣтственность за такое страшное дѣло, какъ оставленіе Москвы,—онъ, которому не могли и не хотѣли простить даже потери Смоленска? Кто рѣшится дать на всѣ эти вопросы отвѣтъ вполнѣ утвердительный, кто, хотя сколько-нибудь знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и съ натурою человѣческою, не согласится, что Барклай не въ состояніи былъ нести далѣе возложенной на него отвѣтственности.

Новый главнокомандующій, навязанный императору, вопреки его желаніямъ, не могъ внушить на первый взглядъ особаго довѣрія, не могъ казаться достойнымъ противникомъ геніальнаго Наполеона. Кутузовъ былъ, правда, ученикъ и любимецъ Суворова, но какая разница между нимъ и геніальнымъ учителемъ! У него нѣтъ и тѣни Суворовской быстроты и рѣшимости, этихъ неотъемлемыхъ качествъ военнаго генія, онъ не блещетъ ни геніальностью своихъ комбинацій, ни мѣткимъ орлинымъ глазомъ, ни неистощимою, никогда не теряющеюся находчивостью. Самоувѣренность и притомъ въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, не принадлежитъ также къ числу его выдающихся качествъ. Тяжкое сознаніе громаднаго превосходства противника не покидаетъ его ни на минуту и опредѣляетъ весь образъ его дѣйствій. Онъ остороженъ и методиченъ не менѣе Барклая, онъ такой-же врагъ всякихъ кровавыхъ, рискованныхъ рѣшеній, онъ такой же сторонникъ системы отступленія, выжиданія, какъ и Барклай. Время, обстоятельства и хитрость, но хитрость не чисто военная, а больше дипломатическая, вотъ тѣ элементы, которые думаетъ онъ пустить въ ходъ въ борьбѣ съ Наполеономъ?. „Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?—спрашиваетъ Кутузова, передъ отъѣздомъ въ

армію, одинъ изъ неособенно скромныхъ молодыхъ его родственниковъ.—„Разбить?—отвѣчаетъ ему съ улыбкою престарѣлый главнокомандующій,—нѣтъ! А обмануть надѣюсь“ [1]).

Кутузовъ—не только плохой администраторъ, но и въ силу своихъ преклонныхъ лѣтъ, своей болѣзненности, человѣкъ не отличающійся ни особенною энергіею, ни подвижностью. Онъ любитъ комфортъ, удобства и наслажденія жизни [2]). Онъ несомнѣнно лѣнивъ и отъявленный врагъ всякихъ систематическихъ, сложныхъ занятій. Письменная часть въ его арміи находится въ невѣроятномъ безпорядкѣ: важнѣйшія бумаги остаются безъ подписи фельдмаршала въ теченіи нѣсколькихъ дней, даже цѣлыхъ недѣль. „Погоди голубчикъ! до завтра“,—вотъ фразы, которыя приходится выслушивать вѣчно его приближеннымъ и адъютантамъ. Ему трудно подписать свою фамилію, труднѣе нежели для другаго исписать нѣсколько листовъ бумаги. Личная храбрость Кутузова не менѣе блестяща, какъ и храбрость Барклая, но лѣта и слабость не дозволяютъ ему показываться впереди арміи, вести лично полки въ дѣло. Онъ руководитъ сраженіемъ издали, сидя на своей скамеечкѣ, помахивая своею казацкою нагайкою.

Всѣ эти черты, столь не казистыя на первый взглядъ,—черты, которыми съумѣли воспользоваться, какъ нельзя лучше, историки-романисты, подобные Тьеру, не мѣшали, однакоже, Кутузову ни мало быть дѣйствительнымъ человѣкомъ минуты, единственнымъ, быть можетъ по всей своей натурѣ, орудіемъ Промысла въ страшной борьбѣ съ великимъ геніемъ Наполеона. Что осторожность была величайшимъ достоинствомъ въ подобной борьбѣ—доказываетъ намъ не только примѣръ Кутузова, но и Барклая, и Веллингтона. Что хитрость была именно то средство, которымъ можно было болѣе всего повредить Наполеону, это доказалъ лучше всего самъ Куту-

[1]) См. Богдановичъ. Т. II, стр. 15.

[2]) Всѣ эти особенности ставятъ ему въ вину, преимущественно, нѣкоторые иностранные писатели. Тьеръ называетъ его даже человѣкомъ до крайности развращеннымъ и лживымъ, забывая, что первый изъ этихъ эпитетовъ можетъ быть отнесенъ съ наибольшимъ правомъ къ его собственному первому герою, и что правдивость также не была никогда выдающимся качествомъ Наполеона.

зовъ [1]). Но сущность дѣла заключается вовсе не въ этихъ качествахъ маститаго главнокомандующаго, а въ другихъ, уже не военныхъ, а чисто человѣческихъ его свойствахъ и преимуществахъ. Кутузовъ обладаетъ именно тѣми свойствами, которыя способны внушить безграничное довѣріе русскому человѣку и солдату. Онъ прежде всего человѣкъ религіозный, и, что всего важнѣе,—его религіозность отличается чисто національнымъ характеромъ, выражается въ формахъ традиціонныхъ, привычныхъ, священныхъ въ глазахъ народа. Онъ вовсе не мистикъ, не энтузіастъ, онъ молится не въ уединеніи своего кабинета, а всенародно, во храмахъ. Онъ стоитъ на колѣняхъ, кладетъ земные поклоны, лобызаетъ съ благоговѣніемъ св. иконы, онъ обливается слезами и лежитъ во прахѣ передъ глазами всего народа. И на полѣ брани онъ держитъ себя прежде всего, какъ христіанинъ и православный. Передъ боемъ онъ приказываетъ носить по рядамъ войскъ чудотворный образъ Богоматери, и самъ первый преклоняется передъ народною святынею. Нашлись писатели, которые усматривали въ набожности Кутузова лишь одну внѣшность и маску лицемѣрія! Кто станетъ спорить съ ними въ данномъ случаѣ, кто обладаетъ свойствомъ проникать въ глубочайшіе тайники человѣческаго духа? Замѣтимъ только, что Кутузовъ былъ религіозенъ не только во храмѣ и на полѣ брани, но и въ гостинной, и въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Повелѣніе государя стать въ главѣ арміи казалось ему званіемъ Божіимъ. Онъ выслушалъ его, по собственнымъ его словамъ, „съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше“ [2]). Выражаться такъ можетъ не ли-

---

1) Клаузевицъ, не имѣвшій ни малѣйшаго повода превозносить Кутузова и не питавшій къ нему никакихъ личныхъ симпатій, говоритъ слѣдующее о немъ: „Кутузовъ, на 15 лѣтъ старше Барклая, былъ уже близокъ къ 70 году жизни и не отличался тою физическою и умственною дѣятельностью, которыя можно иногда встрѣтить въ военныхъ людяхъ его возраста. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ уступалъ Барклаю, но онъ превосходилъ его природными дарованіями. Въ молодости Кутузовъ былъ храбрый рубака, но въ то же время человѣкъ чрезвычайно ловкій, умный, хитрый. Всѣ эти качества создаютъ уже хорошаго генерала“. см. Clausewitz, Der Felzdug in Russland von 1812.

2) См. Богдановичъ. Т. II. стр. 12.

цемѣръ, а только человѣкъ дѣйствительно и глубоко религіозный.

Подобно всѣмъ знатнымъ людямъ той эпохи, Кутузовъ получилъ воспитаніе французское, любилъ говорить, быть можетъ, даже думать по французски [1]), но вся эта внѣшняя чуждая оболочка не мѣшала ему оставаться русскимъ до мозга костей. Только одинъ Суворовъ умѣлъ, быть можетъ, говорить еще лучше его съ русскимъ солдатомъ,—качество незамѣнимое, дававшее нашему вождю неизмѣримое превосходство предъ предъ всѣми его соперниками. Кутузовъ не произноситъ длинныхъ и изящно построенныхъ рѣчей, но онъ умѣетъ сказать два-три слова во́-время и сказать ихъ такъ, что они сразу проникнутъ все существо русскаго воина, преисполнятъ его духомъ безусловнаго довѣрія и къ своему вождю, и къ своимъ собственнымъ силамъ. „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!“—говоритъ онъ, привѣтствуя почетный караулъ, приготовленный для его встрѣчи при пріѣздѣ въ дѣйствующую армію. Онъ говоритъ эти слова какъ будто про себя, но на столько громко, что солдаты подхватываютъ ихъ на лету, передаютъ ихъ съ восторгомъ своимъ товарищамъ, распространяютъ по всей арміи. И эти столь простыя, но въ то-же время столь ловко брошенныя слова, вливаютъ въ душу каждаго солдата ту несокрушимую вѣру въ самого себя, которая заставитъ его подъ Бородиномъ скорѣе лечь мертвымъ, нежели отступить хотя на шагъ передъ натискомъ непріятеля. Кутузовъ врагъ всякой внѣшней обстановки, всякаго параднаго блеска: онъ знаетъ, что вся эта мишура не можетъ подѣйствовать на простаго, безхитростнаго русскаго ратника. Онъ появляется передъ войсками не иначе, какъ на маленькой казачьей лошадкѣ, въ старомъ походномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо, съ нагай-

---

[1]) Кутузовъ очень любилъ французскій театръ. Прогнавъ французовъ изъ Россіи, онъ очень жалѣлъ о закрытіи французскаго театра въ Петербургѣ и высказывалъ свое сожалѣніе передъ самимъ государемъ. См. записки Шишкова. Т. стр, 176--178.

кою на ремнѣ черезъ другое. Такая внѣшность дѣлаетъ его сразу близкимъ, доступнымъ для солдата, человѣкомъ Одно его появленіе вызываетъ неподдѣльный энтузіазмъ. Войска встрѣчаютъ стараго, всѣмъ знакомаго героя дружными, радостными *ура*. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“,—говорятъ между собою солдаты. Какъ-же отнесутся войска ко всякому распоряженію такого главнокомандующаго? Станутъ-ли они роптать вновь и толковать опять объ измѣнѣ, когда вмѣсто ожидаемаго приказа къ бою послѣдуетъ вновь приказаніе отступать еще и еще? О нѣтъ, они подчинятся охотно и такому приказу; они поймутъ сразу, что, значитъ, такъ надо, что иначе не можетъ быть. Этого мало! По приказу такого вождя они оставятъ безъ страха и безъ отчаянія Москву со всѣми ея святынями и безтрепетно будутъ взирать на колоссальное зарево пожара, охватывающаго въ тылу ихъ священную столицу русскаго царства!

Кутузовъ обладалъ и еще однимъ неоцѣненнымъ военнымъ качествомъ. Онъ способенъ былъ понимать вѣрно и отчетливо общее положеніе дѣлъ и сообразоваться съ этимъ положеніемъ въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Еще до отъѣзда въ армію онъ пришелъ къ убѣжденію, что система Барклая, система отступленія и выжиданія. есть наиболѣе выгодная, наиболѣе примѣнимая для насъ при данныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. „До сихъ поръ мы все отступали“,—говаривалъ онъ еще въ Петербургѣ,—„но быть можетъ такъ и было нужно“. Свое убѣжденіе Кутузовъ держитъ однакоже про себя, гласно онъ даже порицаетъ систему отступленія, при всякомъ удобномъ случаѣ высказываетъ твердое намѣреніе вступить въ бой съ противникомъ. Что нужды въ томъ, что онъ вовсе не намѣренъ исполнять такъ скоро этого всеобщаго желанія; онъ убѣжденъ, что на его отступленіе посмотрятъ иначе и народъ и войско, нежели на отступленіе Барклая.

Въ тотъ самый день, когда Кутузовъ выѣзжалъ изъ Петербурга, арміи наши расположились въ окрестностяхъ Дорогобужа. Уже при первомъ взглядѣ на позицію подъ этимъ городомъ,—позицію, такъ расхваленную Багратіономъ, Барклай

[illegible] Что-же оставалось въ [illegible] Царевымъ-Займищемъ, въ [illegible] а не воображае-мыя [illegible] на-шими арміями въ теченіи [illegible] дней. Города, лежавшіе по пути—Дорогобужъ, Вязьма—обращены были въ груды развалинъ. Жители сами поджигали свои дома и, со-бравъ свои семьи и пожитки, уходили вслѣдъ за отступаю-щими арміями. Настало время, когда русскій человѣкъ на-чалъ показывать на дѣлѣ свою отчаянную рѣшимость жерт-вовать всѣмъ своимъ достояніемъ на алтарь отечества. Война народная, война со всѣми своими ужасами, война беспощадная, безконечная, предстала предъ очами изумленнаго побѣдителя міра. Уже 17-го августа обѣ наши арміи соединились на по-зиціи подъ Царевымъ-Займищемъ. Барклай былъ твердо намѣ-ренъ не покидать этой позиціи, не давъ рѣшительнаго отпора непріятелю. Его рѣшимость отличалась какимъ-то отчаяннымъ, фатальнымъ характеромъ. Онъ не разсчитывалъ на побѣду, онъ зналъ, что на сторонѣ непріятеля было все еще значи-тельное численное превосходство силъ, но онъ понималъ не-возможность дальнѣйшаго отступленія, а позиція подъ Ца-ревымъ-Займищемъ казалась ему во многихъ отношеніяхъ чрез-вычайно выгодной. „Обѣ арміи—говоритъ онъ,—располо-жены были здѣсь на большомъ пространствѣ и имѣли предъ собою открытую мѣстность, на которой непріятель не въ со-стояніи былъ скрыть своихъ движеній. Въ 10 верстахъ, за

¹) Clausewitz, Der Feldzug in Russland von 1812, стр. 127. Подробный раз-боръ этой позиціи даетъ самъ Барклай въ своей запискѣ. Онъ называетъ ее самою дурною изъ всѣхъ, какія занимала наша армія въ теченіи цѣлаго похода. См. Bernhardi. T. I. стр. 404.

этою позиціею, подъ Гжатскомъ, находилась другая, найденная нами не менѣе выгодною. Генералъ Милорадовичъ донесъ, что 18-го онъ прибудетъ къ Гжатску съ частью своихъ резервовъ. Все это были достаточныя причины, чтобы приготовиться здѣсь къ рѣшительному бою. Я былъ твердо намѣренъ принять его, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неудачи, я могъ-бы еще держаться въ позиціи подъ Гжатскомъ. Я нашелъ-бы тамъ подкрѣпленія изъ 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и нѣсколькихъ артиллерійскихъ ротъ, приведенныхъ туда, по моей просьбѣ, Милорадовичемъ. Тульскому, орловскому и черниговскому губернаторамъ предписано было доставить въ Калугу собранные ими запасы провіанта и фуража. Инженерамъ обѣихъ армій предписано было немедленно соорудить нѣсколько редутовъ передъ фронтомъ и на флангахъ позиціи. Аріергардъ, получившій приказъ задерживать непріятеля, усиленъ былъ 3-й дивизіею и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ генерала Коновницына. Этому-же генералу поручена была команда надъ всѣмъ аріергардомъ“ [1]).

Итакъ, Барклай твердо рѣшился принять сраженіе подъ Царевымъ-Займищемъ, но судьбѣ угодно было иначе. Уже 17-го числа прибылъ новый главнокомандующій, и его прибытіе, долженствовавшее подать сигналъ къ рѣшительному бою, ознаменовалось, страннымъ образомъ, новымъ отступленіемъ. Привѣтствуемый восторженно войсками, Кутузовъ осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Барклаемъ нашу позицію, нашелъ ее во всѣхъ отношеніяхъ очень удобною и крѣпкою, и заявилъ твердое намѣреніе ожидать здѣсь непріятеля. Отдано было приказаніе поторопиться постройкою начатыхъ укрѣпленій, но въ теченіи ночи произошла, однако-же, совершенно неожиданная перемѣна. На другой день войскамъ приказано было сняться съ позиціи и отойти назадъ по направленію къ Гжатску. Какъ объяснить такое, на первый взглядъ, непонятное явленіе? Барклай, а вслѣдъ за нимъ и многіе военные писатели усматривали во всемъ этомъ дѣлѣ не что иное, какъ интригу Бенингсена, возвратившагося въ это время въ глав-

---

[1]) Записка Барклая. Бернгарди. Т. I, стр. 408—409.

ненія. Не такъ поступилъ Барклай. Онъ съумѣлъ забыть въ великую минуту приближающагося рѣшенія свое собственное *я*, онъ оцѣнилъ лучше кого-либо другаго всѣ выгоды назначенія единаго главнокомандующаго, онъ понялъ также, что теперь наступилъ моментъ, когда всякій истинный сынъ отечества долженъ помышлять лишь объ одномъ: пожертвовать своею жизнью за спасеніе родной земли. „Всякій вѣрный и честный слуга государя и отечества, писалъ онъ императору, долженъ возликовать при вѣсти, что назначенъ новый главнокомандующій надъ всѣми арміями, уполномоченный руководить всѣми операціями для достиженія великой цѣли. Примите, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радости, преисполняющей меня. Я подъемлю къ небесамъ молитвы, дабы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества. Что касается до меня лично, то я не питаю иного желанія, какъ доказать пожертвованіемъ моей жизни мою готовность служить отечеству въ какомъ бы то ни было чинѣ и положеніи“ [1]).

Барклай, доказавшій подъ Бородиномъ такъ блистательно, что приведенныя слова его не были пустой фразою, хорошо понималъ, что теперь не время сводить какіе-бы то ни было личные счеты, критиковать другихъ, оправдывать себя. Онъ былъ увѣренъ въ правотѣ своихъ воззрѣній и дѣйствій, онъ сознавалъ, что исторія поставитъ его на надлежащее мѣсто. Какимъ благороднымъ самосознаніемъ, какимъ истиннымъ достоинствомъ дышатъ строки, адресованныя имъ государю! „Я не намѣренъ объяснять подробно движеній ввѣренной мнѣ арміи теперь, въ минуту приближающихся рѣшеній. Будущее покажетъ, могъ-ли я сдѣлать что-либо лучшее для спасенія отечества. Если-бы я руководился слѣпымъ, безсмысленнымъ тщеславіемъ, тогда Ваше Императорское Величество получили-бы отъ меня донесенія о сраженіяхъ, а непріятель

---

[1]) Все это въ высшей степени характерное мѣсто изъ письма Барклая счелъ почему-то нужнымъ пропустить офиціальный историкъ отечественной войны, генералъ Богдановичъ. См. „Русскій Архивъ“ за 1875 г. кн. 3, статья Попова, стр. 148, а также Бернгарди, т. I, стр. 410.

[illegible] Моисея, не встрѣчая передъ со- [illegible] Кто рѣ- [illegible] вѣрныхъ и [illegible]

[illegible] не [illegible] ра- [illegible]

сколько-нибудь сносную позицію; онъ продолжалъ смотрѣть на сраженіе, какъ на зло, но это зло сдѣлалось уже неизбѣжнымъ, въ виду единогласнаго требованія всей России и и самого государя.

Мы не пишемъ военной исторіи 1812 года и не считаемъ себя способными изображать великую драму, разыгравшуюся на Бородинскихъ поляхъ. Знатоки-спеціалисты описывали ее уже несчетное количество разъ; исторія занесла уже на свои страницы всѣ показанія самихъ участниковъ боя гигантовъ: она достаточно извѣсила всѣ доводы противниковъ, оспаривавшихъ тогда и нынѣ пальму побѣды. Исторія не будетъ доказывать вмѣстѣ съ такъ называемыми патріотами, что Бородинская позиція, избранная нами, была превосходнѣе всѣхъ покинутыхъ нами прежде, что сраженіе съ нашей стороны велось безупречно, что мы нанесли пораженіе противнику. Нѣтъ, она скажетъ, что Бородинская позиція уступала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предъидущимъ, что наше лѣвое крыло висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ и что благоразумная мѣра, принятая для его обезпеченія Кутузовымъ, была отмѣнена неумѣлымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ Бенингсена [1]). Исторія замѣтитъ также, что руководство движеніями нашей арміи въ этотъ роковой день оставляетъ желать многаго, но она скажетъ, что и геніальный нашъ противникъ совершалъ непростительные промахи. Сомнѣнія и колебанія впервые вкрались въ его душу въ этотъ рѣшительный моментъ. Геройское, по истинѣ неслыханное сопротивленіе нашихъ войскъ, страшныя потери, понесенныя его полчищами, потрясли даже эту желѣзную натуру. Онъ вспомнилъ вдругъ о Парижѣ, о громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ его отъ родины и всѣхъ источниковъ его силы,

---

[1]) Для обезпеченія нашего лѣваго фланга Кутузовъ поставилъ въ лѣсу за Утицою корпусъ подъ начальствомъ Тучкова. Этотъ корпусъ долженъ былъ принять участіе въ дѣлѣ только въ самую рѣшительную минуту и атаковать непріятеля наступающаго на нашъ лѣвый флангъ, въ свою очередь съ фланга и съ тыла. Бенингсенъ уже поздно вечеромъ, самовольно безъ вѣдома Кутузова, приказалъ, Тучкову выйти изъ лѣсу и примкнуть къ нашему лѣвому крылу. См. подробности у Бернгарди, т. II, стр. 39—43.

и страхъ, трепетъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ впервые закрался въ его душу. Стратегическія преимущества, если хотите, побѣда, были уже на его сторонѣ. Возвышенности, увѣнчанныя нашими редутами, покинуты уже были русскими войсками. Залитыя цѣлыми потоками крови, заваленныя тысячами труповъ, онѣ высились пустынныя и брошенныя между нашими и непріятельскими линіями. Все наше лѣвое крыло было оттѣснено за Семеновскій оврагъ; его отступленіе должно было повлечь за собою передвиженіе всей нашей арміи на позицію, не представлявшую ни малѣйшихъ шансовъ къ успѣшной оборонѣ. Наполеону оставалось завершить свой успѣхъ, превратить свою побѣду стратегическую въ тактическую, разбить и уничтожить окончательно оттѣсненную имъ русскую армію. Средства для достиженія такой цѣли, долженствовавшей рѣшить участь всей войны, были, повидимому, въ его рукахъ. Съ нашей стороны оставались въ резервѣ только четыре егерскихъ полка, у него была нетронута самая отборная часть его войска, двадцатитысячная гвардія. Нельзя было сомнѣваться, что наступленіе этой гвардіи могло имѣть весьма рѣшительныя послѣдствія. Солнце стояло еще очень высоко, когда одинъ маршалъ за другимъ начали присылать гонцовъ къ императору, прося о наступленіи гвардіи. Наполеонъ поскакалъ къ сражавшимся войскамъ, онъ въѣхалъ на Семеновскія высоты, потомъ на батарею Раевскаго. Отовсюду глазамъ его представлялось одно и тоже зрѣлище. Вездѣ онъ видѣлъ русскихъ, оттѣсненныхъ съ первоначальныхъ ихъ позицій, но ихъ массы не производили впечатлѣніе разстроенныхъ, деморализованныхъ, готовыхъ къ бѣгству полчищъ. Они стояли такими-же непроницаемыми сплоченными рядами, какъ и вначалѣ боя. Артиллерійскій огонь, поражавшій ихъ съ страшною силою, не производилъ на нихъ ожидаемаго впечатлѣнія. Они стояли твердо, непоколебимо въ ожиданіи новаго натиска, подобно гранитнымъ скаламъ океана. Наполеонъ понялъ, что ему прійдется покупать побѣду новыми страшными жертвами, онъ вспомнилъ, что у него остается одинъ послѣдній резервъ, его старая гвардія. Съ досадою, съ озлобленіемъ сказалъ онъ

своимъ окружающимъ: „я не хочу истребить мою гвардію; за восемь-сотъ лье отъ Парижа не жертвуютъ своимъ послѣднимъ резервомъ“. Судьба произнесла свой приговоръ. Бурная волна нашествія впервые остановилась передъ желѣзною грудью русскихъ воиновъ.

Уже послѣ трехъ часовъ по-полудни прекратились яростныя атаки непріятеля. Сраженіе начало замирать само собою; крайнее истощеніе силъ обнаруживалось у обоихъ противниковъ. „Навсегда останется для меня замѣчательнымъ,—говоритъ очевидецъ,—какъ Бородинскій бой принялъ мало-помалу оттѣнокъ усталости, истощенія. Массы пѣхоты до того растаяли, что не оставалось въ огнѣ и трети первоначальнаго числа. Страшная артиллерія, доходившая съ обѣихъ сторонъ до 1000 орудій, стрѣляла лишь изрѣдка, да и эти выстрѣлы не имѣли уже первоначальнаго, громоваго, сильнаго тона; казалось, что они звучали какъ-то устало и хрипло. Кавалерія, занявшая почти повсюду мѣсто пѣхоты, производила свои атаки медленно, усталою рысью“ [1]).

Потери какъ наши, такъ и непріятельскія, были колоссальны. Цѣлая половина русской арміи—52000 человѣкъ покрывали собою вечеромъ этого страшнаго дня Бородинское поле. Одна пѐрвая армія потеряла 38000 человѣкъ, въ томъ числѣ 9252 убитыхъ, тогда какъ уронъ второй арміи доходилъ до 20000 убитыми и ранеными. Всѣ отъ генерала до послѣдняго солдата покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славою, но пальма храбрости выпала на долю обоихъ вождей нашей арміи: Багратіонъ палъ, пораженный непріятельскою пулею, Барклай искалъ смерти повсюду, но Провидѣніе хранило его. Его геройскіе подвиги изумили въ этотъ день нашу армію героевъ. Пять лошадей было убито подъ нимъ, почти всѣ его адъютанты перебиты, или переранены. Багратіонъ, чувствуя себя пораженнымъ па смерть, поспѣшилъ отправить къ нему своего адъютанта съ словомъ примиренія. Его честная, солдатская душа сказалась въ этотъ моментъ во всей своей чистотѣ.

---

[1] Clausewitz. Der Feldzug in Russland von 1812, стр. 158—159.

Потери непріятеля были также колоссальны. у него выбыло изъ строя. по крайней-мѣрѣ. 35000 человѣкъ. но все-же на его сторонѣ оставалось громадное превосходство силъ. Наша армія насчитывала теперь въ своихъ рядахъ не болѣе 52000 человѣкъ. тогда какъ Наполеонъ имѣлъ еще въ строю около 90000 человѣкъ. Возможно-ли было возобновлять сраженіе послѣ такихъ потерь. при такомъ неравенствѣ силъ: Кутузовъ. не имѣвшій въ первый моментъ точнаго представленія о количествѣ нашихъ потерь. считалъ вечеромъ возобновленіе боя возможнымъ. но уже съ наступленіемъ ночной темноты онъ принужденъ былъ измѣнить свое рѣшеніе. Въ теченіи ночи выяснились съ одной стороны наши потери. а съ другой стороны самъ Наполеонъ своими распоряженіями далъ нашей арміи полную возможность не только покинуть безпрепятственно поле боя. но и вынести полное убѣжденіе. что сраженіе нами выиграно и что мы отходимъ назадъ. чтобы собраться съ силами и заручиться подкрѣпленіями. Дѣло въ томъ. что Наполеонъ не рѣшился оставить свои изнуренныя и разстроенныя войска на позиціяхъ. занятыхъ ими съ боя. Съ наступленіемъ ночи непріятель отступилъ повсемѣстно. и наши войска. не видя его нигдѣ вблизи. пришли къ убѣжденію. что побѣда осталась на нашей сторонѣ. Приказъ къ отступленію, послѣдовавшій на другой день. не поколебалъ нисколько ихъ самоувѣренности. Они безусловно вѣрили своему вождю. Вступая вновь на путь отступленія. они не сомнѣвались ни на минуту. что они идутъ прямо къ побѣдѣ.

Сраженіе при Бородинѣ, разсматриваемое съ болѣе общей, а не узкой военной точки зрѣнія, никоимъ образомъ не можетъ быть признано ни побѣдою, ни пораженіемъ русской арміи. Если русскія войска и были сбиты съ большей части своихъ позицій, то за то и непріятель не рѣшился остаться на этихъ позиціяхъ и покинулъ ихъ уже съ наступленіемъ ночи. Число трофеевъ, пушекъ и плѣнныхъ, взятыхъ обѣими сторонами, было одинаково незначительно. На сторонѣ французовъ было преимущество чисто внѣшнее: имъ удалось завоевать съ огромными жертвами часть поля сраженія; на

сторонѣ русскихъ преимущество болѣе внутреннее; имъ удалось выдержать, не потерпѣвъ пораженія, натискъ непріятеля, превосходнаго въ числѣ, предводимаго геніальнымъ вождемъ. „Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій, одинъ изъ блистательнѣйшихъ героевъ Бородинскаго боя,—осталось сочиненіе, въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами: „говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ императору Александру, ни Наполеону извѣщать о ней Марію Луизу. Если-бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, то слава, конечно, признала-бы насъ братьями“ [1])

Далеко не такъ безпристрастно посмотрѣли на результаты битвы вожди обѣихъ враждебныхъ армій. Наполеонъ, съ обычнымъ своимъ высокомѣріемъ и безстыдствомъ, извѣщалъ своихъ рабовъ о новой блестящей побѣдѣ, одержанной имъ. Кутузовъ также смотрѣлъ на сраженіе, какъ на побѣду своей арміи. Онъ вовсе не думалъ обманывать государя и Россію въ своихъ донесеніяхъ, онъ говорилъ въ нихъ даже менѣе утвердительно о побѣдѣ, нежели въ краткой записочкѣ къ своей женѣ. Записочка эта была написана уже нѣсколько дней послѣ битвы, она заключала въ себѣ лишь слѣдующія слова: „я слава Богу, здоровъ, мой другъ, и не побитъ, а выигралъ баталію надъ Бонапартомъ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ“ [2]). Донесеніе Кутузова [3]) императору отличалось, по справедливому замѣчанію Богдановича, характеромъ неточнымъ и неопредѣленнымъ. Кутузовъ говорилъ, что непріятель, пользуясь туманомъ, атаковалъ на разсвѣтѣ всѣми своими силами нашъ лѣвый флангъ, что сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи, что потери обѣихъ сторонъ были

---

[1]) Herzog. v. Würtemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Iahres 1812. S. 96.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ за 1875, книга 3, стр. 178. Москва въ 1812 г.

[3]) См. Богдановичъ. Т. II, стр, 229—230.

[illegible] ... на Москву ... [illegible]

[illegible] ... Кутузова [illegible] ... сраженіи, въ ко- [illegible] ... русскіе, чтобы за [illegible] ... Наполеона, чтобы не двигать. Я не рѣшаю,

Какъ ни темны были во многихъ отношеніяхъ донесенія Кутузова, но и въ Москвѣ и въ Петербургѣ они были приняты за донесеніе побѣды. Еще за-долго до бытвы, въ Москвѣ господствовало самое тревожное настроеніе. Уже послѣ потери Смоленска началось бѣгство жителей изъ столицы. Все, что могло, оставляло Москву, видимо обреченную на гибель. Въ самый день Бородинскаго сраженія въ Москвѣ совершался крестный ходъ. Страшная тревога господствовала въ городѣ. Народъ толпился у городскихъ заставъ, прислушиваясь къ доносившемуся по вѣтру гулу пушечныхъ выстрѣловъ. Одни молились, обливаясь слезами, другіе казались погруженными въ нѣмое отчаяніе. Но вотъ появилась прокламація главнокомандующаго, передававшая въ началѣ почти дословно донесеніе Кутузова. Мгновенно вѣсть о побѣдѣ разнеслась по всей Москвѣ. Народъ радостно встрепенулся, тысячи спѣшили къ Иверской служить благодарственные молебны; надежда, что непріятель не успѣетъ проникнуть въ старую русскую столицу, вновь оживила сердца. Но надежда эта была кратковременна. Вскорѣ москвичи съ ужасомъ узнали, что армія наша отступила къ Можайску. Съ тѣхъ поръ каждый день приносилъ все болѣе и болѣе страшныя вѣсти. Армія наша все ближе и ближе подходила къ столицѣ, но по пятамъ ея шла армія непріятельская. Продолжали еще говорить о новомъ сраженіи для спасенія Москвы, но никто уже не вѣ-

---

былъ-ли Наполеонъ великъ въ этомъ дѣлѣ, или малъ, или инымъ какимъ онъ былъ; но оба военачальника могли-бы избѣжать этой безчеловѣчной бойни и сохранить въ своихъ войскахъ болѣе 90 тысячъ людей, выбывшихъ изъ строя. Наполеонъ, еслибы перешелъ на старую Калужскую дорогу, вошелъ-бы въ Москву только 8-ю днями позднѣе съ войскомъ болѣе сильнымъ на 52 тысячи, которыя были убиты и ранены подъ Бородинымъ; Кутузовъ съ своими 116 тысячами, изъ которыхъ онъ потерялъ отъ 35 до 40 т., сталъ-бы на новой Калужской дорогѣ и не подвергался-бы два или три раза опасности быть уничтоженнымъ"... Далѣе Растопчинъ говоритъ, что онъ уже на другой день писалъ министру полиціи Балашеву, что онъ не понимаетъ этой побѣды, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ отступленіе нашей арміи къ Можайску. Реляцію Кутузова Растопчинъ называетъ чистѣйшею ложью; но, говоритъ онъ, эта ложь удалась ему какъ нельзя болѣе: онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, всѣ его родные награждены, солдаты получили каждый по пяти рублей". „Русскій Архивъ" за 1875 г., книга 3, стр. 174—175.

его какъ вѣсть полной побѣды? Мы полагаемъ, что нѣтъ. Императоръ могъ быть тѣмъ не менѣе доволенъ результатомъ боя. Въ его глазахъ было уже чрезвычайно важно то, что войска наши устояли передъ ярымъ натискомъ непріятеля, что они нанесли ему страшныя потери и сохранили возможность и готовность къ новому бою. Императоръ не сомнѣвался, что за этимъ первымъ сраженіемъ не замедлятъ послѣдовать другія, что непріятель, истощенный въ своихъ силахъ, не въ состояніи будетъ достигнуть Москвы. Вотъ почему онъ смотрѣлъ на донесеніе Кутузова, какъ на вѣсть о побѣдѣ, вотъ почему осыпалъ онъ наградами и главнокомандующаго и всѣхъ участниковъ сраженія, вотъ почему онъ опубликовалъ торжественно вѣсть о побѣдѣ. Въ Александро-Невской лаврѣ происходило, въ присутствіи государя и императорской фамиліи, торжественное благодарственное молебствіе. Князь Горчаковъ прочелъ громкимъ голосомъ побѣдную реляцію. Восторгъ былъ всеобщій. „Ты не можешь себѣ представить,—писалъ Штейнъ своей женѣ,—ту трогательную всеобщую радость, которую вызвала здѣсь эта побѣда честныхъ людей надъ безправственными разбойниками и ихъ атаманомъ, какъ всѣ успокоились здѣсь относительно Москвы и какъ удвоились силы всѣхъ! Спокойная будущность открывается передъ нами. Я считаю паденіе этого человѣка болѣе нежели вѣроятнымъ. Эта безумная война, начатая имъ въ надеждѣ возбудить возстаніе внутри Россіи, будетъ причиною его паденія. Провидѣніе терпѣло такъ долго неистовство этого человѣка, чтобы низвергнуть его тѣмъ глубже въ бездну позора“ [1]).

Радость Штейна, свѣтлыя надежды государя, восторгъ петербуржцевъ продолжались, однако-же, очень недолго. Вскорѣ по городу начали распространяться самые зловѣщіе слухи. Дальнѣйшее отступленіе нашей арміи, приближеніе непріятеля къ Москвѣ, не могло, разумѣется, оставаться въ тайнѣ. Государь былъ въ самомъ тяжеломъ настроеніи. Мрачныя предчувствія томили его душу. Графъ Комаровскій, ко-

---

[1]) См. Перцъ, Ztein's Seben. Т. III, стр. 154, 155

мандированный имъ съ важнымъ порученіемъ въ Подольскую и Волынскую губерніи, явился [illegible] вечеръ, чтобы откланяться и получить послѣднія приказанія, засталъ государя въ чрезвычайномъ смущеніи. На большомъ столѣ лежала развернутая, секретная, маршрутная карта Россіи. Императоръ погруженъ былъ, повидимому, совершенно въ ея разсмотрѣніе и долгое время не замѣчалъ вошедшаго графа. Наконецъ, онъ замѣтилъ его и сказалъ: „здравствуй! что, все-ли получилъ?“ Графъ отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду, пришелъ за послѣдними приказаніями и желалъ-бы спросить, какою дорогою ѣхать ему, ибо на Смоленскъ невозможно, развѣ на Москву? Государь посмотрѣлъ на графа и, помолчавъ немного, сказалъ: „ну конечно, на Москву; впрочемъ, поѣзжай, какъ Богъ тебя приведетъ“. Затѣмъ онъ обнялъ графа и отпустилъ его со словами: „прощай. Богъ съ тобою“. Графъ отправился отъ государя къ цесаревичу; здѣсь онъ встрѣтилъ Озерова, только что пріѣхавшаго изъ Москвы. На вопросъ графа, можно-ли проѣхать черезъ Москву, Озеровъ отвѣчалъ: „не знаю, когда я выѣхалъ оттуда, французы были уже на Воробьевыхъ горахъ“. Тутъ только графъ понялъ причину смущенія, въ которомъ засталъ онъ государя: онъ догадался, что Александръ получилъ, вѣроятно, страшную вѣсть, что древняя столица его отдана на жертву непріятелю (1). Въ Петербургѣ же еще было пока спокойно. Никто не зналъ, что гордый побѣдитель расположился уже во дворцахъ стараго Кремля и что древніе столбы дыма и пламени поднимаются уже надъ злополучною столицею. Для Александра настаѣлъ тяжелый часъ испытанія, но вмѣстѣ съ нимъ и часъ возрожденія, обновленія внутренняго человѣка.

---

(1) Записки графа Комаровскаго. Русскій Архивъ за 1867 годъ, стр. [illegible]

ГЛАВА VIII.

Оставленіе Москвы—полная неожиданность.—Графъ Растопчинъ и князь Кутузовъ.—Недоразумѣнія и упреки.—Бенингсенъ и позиція подъ Москвою.—Барклай де-Толли не желаетъ похоронить армію „на этомъ мѣстѣ".—Кутузовъ совѣтуется съ своими приближенными.—Ермоловъ и Кроссаръ.—Кто первый произнесъ слово объ оставленіи Москвы?—Военный совѣтъ въ Филяхъ.—Барклай де-Толли предлагаетъ пожертвовать Москвою, но спасти армію.—Бенингсенъ требуетъ боя и пророчитъ побѣду.—Кутузовъ вспоминаетъ о Фридландѣ.—Дохтуровъ соглашается съ Бенингсеномъ.—Мнѣнія Коновницына, Остермана и Раевскаго.—Толь предлагаетъ перевести армію въ новую позицію.—Кутузовъ приказываетъ отступить.—Отчаянная рѣшимость Растопчина; онъ доноситъ государю о поступкѣ Кутузова.—„На три горы!"—Чернь начинаетъ бушевать.—Спасеніе московской святыни.—Участь раненыхъ.—Верещагинъ отданъ на растерзаніе черни.—Послѣднія минуты графа Растопчина въ Москвѣ.—Армія проходитъ черезъ Москву.—Бѣгство жителей.—Мужество московскаго духовенства.—Дисциплина въ арміи.—Чувство глубокаго горя и жажда мести.—Тревога Кутузова и порученіе, возложенное на Милорадовича.—Милорадовичъ бравируетъ французовъ.—Его бесѣда съ Себастіани.—Договоръ съ Мюратомъ.—Сдача Москвы и регламентъ Петра Великаго.—Брошенные раненые и Николо-Ямскій священникъ.—Мюратъ даетъ новую отсрочку.—Великая армія горитъ нетерпѣніемъ вступить въ Москву.—Наполеонъ на Поклонной горѣ.—„Вотъ онъ наконецъ, этотъ прославленный городъ!"—Императоръ подаетъ сигналъ къ занятію Москвы.—Наполеонъ напрасно ожидаетъ бояръ.—Ассесоръ вотчиннаго департамента и польскіе уланы въ Кремлѣ.—Неожиданное нападеніе на Мюрата и полузагрызенный полковникъ.—Москва на порогѣ ужасовъ.

Оставленіе Москвы на жертву непріятелю было полною неожиданностью для Россіи, для государя для самой арміи. Князь Кутузовъ, и послѣ начавшагося вновь отступленія къ Москвѣ, продолжалъ выставлять съ одной стороны во всѣхъ своихъ оффиціальныхъ и частныхъ письмахъ Бородинское сраженіе полною побѣдою, а съ другой заявлялъ ежеминутно свое твердое намѣреніе дать новое сраженіе непріятелю

разсужденіи войскъ, прибавки артиллерійскихъ снарядовъ. лошадей и прочаго, имѣемаго ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ отечества, все то было-бы пріобщено къ арміи, ожидающей сразиться съ непріятелемъ. И къ кому же надежнѣе могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не къ извѣстному любовью къ отечеству и усердіемъ предводителю древней столицы" [1]). Вслѣдъ за Кудашевымъ, уже на другой день, отправленъ былъ Кутузовымъ въ Москву графъ Апраксинъ съ тѣми-же порученіями и съ просьбою прислать въ армію, какъ можно скорѣе, на курьерскихъ, кирокъ и лопатъ. Еще черезъ два дня новое письмо. „Мы приближаемся къ генеральному сраженію; но мысль, что не буду имѣть способовъ къ отправленію раненныхъ на подводахъ, устрашаетъ меня. Ради Бога, прошу помощи скорѣйшей отъ вашего сіятельства". Записка эта была отправлена 30 августа изъ Вязьмы, на разстояніи всего лишь двухъ переходовъ отъ Москвы [2]). Приближающееся рѣшеніе видимо волновало стараго фельдмаршала. Онъ преодолѣлъ въ эти страшные дни свою обычную флегму, свое крайнее отвращеніе къ писанію. Въ одинъ день отправилъ онъ къ графу Растопчину шесть записокъ. „Я нахожусь сегодня при Вязьмѣ",—писалъ онъ въ одной изъ нихъ,—„но какъ здѣсь никакой позиціи нѣтъ, то отправился генералъ Беннигсенъ назадъ отыскать мѣсто, гдѣ-бы удобнѣе дать баталію. Желательно было-бы, если-бы два человѣка, расторопныхъ изъ вашихъ, были при мнѣ, чрезъ которыхъ могъ-бы я давать словесныя извѣстія". Ничто не безпокоило такъ фельдмаршала, какъ вѣсти, получаемыя имъ о движеніи непріятеля. Онъ зналъ, что передъ нимъ находятся только главныя силы непріятеля, но что два корпуса направлены въ обходъ его фланговъ. Особенно тревожило его извѣстіе о движеніи непріятельскаго корпуса на Рузу. Кутузовъ не имѣлъ, правда, точнаго представленія о численности этого корпуса: одни полагали его въ 20000 и

---

[1]) Письмо Кутузова отъ 27-го августа изъ деревни Жуково. „Русскій Архивъ" 1875 года, книга 10-я, стр. 187. Bernhardi. T. II, стр. 127.

[2]) См. „Русскій Архивъ" 1875 г., книга 10, стр. 188.

болѣе, другіе гораздо менѣе, но онъ опасался, чтобы отрядъ этотъ, двигаясь форсированными маршами на Звенигородъ, не раздавилъ Винценгероде, имѣвшаго всего лишь 2000 кавалеріи, 500 человѣкъ пѣхоты и двѣ пушки, и не захватилъ внезапно Москвы. Двинуть противъ этого непріятельскаго корпуса хотя часть своей арміи Кутузовъ считалъ невозможнымъ въ виду тѣхъ громадныхъ непріятельскихъ силъ, которыя стояли противъ него; но теперь, думалъ онъ, настала минута, когда графъ Растопчинъ долженъ исполнить свои хвастливыя обѣщанія, когда онъ долженъ броситься съ своими московскими дружинами, съ своими 80,000 героевъ, о которыхъ онъ такъ много говорилъ и писалъ доселѣ, и уничтожить до послѣдняго человѣка дерзкаго непріятеля. „Неужели не найдетъ онъ гробъ свой отъ дружины московской",—писалъ онъ графу Растопчину изъ той-же Вязьмы, того-же 30-го августа,—„когда-бы осмѣлился онъ посягнуть на столицу Московскую по сей дорогѣ, куда отступитъ и Винценгероде. Ожидаю нетерпѣливо отвѣта вашего сіятельства" [1]).

Была уже поздняя ночь, когда съ этимъ письмомъ прибылъ въ Москву посланный князя Кутузова [2]). Прочитавъ письмо главнокомандующаго, графъ Ростопчинъ пришелъ въ негодованіе. Призывъ Кутузова показался ему злою насмѣшкою, весьма дурною шуткою, какъ выражается онъ самъ. Кутузовъ долженъ былъ, по мнѣнію графа, отлично знать, что Москва уже давно опустѣла, что въ ней оставалось не болѣе 50,000 жителей [3]); онъ зналъ также, что московское ополченіе давно уже примкнуло къ дѣйствующей арміи; онъ долженъ былъ, наконецъ, понимать, что всѣ слова и воззванія графа о московской силѣ, о 80-ти тысячахъ ратниковъ

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1875 г. кн. 10, стр. 188.

[2]) См. Записки графа Растопчина у А. Попова: „Москва въ 1812 году".

[3]) Этому, равно какъ и другимъ численнымъ показаніямъ гр. Растопчина не слѣдуетъ придавать большаго значенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Москвѣ оставалось гораздо болѣе жителей. Большая часть жителей бѣжала уже вмѣстѣ съ войсками, да и послѣ этого бѣгства въ городѣ осталось, вѣроятно, болѣе 50,000 человѣкъ.

были не болѣе, какъ слова, расчитанныя на эффектъ и что предводитель Москвы не предпринималъ еще по сію пору никакихъ мѣръ для поголовнаго вооруженія жителей столицы, для дѣйствительнаго сформированія новыхъ дружинъ. Теперь, когда непріятель стоялъ въ какихъ-нибудь 40 верстахъ отъ Москвы, поздно было думать о вооруженіяхъ. Изъ числа жителей, остававшихся въ городѣ, можно было набрать всего лишь 2, много 3 тысячи человѣкъ [1]), но не было уже ни времени, ни возможности вооружить и обучить ихъ. Зарево непріятельскихъ бивуаковъ тысячами гнало обывателей изъ Москвы. Оставались лишь тѣ, коимъ терять было нечего, которые не могли оторваться отъ московской святыни и отъ своихъ родныхъ пепелищъ, или, наконецъ, тѣ, которые надѣялись ужиться съ непріятелемъ и даже поживиться на его счетъ [2]). Было, правда, въ Москвѣ и не мало такихъ людей, которые твердо вѣрили до послѣдней минуты воззваніямъ и обѣщаніямъ графа, которые намѣрены были идти подъ его предводительствомъ на встрѣчу непріятеля и умереть въ отчаянной свалкѣ съ злодѣемъ у самаго порога Москвы; но Ростопчинъ понималъ на столько военное дѣло, что ему никогда не приходило серьезно въ голову становиться во главѣ этихъ отчаянныхъ и, на его взглядъ, смѣшныхъ людей. Эти смѣльчаки были въ его глазахъ ни сколько не лучше той смѣлой дамы, которая предлагала ему составить отрядъ амазонокъ, или тѣхъ актеровъ русскаго театра, которые, по его словамъ, одни хотѣли защищать Москву и предложили свою добрую волю и руки генералу Апраксину, который не захотѣлъ, однако-же, обезсмертить себя съ 20 театральными героями въ римскомъ костюмѣ [3]).

---

[1]) Можно было-бы набрать, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ болѣе. См. приведенное нами ниже свидѣтельство Бестужева-Рюмина.

[2]) Мы увидимъ впослѣдствіи, что въ Москвѣ оставалось еще и очень много зажиточныхъ людей, но Растопчинъ считалъ за лучшее умалчивать объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ сознавалъ очень хорошо, кѣмъ и какъ введены были въ обманъ эти люди.

[3]) Обо всѣхъ этихъ, по его мнѣнію, *смѣшныхъ порывахъ любви къ отечеству* разсказываетъ самъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ. См. „Русскій Архивъ" 1875 года, книга 10-я.

[illegible]

Высказывал также [illegible]. Мы вовсе не думаемъ [illegible]. Есть даже основаніе [illegible] 31 [illegible] августа, въ слѣдующій затѣмъ день Кутузовъ не рѣшилъ еще вопроса объ оставленіи Москвы. [illegible] не отказывался еще въ эти дни отъ мысли дать новое генеральное сраженіе подъ самыми стѣнами древней столицы. Въ то время, когда армія наша отступала отъ Вязьмы къ Можайску, Беннигсенъ, отправленный назадъ для розы-

[illegible] Барклая де-Толли [illegible], замѣчаетъ, что отступленіе [illegible] въ совершенномъ порядкѣ. Вотъ его слова: «Сіе отступленіе [illegible] въ величайшемъ разстройствѣ; естественное слѣдствіе [illegible] при совершенномъ недостаткѣ всякаго-либо пріуготовленія или учрежденія. [illegible] часто останавливались на [illegible] часовъ при разрушенныхъ мостахъ, или проходѣ деревень и дефилей; часто [illegible] исправлять дорогу, заграждая

сканія позиціи, рѣшился, наконецъ, расположить наши силы для послѣдняго боя въ виду самой Москвы между деревнею Филями и Воробьевыми горами. Трудно было отыскать болѣе несчастную и невыгодную позицію, какъ именно эта. Линія предположеннаго расположенія нашихъ войскъ тянулась на разстояніи съ лишнимъ 4 верстъ,—пространство крайне значительное, если принять въ соображеніе, что во всей арміи насчитывалось въ это время подъ ружьемъ не болѣе 60,000 человѣкъ. Правый флангъ, позади котораго находилась деревушка Фили, примыкалъ къ лѣсу, тянувшемуся на нѣсколько верстъ по направленію къ непріятелю. Не трудно было предвидѣть, что непріятель, имѣвшій на своей сторонѣ громадное превосходство въ стрѣлкахъ, безъ труда завладѣетъ этимъ лѣсомъ и поставитъ все наше правое крыло въ самое критическое положеніе. Вся наша линія пересѣкалась глубокими оврагами; въ одномъ изъ нихъ протекала рѣчка Карповка, долженствовавшая совершенно разобщить отдѣльные корпуса и дивизіи. За первою линіею имѣлся кромѣ того ровъ отъ 10 до 15 сажень глубины; склоны его были такъ круты, что на нихъ можно было взобраться лишь съ величайшимъ трудомъ. Лѣвый флангъ находился на вершинѣ Воробьевыхъ горъ; передъ нимъ растилалась совершенно открытая, гладкая равнина, на которой непріятель могъ сосредоточить для атаки около 30,000 человѣкъ. Въ тылу всей позиціи протекала въ глубокой ложбинѣ Москва рѣка, за нею раскидывался исполинскій городъ съ своими десятками тысячъ домовъ и магазиновъ, сотнями церквей, съ своими безчисленными узкими, кривыми и неправильными улицами.

оную войскамъ понтонами, повозками съ инструментами и обозами ополченія, сцѣпившимися другъ съ другомъ. Наконецъ, по исправленіи сего безпорядка и прошествіи сильныхъ маршей, войска прибывали къ мѣсту ночлега, но скитались еще остальное время дня, не зная, гдѣ слѣдовало имъ расположиться; наконецъ принуждены они бывали остановиться при большой дорогѣ и, будучи утомлены трудами, бросались въ грязь для проведенія ночи. Г. Бенингсена, взявшаго на себя правленіе главнаго штаба, который давно не существовалъ, невозможно было найти: должно было признаться, что въ семъ отступленіи Богъ одинъ былъ путеводителемъ". См. „Чтенія Общества исторіи и древностей" 1858 г., отд. II, стр. 24—25.

Черезъ Москву рѣку наведено было 8 пловучихъ мостовъ, но спуски къ этимъ мостамъ были настолько круты и неудобны, что по нимъ могла едва спуститься пѣхота. Въ случаѣ отступленія наша армія должна-бы была бросить всю артиллерію и обозъ и была-бы, по всей вѣроятности, уничтожена до послѣдняго человѣка на спускахъ къ рѣкѣ и въ прилегающихъ къ ней узкихъ улицахъ города [1]).

Избравъ эту роковую позицію, Бенингсенъ, въ виду приближенія нашей арміи, спѣшилъ назначить на ней мѣста для различныхъ частей войска. Его сопровождали при этой операціи квартирмейстеръ арміи, полковникъ Толь, полковникъ Мишо и полковникъ Кроссаръ, французскій эмигрантъ, прибывшій не задолго предъ тѣмъ въ нашу главную квартиру. Всѣ эти опытные офицеры ахнули отъ удивленія при первомъ взглядѣ на позицію и, не задумываясь, указывали Бенингсену на ея крайнія невыгоды. Герой Фридланда стоялъ, однакоже, упорно на своемъ мнѣніи. Онъ горячился, клялся, что позиція превосходна, что на ней можно и должно драться три раза, прежде нежели отдавать непріятелю безъ бою Москву. Свои увѣренія Бенингсенъ старался подтвердить и тѣмъ, что поминутно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. „Эти крестныя знаменія казались мнѣ столь же странными со стороны протестанта, какъ и позиція, въ которой собирался Бенингсенъ принять генеральное сраженіе",—замѣчаетъ полковникъ Кроссаръ [2]).

Бенингсенъ попалъ, однако-же, самъ въ немалое затрудненіе, когда дѣло дошло до точнаго указанія мѣста для каждой части арміи. Какъ ни ломалъ себѣ голову набожный начальникъ штаба, какъ ни перемѣнялъ онъ свои диспозиціи, а все выходило какъ-то неловко и неудобно. Время уходило въ безплодныхъ пререканіяхъ и спорахъ, а между тѣмъ армія была уже недалеко. Полковникъ Толь, обязанный, въ качествѣ генералъ-квартирмейстера, указать каждой части ея

---

[1]) Описаніе позиціи подъ Москвою находимъ у Барклая въ запискѣ его, у Ермолова (записки), Кроссара (IV Memoires historiques et militaires. T. IV) и другихъ.

[2]) См. Кроссаръ, Memoires militaires et historiques. T. IV, стр. 361.

мѣсто, то и дѣло, торопилъ Бенингсена. „Войска уже недалеко“,—повторялъ онъ нѣсколько разъ настойчиво. „Пора рѣшиться на что-нибудь, генералъ!“

Наконецъ, Бенингсенъ указалъ мѣста и рекогносцировка окончилась. „Во все это время, замѣчаетъ Кроссаръ, я хранилъ глубокое молчаніе. Признаюсь, мнѣ было трудно высказать мое мнѣніе, до такой степени казалось мнѣ все противорѣчащимъ здравому смыслу“ [1]).

1-го сентября рано утромъ начали прибывать на позицію войска; одновременно съ первыми отрядами прибылъ и князь Кутузовъ. Онъ остановился въ Филяхъ и тотчасъ-же отдалъ приказъ строить на Поклонной горѣ обширный редутъ [2]). Здѣсь предназначалъ онъ, согласно съ диспозиціею Бенингсена, расположить нашъ крайній правый флангъ. Влѣво отъ редута, на большой Смоленской дорогѣ, пересѣкавшей наши линіи, онъ повелѣлъ возвести большую батарею. Въ лѣсу, направо отъ всей позиціи, велѣно было разсыпать егерей [3]). Между тѣмъ прибылъ въ Фили и генералъ Барклай. Несмотря на страшную лихорадку [4]), мучившую его въ теченіи нѣсколькихъ дней, онъ немедленно-же сѣлъ на лошадь и отправился осматривать позицію. Онъ ужаснулся при одномъ ея видѣ. Ему казалось, что природныя невыгоды увеличивались еще болѣе крайне ошибочною диспозиціею войскъ. Резервъ поставленъ былъ такъ неудачно, что каждое непріятельское ядро должно было поражать его неизбѣжно. Резервъ лѣваго фланга, будучи отдѣленъ отъ корпусовъ, долженствовавшихъ получать отъ него подкрѣпленія, глубокимъ оврагомъ, въ случаѣ разбитія сихъ войскъ, долженъ былъ оставаться спокойнымъ зрителемъ онаго, не имѣя возможности подать имъ помощи. Пѣхота этого резерва имѣла, по край-

---

1) См. Кроссаръ. Memoires militaires et historiques. T. IV, стр. 362.

2) См. Ермоловъ, записки. Т. I, стр. 208.

3) См. записки Ермолова. Т. I, стр. 208.

4) „Лихорадка эта была, - замѣчаетъ Барклай де-Толли,—слѣдствіемъ не только всего похода и усилій, исполненныхъ мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, но еще болѣе—досады и обидъ, которымъ подвергался я ежечасно“. См. „Чтенія Общества исторіи и древностей“ 1858 г., отд. II., стр. 25.

нѣй [illegible] возможность отступить по [illegible] и по [illegible] [illegible] же не было и того преимущества. Въ оставалось [illegible] немедленно обратиться въ [illegible] неизбѣжно ожидать [illegible] непріятельскаго преслѣдованія.

Осмотрѣвши лично [illegible] и убѣдившись [illegible], что въ случаѣ пораженія — а это казалось ему неизбѣжнымъ — вся армія [illegible] погибнетъ [illegible] до послѣдняго человѣка [1], — Барклай поспѣшилъ въ главную квартиру, намѣреваясь [illegible] свое мнѣніе [illegible] непріятеля. На дорогѣ главнокомандующій первою арміею встрѣтилъ генерала Беннигсена, все еще продолжавшаго распоряжаться на избранной позиціи. Съ трудомъ сдерживая накипавшія въ немъ чувства горечи и негодованія, Барклай накинулся на Беннигсена со словами: „[illegible] рѣшеніе уже погубитъ всю армію на этомъ мѣстѣ“. Беннигсенъ, страшно смущенный такимъ вопросомъ, принялъ на себя видъ ничего не понимающаго, пораженнаго удивленіемъ человѣка. „Я сейчасъ самъ буду на правомъ флангѣ“, — отвѣтилъ онъ Барклаю. Главнокомандующій первою арміею, не теряя съ нимъ лишнихъ словъ, поѣхалъ въ Фили; и Беннигсенъ, какъ видно, не считалъ нужнымъ спѣшить. Вмѣсто того, чтобы ѣхать на правый флангъ, онъ предпочелъ отправиться въ центръ, гдѣ отведена ему была въ одной изъ сосѣднихъ деревень квартира [2]. Очевидно, онъ хотѣлъ больше всего избѣгнуть столь неудобныхъ для него, при данныхъ условіяхъ, личныхъ объясненій съ Барклаемъ въ присутствіи князя Кутузова.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ, еще до возвращенія Барклая изъ рекогносцировки, произошли въ высшей степени любопытныя сцены. Кутузовъ, не довѣряя безусловно стратегическимъ способностямъ Бенингсена, а быть можетъ

[1] „Въ случаѣ разбитія вся армія была-бы уничтожена до послѣдняго человѣка, и отступленіе чрезъ столь обширный городъ передъ преслѣдующимъ непріятелемъ — вещь несбыточная“. См. „Чтенія Об. ист. и древ.“ 1858 г. Отд. II, стр. 26.

[2] См. Записка Барклая де-Толли. Тамъ-же, стр. 25.

и желая найти удобный предлогъ для оставленія Москвы, совѣтовался о выгодахъ и невыгодахъ позиціи съ окружавшими его генералами. По своему обычаю, онъ сидѣлъ при этомъ по срединѣ дороги на маленькой скамейкѣ. Лицо его было также безстрастно и спокойно, какъ и всегда; съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто безучастно, выслушивалъ онъ отзывы и совѣты своихъ подчиненныхъ. А между тѣмъ все вокругъ него волновалось, все было полно тревогъ, опасеній, надеждъ. Почти всѣ генералы смотрѣли безнадежно на предстоящее кровавое рѣшеніе, но избѣгнуть этого рѣшенія, отступить еще далѣе, бросить Москву точно также, какъ брошены были Вязьма, Дорогобужъ, Можайскъ—противорѣчило, казалось имъ, самымъ основнымъ принципамъ чести и патріотизма. Неужели Москва не заслуживала того, чтобы пожертвовать для нея большею частью арміи, чтобы попытаться отстоять ее въ послѣднемъ отчаянномъ бою? „По ихъ мнѣнію,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій,—какъ могила составляетъ предѣлъ земному странствованію человѣка, такъ Москва была цѣлью и гробомъ русскаго воина; за Москвою уже былъ другой міръ“ [1]). Потребна была не малая доля нравственнаго мужества, чтобы противостать этому общему чувству, чтобы сохранить въ эти тяжелыя минуты возможность объективнаго и безстрастнаго взгляда, чтобы не дать силѣ чувства восторжествовать надъ разсудкомъ, но во благу Россіи въ такихъ людяхъ не было недостатка и въ этотъ потрясающій моментъ. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ главнокомандующаго, былъ и генералъ Ермоловъ. „Какъ кажется тебѣ наша позиція“,—спросилъ его совершенно неожиданно князь. Ермоловъ отвѣчалъ почтительно, что онъ хотя и не можетъ судить по одному взгляду положительно о мѣстности, назначенной для 60 или болѣе тысячъ человѣкъ, но что весьма замѣтные недостатки въ ней приводятъ къ мысли о невозможности удержаться на ней. Кутузовъ взялъ Ермолова за руку, ощупалъ пульсъ и сказалъ: „здоровъ-ли ты?“ Ермоловъ съ живостью возразилъ:

---

[1]) Memoiren des Herzog's Eugen v. Würtemberg. T. II, стр. 160 и слѣд.

[illegible] что ваше сіятельство не будете драться на этой [illegible] будете разбиты непремѣнно[illegible] Безъ присут- [illegible] генерала [illegible] отвѣчалъ [illegible] Кутузовъ [illegible] Кроссаръ [illegible] былъ. Кроссаръ былъ старый знакомый Куту- зова [illegible] принималъ участіе въ послѣдней кампаніи 1805 г. и составилъ планъ отступленія [illegible] войскъ отъ Кремса къ Гогенварту [2]. Вызванный впередъ главнокомандующимъ, Кроссаръ [illegible] сказалъ, что [illegible] найти болѣе удоб- ной [illegible] для [illegible] армія, какъ та, ко- торую занимаетъ въ эту минуту ваша свѣтлость.—Какъ! возразилъ [illegible] Кутузовъ [illegible] вы- раженіемъ [illegible]. „Мѣстность, продол- жалъ съ живостью Кроссаръ, [illegible] непріятель будетъ наступать на васъ, [illegible] онъ будетъ имѣть возможность скрыть отъ васъ всѣхъ своихъ солдатъ и всѣ свои движенія, тогда какъ все на вашей сторонѣ, начиная послѣднимъ солдатомъ, будетъ у него на виду. Онъ не будетъ затрудняться ни на минуту, гдѣ расположить свою артиллерію и куда направить ея огонь, такъ какъ мѣст- ность, занимаемая имъ, представляетъ для этого всевозмож- ныя удобства“. Указавъ велѣдъ затѣмъ другія неудобства нашей позиціи, Кроссаръ обратился къ Кутузову съ такимъ вопросомъ: „но желаете-ли, ваша свѣтлость, драться?“—Какъ, желаю-ли я драться? возразилъ съ живостью Кутузовъ.—„Если

—

[1]) „Князь Кутузовъ, снисходительно выслушавъ замѣчаніе мое, съ изъявле- ніемъ ласки приказалъ мнѣ осмотрѣть позицію и донести ему“. Записки Ер- молова. Т. I, стр. 20[illegible].

[2]) „Ермоловъ спросилъ меня: что думаете вы объ этой позиціи? Я отвѣчалъ, что считаю ее крайне опасною. „Я думаю тоже самое“, замѣтилъ Ермоловъ и, обратившись тотчасъ-же къ Кутузову, сказалъ: „генералъ, вотъ господинъ, кото- рый много воевалъ въ Австріи и другихъ мѣстахъ: онъ полагаетъ также, что позиція, занимаемая нами, неудобна“. Главнокомандующій приказалъ мнѣ при- близиться. Я напомнилъ ему прежде всего, что я начерталъ планъ отступленія его отъ Кремса къ Гогенварту“. Кроссаръ, Memoires militaires et historiques. Т. IV, стр. 263.

да",—продолжалъ Кроссаръ,—„то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ расположить армію не поперекъ дороги, а параллельно съ нею". Кутузовъ выслушалъ внимательно объясненія Кроссара и, указывая ему на генерала Ермолова и своего зятя князя Кудашева, сказалъ [1]): „отправьтесь немедленно съ этими господами, осмотрите внимательно обѣ позиціи: ту, которую я занимаю и ту, которую предлагаете вы мнѣ, и донесите мнѣ о результатахъ вашей рекогносцировки" [2]).

Среди этого разговора прибылъ на Поклонную гору графъ Растопчинъ. Впервые пришлось тутъ ему встрѣтиться лицемъ къ лицу съ старымъ фельдмаршаломъ. Понятно, что Кутузовъ не могъ произвести пріятнаго впечатлѣнія на графа, уже крайне предубѣжденнаго противъ него. Ему казалось, что неувѣренность и страхъ сквозили въ каждой минѣ, въ каждомъ словѣ главнокомандующаго [3]). Кутузовъ увѣрялъ графа, что онъ намѣренъ дать сраженіе Наполеону на этомъ самомъ мѣстѣ и что въ случаѣ неудачи онъ разсчитываетъ отступить на Тверь. На замѣчанія Растопчина, что въ этомъ направленіи онъ не найдетъ достаточно припасовъ для арміи, у Кутузова вырвалось замѣчаніе: „но прежде всего нужно подумать о сѣверѣ и постараться прикрыть его". Растопчинъ, очевидно, не придалъ вѣры этимъ словамъ князя и, желая вывѣдать его настоящія намѣренія, придложилъ ему вопросъ,

---

[1]) Ермоловъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что съ Кроссаромъ отправлены были онъ и Толь, а не Кудашевъ. Т. I, стр. 208.

[2]) Кроссаръ. Momoires militaires et historiques. T. IV, стр. 364—365. „Отдавъ свое приказаніе, Кутузовъ обратился къ окружавшимъ его генераламъ съ такими словами: Savez—vous, qu'il a parlé en homme comme il faut"...

[3]) „Я нашелъ, говоритъ Растопчинъ, кн. Кутузова, сидящимъ передъ огнемъ Къ нему безпрерывно подъѣзжали со всѣхъ сторонъ генералы, офицеры главнаго штаба, адъютанты, испрашивая приказаній. Онъ отсылалъ ихъ то къ генералу Барклаю, то къ Беннигсену, а иногда и къ Толю, квартирмейстеру, своему любимцу, достойному своего покровителя. Онъ принялъ меня чрезвычайно учтиво, отвелъ въ сторону, и мы бесѣдовали наединѣ по крайней мѣрѣ полчаса. Это былъ мой первый разговоръ съ этимъ человѣкомъ. Онъ очень любопытенъ. Низость, неувѣренность и страхъ выражались въ словахъ главнокомандующаго нашими арміями, который долженствовалъ быть спасителемъ отечества, но который никогда ничего не дѣлалъ и, не смотря на то, былъ почтенъ этимъ громкимъ именемъ". Растопчинъ, Записки.

не намѣренъ-ли онъ отступить на Калужскую дорогу, куда направлены всѣ обозы съ продовольствіемъ. Кутузовъ отвѣчалъ уклончиво на этотъ вопросъ и началъ распространяться вслѣдъ затѣмъ о предстоящемъ сраженіи, просилъ графа пріѣхать въ армію съ архіепископомъ и чудотворными иконами, которыя онъ намѣревался пронести по всей линіи войска. Въ заключеніе онъ просилъ графа прислать ему нѣсколько дюжинъ бутылокъ вина и предупредилъ его, что завтра ничего не будетъ, такъ какъ Наполеонъ атакуетъ его не ранѣе, какъ черезъ день [1]).

Прошло немного времени послѣ этого разговора и Ермоловъ возвратился изъ своей рекогносцировки. Его донесеніе было не въ пользу занимаемой позиціи и склонялось скорѣе на сторону мнѣнія Кроссара. Кутузовъ выслушалъ его внимательно, но не далъ ему никакого отвѣта. Старый вождь, очевидно, не довѣрялъ этимъ молодымъ, горячимъ воинамъ. По крайней мѣрѣ онъ не сдѣлалъ никакихъ измѣненій ни въ расположеніи войскъ, ни въ начатыхъ шанцевыхъ работахъ. Томительная неизвѣстность и нерѣшительность продолжали длиться до той минуты, пока къ главнокомандующему не подъѣхалъ Барклай де-Толли. Его подробный докладъ о трасположеніи нашихъ силъ, его наглядное описаніе позиціи, сдѣланное съ помощью рисунка, произвело на князя потрясающее впечатлѣніе. „Онъ ужаснулся, выслушавъ меня“,— замѣчаетъ Барклай де-Толли въ своей запискѣ [2]). Другимъ очевидцамъ показалось, однако-же, что на лицѣ Кутузова блеснулъ лучъ радости. Рѣшительное слово объ оставленіи

---

[1]) Всѣ эти подробности передаетъ въ своихъ запискахъ Растопчинъ. „Князь Кутузовъ, разсказываетъ Ермоловъ, подробно передалъ мнѣ разговоръ свой съ графомъ Растопчинымъ и, со всею простотою души своей и невинностью, увѣрялъ меня, что онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не сыщетъ никакихъ существенныхъ выгодъ, и что нѣтъ, конечно, причинъ удерживать ее съ чувствительною потерей, и спросилъ, какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго испытанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подозрѣвая готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было-бы арріергарду нашему, въ честь древней столицы, оказать нѣкоторое сопротивленіе“. Записки Ермолова. Т. I, стр. 210.

[2]) См. Записка Барклая. „Чтенія Общества ист. и др.“ 1858 г. Отд. II, стр. 26.

Москвы было произнесено, и произнесено не имъ, а главнокомандующимъ первой арміи [1]). Кутузовъ поднялся съ своей скамейки и объявилъ, что въ четыре часа вечера должны собраться къ нему всѣ генералы на военный совѣтъ для рѣшенія спорнаго вопроса [2]).

Совѣщаніе, долженствовавшее рѣшить не только участь Москвы, но и судьбу Россіи и Европы, происходило въ крестьянской избѣ, занимаемой княземъ Кутузовымъ [3]). Генералы Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковники Кайсаровъ и Толь прибыли ровно въ четыре часа [4]). Одинъ только Бенингсенъ заставилъ ждать себя цѣлыхъ два часа. Желая первенствовать вездѣ, Бенингсенъ, не спрашивая Кутузова, взялъ на себя роль предсѣдателя и открылъ совѣщанія вопросомъ: предпочтительно-ли сражаться подъ стѣнами Москвы, или слѣдуетъ оставить городъ непріятелю? Кутузовъ былъ крайне озадаченъ и разсерженъ такою постановкою вопроса. „Отъ настоящаго совѣщанія, замѣтилъ онъ, зависитъ не только участь арміи и Москвы, но и всего государства. Вопросъ, поставленный Бенингсеномъ, безъ предварительнаго объясненія общаго положенія дѣлъ, совершенно лишній“ [5]). Князь описалъ затѣмъ подробно всѣ неудобства позиціи, занимаемой арміею; онъ замѣтилъ, что доколѣ будетъ еще существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется еще надежда съ честью

---

[1]) Въ числѣ лицъ, полагавшихъ, что Кутузовъ только давалъ видъ, что хочетъ сражаться подъ Москвою, что совѣты Растопчина и мнѣніе Барклая приходились ему по сердцу, былъ и Ермоловъ. См. Записки. Т. I. стр. 209.

[2]) Принцу Евгенію Виртембергскому, къ которому онъ былъ особенно расположенъ, Кутузовъ шепнулъ при этомъ на ухо: „здѣсь должна помочь мнѣ одна моя голова, все равно—дурна она, или хороша“. (Ici ma tête, fût elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle même). Aus dem Leben d. Pr. Eugen von Würtemberg. Helldorf. T. II, стр. 58.

[3]) Изба эта сгорѣла, никѣмъ не охраняемая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такъ берегутъ у насъ священные памятники прошлаго!

[4]) Свѣдѣнія о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ находятся въ донесеніяхъ генераловъ Барклая и Бенингсена государю, въ запискахъ Раевскаго, Ермолова, Толя и частныхъ письмахъ генераловъ.

[5]) См. Записка Барклая де-Толли, стр. 27.

окончить войну; но по уничтоженіи арміи, не только Москва, но и вся Россія будетъ потеряна. Князь Кутузовъ, окончивъ свою рѣчь, поставилъ вопросъ: „слѣдуетъ-ли ожидать нападенія непріятеля въ этой неудобной позиціи, или оставить непріятелю Москву?“ Первый высказалъ свое мнѣніе Барклай де-Толли. Онъ замѣтилъ, что оставаться на занимаемой нами крайне неудобной позиціи чрезвычайно опасно. Трудно разсчитывать на побѣду въ виду громаднаго превосходства непріятеля, а въ случаѣ пораженія можно сказать положительно, что вся армія будетъ уничтожена при отступленіи черезъ Москву. Правда, что тяжело и горестно оставлять непріятелю столицу, но если мы только не потеряемъ мужества и будемъ дѣйствовать съ энергіею, то непріятель, завладѣвъ Москвою, приготовитъ себѣ только гибель. Защищая Москву, мы не спасемъ Россіи отъ войны жестокой и разорительной, но сохранивъ армію, мы пріобрѣтаемъ возможность продолжать войну, которая одна только можетъ спасти отечество. Указавъ вслѣдъ затѣмъ на подкрѣпленія, которыя должна получить армія, упомянувъ о средствахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, Барклай де-Толли предложилъ отступить на Владимірскую дорогу, чтобы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ [1]).

Рѣчь Барклая была направлена, главнымъ образомъ, противъ Бенигсена. Всѣ присутствующіе ожидали, что начальникъ штаба предприметъ по крайней мѣрѣ попытку оправдать сдѣланный имъ выборъ позиціи, но ловкій интриганъ съ разу поставилъ вопросъ на иную почву. „Хорошо-ли сообразили, воскликнулъ онъ съ паѳосомъ, тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, самаго обширнаго города въ имперіи, и какія потери понесутъ казна и множество частныхъ лицъ? Подумали-ли, что будутъ говорить крестьяне, общество и вообще весь народъ, и какое ихъ мнѣніе можетъ имѣть вліяніе на способы для продолженія войны? Подумали-ли объ опасности провесть черезъ городъ войска съ артиллеріею въ такое короткое время, ког-

---

[1]) Рѣчь Барклая въ его запискѣ, у Ермолова въ запискахъ, т. I, стр. 211.

да непріятель преслѣдуетъ насъ по пятамъ? Наконецъ, о стыдѣ оставить непріятелю столицу безъ выстрѣла? „Я спрашиваю,—продолжалъ Бенингсенъ съ ироніею, напоминая о побѣдной реляціи Кутузова,—будетъ-ли послѣ этого вѣрить Россія, что мы выиграли Бородинское сраженіе, какъ это было обнародовано, если послѣдствіемъ его будетъ оставленіе Москвы, и не докажемъ-ли мы тѣмъ, что мы его потеряли? Какое произведетъ это впечатлѣніе на иностранные дворы и вообще въ чужихъ краяхъ? Я спрашиваю, развѣ наши войска будутъ лучше устроены, оставивъ Москву непріятелю? Не должно-ли наше отступленіе имѣть предѣлъ? Я не вижу поводовъ предполагать, что мы будемъ непремѣнно разбиты, потеряемъ всю артиллерію, тогда какъ послѣ Бородинскаго сраженія мы получили подкрѣпленія, а непріятель получить ихъ не могъ. Я думаю, что мы остались такими-же русскими, которые дрались съ примѣрною храбростію. Если въ сраженіи 26-го августа мы потерпѣли большія потери, то не меньшія потерпѣлъ и непріятель какъ въ солдатахъ, такъ и въ офицерахъ. Если наша армія послѣ того разстроена, то не менѣе разстроены и непріятельскія войска“. Такъ ораторствовалъ Бенингсенъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что онъ перейдетъ, наконецъ, къ дѣлу, оставитъ общія мѣста и начнетъ доказывать всѣ выгоды избранной имъ позиціи. Но Бенингсенъ, очевидно, уже забылъ объ этой позиціи и совершенно неожиданно предложилъ новый наступательный способъ дѣйствія. Опираясь на извѣстія, что непріятельскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ, онъ предложилъ въ теченіи ночи перевести всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться на встрѣчу непріятелю, ослабленному отдѣленіемъ этихъ корпусовъ [1]. „Мы непремѣнно разобьемъ его, объявилъ онъ съ самоувѣренностью, и тогда онъ будетъ вынужденъ притянуть къ себѣ тѣ корпуса, дабы они не были отрѣзаны нами“.

---

[1]) Вся рѣчь Бенингсена и новый планъ, предложенный имъ, находятся въ письмѣ его къ императору Александру изъ Вильны отъ 19 января 1813 г. Къ письму приложена выписка изъ записокъ Бенингсена о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

что могъ, чтобы увѣрить, что единственнымъ средствомъ не уступать столицы было-бы встрѣтить непріятеля и сразиться съ нимъ. Но это отважное мнѣніе не могло подѣйствовать на этихъ малодушныхъ людей. Какой стыдъ для русскихъ покинуть отчизну безъ малѣйшаго ружейнаго выстрѣла и безъ боя! Я взбѣшенъ, но что-же дѣлать!" [1]). Коновницынъ, молодой, неустрашимый воинъ, но не испытанный, по замѣчанію Ермолова, въ способности обнимать обширныя и многосложныя соображенія, также согласился съ мнѣніемъ Бенингсена и совѣтовалъ немедленно-же атаковать непріятеля [2]). Генералъ Остерманъ наоборотъ опровергалъ предложеніе Бенингсена и въ заключеніе спросилъ его: „можетъ-ли онъ въ случаѣ сраженія поручиться за нашу побѣду?" [3]). Бенингсенъ, крайне раздраженный этимъ страннымъ вопросомъ, отвѣчалъ, что подобныхъ требованій нельзя предъявлять къ одному человѣку; что побѣда можетъ зависѣть лишь отъ храбрости нашихъ солдатъ и умѣнья нашихъ генераловъ. Раевскій, прибывшій къ концу совѣщанія, высказался рѣшительно въ пользу отступленія. „Россія не въ Москвѣ,— замѣтилъ онъ, а среди сыновъ ея. Болѣе всего надо беречь войско. Мое мнѣніе оставить Москву безъ сраженія. Я говорю, какъ солдатъ. Князь Михаилъ Илларіоновичъ одинъ можетъ судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ произвести извѣстіе о занятіи Москвы непріятелемъ" [4]). Полковникъ Толь, замѣтивъ, что армія не можетъ удержаться въ позиціи, избранной Бенингсеномъ, предлагалъ немедленно-же оставить ее и расположить армію правымъ флангомъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой Ка-

---

[1]) Письмо Дохтурова къ женѣ отъ 3-го сентября 1812 г. „Русскій Архивъ" 1874 г. кн. 5, стр. 1098. Въ дальнѣйшихъ строкахъ этого письма выражается полнѣйшее отчаяніе: „Теперь я увѣренъ, что все кончено, и въ такомъ случаѣ ничто не можетъ удержать меня на службѣ; послѣ всѣхъ непріятностей, трудовъ, дурнаго обращенія и безпорядковъ, допущенныхъ по слабости начальниковъ,—послѣ всего этого ничто не заставитъ меня служить; я возмущенъ всѣмъ, что творится".

[2]) См. Ермоловъ, записки. Т. I, стр. 212.

[3]) См. записки Барклая, стр. 27.

[4]) Раевскій. Письмо къ генералу Жомини.

[illegible]

[illegible] можетъ про- [illegible] стр. 212.

на подкрѣпленіе, и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить неизбѣжную гибель непріятелю. Поэтому я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность падаетъ на меня, но жертвую собою для спасенія отечества. Приказываю отступать" [1]).

Вѣсть о рѣшеніи главнокомандующаго оставить Москву, не смотря на поздній часъ, быстро распространилась между войсками. Чувство великой, несказанной скорби овладѣло всѣми сердцами. Стыдно было смотрѣть другъ на друга. Казалось, что Россія отрекалась отъ самой себя, что она сознавалась въ своемъ безсиліи и складывала оружіе предъ гордымъ побѣдителемъ [2]). Кутузовъ самъ отлично сознавалъ всю великую тягость принятаго имъ рѣшенія. Тяжелыя мысли не давали ему покоя, гнали отъ него сонъ. Всю ночь слышалась его тяжелая походка по половицамъ избы. Слезы струились по щекамъ стараго вождя, глухіе стоны, подавленныя рыданія вырывались по временамъ изъ его груди [3]).

Уже тотчасъ послѣ совѣта, Кутузовъ извѣстилъ графа Растопчина о своемъ рѣшеніи слѣдующимъ письмомъ: „Непріятель, отдѣливъ свои колонны на Звенигородскъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе принуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу; посему покорно прошу ваше сіятельство прислать мнѣ съ симъ-же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ, сколько можно болѣе полицейскихъ офицеровъ, которые могли-бы армію провести черезъ разныя дороги на Рязанскую дорогу" [4]).

Спрашивается, могло-ли это письмо быть страшною неожиданностью для московскаго главнокомандующаго, какъ увѣрялъ онъ въ этомъ неоднократно. Растопчинъ сомнѣвался, правда, въ возможности оставленія Москвы даже и послѣ Бородинскаго сраженія, но его сомнѣнія разсѣялись окон-

---

[1]) Военный журналъ полковника Толя, подп. 1-мъ сентября.

[2]) См. Граббе, Памятныя Записки. „Русскій Архивъ" 1873 г. № 3,

[3]) См. Записки артиллериста. Часть I, стр. 175.

[4]) Письма князя Кутузова. „Русскій Архивъ" 1875, стр. 272.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

самаго бѣднѣйшаго народа, не имѣющаго другаго пріюта. Если безъ боя оставите вы Москву, то увидите ее за собою пылающую" [1]).

Итакъ графъ Растопчинъ не только примирился съ мыслью объ оставленіи Москвы, но даже настаивалъ на ней еще 31 августа. И тѣмъ не менѣе тотъ-же самый Растопчинъ пришелъ въ негодованіе, получивъ поздно вечеромъ 1 сентября, приведенное выше письмо Кутузова. Онъ спѣшилъ увѣдомить прежде всего государя о страшномъ преступленіи главнокомандующаго. „Государь! Въ то время, когда я отправлялъ къ Вамъ мое донесеніе, пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ князя Кутузова съ требованіемъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, которые должны провести армію на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Такимъ его поступкомъ рѣшается участь этой столицы и Вашей имперіи, которая задрожитъ отъ гнѣва, когда узнаетъ, что онъ отдаетъ непріятелю городъ, въ которомъ заключалось величіе Россіи и гдѣ покоится прахъ Вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею; я все вывезъ, и мнѣ ничего другаго не остается, какъ плакать о судьбѣ моего отечества и Вашей" [2]).

Изъ свидѣтельствъ самаго графа Растопчина оказывается, однако-же, что у него было еще достаточно дѣла въ Москвѣ. Отрядивъ къ Кутузову требуемыхъ полицейскихъ офицеровъ и приказавъ полиціймейстеру немедленно-же выѣхать изъ Москвы со всѣми своими командами и пожарнымъ обозомъ, графъ отправилъ къ московскому архіепископу Высочайшее повелѣніе немедленно-же выѣхать изъ Москвы и взять съ собою двѣ чудотворныя иконы Божіей Матери. Важнѣйшія церковныя сокровища Москвы приготовлены были уже къ вывозу, но только 31 августа московскій главнокомандующій

---

[1]) Почти тоже самое говорилъ гр. Растопчинъ и принцу Евгенію Виртембергскому: „если-бы спросили меня, то я воскликнулъ-бы: истребите столицу прежде, чѣмъ отдавать ее непріятелю. Таково мнѣніе графа Ростопчина. Что касается до правителя города, обязаннаго заботиться объ его спасеніи, то онъ не можетъ, разумѣется, дать такого совѣта". Записки принца Евгенія. Т. II.

[2]) Письмо гр. Растопчина къ императору отъ 1 сентября 1812 года. „Русскій Архивъ" 1875, кн. II, стр. 273.

прислалъ къ викарію московскому 300 подводъ. На этихъ подводахъ отправлены были въ слѣдующую ночь въ Вологду патріаршая ризница и библіотека, ризницы соборовъ, Троицкой Лавры и нѣкоторыхъ другихъ монастырей, дѣла консисторіи и сунодальной конторы. Преосвященный Августинъ хотѣлъ спасти драгоцѣнности, оставшіяся въ Успенскомъ соборѣ, св. мощи и чудотворныя иконы; но графъ Растопчинъ не соглашался на это, чтобы не произвести унынія въ народѣ, какъ заявлялъ онъ оффиціально [1]). Въ дѣйствительности онъ руководился иными мотивами. Онъ самъ дѣлалъ съ своей стороны въ послѣдніе дни все, чтобы возбудить страсти той бѣдной и отчаянной массы, которая одна, по словамъ его, оставалась еще въ это время въ Москвѣ; онъ самъ наблюдалъ теперь за грозными признаками возникающаго волненія и невольный страхъ закрадывался по временамъ въ его душу. Въ тотъ самый день, когда московскій архіепископъ просилъ его разрѣшенія вывести изъ Москвы сокровища Успенскаго собора, на улицахъ столицы распространилось уже послѣднее воззваніе графа „на Три Горы", гласившее такъ: „Братцы, наша сила многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву, но надо пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать, она насъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба. Идите со крестомъ, мозьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ-же на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отгова-

[1]) Когда митрополитъ Платонъ спросилъ игумена Перервинскаго монастыря, „все-ли онъ спасъ изъ монастырскихъ сокровищъ", и игуменъ отвѣтилъ ему: „все лучшее и драгоцѣнное; оставилъ только серебрянныя лампады въ церквахъ, чтобы не произвести унынія въ народѣ",—то митрополитъ возразилъ ему: „ступай скорѣе, возьми все и увези; когда тать идетъ, тогда къ чему такіе разсчеты". Снегиревъ. „Жизнь митрополита Платона", часть II, стр. 48

риваться станетъ" [1]). Выставляя это воззваніе, графъ Растопчинъ полагалъ, что въ Москвѣ ничего особеннаго вслѣдствіе его не произойдетъ, но онъ думалъ, что оно должно вразумить нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, въ случаѣ занятія Москвы непріятелемъ [2]). Первыя послѣдствія прокламаціи были, однако-же, совершенно иныя, и во всякомъ случаѣ крайне непріятныя для самого графа. Чернь начала бушевать на улицахъ, разбивать кабаки. Повсюду появились толпы пьянаго, буйнаго народа; вездѣ слышался дикій крикъ, происходили драки. Буяны останавливали прохожихъ,, спрашивая, гдѣ непріятель? Въ Серебряномъ ряду толпа схватила какихъ-то двухъ нѣмцевъ, начала кричать, что они шпіоны и избила ихъ до полусмерти [3]). Народъ, очевидно, принялъ къ сердцу воззваніе графа. Бѣдняки дѣйствительно готовились умирать за отечество, для его спасенія приносили они въ жертву свои послѣдніе гроши. За послѣднія деньги покупали они у торговцевъ, не упускавшихъ и въ этотъ день своихъ выгодъ, старое, нерѣдко никуда негодное оружіе [4]). Многіе запаслись такимъ способомъ ружьями и пиками, другіе вооружились вилами и топорами. Всѣ стремились, вѣря словамъ графа, на предмѣстье Три Горы, „чтобы спасти,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1875 г., кн. 10, стр. 195. За день передъ этимъ явилась еще другая прокламація графа, въ которой онъ объявляетъ москвичамъ, что Кутузовъ будетъ защищать Москву до послѣдней капли крови и взываетъ къ истребленію непріятеля. „Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо и я молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиною, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжелѣ снопа аржанаго" и т д. См. Бестужевъ-Рюминъ. „Краткое описаніе происшествій въ Москвѣ". Чтенія Об. ист. и др. 1859 г., Смѣсь, стр. 32.

[2]) Подавая это возваніе Глинкѣ и поручая немедленно напечатать, графъ Растопчинъ добавилъ: „у насъ на Трехъ Горахъ ничего не будетъ, но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву". Глинка, записки о 1812 г., стр. 53.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ: „Словомъ, Москва въ этотъ день была какъ-бы безъ начальства", стр. 82.

[4]) „Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православный русскій народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцевъ купленнымъ". Бестужевъ-Рюминъ, стр. 83.

говоритъ очевидецъ, отъ наступающаго врага Москву, колыбель православія и гробы праотцевъ". Повсюду раздавались восторженные крики: „да здравствуетъ батюшка нашъ, Александръ!" Собралась такая масса народа, что онъ занималъ пространство въ 4 или 5 квадратныхъ верстъ. „Трудно было, какъ говорится, яблоку упасть. Отъ восхода до захода солнца народъ терпѣливо ожидалъ прибытія своего вождя, но графъ Растопчинъ не являлся и всѣ съ уныніемъ разошлись по домамъ". На другой день буйство народное возобновилось еще съ большею силою. „Невозможно описать его",—замѣчаетъ очевидецъ [1]). Въ этотъ дѣнь, т. е. 1-го сентября, когда церковь празднуетъ поволѣтіе и молится о лѣтѣ Господнемъ благопріятномъ, преосвященный Августинъ служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Соборъ былъ полонъ народа и слышались рыданія. Зарыдалъ и самъ преосвященный, когда, складывая антиминсъ, сказалъ: „скоро-ли снова Господь удостоитъ насъ служить въ этомъ храмѣ". По окончаніи литургіи, архіепископъ поѣхалъ въ свое подворье на Тверскую; но и тамъ осадили его толпы народа, освѣдомляясь, когда поѣдетъ онъ на Три Горы. Испуганный архіепископъ приказалъ затворить ворота, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣднихъ приказаній Растопчина. Часы тянулись за часами въ томительной неизвѣстности; только въ полночь графъ увѣдомилъ, наконецъ, архіепископа, что онъ долженъ немедленно-же выѣхать изъ Москвы на Владиміръ и взять съ собою три иконы Божіей Матери—Владимірскую, что въ Успенскомъ соборѣ, Иверскую и Смоленскую. Преосвященный немедленно-же собрался въ путь. Но какъ было взять Иверскую икону? Часовня была ярко освѣщена всю ночь и наполнена молящимися. Игуменъ Перервинскаго монастыря, отправленный за иконою, принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ приказалъ жившему при часовнѣ іеромонаху облачиться въ священническія одежды, нести передъ иконою зазженныя свѣчи и объявить, что онъ несетъ икону къ болящему. Толпа, не подозрѣвая обмана, пропу-

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, стр. 83.

стила икону. Уже въ два часа утра архіепископъ выѣхалъ изъ Москвы, увозя съ собою на 14 подводахъ все, что удалось ему захватить въ торопяхъ [1]). Громадное количество церковныхъ сокровищъ осталось, вопреки словамъ графа Растопчина, въ Москвѣ, на жертву непріятелю. Не ясно-ли, что и для графа оставленіе Москвы было полною неожиданностью?

На долю графа падаетъ и еще другое болѣе тяжелое обвиненіе. Въ Москвѣ, объявилъ Наполеонъ, брошено было русскими въ госпиталяхъ безъ помощи, безъ пищи, болѣе 30,000 раненыхъ и больныхъ солдатъ [2]), и всѣ эти несчастные погибли въ пламени, французы не въ состояніи были спасти ихъ. Иностранные писатели повторяли и повторяютъ вслѣдъ за Наполеономъ это тяжкое обвиненіе. Даже Бернгарди говоритъ, что болѣе 10,000 русскихъ раненныхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, погибли въ пламени пылающей Москвы [3]). Растопчинъ пытался въ свое время и не безъ успѣха опровергнуть брошенное на него обвиненіе. Изъ его записокъ [4]) мы узнаемъ, что имъ приготовлены были заранѣе для увоза раненыхъ изъ Москвы 5,000 подводъ. Подводы эти были расположены у одной изъ городскихъ заставъ на лугу, подъ надзоромъ довольно значительной стражи. Получивъ отъ Кутузова письмо съ извѣщеніемъ объ оставленіи Москвы, Растопчинъ немедленно-же отдалъ приказъ отправить подводы къ госпиталямъ, размѣстить на нихъ сколько возможно раненыхъ и вывезти ихъ изъ Москвы въ Коломну, гдѣ ожидали ихъ уже барки и всякая помощь. На подводахъ помѣстилось около 20,000 человѣкъ, тысячи другихъ раненныхъ слѣдовали за ними пѣшкомъ. Одни только тяжело раненые рѣшились, по словамъ графа, оставаться въ Москвѣ и ожидать тамъ непріятеля и смерти. Сколько-же было этихъ несчастныхъ? Растопчинъ говоритъ

---

[1]) Снегиревъ. „Очерки жизни пр. Августина", стр. 31—34. Записки Перервинскаго игумена о. Леврентія (въ ж. „Маякъ" за 1842).

[2]) См. 19 и 20 бюлетени великой арміи.

[3]) Bernhardi. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 143.

[4]) Изъ сочиненія „Правда о пожарѣ Москвы", стр. 232—234.

2000, изъ нихъ по возвращеніи въ Москву онъ нашелъ въ живыхъ всего 300. Изъ другихъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, однакоже, что въ Москвѣ осталось и много другихъ раненыхъ, которые желали и могли выѣхать изъ Москвы, но для которыхъ не хватило подводъ, или о которыхъ вовсе забыли среди всеобщей, страшной суматохи. Въ Голицынской больницѣ, напримѣръ, лежало множество раненыхъ, которыхъ бросили на произволъ судьбы еще за нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ столицу, которыхъ не посѣщали доктора, за которыми не присылали никакихъ подводъ [1]). Что было дѣлать этимъ несчастнымъ? Нанять лошадей на свой счетъ и уѣхать изъ Москвы могли лишь немногіе. Другіе должны были или покориться своей участи и умирать голодной смертью, или же, собравъ остатокъ послѣднихъ силъ, тащиться вслѣдъ за отступающими войсками. Видъ этихъ несчастныхъ производилъ потрясающее впечатлѣніе на войска. Стоны и жалобы несчастныхъ товарищей раздирали душу солдатъ и офицеровъ. Съ негодованіемъ задавали они себѣ вопросъ, почему не позаботились заблаговременно о спасеніи этихъ людей? Неужели не было для этого необходимыхъ средствъ, неужели Москва, столь великодушная на пожертвованія всякаго рода, не подала-бы на этотъ разъ руку помощи? А какъ не подумали объ этомъ вопросѣ заблаговременно лица начальствующія? Развѣ они не понимали, что солдатъ можетъ еще объяснить себѣ оставленіе раненыхъ на покинутомъ полѣ сраженія, но что сердце его обольется кровью при видѣ товарищей, брошенныхъ на произволъ судьбы, среди обилія и избытка средствъ колоссальной столицы [2]).

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ А. С. Норовъ, раненный при Бородинѣ и находившійся самъ въ Голицынской больницѣ. Норовъ, „Война и Миръ", по поводу сочиненія гр. Толстаго, стр. 40.

[2]) Душу мою раздиралъ стонъ раненныхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Въ городѣ Гжатскѣ Кутузовъ далъ необдуманное повелѣніе свозить отовсюду больныхъ и раненыхъ въ Москву, которыхъ она до тѣхъ поръ не видала, и болѣе двадцати тысячъ ихъ туда отправлено. Съ негодованіемъ смотрѣли на это войска. На полѣ сраженія иногда видитъ солдатъ остающихся товарищей, не разумѣетъ другой причины, какъ недостатокъ средствъ къ ихъ сохраненіи

Люди, разсуждавшіе такимъ образомъ въ простотѣ души, упускали, однако-же, изъ виду два важныхъ обстоятельства. Они забывали или не знали вовсе, что оставленіе Москвы было такою-же неожиданностью для главнокомандующихъ, какъ и для нихъ самихъ. Они не могли также знать, что у московскаго главнокомандующаго были и другія дѣла кромѣ заботы о спасеніи раненныхъ, и что эти дѣла имѣли для него, очевидно, первостепенную важность. Какъ ни увѣрялъ графъ Растопчинъ, что большинство жителей давно уже уѣхало изъ Москвы, но изъ его собственнаго разсказа оказывается, что дѣло было далеко не такъ. Выселенія изъ Москвы начались, правда, довольно давно, но они вовсе не были такъ многочисленны, какъ казалось это на первый взглядъ. Уѣхали только одни люди состоятельные, но масса рабочихъ и почти весь средній классъ населенія оставались въ городѣ. Теперь, когда всѣ иллюзіи разсѣялись, когда исчезла послѣдняя надежда, когда отступающія войска наши начали проходить черезъ городъ, масса москвичей, пораженная паническимъ страхомъ, бросилась вслѣдъ за войсками. Но далеко не у всѣхъ бѣглецовъ были средства, необходимыя для бѣгства. И вотъ, болѣе неимущіе и смѣлые изъ нихъ начинаютъ осаждать своими просьбами и требованіями главнокомандующаго. Люди всѣхъ званій и состояній тѣснятся въ его пріемныхъ. Одни просятъ денегъ, другіе подводъ. Полицейскіе офицеры приводятъ и приносятъ несчастныхъ, малолѣтнихъ дѣтей, брошенныхъ своими родителями въ Москвѣ. Графъ старается помочь всѣмъ и каждому. Щедрою рукою

въ Москвѣ, гдѣ есть способы успокоить раненаго воина, жизнію искупляющаго отечество, гдѣ богачъ въ нѣгѣ вкушаетъ покой за твердою его грудью, гдѣ подъ облака возносятся чертоги его, воинъ омываетъ кровію своею послѣднія ступени его лѣстницы, или истощаетъ силы на каменномъ помостѣ двора его. Оскорбительное равнодушіе столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ не охладило, однако-же, усердія ихъ, и всѣ готовы были на ея защиту". Ермоловъ, Записки, ч. I, стр. 214 и 215. Свидѣтельство Ермолова подтверждается и словами Клаузевица, приводимыми нами ниже. Наконецъ, изъ письма самого Кутузова къ генералу Бертье мы узнаемъ, что въ Москвѣ было оставлено девять тысячъ раненныхъ и больныхъ нашихъ воиновъ. См. ниже.

разбрасываетъ онъ деньги, но его помощь является все-таки подъ конецъ и недостаточною и несвоевременною [1]).

Подвиги благотворительности не мѣшаютъ, однако-же, графу заниматься дѣлами полицейскаго и даже карательнаго свойства. Онъ избираетъ изъ числа полицейскихъ чиновъ шесть надежныхъ человѣкъ, которые должны остаться въ Москвѣ въ качествѣ его шпіоновъ. Въ самую послѣднюю минуту онъ вспоминаетъ о Верещагинѣ. Его возмущаетъ мысль, что этотъ страшный преступникъ можетъ остаться безнаказаннымъ, и онъ вдругъ останавливается на мысли отдать его на жертву раздраженному народу [2]). Кстати такое рѣшеніе можетъ вывести и его самого изъ довольно затруднительнаго положенія. Уже пробило 9 часовъ утра, уже большая часть арміи прошла черезъ городъ, уже графу пора было подумать о собственномъ отъѣздѣ, а между тѣмъ у его крыльца толпились громадныя толпы народа, все еще ожидавшія, что Растопчинъ поведетъ ихъ на Три Горы, на встрѣчу врагу. Шутить съ этими людьми, ускользнуть въ виду ихъ, было, очевидно, крайне опасно. Надо было отвлечь ихъ вниманіе въ другую сторону, надо было дать имъ работу. И вотъ Растопчинъ приказываетъ привести къ себѣ изъ тюрьмы Верещагина и француза Мутона, приговорен-

---

[1]) „Я сдѣлалъ все возможное, говоритъ Растопчинъ, чтобы удовлетворить требованіямъ этихъ несчастныхъ. Что касается до денегъ, то я растратилъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы и очень богатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень бѣднымъ человѣкомъ, потому что у меня было 130,000 экстраординарной суммы, оставшейся у меня, и 630 р. собственныхъ денегъ. Къ счастью мысль о томъ, гдѣ ихъ достать впослѣдствіи, въ это время не приходила въ голову". „Правда о пожарѣ Москвы", стр. 220.

[2]) Дѣло Верещагина лежитъ во всякомъ случаѣ самымъ чернымъ пятномъ на памяти гр. Растопчина. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что все преступленіе Верещагина заключалось въ томъ, что онъ перевелъ изъ нѣмецкихъ газетъ письмо и прокламацію Наполеона на русскій языкъ. Врядъ-ли можно также сомнѣваться, что убійство Верещагина рѣшено было отчасти и для того, чтобы облегчить графу выѣздъ изъ Москвы. Противъ этого послѣдняго обвиненія возстаетъ съ особенною энергіею князь П. А. Вяземскій въ своей статьѣ: „Характеристическія воспоминанія и замѣтки о гр. Растопчинѣ". Доводы Вяземскаго, основанные на личномъ знаніи характера графа, не могутъ быть, однако-же, признаны убѣдительными. См. „Русскій Архивъ" за 1877 г., кн. II, стр. 69.

наго уже уголовною палатою, за революціонныя выходки, къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь. Въ сопровожденіи этихъ двухъ арестантовъ выходитъ онъ па крыльцо. Толпа, въ которой много было пьяныхъ, встрѣчаетъ его громкими криками: „на Три Горы!“—„Подождите братцы, восклицаетъ громогласно Растопчинъ: мнѣ надобно еще управиться съ измѣнниками!“ Толпа замираетъ въ ожиданіи. Вслѣдъ затѣмъ графъ обращается къ Верещагину. Онъ упрекаетъ его въ преступленіи тѣмъ болѣе ужасномъ, что изъ всего народонаселенія Москвы нашелся онъ одинъ, который хотѣлъ продать отечество; онъ объявляетъ ему, что сенатъ приговорилъ его къ смерти, и что приговоръ долженъ быть исполненъ надъ нимъ сію-же минуту. Покончивъ эту рѣчь, графъ хватаетъ несчастнаго за руку и громко кричитъ народу: „вотъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!“ Блѣдный, дрожащій Верещагинъ не остается однако-же нѣмымъ и безотвѣтнымъ. „Грѣхъ вашему сіятельству будетъ!“ — говоритъ онъ громко. Растопчинъ спѣшитъ зажать ему ротъ. Онъ подаетъ сигналъ и ординарецъ Бурдаевъ наноситъ несчастному ударъ саблею въ голову. Верещагинъ падаетъ, обливаясь кровью. Толпа бросается на него, какъ стадо разъяренныхъ волковъ. Его осыпаютъ ударами, душатъ, терзаютъ, волокутъ его трупъ по улицамъ [1]). У толпы есть работа, она забыла про Три Горы, про близкаго непріятеля, ей надо упиться до—сыта кровью своей жертвы! Для Растопчина наступаетъ желанная минута. Поспѣшно обращается онъ къ другому арестанту Мутону. „Я оставляю тебѣ жизнь, — говоритъ онъ ему: ступай къ своимъ и скажи имъ, что несчастный, котораго я наказалъ, былъ единственный изъ русскихъ измѣнникъ своему отечеству“. Мутонъ, не ожидавшій подобной милости и творившій молитву въ ожиданіи смерти, бросился бѣжать, какъ безумный. Никто не обратилъ на него вниманія, не

---

[1]) Убійство Верещагина изложено въ текстѣ на основаніи разсказовъ самого Растопчина и Бестужева-Рюмина. Оба свидѣтельства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ. См. „Русскій Архивъ“ за 1875 г., кн. I., стр. 285—86; Чтенія Общ. ист. и др. 1859 г. Смѣсь, стр. 85.

смотря на то, что онъ былъ въ арестантской одеждѣ, безъ шапки и съ молитвенникомъ въ рукахъ. Толпа, видно, была совершенно поглощена своимъ дѣломъ. Она забыла о самомъ Растопчинѣ. Графъ сѣлъ на лошадь и спокойно выѣхалъ со двора и изъ улицы, гдѣ находился его домъ. „Ни разу, говоритъ онъ самъ, не обернулъ я назадъ головы, чтобы не смущать себя прошлымъ. Я закрылъ глаза предъ настоящимъ, которое было ужасно, и передъ страшнымъ будущимъ".

Въ то время, когда графъ Растопчинъ покончивалъ свои дѣла въ Москвѣ, армія наша давно уже двигалась по улицамъ города, обреченнаго на уничтоженіе. Уже съ наступленіемъ ночи съ 1-го на 2-е число начали проходить черезъ столицу громадные обозы арміи. Въ три часа утра, среди глубокой ночной темноты, вступилъ черезъ Драгомиловскую заставу въ городъ авангардъ, состоявшій изъ конницы. За авангардомъ слѣдовали дружины ополченія, за ними артиллерія и армейскіе корпуса. Движеніе громадныхъ массъ сопряжено было съ величайшими трудностями. Войска должны были направляться по одному и тому-же пути, имъ приходилось проходить по узкимъ и извилистымъ улицамъ. Массы бѣглецовъ, поспѣшавшихъ вслѣдъ за арміею или старавшихся предупредить ее, стѣсняли то и дѣло войска, загораживали имъ путь, спирались стѣною въ узкихъ проходахъ, особенно-же на мостахъ. Отъ Драгомиловской заставы велъ тогда во внутрь города всего лишь одинъ мостъ черезъ Москву-рѣку, да и этотъ мостъ былъ деревянный. Понятно, что онъ не выдержалъ страшнаго напора и подломился еще рано утромъ. Произошло сильное замѣшательство: громадныя массы войска столпились на берегу рѣки. Принужденъ былъ остановиться и князь Кутузовъ, прибывшій къ мосту съ своимъ штабомъ въ 8 часовъ утра. Распорядившись починкою моста, главнокомандующій обратился къ своей свитѣ съ вопросомъ: „кто изъ васъ знаетъ Москву". Вызвался князь А. Б. Голицынъ. „Проводи меня такъ, чтобы сколько можно ни съ кѣмъ не встрѣтиться"—сказалъ ему главнокомандующій. Голицынъ провелъ его дѣйствительно до самаго Яузскаго

моста такими глухими переулками, въ которыхъ не встрѣтилось ни одного человѣка [1]). На комъ-же лежала главнѣйшая забота о благополучномъ движеніи войскъ? Быть можетъ, на Бенингсенѣ, какъ на главномъ начальникѣ штаба, но о немъ въ эти критическіе часы не было и помину. Вѣроятно, онъ счелъ болѣе удобнымъ уволить себя на это время отъ исполненія своихъ оффиціальныхъ обязанностей. Тяжелую задачу руководить отступленіемъ арміи черезъ Москву взялъ на себя добровольно Барклай де-Толли. Въ Бородинскомъ бою онъ подавалъ всѣмъ примѣръ самоотверженія и храбрости, теперь онъ изумлялъ всѣхъ и каждаго безпримѣрнымъ выполненіемъ тяжелаго и неблагодарнаго долга. Въ теченіи 18 часовъ не сходилъ онъ съ лошади, онъ самъ наблюдалъ за починкою моста: его адъютанты, разставленные имъ по разнымъ мѣстамъ города, наблюдали за движеніемъ войскъ и доносили ему тотчасъ о всякомъ возникающемъ безпорядкѣ или затрудненіи [2]). Когда драгомиловскій мостъ былъ починенъ и движеніе по немъ пошло своимъ порядкомъ, Барклай де-Толли отъѣхалъ къ Каменному мосту и продолжалъ наблюдать тамъ за проходомъ войскъ. Вдругъ ему донесли, что солдаты грабятъ гостинный дворъ. Барклай немедленно-же отрядилъ туда своего адъютанта. Оказалось, что купцы сами приглашали солдатъ брать товаръ. „Пусть достанется лучше своимъ, нежели непріятелю",—говорили они при этомъ. Барклай распорядился, однако-же, прекратить этотъ оригинальный грабежъ [3]). Настроеніе войскъ, солдатъ и офицеровъ содѣйствовало, впрочемъ, какъ нельзя болѣе успѣху усилій Барклая. Мрачное, но въ тоже время серьезное настроеніе поддерживало дисциплину въ войскахъ. Мысли о грабежѣ и наживѣ никому не приходили въ голову. „Отступленіе, говоритъ очевидецъ, происходило въ порядкѣ и унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣлой столицѣ—матери городовъ рус-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ князь А. Б. Голицынъ. См. записки о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

[2]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten. T. I, стр. 240.

[3]) См. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 146—147.

скихъ, воины съ сокрушенными сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемыя врагу. Домъ Пашкова, многіе другіе красивые и огромные дома, наконецъ Кремль съ своими башнями и высокими палатами древнихъ царей русскихъ и съ златоглавымъ Иваномъ Великимъ, безмолвными свидѣтелями предстоящихъ бѣдствій,—все это оставлялось въ жертву непріятелю. И тысячи русскихъ бѣгутъ отъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Такія скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную горесть и, стѣсняя грудь, исторгали слезы. Несчастные жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горесть" [1]). Это отчаяніе было тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ неожиданнѣе обрушилась на нихъ страшная бѣда. Только вечеромъ 1-го сентября москвичи узнали, такъ сказать, оффиціально, что участь столицы рѣшена. Конные чиновники скакали въ этотъ вечеръ по улицамъ Москвы съ дикими криками: спасайтесь, спасайтесь!" [2]). Но эти вѣстники грозящей бѣды, очевидно, не успѣли предупредить всѣхъ обывателей. Даже утромъ 2-го сентября жители отдаленныхъ улицъ и переулковъ столицы ничего не знали о предстоящемъ вступленіи непріятеля въ городъ. Даже самое движеніе нашихъ войскъ черезъ Москву оставалось для многихъ непонятнымъ. „Какъ теперь помню, говоритъ одинъ очевидецъ изъ военныхъ,—ѣду мимо одного дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвушками, вѣроятно мать съ дочерьми.—Что вы тутъ дѣлаете, спросилъ я съ удивленіемъ: вѣдь французы идутъ за нами по пятамъ; вы можете попасть въ плѣнъ.—Дама сначала не хотѣла вѣрить, но вдругъ подскакалъ какой-то мужчина, второпяхъ проговорилъ нѣсколько словъ, и въ домѣ поднялся ужасный крикъ: „лошадей, экипажи, французы!" [3]). Мысль, что войска наши оставляютъ Москву, казалась нѣкоторымъ до того невѣроятною и

---

[1]) См. записки артиллериста. Т. I, стр. 169.

[2]) Объ этомъ оригинальномъ предупрежденіи разсказываетъ С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ о 1812 г., стр. 65—66, приписывая его не Растопчину, а Кутузову.

[3]) Записки генерала Н. И. Ковальскаго. „Русскій Вѣстникъ" 1871 г. Т. 91, стр. 94.

чудовищною, что они не хотѣли даже вѣрить собственнымъ глазамъ. Знакомые увѣряли ихъ, что французы входятъ уже въ городъ. „Какіе это французы, отвѣчали они съ усмѣшкою,—это англичане пришли къ намъ на помощь“ [1]).

Такихъ чудаковъ было, однако-же, по всей вѣроятности, немного. Говоря вообще, масса населенія спѣшила спастись бѣгствомъ. Были и такіе, которые заботились въ эти страшныя минуты о спасеніи своего имущества; они зарывали въ землю или прятали въ потайныхъ мѣстахъ лучшую часть своего достоянія. Всѣ такіе предусмотрительные люди не успѣли однакожъ уйти изъ города и по большей части попали въ плѣнъ къ непріятелю. Громадное большинство думало лишь о спасеніи жизни, многія духовныя лица подавали примѣръ спокойнаго мужества и твердаго упованія на помощь Всевышняго. Священники передъ церквами въ полномъ облаченіи благословляли святымъ крестомъ и кропили святою водою проходившихъ мимо солдатъ, освѣжая тѣмъ упадшій духъ [2]). Многіе, твердые въ вѣрѣ, спѣшили подкрѣпить себя молитвою. „Въ рѣдкой изъ церквей, замѣчаетъ Ермоловъ, не было молящихся жертвъ, которыя оставались на произволъ враговъ безчеловѣчныхъ“ [3]). Но было и много такихъ, которые не помышляли о молитвѣ и предавались дикому отчаянію. На каждомъ шагу представлялись страшныя сцены: женщины, старики, дѣти плакали и выли, не зная куда дѣваться. Иные выбѣгали изъ домовъ, блѣдные, отчаянные и суетились, не зная, не понимая о чемъ. Все въ глазахъ ихъ разрушалось, казалось приближеніемъ антихриста, свѣтопреставленіемъ. Мужественнѣйшіе воины содрагались, взирая на такія явленія въ погибающей столицѣ своего отечества. Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня и страшная мысль о приближеніи непріятеля были предзнаменованіемъ всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы. Солдаты шли уныло въ рядахъ, генералы и офицеры по своимъ

---

[1]) См. И. Г. Кичеевъ, „Изъ недавней старины“. Москва 1870 г., стр. 6—15.
[2]) Записки артиллериста, часть I, стр. 170.
[3]) Записки Ермолова. Т. I, стр. 214.

[illegible]

[illegible] Не [illegible]

[illegible] 170—171. [illegible] гр. Ростопчинъ.

даннаго и гибельнаго инстинкта самосохраненія. Были, правда, и печальныя исключенія. Солдаты, спѣшившіе послѣдовать призыву купцовъ гостиннаго двора, или исчезавшіе въ лавочкахъ и погребахъ подъ предлогомъ напиться водицы, исчезали нерѣдко вовсе изъ виду и не возвращались въ свои ряды. Одни изъ нихъ просто отставали отъ своихъ частей и заблуждались въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ неизвѣстнаго имъ колоссальнаго города; другіе, нагрузившись добычею, не рѣшались возвратиться къ своимъ частямъ и предпочли вольную жизнь мародеровъ; третьи, напившись до потери сознанія, падали на порогахъ винныхъ погребовъ и лавочекъ и проснувшись съ ужасомъ замѣчали, что они находятся уже въ рукахъ непріятеля, занявшаго весь городъ. Число такихъ отсталыхъ и намѣренныхъ бѣглецовъ доходило, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до шести тысячъ человѣкъ [1]), но что значитъ эта цыфра тамъ, гдѣ дѣло идетъ о стотысячной массѣ? Въ общемъ, поведеніе и настроеніе этой массы было не только безупречное, но и полное сознанія всего величія и трагизма минуты. „Я наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы и замѣчалъ съ радостью, что солдатъ не терялъ духа, не допускалъ ропота",— говоритъ Ермоловъ [2]). „Глубокое молчаніе,—разсказываетъ Кроссаръ [3]),—господствовало во все время прохода арміи черезъ Москву, но то не было молчаніе трусости, а молчаніе глубокаго горя. Ни на одномъ лицѣ я не замѣтилъ слѣдовъ отчаянія, считающаго все потеряннымъ, но я наблюдалъ мрачное и сосредоточенное выраженіе чувства мести. Князь Голицынъ, съ которымъ я шелъ рука объ руку, не сказалъ все время ни слова. Только за городомъ прервалъ онъ это мрачное молчаніе. „О зачѣмъ не убитъ я вчера?"—вырвалось у него, и мнѣ показалось, что слезы блеснули у него на глазахъ. „Тогда бы прахъ мой покоился на ряду съ останками моихъ предковъ въ обители, основанной ихъ благочестіемъ".

---

[1]) См. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 147.

[2]) Ермоловъ, Записки. Т. I. стр. 214.

[3]) Кроссаръ, Memoires militaires et historiques T. IV, стр. 368.

Глубокое молчаніе, царствовавшее, по словамъ Кроссара, въ рядахъ нашей арміи, прерывалось, однакоже, по временамъ, порывами отчаяннаго горя, если вѣрить разсказамъ другихъ очевидцевъ. „Проходя по улицамъ этой древней столицы, говоритъ одинъ изъ нихъ,—солдаты и офицеры плакали. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятелю, и, сдѣлай это Барклай,—въ войскахъ несомнѣнно произошло бы возмущеніе“ [1]). Войска во время отступленія, повѣствуетъ другой очевидецъ,—казались смущенными и убитыми. Но къ этому примѣшивалась и досада, подозрѣвали даже измѣну, смотрѣли съ недовѣріемъ на всѣхъ не русскихъ по происхожденію, и этого упрека не избѣжалъ даже Барклай де-Толли, столько разъ доказавшій на дѣлѣ преданность свою отечеству. Многіе явно называли его измѣнникомъ. Между знатными офицерами были и другія причины грусти: одни жалѣли о своихъ оставленныхъ въ Москвѣ палатахъ, другіе объ участи родныхъ и друзей; большинство же и, можно даже сказать, почти всѣ испытывали чувство униженія: богатую столицу, древній городъ, матушку Москву оставлять въ добычу непріятелю! Гнѣвъ мѣшался съ чувствомъ мести, и тогда уже нѣкоторые восклицали, что этотъ позоръ можетъ быть изглаженъ только вступленіемъ въ Парижъ. Это были голоса въ пустынѣ. Какимъ образомъ непобѣдимаго, передъ которымъ пала вся Европа и теперь Москва, можно было надѣяться прогнать во Францію, въ Парижъ? [2]). Да, такія надежды были въ то время далеко не всеобщія. Въ общемъ преобладало смутное чувство глубокаго горя и непобѣдимая жажда мести.

---

[1]) Это слова Ковальскаго, свидѣтеля впрочемъ не вполнѣ достовѣрнаго и довольно легкомысленнаго. Это тотъ самый Ковальскій, который, говоря о Бородинскомъ боѣ, повѣствуетъ между прочимъ слѣдующее: „Передъ Бородинскимъ дѣломъ для поднятія духа въ арміи адъютанты кн. Кутузова разъѣзжали по полкамъ съ вымышленнымъ извѣстіемъ, что король Неаполитанскій Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка выпущенъ былъ орелъ, который поднялся въ виду арміи и это обстоятельство ободрило многихъ малодушныхъ людей“. „Русскій Вѣстникъ“ 1871 г. Т. 91. стр. 94.

[2]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 241—242.

Въ то время, когда корпуса нашей арміи, а вслѣдъ за ними и десятки тысячъ бѣглецовъ выходили постепенно изъ Москвы, на большой дорогѣ за Коломенскою заставою у Старообрядческаго кладбища, сидѣлъ на своей походной скамейкѣ старый фельдмаршалъ. Его истомленное лицо не было въ этотъ разъ такъ спокойно, какъ всегда. Какая-то внутренняя тревога, напряженное ожиданіе важныхъ вѣстей не давали покоя старому вождю. Да и было отъ чего тревожиться! Кутузовъ зналъ очень хорошо, что непріятель идетъ по пятамъ нашей арміи, онъ опасался, чтобы французы не смяли нашего аріергарда и не ворвались-бы на плечахъ его въ городъ. Чтобы предупредить эту фатальную возможность, Кутузовъ спѣшилъ загладить опущеніе, сдѣланное нѣсколько часовъ тому назадъ его главною квартирою. Вечеромъ 1-го сентября начальникъ нашего аріергарда, генералъ Милорадовичъ, получилъ письмо отъ Ермолова, съ извѣщеніемъ, что главнокомандующій оставляетъ Москву, что наша армія отступаетъ на Рязанскую дорогу и что онъ долженъ слѣдовать за нею. Въ письмѣ не было ни одного слова о какомъ-бы то ни было договорѣ съ непріятелемъ, но оно оканчивалось такою фразою: „Вамъ предоставляется почтить видомъ сраженія древнія стѣны Москвы“ [1]). Прочитавъ это письмо и въ особенности его заключительную фразу, Милорадовичъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва. Онъ жаловался своимъ приближеннымъ офицерамъ на эту маккіавеллевскую штуку и приписывалъ ее всецѣло интригану Ермолову. „Если я отважусь теперь вступить въ серьезный бой съ превосходными силами непріятеля и буду разбитъ, что не подлежитъ

---

[1]) Здѣсь между общепринятою традиціею и показаніями нѣкоторыхъ очевидцевъ, сохранившимися у Бернгарди, обнаруживается значительное противорѣчіе. Такъ о письмѣ Ермолова, посланномъ Милорадовичу еще 1-го сентября, говорится только у Бернгарди; отъ него-же узнаемъ мы о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ посланіемъ на Милорадовича. Бернгарди пользовался здѣсь сообщеніями одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба, прикомандированнаго къ Милорадовичу. Мы слѣдуемъ въ большей части случаевъ этимъ указаніямъ, такъ какъ они кажутся намъ гораздо проще и ближе къ истинѣ, нежели обычная традиція. См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 148—153.

сомнѣнію, тогда меня обвинятъ, что мнѣ предписано было только маневрировать, а не сражаться", говорилъ онъ съ досадою своимъ приближеннымъ. „Если-же я не попытаюсь оказать серьезнаго отпора и тѣмъ подпущу слишкомъ близко непріятеля къ отступающей арміи и ея обозамъ, тогда скажутъ: почему не рѣшился я на серьезный бой, вѣдь это было предписано вамъ".

Досада Милорадовича усиливалась съ каждою минутою. Уже поздно ночью, лежа на соломѣ въ крестьянской избѣ, онъ объявилъ своему адъютанту и другому бывшему тутъ офицеру, что онъ отправится рано утромъ въ главную квартиру и сложитъ съ себя начальство надъ аріергардомъ. Настало утро, непріятель показался въ виду нашего аріергарда, расположившагося въ 12 верстахъ отъ столицы у фарфоровыхъ заводовъ, и Милорадовичъ понялъ, что теперь уже не время исполнять свою угрозу. Изъ главной квартиры пришло новое письмо, на этотъ разъ отъ полковника Кайсарова. Письмо было написано по-французски и адресовано маршалу Бертье. Кутузовъ поручалъ въ немъ покровительству непріятеля девять тысячъ нашихъ раненныхъ и больныхъ, которые не могли быть вывезены изъ города. Для самого Милорадовича не было прислано никакихъ точныхъ инструкцій. Вина въ этомъ странномъ опущеніи падала, впрочемъ, не на самого главнокомандующаго, а на Ермолова. Ермоловъ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ [1]), что фельдмаршалъ, выѣхавши за Коломенскую заставу, послалъ его къ генералу Милорадовичу съ приказаніемъ, чтобы онъ удерживалъ, сколько возможно, непріятеля, или-бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести. Какъже исполнилъ Ермоловъ возложенное на него порученіе? У Драгомиловскаго моста онъ встрѣтилъ генерала Раевскаго, которому и сообщилъ данное ему приказаніе для передачи генералу Милорадовичу. Ермоловъ не говоритъ ни слова, дошло-ли, наконецъ, приказаніе Кутузова къ Милорадовичу, да онъ, очевидно, и не заботился особенно объ этомъ. Его

---

[1]) Ермоловъ, записки. Т. I, стр. 213.

занимали въ это время совсѣмъ другіе вопросы. „Сойдя съ лошадей, говоритъ онъ, мы поговорили нѣкоторое время съ генераломъ Раевскимъ; смотря на Москву, погрустили объ ней. Впереди не представлялось намъ ничего утѣшительнаго, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было невозможно. Отъ князя Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностью“ [1]).

Генералъ Раевскій и Ермоловъ бесѣдовали на Драгомиловскомъ мосту и критиковали Кутузова, нисколько не заботясь о томъ, что Милорадовичъ, отъ котораго зависѣло спасеніе всей арміи, оставленъ былъ, по ихъ собственной винѣ, безъ всякихъ указаній изъ главной квартиры. Къ счастію, Милорадовичъ и не нуждался въ подобныхъ указаніяхъ. Онъ самъ напалъ на счастливую мысль вступить въ сдѣлку съ непріятелемъ и задержать тѣмъ на нѣсколько часовъ его наступленіе. Уже массы непріятельской конницы надвигались со всѣхъ сторонъ, уже аріергардъ нашъ началъ быстро отодвигаться къ Москвѣ, когда Милорадовичъ, молча выслушивавшій до тѣхъ поръ совѣты своихъ приближенныхъ [2]), обратился внезапно къ стоявшему вблизи лейбъ-гусарскому полку и потребовалъ офицера, который говорилъ-бы хорошо по-французски. Изъ рядовъ выѣхалъ штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ вручилъ ему письмо Кайсарова и приказалъ отправиться немедленно-же въ качествѣ парламентера къ начальнику непріятельскаго авангарда, королю неаполитанскому, Мюрату и объявить ему нижеслѣдующее: „если французы хотятъ занять Москву въ цѣлости, то пусть дадутъ намъ время пройти спокойно черезъ городъ; въ противномъ случаѣ будемъ драться до послѣдняго человѣка и оставимъ непріятелю однѣ развалины“ [3]). Рѣшительное порученіе Милорадовича пе-

---

[1]) См. Записки Ермолова. Т. I, стр. 214.

[2]) Особенно много совѣтовали Милорадовичу въ эту критическую минуту полковники Потемкинъ и Сипягинъ, изъ которыхъ послѣдній пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ въ нашей главной квартирѣ. См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, T. II, стр. 149.

[3]) О возложенномъ на него порученіи разсказываетъ самъ Акинфовъ въ сво-

ровать такъ французскую армію» — замѣтилъ ему Мюратъ. «Мое дѣло бравировать, а ваше дѣло умирать» — прервалъ его рѣчь Милорадовичъ [1].

Акинфовъ прибылъ съ трубачемъ черезъ непріятельскіе аванпосты и былъ допущенъ къ Мюрату [2]. Онъ вручилъ ему письмо къ Бертье и передалъ затѣмъ слово въ слово порученіе Милорадовича. Мюратъ прочиталъ письмо и отвѣчалъ парламентеру: «напрасно поручать больныхъ и раненыхъ великодушію французскихъ войскъ; мы въ плѣнныхъ не видимъ враговъ. Что касается до другаго вашего требованія, то, желая сохранить Москву, я соглашаюсь на предложеніе Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ однимъ лишь условіемъ, чтобы Москва сегодня-же была занята французскими войсками». Отдавъ вслѣдъ затѣмъ приказъ аванпостамъ прекратить перестрѣлку, Мюратъ вступилъ въ продолжительную бесѣду съ Акинфовымъ. Онъ старался вывѣдать отъ него что-нибудь о положеніи Москвы, о мѣстопребываніи графа Растопчина, императора и Великаго князя цесаревича, но русскій парламентеръ отвѣчалъ уклончиво на всѣ эти вопросы [3]. Между тѣмъ время уходило, между обѣими сторонами установилось фактическое переми-

---

[illegible] По Бернгарди. Милорадовичъ приказалъ передать Мюрату слѣдующее: «передайте ему, что я сдамъ Москву съ ея жителями, если онъ не будетъ тѣснить меня и дастъ мнѣ время отступить спокойно; въ противномъ случаѣ онъ войдетъ въ разрушенный городъ только по моему трупу». Бернарди. Т. II. стр. 189.

1) On ne brave pas ainsi l'armée française» Милорадовичъ: «C'est à moi à la braver, et à vous—à mourir». Богдановичъ. Т. II. стр. 277.

2) Акинфовъ встрѣтился прежде всего съ генераломъ Себастіани. По его приказанію онъ былъ пропущенъ черезъ аванпосты и приведенъ къ Мюрату. См. Записки Акинфова.

3) Мюратъ сказалъ между прочимъ Акинфову: «я уважаю вашего императора и друженъ съ Великимъ княземъ; жалѣю, что долженъ воевать съ вами. Скажите, многоли потерялъ вашъ полкъ?»—Находясь почти ежедневно въ дѣлѣ, нельзя обойтись безъ потери, отвѣчалъ Акинфовъ. «Тяжелая война», замѣтилъ король.—Мы деремся за отечество и не замѣчаемъ трудностей похода.—«Почему не мириться?»—Вашему Величеству это болѣе извѣстно, нежели мнѣ.—«Пора мириться», повторялъ съ улыбкою Мюратъ». Записки Акинфова.

ріе. Пользуясь имъ, генералъ Себастіани, отправивъ обратно, по приказанію Мюрата, Акинфова, выѣхалъ въ передовую цѣпь и встрѣтился здѣсь съ генераломъ Милорадовичемъ. Оба генерала были старые знакомые еще со временъ русско-турецкой войны, когда имъ пришлось видѣться въ Букарештѣ. Долгое время бесѣдовали они другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ свита держалась вдали. Вслѣдъ затѣмъ оба они медленно поѣхали по направленію къ Москвѣ, продолжая свой разговоръ. Клаузевицъ, находившійся въ это время вблизи и слышавшій отчасти ихъ бесѣду, пришелъ къ убѣжденію, что французы хлопочутъ гораздо болѣе русскихъ о сохраненіи Москвы. „Императоръ, повторялъ между прочимъ нѣсколько разъ съ жаромъ Себастіани,—поставить во главѣ своей арміи гвардію, чтобы предупредить всякую возможность какихъ-бы то ни было безпорядковъ“ [1]). Наконецъ, разговоръ окончился. Милорадовичъ крайне довольный тѣмъ, что ему удалось задержать непріятеля, распрощался съ Себастіани и поспѣшилъ къ своимъ войскамъ. Аріергардъ нашъ между тѣмъ уже вступалъ въ городъ. Тамъ продолжало господствовать все то-же смятеніе и безпорядокъ. Бѣгство несчастныхъ жителей далеко еще не окончилось. Улицы, по которымъ должны были проходить войска аріергарда, загромождены были экипажами всякаго рода; между ними тѣснились безчисленные пѣшеходы съ котомками и узлами, съ дѣтьми на рукахъ. Милорадовичъ выслалъ особыя конныя команды для очищенія пути, но не смотря на всѣ ихъ усилія, войска могли двигаться впередъ лишь съ величайшими трудностями и крайне медленно. Только къ тремъ часамъ пополудни Милорадовичъ успѣлъ, наконецъ, добраться до Кремля. Тутъ поразило его странное зрѣлище. Изъ открытыхъ воротъ старой крѣпости выступали два баталіона московскаго гарнизоннаго полка, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брозина, впереди ихъ гремѣла музыка. Милорадовичъ внѣ себя отъ гнѣва подскакалъ къ Брозину и обратился къ нему со словами: „какая капалья приказала вамъ

---

[1]) Клаузевицъ. Der Feldzug von 1812, стр. 173.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

чудотворную икону св. Николая и зажженныя свѣчи. Остановясь на краю улицы, вѣрный слуга своего отечества и Церкви спѣшилъ напутствовать русскихъ воиновъ и укрѣпить ихъ на новые брани и подвиги. Онъ кропилъ св. водою проходившіе мимо него баталіоны, солдаты ловили капли воды. „Не мы, а врагъ нашъ погибъ",—говорили они громко, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Офицеры сходили съ лошадей и съ благоговѣніемъ прикладывались къ иконѣ. Причетники раздавали при этомъ солдатамъ печеный хлѣбъ. Подкрѣпленные, ободренные, направились войска аріергарда къ Коломенской заставѣ [1]).

Между тѣмъ Акинфовъ догналъ Милорадовича и сообщилъ ему, что Мюратъ согласился на пріостановку военныхъ дѣйствій, но подъ условіемъ, чтобы Москва очищена была сегодня-же. Милорадовичъ тотчасъ-же сообразилъ, что французамъ желательно во чтобы-то ни стало занять Москву безъ боя, съ другой стороны онъ справедливо полагалъ, что до семи часовъ вечера ему врядъ-ли удастся вывести все изъ города и отвести свой отрядъ въ безопасное мѣсто. „Поѣзжайте назадъ къ Мюрату, сказалъ онъ Акинфову, и скажите ему, что онъ долженъ пріостановить военныя дѣйствія до семи часовъ утра, иначе я буду защищаться въ самой Москвѣ". Акинфовъ немедленно-же поспѣшилъ назадъ къ Мюрату и безъ труда получилъ его согласіе на новое требованіе Милорадовича. Король требовалъ лишь одного, чтобы всѣ обозы, не принадлежащіе къ русской арміи, были задержаны и оставлены въ городѣ [2]).

Давая подобное обѣщаніе, Мюратъ не въ состояніи былъ, однакоже, исполнить его. Едва только выступилъ нашъ аріергардъ за Коломенскую заставу и выстроился на разстояніи тысячи шаговъ отъ нея, какъ въ правой сторонѣ отъ него появился внезапно авангардъ Себастіани, состоявшій изъ прусскаго уланскаго полка. Милорадовичъ не потерялся ни

---

[1]) См. записка, составленная въ Московской духовной консисторіи въ 1836 г. о происшествіяхъ 1812 г. и о подвигахъ духовенства.

[2]) Изъ записокъ Акинфова. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны". Т. I.

въ минуту въ этой неожиданности. Пришпоривъ своего коня, онъ поскакалъ къ непріятельскимъ войскамъ и потребовалъ свиданія съ командиромъ. Себастіани немедленно-же пріѣхалъ къ нему. Завязался горячій разговоръ. Милорадовичъ намекалъ на нарушеніе военнаго права и объявилъ, что король неаполитанскій согласился на продолженіе перемирія до семи часовъ слѣдующаго утра. Себастіани отвѣчалъ, что король не увѣдомилъ его объ этомъ, но что онъ самъ, зная лично Милорадовича, готовъ вѣрить ему на слово. Разговоръ между обоими генералами принялъ послѣ этого болѣе дружескій оборотъ. Наши и непріятельскія войска стояли при этомъ неподвижно другъ противъ друга. Изъ всѣхъ окрестныхъ московскихъ заставъ продолжали выѣзжать безконечные ряды повозокъ. „Не правда-ли, мы добрые люди, замѣтилъ смѣясь Себастіани, указывая на эти обозы и на войска нашего аріергарда: вѣдь все это мы могли-бы легко забрать“.—„Ошибаетесь“,—возразилъ ему всегда находчивый Милорадовичъ: „тамъ“, и онъ указалъ рукою на сосѣднюю возвышенность на востокѣ,—„стоятъ сто тысячъ человѣкъ и они отомстили-бы за насъ!“ Себастіани и не помышлялъ впрочемъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Милорадовичъ, не торопясь, собралъ и привелъ въ порядокъ всѣ войска аріергарда. Съ наступленіемъ темноты онъ отошелъ къ Вязовкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы. Его образъ дѣйствій во всѣхъ этихъ неслыханно затруднительныхъ обстоятельствахъ громко говоритъ за себя и не нуждается ни въ какихъ похвалахъ [1].

Въ то время, когда войска наши, а за ними и массы жителей уходили изъ Москвы, непріятельская армія, начиная отъ своего вождя и кончая послѣднимъ солдатомъ, сгорала отъ нетерпѣнія вступить, какъ можно скорѣе, въ древнюю нашу столицу. Да оно и понятно! Въ Москвѣ, въ этомъ сказочномъ для нихъ городѣ, въ этомъ центрѣ азіатскихъ богатствъ, роскоши и наслажденій, усматривали воины Напо-

[1]) Клаузевицъ. Der Feldzug von 1812. стр. 174—175; Бернгарди. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II. стр. 153.

леона давно желанный предѣлъ своему безконечному походу по малолюдной, лѣсной и непривѣтливой странѣ. Въ Москвѣ обѣщаны были имъ самимъ ихъ вождемъ: отдыхъ, теплыя зимнія квартиры, изобиліе всякаго рода. Но этого мало! Завоеваніе Москвы должно было положить конецъ войнѣ и притомъ самый побѣдоносный. Кто могъ сомнѣваться въ этомъ неизбѣжномъ послѣдствіи взятіи древней столицы русскаго царства? Развѣ опытъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ не доказалъ ясно, что съ взятіемъ столицы прекращалось и всякое сопротивленіе побѣжденнаго? А миръ сдѣлался вдругъ такимъ страстно желаннымъ, такимъ неоцѣненнымъ благомъ для этихъ воинственныхъ полчищъ, для этихъ побѣдителей цѣлаго міра! Въ лѣсныхъ пустыняхъ Россіи, среди городовъ и селъ ея, разрушенныхъ, сожженныхъ самими жителями, война впервые предстала предъ ними со всѣми своими ужасами, со всѣми грозными принадлежностями безпощаднаго и безграничнаго истребленія.

Въ два часа по-полудни, между тѣмъ какъ войска Мюрата подходили къ Драгомиловской заставѣ, Наполеонъ въѣхалъ на Поклонную гору, и необъятная, величественная Москва внезапно раскинулась у его ногъ. Чувство радости, гордое сознаніе, что нѣтъ ничего на свѣтѣ недоступнаго для него, преисполнили душу завоевателя. „Вотъ онъ, наконецъ, этотъ прославленный городъ!“—невольно вырвалось изъ устъ его [1]). Но и другая мысль, мысль далеко не столь отраднаго свойства мелькнула вслѣдъ затѣмъ въ его головѣ. А какихъ неслыханныхъ жертвъ, какихъ трудовъ и страданій, какихъ сверхъ-человѣческихъ усилій стоило ему созерцаніе этого города? Какую странную, небывалую войну приходилось вести ему на этотъ разъ! Въ какую страшную даль завлекъ его отступающій непріятель, сколько разъ, впервые въ своей жизни, останавливался онъ въ сомнѣніи, собирался прервать

[1]) „Le voilá donc enfin cette fameuse ville!“—сказалъ Наполеонъ и, помолчавъ немного, прибавилъ: „il était temps!“ См. Корбелецкій, „Краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву и о пребываніи ихъ въ оной по 27 сентября 1812“, стр. 24 и слѣд. Chambray, Expediton en Russie. T. II, стр. 117 и слѣд.

[illegible]

и безъ того уже слабый свѣтъ сумрачнаго осенняго дня. Въ нѣсколько минутъ достигъ Наполеонъ Драгомиловской заставы и сошелъ здѣсь вновь съ коня въ ожиданіи депутаціи, долженствовавшей поднести ему ключи покоренной столицы русскаго царства. Наполеонъ, этотъ баловень счастія, давно уже привыкъ къ подобнымъ церемоніямъ; онѣ казались ему неизбѣжнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ его побѣдъ. Время, однако-же, проходило, а ожидаемая депутація не являлась. Недоумѣніе начало вдругъ закрадываться въ душу императора. Нетерпѣливо ходилъ онъ взадъ и впередъ, досада и гнѣвъ искажали все болѣе и болѣе его лицо [1]). Наконецъ явился офицеръ, присланный изъ авангарда съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что она оставлена жителями. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить этой чудовищной вѣсти. „Москва пуста! Какое невѣроятное событіе! Надо войти въ нее! Пойдите, приведите ко мнѣ бояръ“ [2]). Графъ Дарю, одинъ изъ приближенныхъ Наполеона, спѣшилъ исполнить приказаніе своего повелителя. Усиленные поиски его и его агентовъ остались, однако-же, тщетными. По улицамъ города бродили тамъ и сямъ оборванныя и подозрительныя личности, но нигдѣ не встрѣчалось ни одного порядочно одѣтаго человѣка, а въ богатыхъ барскихъ домахъ не было никого

[1]) Корбелецкій, стр. 24—27.

[2]) Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armèe. T. II, стр. 38 „Moscou déserte! Quel evenement invraisemblable! Il faut y penetrer! Allez et ammenez moi les boyards!“ „Такая нечаянная вѣсть (т. е. объ оставленіи Москвы жителями), говоритъ Корбелецкій, поразила Наполеона какъ громовымъ ударомъ. Онъ приведенъ былъ ею въ чрезвычайное изумленіе, мгновенно произведшее въ немъ нѣкоторый родъ изступленія или забвенія самого себя. Ровные и спокойные шаги его въ ту-же минуту перемѣнились въ скорые и безпорядочные. Онъ оглядывается въ разныя стороны, останавливается, трясется, цѣпенѣетъ, щиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, жметъ его въ рукахъ и какъ-бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, сдернувъ опять съ руки перчатку, надѣваетъ оную торопливо и повторяетъ то-же нѣсколько разъ. Короче сказать: онъ представляетъ тогда человѣка бѣснующагося или мучимаго жестокими конвульсіями, что продолжалось битой часъ, и во все то время, окружавшіе его генералы стояли предъ нимъ неподвижно, какъ бездушные истуканы, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пошевелиться“. Корбелецкій, стр. 17.

[illegible]

Москва не была, однакоже, такъ пуста и оставлена всѣми жителями, какъ [illegible] непріятелю. [illegible] бѣжать изъ города, [illegible] выполнить свое намѣреніе, а многіе, которымъ терять было нечего, остались добровольно. Какъ велика была численность всѣхъ оставшихся — невозможно опредѣлить съ точностью, но во всякомъ случаѣ она была настолько велика, что передъ

самымъ вступленіемъ непріятеля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались большія толпы народа [1]). Настроеніе въ этихъ толпахъ было самое различное: одни пришли, увлекаемые любопытствомъ; другіе, самые отчаянные, собирались оказать во чтобы-то ни стало отпоръ непріятелю. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимали наши отсталые солдаты. Вокругъ нихъ собралось нѣсколько сотъ удальцевъ, вѣроятно изъ числа тѣхъ, которые собирались идти съ графомъ Растопчинымъ на Три Горы. Всѣ они запаслись оружіемъ изъ московскаго арсенала и засѣли за забитыми кремлевскими воротами, намѣреваясь встрѣтить оттуда непріятеля ружейнымъ огнемъ.

Было уже около полудня, когда ассесоръ вотчиннаго департамента А. Д. Бестужевъ-Рюминъ [2]), не рѣшившійся послѣдовать примѣру высшихъ чиновниковъ и бѣжать изъ Москвы, оставляя на произволъ судьбы архивъ департамента, вышелъ изъ зданія архива, находившагося въ Кремлѣ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ. На лобномъ мѣстѣ у кремлевскихъ Спасскихъ воротъ собралась громадная толпа народа. Была страшная тѣснота и давка, а въ воздухѣ стоялъ нестерпимый, удушливый смрадъ. Въ толпѣ говорили, что смрадъ идетъ отъ лавокъ москательнаго ряда. „Они уже горятъ",—говорилъ кто-то въ толпѣ: „а зажегъ ихъ самъ частный приставъ городской части, какой-то князь". Въ толпѣ попадались изрѣдка и военные. Одинъ изъ нихъ верхомъ на конѣ оказался старымъ знакомымъ Бестужева, графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. „Что ты тутъ дѣлаешь, Бестужевъ?— закричалъ онъ съ удивленіемъ: непріятель уже входитъ въ городъ". Бестужевъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ нарушать присяги и безъ приказанія, по одной трусости, бѣжать изъ города; что онъ остается на своемъ мѣстѣ, пусть будетъ, что будетъ.—„Ну прощай"—сказалъ ему графъ: „да сохра-

---

[1]) См. Бестужевъ-Рюминъ, Чтенія Об. ист. и древ. 1859 г. смѣсь стр. 81.

[2]) „Я разсуждалъ, разсказываетъ Бестужевъ, что трусость, которую обнаружу подлымъ бѣгствомъ отъ непріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы вотчиннаго департамента, на произволъ судьбы, будетъ со стороны моей подлымъ нарушеніемъ присяги" Стр. 84.

[illegible] тебя Господь Богъ" [1]. Распрощавшись съ графомъ, Бестужевъ возвратился въ департаментъ, подписалъ паспорты всѣмъ чиновникамъ и служителямъ, желавшимъ выѣхать изъ Москвы, распустилъ всѣхъ остальныхъ по квартирамъ и, оставивъ только однихъ дежурныхъ и сторожей, во второй разъ отправился въ городъ, въ сопровожденіи одного чиновника. Уже при первыхъ шагахъ онъ услышалъ, что непріятель входитъ въ городъ во всѣ заставы, расположенныя на западной сторонѣ. Въ этотъ моментъ на Иванѣ Великомъ ударилъ колоколъ къ вечерней молитвѣ. Лишь только Бестужевъ и его спутникъ вышли изъ Кремля, какъ имъ попался на встрѣчу какой-то господскій человѣкъ. Въ одной рукѣ у него было солдатское ружье со штыкомъ, въ другой карабинъ, онъ былъ страшно пьянъ, шатался изъ стороны въ сторону и бормоталъ что-то про себя. Бестужевъ имѣлъ неосторожность громко замѣтить своему спутнику: „вотъ видишь, что значитъ безначалье". — какъ вдругъ пьяный тотчасъ-же бросилъ въ него ружье, а за нимъ и карабинъ. Получивъ тяжелый ушибъ въ ногу, Бестужевъ поспѣшилъ возвратиться въ департаментъ. Между тѣмъ около четырехъ часовъ пополудни раздались одинъ за другимъ 18 пушечныхъ выстрѣловъ: звонъ на Ивановской колокольнѣ внезапно прекратился, и Бестужевъ понялъ, что непріятель ворвался въ Кремль. Онъ видѣлъ своими глазами, какъ выломаны были Троицкія ворота, заколоченныя на глухо, и какъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько польскихъ улановъ въѣхали въ Кремль. Они направились прямо къ арсеналу, и замѣтивъ подлѣ него нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ, тотчасъ-же начали рубить ихъ саблями. Человѣкъ десять повалились окровавленные на землю: остальные, пораженные ужасомъ, бросили свое оружіе, пали на колѣни и просили помилованія. Уланы сошли съ коней, отбили приклады у брошенныхъ ружей, взяли съ собою людей, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, и повели ихъ въ оружейную палату [2]).

[1]) См. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 86—87.
[2]) Бестужевъ-Рюминъ, стр 87—88.

Вступленіе французовъ въ Кремль не обошлось, однакоже безъ сопротивленія. Пушечные выстрѣлы, слышанные Бестужевымъ, далеко не всѣ были холостые, какъ предполагалъ это онъ. Едва только приблизился Мюратъ къ воротамъ Кремля, какъ голова его колонны была встрѣчена безпорядочнымъ но сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Два картечныхъ выстрѣла изъ орудій немедленно-же разсѣяли добровольныхъ защитниковъ Кремля. Почти всѣ, оставшіеся въ живыхъ, спѣшили спастись бѣгствомъ, но нѣсколько отчаянныхъ бросились какъ безумные на Мюрата и его свиту. Одинъ изъ этихъ храбрецовъ (Мюратъ называлъ его дьяволомъ) стащилъ съ лошади инженернаго полковника, ѣхавшаго рядомъ съ королемъ, повалилъ его на землю, вонзилъ ему въ спину ножъ, душилъ его за горло, грызъ зубами. Прошло нѣсколько секундъ, пока французскіе кавалеристы, ошеломленные этою страшною сценою, пришли въ себя. Они бросились на помощь полковнику, пытались стащить съ него убійцу, но, не успѣвъ въ этомъ, прикладами разбили ему голову [1]). Проученный этимъ

[1]) Подробности этого происшествія Мюратъ разсказывалъ впослѣдствіи лорду Вилліаму Бентинку и генералу Вильсону. См. Wilson. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland. Стр. 145. Перовскій, захваченный французами въ плѣнъ подъ Москвою, случайно встрѣтился въ пріемной у Мюрата съ полковникомъ, отдѣлавшимся незначительными ранами. „Болѣе всѣхъ прочихъ,— повѣствуетъ онъ,—говорилъ про насъ съ злобою и даже ожесточеніемъ одинъ офицеръ, сидѣвшій подлѣ меня на окнѣ. Сколько могъ замѣтить я, собою онъ былъ очень хорошъ, часть лица и головы его была перевязана чернымъ платкомъ, правая нога выше колѣна была также перевязана. Я дождался, чтобъ онъ немного успокоился, чтобы начать съ нимъ разговоръ.—Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены? спросилъ я его.—„Я раненъ былъ не въ сраженіи, а въ Москвѣ".—Какъ въ Москвѣ? Тутъ опять вышелъ онъ изъ себя, и я съ трудомъ изъ разговоровъ его могъ, наконецъ, понять, что въ день взятія Москвы, онъ находился при королѣ Неаполитанскомъ изъ числа сопровождавшихъ его и вошедшихъ съ нимъ въ Кремль, торжественно и съ музыкою. При входѣ были они встрѣчены ружейными выстрѣлами. Это была толпа вооруженныхъ жителей; выстрѣлы ранили нѣсколько человѣкъ изъ свиты короля. Не успѣли еще опомниться, какъ отчаянные съ крикомъ *ура*! бросились на французовъ,—тогда то и пострадалъ новый мой знакомый. Одинъ большой, сильный мужикъ бросился на него, ударилъ штыкомъ въ ногу, потомъ за ногу стащилъ съ лошади, легъ на него и началъ кусать въ лицѣ; старались его стащить съ офицера, но это было невозможно, на немъ его и изрубили. Искусанный французъ съ негодова-

внезапнымъ нападеніемъ. Мюратъ подвигался впередъ съ величайшими предосторожностями. Только при наступленіи сумерекъ достигъ онъ, наконецъ, Коломенской заставы и расположилъ свои войска бивуакомъ на полѣ. Движеніе непріятельской кавалеріи черезъ Кремль продолжалось до самой ночи. Непріятель вступалъ въ Троицкія и Боровицкія ворота, проходилъ мимо сенатскаго зданія и направлялся вслѣдъ затѣмъ черезъ Спасскія ворота въ Китай-городъ [1]).

Наступила ночь, ночь въ полномъ смыслѣ слова, ужасная для несчастныхъ оставшихся москвичей. Глубокій мракъ осенней ночи озарялся яркимъ заревомъ пожара. Москательные ряды съ громаднымъ количествомъ лавокъ охвачены были яркимъ пламенемъ, почти одновременно съ ними загорѣлся гостинный рядъ въ Китай-городѣ. Въ Кремлѣ сдѣлалось такъ свѣтло, что не было никакой надобности въ свѣчахъ. Французы не придавали этимъ пожарамъ особаго значенія: они считали ихъ простою случайностью. Самъ Наполеонъ озабоченъ былъ въ эту ночь совершенно иными вопросами; онъ опасался, что его голодныя и истомленныя войска прiймутся грабить городъ, не смотря на всѣ принятыя имъ мѣры предосторожности, и его опасеніе не замедлило оправдаться: едва только наступила темнота, какъ во всѣхъ улицахъ столицы появились грабители. Они врывались какъ въ пустые, такъ и въ жилые дома, требовали себѣ прежде всего пищи и водки, затѣмъ обыскивали всѣ комнаты и хватали все, что попадалось имъ подъ руки: вещи, платье, бѣлье. Одни изъ грабителей держали себя при этомъ вѣжливо, приглашали даже хозяевъ ѣсть съ собою; но другіе вынуждали силою указать спрятанныя деньги или сокровища. „Въ теченіи этой

ніемъ увѣрялъ меня, что отъ мужика пахло водкою. Быть можетъ, это была правда, но не думаю, чтобы въ ту минуту сохранилъ онъ довольно хладнокровія, чтобы сдѣлать такое замѣчаніе. Въ злобѣ разсказа было что-то смѣшное даже для товарищей его. Французы принуждены были выдвинуть два орудія и выстрѣлить по толпѣ нѣсколько разъ картечью. Послѣдніе сіи защитники Кремля были всѣ побиты“. Изъ записокъ Перовскаго, „Русскій Архивъ“ 1865 г. стр. 262 -263.

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, стр. 88.

ночи,—разсказываетъ одинъ москвичъ,—я часто выходилъ на дворъ и слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ,—стоны, означающіе разбойническій грабежъ“ [1]). Но все это было только начало. Москва только стояла на порогѣ ужасовъ, ожидавшихъ ее,—ужасовъ безпримѣрныхъ въ исторіи.

---

[1]) Разсказъ москвича о Москвѣ во время пребыванія въ ней французовъ въ первыя три недѣли сентября 1812 года. „Чтенія Общества“ истор. и древ. Смѣсь стр. 98.

ГЛАВА IX.

[illegible]

[illegible]

ныхъ домовъ слѣдуетъ выбрать имъ для своей квартиры. Дворцы московской знати казались имъ очарованными замками арабскихъ сказокъ. Какая противоположность съ бивуаками и жалкими лачужками, которыми приходилось имъ довольствоваться въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ! [1]) Дворцы эти и дома оставлены были теперь, правда, своими хозяевами, но оставлены въ совершенномъ порядкѣ, въ такомъ видѣ, что могли тотчасъ-же принять самыхъ знатныхъ гостей. Кладовыя и погреба набиты были всевозможнымъ добромъ, запасами всякаго рода, дорогими винами. Комнаты, роскошно убранныя и меблированныя, поражали своимъ изяществомъ и богатствомъ даже людей, проведшихъ свой вѣкъ среди парижскихъ салоновъ. Почти во всѣхъ домахъ оставались дворники, а въ нѣкоторыхъ и многочисленная прислуга [2]). На первыхъ порахъ французскимъ начальникамъ не могло быть, такимъ образомъ, недостатка ни въ удобствахъ, ни въ прислуживаніи и ухаживаніи. Мюратъ, первый вступившій въ городъ, самъ намѣтилъ для себя квартиру въ домѣ Баташева, что на Швивой горкѣ, и объявилъ управляющему и многочисленной дворнѣ, почтительно ожидавшей его у подъѣзда, чтобы они не страшились никакихъ обидъ. Доведя авангардъ до заставы, Мюратъ уже въ 7 часу вечера прибылъ на почлегъ въ домъ Баташева въ сопровожденіи 30 генераловъ и многочисленныхъ офицеровъ. Войдя въ домъ, онъ тотчасъ-же позвалъ къ себѣ управляющаго и приказалъ ему показать палаты. Проходя по великолѣпнымъ покоямъ параднаго этажа, онъ видимо любовался роскошною обстановкою и спросилъ управляющаго, кто его господинъ и гдѣ находится онъ въ настоящее время. Управляющій отвѣ-

---

[1]) См. Графъ Романъ Солтыкъ. Napoléon en 1812, гл. IX, стр. 273.

[2]) „Я выбралъ, — разсказываетъ генералъ Дюма, — домъ Мухановой на углу площади, на которой находится домъ генералъ-губернатора, плохой архитектуры, но внутри хорошо расположенный и отдѣланный. Въ нижнемъ этажѣ, въ кухнѣ, я нашелъ двухъ мужиковъ или рабовъ (?!), которые ввели меня въ комнаты. Все было въ нихъ въ такомъ порядкѣ, какъ будто-бы ожидали пріѣзда господъ. Въ гостинной, на кругломъ столѣ, лежали начатыя дамскія работы. Всѣ мебели стояли по своимъ мѣстамъ, и въ прекрасной спальнѣ на письменномъ столѣ лежали ключи“. См. C-te Dumas, Souvenirs etc. T. III, стр. 445.

чалъ, что господинъ его богатый заводчикъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе уѣзжать на лѣто изъ Москвы и что уѣхалъ также и въ этомъ году еще въ началѣ лѣта. „Напишите-же своему господину, сказалъ Мюратъ,—чтобы онъ спокойно возвращался въ Москву, что онъ будетъ пользоваться здѣсь моимъ особымъ покровительствомъ". Управляющій поспѣшилъ отвѣтить, что онъ не можетъ писать своему господину, такъ какъ всѣ дороги пересѣчены въ настоящее время арміями и сообщенія нѣтъ никакого [1]).

Между тѣмъ многочисленная дворня готовила, по приказанію управляющаго, ужинъ для незванныхъ гостей. Королю сервировано было отдѣльно въ роскошной красной гостинной, генераламъ и свитѣ накрыты были столы въ залѣ и столовой. Ужинъ былъ сытный, не оказалось только одного бѣлаго хлѣба, такъ какъ калашни и хлѣбни во всей Москвѣ были разбиты и брошены своими хозяевами. Только для самого короля управляющій добылъ четверть сайки [2]), всѣ остальные должны были довольствоваться чернымъ ржанымъ хлѣбомъ. „Генералы,—разсказываетъ управляющій, сначала гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ, однако-жъ, бывъ голодны, принялись и за него" [3]). Еще больше хлопотъ поднялось изъ-за ночлега. Каждый генералъ съ угрозами требовалъ себѣ отдѣльную комнату и пышную постель. Комнатъ было достаточно, но набрать столькихъ постелей, какъ требовалось [4]), не было ни малѣйшей возможности. Всю ночь продолжалась страшнѣйшая суета. „Насъ таскали, какъ кошекъ за хвостъ, то туда, то сюда. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ и въ лампахъ, никто изъ прислуги не посмѣлъ ложиться спать". Между тѣмъ яркое зарево пожаровъ освѣщало улицы какъ днемъ, а рано

---

[1]) См. Письма прикащика Максима Сокова къ И Р. Баташеву. „Русскій Архивъ" 1871 года, стр. 0218 и слѣд.

[2]) „Королю-же нашелъ четверть сайки у дворовыхъ дѣтей". См. Тамъ-же, стр. 0219.

[3]) См. Тамъ-же, стр. 0218.

[4]) „Ибо на холопской постелѣ спать никто не хотѣлъ", замѣчаетъ прикащикъ. См. тамъ-же, стр. 0219.

утромъ запылали дома въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Баташевскимъ дворцомъ. Многочисленная дворня Баташева, все еще надѣявшаяся отстоять имущество своего господина, успѣла однако-же потушить этотъ пожаръ [1]). Мюратъ и его многочисленная свита, какъ видно, ни мало не безпокоились объ этомъ пожарѣ, а думали только о своихъ удобствахъ. Проснувшись, французы принялись вновь тормошить дворню. Кто требовалъ чаю, кто кофе, иной приказывалъ подать шампанскаго, другіе требовали съ угрозами бургонскаго, рейнвейна, бѣлаго хлѣба. Прислуга сбилась съ ногъ, стараясь удовлетворить всѣмъ прихотямъ и требованіямъ грозныхъ гостей [2]). А между тѣмъ въ комнатахъ, кладовыхъ и погребахъ начали уже хозяйничать и грабить непріятельскіе солдаты. Покровительство Мюрата оказалось пустою фразою, или лучше сказать, онъ не въ силахъ былъ выполнить своего обѣщанія. Не смотря на присутствіе неаполитанскаго короля, не смотря на многочисленный караулъ, приставленный къ дому, голодные, оборванные и измученные труднымъ походомъ солдаты великой арміи, разсѣявшіеся уже по всей Москвѣ съ цѣлью грабежа, успѣли пробраться и въ хоромы Баташева. Одни врывались въ кухни, отнимали хлѣбъ и другіе припасы, другіе шарили по кладовымъ и жилымъ комнатамъ, разбивали сундуки и брали все, что попадалось подъ руки. Тщетно пытался Мюратъ прекратить безпорядокъ, тщетно приказывалъ онъ поставить ко всѣмъ ограбленнымъ мѣстамъ сильные караулы. Ничто не помогло: грабители, прогнанные съ одного

---

[1]) „Къ утру 3-го сентября у насъ на горѣ, подлѣ Кирпичева и въ низъ къ Яузѣ, занялись деревянные дома, и Сикеринская фабрика близка была къ пожару, архидіаконскія богадѣльни и поповскіе домы, но наши люди, защищая конюшни свои и магазины, не допустили загорѣться ни богадѣльнямъ, ни поповскимъ домамъ, и пожаръ 3-го числа по утру тѣмъ и кончился“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 года, стр. 0220.

[2]) „Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобы его прихоти и требованія тотчасъ были выполнены; всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришлось бѣжать и скрыться хотя въ воду. Многіе изъ служителей, утомясь, для отдыха скрылись; я и Николай Григорьевъ оставались изнуренные усталостью свидѣтелями непрерывной суматохи“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 г. стр. 0220.

[illegible] графу [illegible] Сокольницкій [illegible]²) [illegible]

[illegible] Графъ отвѣчалъ, что къ нему въ домъ будетъ стоять генералъ Сокольницкій и что для него лично нужна только одна комната. Управляющій вѣжливо объявилъ, что все будетъ готово къ его услугамъ. Черезъ часъ графу поданъ былъ великолѣпный обѣдъ съ разными винами и даже шампанскимъ. За обѣдомъ управляющій спросилъ графа, не желаетъ-ли онъ раздѣлить обѣдъ съ двумя француженками, гувернанткою и компаньонкою графини, которыя изъ чувства патріотизма остались въ Москвѣ въ ожиданіи своихъ соотечественниковъ. Галантный полякъ съ радостью ухватился, разумѣется, за предложеніе управляющаго. Француженки явились въ столовую, началась веселая болтовня, но вскорѣ для графа наступилъ

¹) „Тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеный и сырой хлѣбъ, въ другихъ домахъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все, что ни попало. Ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ ограбленнымъ приставлены были караулы, а тамъ опять грабятъ, гдѣ ихъ нѣтъ".

²) „Гр. Солтыкъ, одинъ изъ первыхъ, отправился въ городъ, по просьбѣ генерала Сокольницкаго, который поручилъ ему пріискать и занять для него одинъ изъ домовъ неподалеку отъ Кремля. Генералъ Сокольницкій, полякъ, находился при Наполеонѣ по части собиранія свѣдѣній о непріятелѣ посредствомъ шпіоновъ". См. „Русскій Архивъ" 1876 г. к. III, стр. 318.

рядъ разочарованій. Громадныя окна столовой графскаго дома внезапно освѣтились заревомъ близкаго пожара. Француженки съ тревогою вскочили изъ-за стола съ крикомъ: „вотъ и пожаръ“. Тщетно старался успокоить графъ своихъ собесѣдницъ, тщетно старался онъ доказать имъ, что пожаръ это простая и ничего незначущая случайность. Француженки видно знали лучше его положеніе дѣлъ. Онѣ начали разсказывать Солтыку о той ненависти, которою проникнуто къ французамъ все московское населеніе, и въ особенности дворянство; онѣ сообщили ему, что графъ Растопчинъ грозилъ непремѣнно сжечь городъ въ случаѣ занятія его французами. Смущенный и озадаченный разсказами своихъ собесѣдницъ, графъ Солтыкъ удалился въ отведенную для него комнату. Едва только онъ улегся спать, какъ въ дверяхъ его раздался страшный стукъ. Стучались тѣже француженки: въ ужасѣ онѣ кричали, что французскіе солдаты грабятъ домъ и молили графа о заступничествѣ. Солтыкъ одѣлся поспѣшно, взялъ оружіе и сошелъ въ дворъ. Тутъ онъ увидѣлъ нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ старой гвардіи. Они грабили погребъ и успѣли уже опорожнить нѣсколько бутылокъ вина. Графъ объявилъ грабителямъ, что въ этомъ домѣ назначена квартира для одного изъ генераловъ императорской свиты, и чтобы они немедленно-же удалились отсюда. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ солдатъ погрозилъ графу кулакомъ. Солтыкъ внѣ себя отъ гнѣва ударилъ саблею по мохнатой шапкѣ гренадера; ударъ былъ такъ силенъ, что солдатъ повалился на землю. Его товарищи стояли первое время, какъ ошеломленные, но прійдя въ себя, они взяли ружья на перевѣсъ и бросились на графа. Храбрый полякъ спѣшилъ спастись бѣгствомъ; онъ заперся въ своей комнатѣ, зарядилъ пистолеты и приготовился къ отчаянному сопротивленію. Къ счастью, на помощь ему поспѣшилъ деньщикъ его, спавшій до тѣхъ поръ въ конюшнѣ. Силачъ и храбрецъ, онъ бросился на пьяныхъ солдатъ и успѣлъ выгнать ихъ изъ двора [1]).

Если такія буйства позволяли себѣ солдаты старой гвардіи,

---

[1]) См. Гр. Романъ Солтыкъ, Napoléon en 1812, гл. IX, стр. 273—278.

[illegible] Москва [illegible] Уже рано утромъ 3 сентября, до [illegible] стоявшихъ за городскими заставами, разнеслась вѣсть, что въ Москвѣ начался грабежъ. „Въ восемь часовъ утра, — разсказываетъ очевидецъ, — въ лагерь корпуса Клапареда и кавалеріи генерала Себастіани пріѣхали нѣсколько польскихъ улановъ и объявили, что въ Москвѣ можно грабить свободно. Съ быстротою молніи разнеслась эта вѣсть по лагерю. Въ тоже время отдано было приказаніе варить пищу для пріема продовольствія. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе солдаты отлучились изъ лагеря и уже черезъ часъ возвратились обратно, обремененные богатою добычею. Одни тащили бочки съ виномъ и ромомъ, другіе мѣшки съ сахаромъ и чаемъ, третьи набили свои карманы деньгами и различными драгоцѣнностями. Съ этого момента исчезли всякій порядокъ и дисциплина. Солдаты сотнями и тысячами уходили изъ лагерей подъ различными предлогами. Котлы стояли безъ огня и кашеваровъ; солдаты, посылаемые за дровами, соломою или водою, не возвращались обратно; убѣгали даже часовые и патрульные. Кавалеристы и въ особенности польскіе уланы подавали самый дурной примѣръ остальнымъ. Не довольствуясь грабежемъ, они хватали несчастныхъ жителей, заставляли ихъ тащить свою добычу, били и истязали ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ. Одинъ польскій уланъ гналъ передъ собою несчастнаго плѣнника, навьюченнаго тяжелою ношею и безжалостно стегалъ его кнутомъ. „Это имъ за Прагу“, — объявилъ онъ офицеру, упрекнувшему его въ жестокости: „они погубили тамъ моихъ родителей и сожгли мой домъ. Еще ни одного русскаго, попавшагося мнѣ въ руки, не оставлялъ я въ живыхъ: дастъ Богъ — и этотъ не возвратится въ Москву“ [1]).

[1]) См. Aus dem Leben des generals von Brand. Стр. 427—428.

Страшное, неслыханное зрѣлище представляла Москва, когда утромъ 3 сентября, вслѣдъ за въѣздомъ Наполеона въ Кремль, различные корпуса непріятельской арміи начали занимать предназначенныя имъ части города. Нигдѣ въ улицахъ громаднаго, чуждаго имъ города, непріятели не встрѣчали ни единой живой души [1]). Немногіе жители, объятые ужасомъ, скрывались въ подвалахъ и потайныхъ углахъ. Повсюду царствовало гробовое молчаніе, производившее потрясающее впечатлѣніе на солдатъ, привыкшихъ къ тріумфальнымъ встрѣчамъ въ другихъ столицахъ Европы, къ пестрымъ толпамъ любопытныхъ на улицахъ. Только по мѣрѣ приближенія къ Кремлю, вступающія войска начали встрѣчать жителей и толпы французскихъ солдатъ, торговавшихъ награбленною добычею. Толпы увеличились еще болѣе у гостиннаго двора, пылавшаго уже со всѣхъ концовъ. Громадное зданіе походило на исполинскую печь, изъ которой вырывались густые клубы дыма и языки пламени. Возможно было ходить лишь по наружной галлереѣ, гдѣ находилось множество лавокъ. Тысячи солдатъ и какихъ-то оборванцевъ грабили лавки. Одни тащили на плечахъ тюки сукон и различныхъ матерій, другіе катили передъ собою бочки съ виномъ и масломъ, третіе таскали головы сахару и другихъ продуктовъ. Вся площадь и сосѣднія улицы усѣяны были товарами, которые брошены были солдатами, какъ негодные. При этомъ страшномъ грабежѣ не было слышно криковъ; грабители работали молча, сосредоточенно. Слышался только трескъ пламени, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей, грохотъ отъ падающихъ сводовъ. Пламя пожирало безпощадно сокровища Европы и Азіи, накопленныя здѣсь. Изъ погребовъ, набитыхъ сахаромъ, масломъ, смолистыми и спиртовыми товарами, вырывались густые клубы дыма и потоки пламени [2]).

---

[1]) „Между тѣмъ какъ французы занимали, такимъ образомъ, городъ, на улицахъ и въ окнахъ показалось лишь нѣсколько иностранцевъ; всѣ остальные жители заперлись въ домахъ и никому не отворяли дверей“. См. Воспоминанія жителя Москвы, французскаго эмигранта Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ за 1869 г., стр. 1409.

[2]) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 195 - 200.

[illegible]

[illegible]

[illegible] «Русскій Архивъ» [illegible]

[2]) См. «Русскій Архивъ» [illegible], кн. III, стр. [illegible]

кровку, хотя въ это-же время загорѣлась Нѣмецкая слобода и появилось пламя у Ильи Пророка [1]), но французы, занятые тушеніемъ пожара въ центрѣ города, не обратили никакого вниманія на эти грозные симптомы и собирались даже провести спокойную ночь. Но этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться. Въ ночь съ 3 на 4 сентября поднялся сильный вѣтеръ, вскорѣ онъ перешелъ въ настоящую бурю. Порывы вѣтра разносили огонь по всѣмъ частямъ города; къ утру Москва уподобилась уже бушующему огненному морю [2]).

---

[1]) „Пожаръ сильный, говоритъ прикащикъ Баташева, свирѣпствовалъ 3-го числа на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую слободу и около Ильи Пророка". См. письма прикащика Максима Сокова Баташеву. „Русскій Архивъ" 1871 г. Стр. 0220.

[2]) Объ этомъ ураганѣ и его страшныхъ послѣдствіяхъ свидѣтельствуютъ одинаково всѣ очевидцы. Шевалье д'Изарнъ: „Въ среду утромъ, къ девяти часамъ, поднялся со страшною силою сѣверный ураганъ—вотъ когда начался большой пожаръ. Изъ моихъ оконъ видно было, какъ сперва огонь вспыхнулъ на той сторонѣ рѣки, гораздо позади коммиссаріата и потомъ началъ распространяться мало-по-малу по направленію вѣтра; въ одинъ часъ огонь разнесся въ десять различныхъ мѣстъ, такъ что все огромное пространство по ту сторону рѣки, застроенное домами, превратилось въ море пламени, волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося повсюду опустошеніе и ужасъ. Въ тоже самое время пожаръ снова вспыхнулъ еще съ большею силою въ Китай-городѣ. Особенно тамъ, гдѣ были лавки, огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ товарахъ, которые были заперты тамъ. Это обстоятельство, а также сильная буря, тѣснота мѣста и множество горѣвшихъ пунктовъ дѣлали всякое противодѣйствіе огню невозможнымъ, такъ что несчастные хозяева спѣшили захватить съ собою самыя цѣнныя вещи и бѣжать. Пока пожаръ превращалъ въ пепелъ *городъ*, остальныя части Москвы также пылали: Пречистенка, Арбатъ, вся Тверская, затѣмъ по направленію вала черезъ Красныя ворота и Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы и Яузки—все было въ пламени. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки; а вслѣдствіе расширенія воздуха отъ теплоты буря еще болѣе усиливалась; никогда небо не являло людямъ зрѣлища ужаснѣе этого". „Русскій Архивъ" 1869 г., стр. 1412—1413.—Аббатъ Адріенъ Сюрюгъ: „Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города. Пламя, волнуемое вѣтромъ, совершенно походило на морскія волны, воздвигаемыя бурею. Казалось, къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе,—до такой степени этотъ пожаръ казался сверхъестественнымъ. Несчастные жители Нѣмецкой слободы, преслѣдуемые огнемъ съ одного мѣста на другое принуждены были удалиться на Нѣмецкое кладбище, но и тамъ они не считали себя въ безопасности". Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стран. 29.—Максимъ Соковъ, прикащикъ Баташева: „Въ среду 4-го сентября вѣтеръ подулъ съ запада самый жесточайшій, съ сильными и необыкновенными порывами; загорѣлись домы за Москвою-рѣкою отъ каменнаго

Наступила грозная минута, когда должны были разсѣяться послѣднія иллюзіи, когда страшная истина во всей своей потрясающей наготѣ должна была предстать предъ очами гордаго завоевателя,—когда ужасающая мысль, что русскіе сами жгутъ свою столицу, что ихъ отчаянная рѣшимость ниспровергаетъ всѣ его надежды, лишаетъ его армію обѣщанной награды,—впервые, подобно молніи, блеснула въ головѣ Наполеона. Императоръ провелъ спокойно первую ночь въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ роскошныхъ палатахъ русскихъ царей. Рано утромъ явился къ нему докторъ Метивьё. Поговоривъ съ нимъ о простудѣ, не оставлявшей его со дня Бородинскаго боя, императоръ предложилъ ему обычный свой вопросъ: „что новаго?" Докторъ отвѣчалъ, что вокругъ Кремля повсюду распространились пожары: „Это неосторожность солдатъ, прервалъ его Наполеонъ съ равнодушною улыбкою; они вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ". Но вдругъ взглядъ его остановился, улыбка исчезла съ устъ, выраженіе лица сдѣлалось [illegible] съ постели, быстро одѣлся, толкнулъ [illegible], подавшаго ему сапогъ лѣвой [illegible] навзничь, и, не говоря ни [illegible] комнату [1]. Мысль, что, быть

[illegible] что языкъ описать невозможно. Все [illegible] а потомъ и у насъ, Никитскаго попа и [illegible] Кирпичевъ и всѣ тутъ на горѣ деревянные и [illegible] пламенемъ. Сахарова и Соймонова домы тожъ, [illegible] съ причетниками, наша конюшня и магазины. [illegible] сыпались на главный корпусъ и прочія части. Я, видя, что [illegible] ни откуда, собравъ свои оставшіяся бумаги, отнесъ подъ контору въ чаяніи, что пожаръ не проникнетъ ихъ тамъ, и прочее нужное туда [illegible] многихъ семействъ были сундуки и крохи, рѣшился бѣжать". См. „Русскій Архивъ" 1871 г. 0220—0221.—„Погода была довольно хорошая, замѣчаетъ Перовскій,—но страшный вѣтеръ, усиленный, а, можетъ быть, произведенный пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ". См. „Русскій Архивъ" [illegible] г. Записки Перовскаго стр. 264. Предположеніе Перовскаго, что вѣтеръ [illegible] быть произведенъ пожаромъ, не оправдывается другими свидѣтелями, утверждающими единодушно, что до начала бури не было еще большаго пожара.

[1] [illegible]азаніе доктора Метивье см. у графа Сегюра: Histoire et memoires. [illegible] 8. T. VI, стр. 17—18.

можетъ, русскіе сами жгутъ Москву, внезапно пришла ему въ голову. Императоръ подошелъ къ окну. Страшная картина представилась его взорамъ. Волны дыма и пламени со всѣхъ сторонъ подступали къ Кремлю. Все Замоскворѣчье объято было пламенемъ, лишь кое-гдѣ можно было различить незагорѣвшіяся еще кровли зданій и колокольни. Наполеонъ обратился въ другую сторону, но и тамъ ожидала его таже ужасная картина. Вправо отъ Грановитой палаты за кремлевскою стѣною подымалось до небесъ черное, густое, дымовое облако и слышался трескъ отъ разрушавшихся кровель и стѣнъ [1]). Пожары свирѣпствовали по всѣмъ направленіямъ. Горѣли Ильинка и Никольская, подымались цѣлые столбы пламени на Тверской, на Арбатѣ, на Остоженкѣ; рѣзкіе порывы сѣверо-восточнаго вѣтра, то и дѣло, направляли огонь на Кремль. Осыпаемый цѣлыми милліонами огненныхъ искръ, Кремль освѣщался по временамъ такъ ярко, какъ будто въ стѣнахъ его уже свирѣпствовалъ пожаръ. Страшное волненіе овладѣло императоромъ при видѣ этого зрѣлища. „Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ; онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями, но гнѣвъ не замедлилъ смѣниться чувствами иного рода. Онъ вдругъ созналъ себя побѣжденнымъ, подавленнымъ; враги его превзошли его въ страшной рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго принесъ онъ столько жертвъ, къ обладанію которымъ стремился всѣми силами души своей, исчезало на его глазахъ въ облакахъ дыма и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, что огонь, окружавшій Кремль, пожиралъ уже его самого. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами пробѣгалъ онъ дворцовыя комнаты; его грозныя, порывистыя движенія обличали кипѣвшую въ немъ душевную тревогу. По временамъ онъ подходилъ къ письменному столу и бралъ въ руки бумаги, но тотчасъ кидалъ ихъ и подходилъ вновь къ окнамъ“. Непреодолимая сила влекла его туда. „Какое ужасное зрѣлище!“—восклицалъ онъ въ какомъ-то полузабытьи. „Это сами они поджигаютъ! Столь-

---

[1]) Записки Перовскаго. „Русскій Архивъ“ 1865 г. стр. 264.

ко прекрасныхъ зданій! Какая необычайная рѣшимость! Что за люди, это скиеы" [1]).

Донесенія, получаемыя ежеминутно Наполеономъ, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что Москву жгутъ сами русскіе. Французы видѣли, какъ многіе жители сами поджигали свои дома; они узнали, что всѣ пожарныя трубы увезены были изъ Москвы, по распоряженію графа Растопчина; имъ удалось, наконецъ, схватить нѣсколькихъ поджигателей на мѣстѣ преступленія; 4-го сентября схваченъ былъ даже какой-то полицейскій офицеръ въ военномъ сюртукѣ. Его привели въ Кремль и подвергли строжайшему допросу. „Отчего горитъ Москва? спрашивали его. Кто велѣлъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ самъ онъ остался въ Москвѣ?" Полицейскій, ошеломленный страхомъ, блѣдный, дрожащій, отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ, что онъ остался въ Москвѣ лишь потому, что не успѣлъ выѣхать. Французы, разумѣется, не удовлетворились такимъ отвѣтомъ. Несчастный полицейскій запертъ былъ въ тюрьму вмѣстѣ съ другими поджигателями [2]).

Наполеонъ, взволнованный еще болѣе этимъ происшествіемъ, какъ очарованный продолжалъ стоять у оконъ дворца, выходившихъ на Замоскворѣчье. Мысль, что Москва поги-

---

[1]) См. C-te Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 51 и слѣд. Впрочемъ еще утромъ 4-го сентября, многіе изъ лицъ, окружавшихъ Наполеона, полагали, что причина пожаровъ заключалась въ недостаткѣ дисциплины и пьянствѣ солдатъ, а также въ сильномъ вѣтрѣ, распространившемъ огонь. „Намъ совѣстно было смотрѣть на себя, говоритъ Сегюръ. Насъ устрашалъ крикъ ужаса, который раздастся по всей Европѣ. Съ опущенными глазами подходили мы одинъ къ другому, пораженные этимъ страшнымъ событіемъ; оно помрачило нашу славу, оно вырвало изъ нашихъ рукъ плодъ побѣды, оно угрожало нашему существованію въ настоящемъ и будущемъ. Мы войско разбойниковъ, надъ которымъ должно совершиться правосудіе неба и образованнаго міра".

[2]) Перовскій, нашъ офицеръ въ плѣну у французовъ, былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого допроса. „Несчастнаго повели, говоритъ онъ, и заперли въ подвалѣ подъ площадкою, на которой я находился. „Что съ нимъ будетъ?" спросилъ я у офицера, который его допрашивалъ. „Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту-же вину съ нимъ заперты". Записки Перовскаго. „Русскій Архивъ" 1865 г., стр. 265.

баетъ, что вмѣстѣ съ нею исчезаетъ и награда, обѣщанная имъ его храбрымъ войскамъ, грызла его внутренность. Онъ чувствовалъ, что для него самого не безопасно оставаться долѣе въ Кремлѣ; но бѣжать изъ дворца русскихъ царей, только что занятаго имъ, казалось ему крайне постыдно. Окружавшія его лица просили его выѣхать изъ Кремля, но онъ какъ будто не слышалъ ихъ словъ. Порывисто переходилъ онъ отъ одного окна къ другому и вперялъ взоры въ огненное море, побѣдоносно пожиравшее его блестящее завоеваніе. Страшная стихія подступала все ближе и ближе къ Кремлю, неудержимо охватывала она всѣ мосты, всѣ входы въ крѣпость, отовсюда тѣснила и окружала повелителя полуміра и жадно смотрѣла на него, какъ на свою добычу. Тревога внутри крѣпости возрастала между тѣмъ съ минуты на минуту. Весь Кремль былъ наполненъ солдатами гвардіи, одни тушили падавшія головни, другіе стояли наготовѣ съ оружіемъ, лошади были осѣдланы и запряжены. Маршалъ Бертье и другіе приближенные Наполеона отдали приказъ быть всѣмъ наготовѣ къ выходу, но императоръ медлилъ подать сигналъ къ выступленію [1]).

Внезапно раздался повсюду ужасающій крикъ: „Кремль горитъ!" Наполеонъ поспѣшилъ выйти изъ дворца на сенатскую площадку, чтобы удостовѣриться въ грозившей опасности. И дѣйствительно, Троицкая башня у самаго арсенала объята была пламенемъ. Послѣ невѣроятныхъ усилій гвардейцы успѣли потушить этотъ пожаръ; но ежеминутно грозили вспыхнуть новые; искры и горѣвшія головни дождемъ сыпались на Кремль. Мюратъ, Евгеній Богарне, Бертье и другіе приближенные Наполеона приступили вновь съ просьбами къ своему грозному властелину. На колѣняхъ молили они его оставить Кремль. Наполеонъ уступилъ, наконецъ, ихъ просьбамъ. Рѣшено было выѣхать въ загородный Петровскій дворецъ. Но какъ было выбраться изъ Кремля? „Мы были окружены,—говоритъ графъ Сегюръ,—цѣлымъ моремъ пламени, оно угрожало всѣмъ воротамъ, ведущимъ изъ Кремля. Первыя попытки выйдти

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" за 1876 г. кн. III, стр. 328.

изъ него оказались неудачными. Наконецъ, найденъ былъ подъ горою выходъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Наполеонъ вышелъ черезъ него изъ Кремля съ своею свитою и старою гвардіею. Подойдя ближе къ пожару, мы не рѣшались войдти въ эти волны огненнаго моря. Тѣ, которые успѣли нѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и развалинахъ. Однакоже, надо было рѣшиться на что-нибудь, такъ какъ съ каждымъ мгновеніемъ пожаръ усиливался все болѣе и болѣе вокругъ насъ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ пѣшкомъ, не колеблясь, пошелъ впередъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска пылающихъ домовъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ, среди падавшихъ вокругъ него горящихъ бревенъ и раскаленныхъ кровельныхъ листовъ желѣза. Груды обломковъ затрудняли его путь. Пламя, высоко подымавшееся надъ крышами, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли закрыть ихъ и должны были пристально смотрѣть впередъ. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отвсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Мы обжигали руки, стараясь защитить лицо отъ страшнаго жара и сбрасывая съ себя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда все спасеніе наше зависѣло, повидимому, отъ быстроты, проводникъ нашъ сбился съ пути и остановился въ смущеніи" [1]). Только случайное обстоятельство вывело Наполеона изъ этого ужаснаго положенія. Солдаты изъ корпусовъ Даву и Нея, грабившіе въ этой части города, неожиданно натолкнулись на императора и его свиту. Хорошо знакомые съ мѣстностью, они вывели его по пожарищамъ къ рѣкѣ Москвѣ у Драгомиловскаго моста. Отсюда

[1]) „Сохранилось преданіе, что русскій, согласившійся быть ихъ проводникомъ, жертвуя собою, умышленно завелъ ихъ въ безвыходное мѣсто, со всѣхъ сторонъ объятое пламенемъ". „Русскій Архивъ" 1876 года, кн. III, стр. 330.

Наполеонъ и его спутники слѣдовали берегомъ рѣки, достигли до села Хорошева, переправились черезъ рѣку по пловучему мосту и выбрались въ поле. Измученные, потрясенные до глубины души страшными впечатлѣніями этого дня, прибыли они уже при наступленіи темноты въ Петровскій дворецъ [1]).

Между тѣмъ пожаръ продолжался съ удвоенною силою. Несчастные жители Москвы выносили въ эти дни страданія сверхчеловѣческія. Выгоняемые пламенемъ изъ своихъ домовъ и потайныхъ убѣжищъ, они спѣшили укрыться въ другихъ мѣстахъ и попадали при этомъ въ руки безжалостныхъ грабителей [2]). Порядокъ и дисциплина окончательно исчезли уже въ это время изъ рядовъ великой арміи. Ни императоръ, ни его маршалы и генералы, ни подчиненные начальники не принимали никакихъ мѣръ для прекращенія грабежа. „Пусть лучше достанется солдатамъ, нежели огню",— думали они, и спокойно смотрѣли на неистовства своихъ полчищъ. Солдаты всѣхъ корпусовъ, всѣхъ національностей, соперничали другъ съ другомъ въ грабительствѣ и насиліяхъ всякаго рода. Примѣръ дьявольской жестокости подавали всѣмъ поляки. Ими руководило не одна алчность, но

---

[1]) Подробности бѣгства Наполеона изъ Кремля см. у Сегюра Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II глава VII. Шевалье д'Изарнъ говоритъ по поводу этого событія слѣдующее: „Бонапартъ, который изъ оконъ Кремля могъ слѣдить за всѣмъ ходомъ пожара, узнавъ, что поджигателей хватали въ самомъ Кремлѣ, немедленно удалился въ Петровскій дворецъ, гдѣ и провелъ ночь. Очень вѣроятно, что онъ боялся попасть въ ловушку (?), что могло быть очень опасно въ такомъ огромномъ городѣ: только этимъ объясняется, почему онъ не воспользовался своими войсками для спасенія хотя нѣкоторыхъ частей города, что конечно было возможно". См. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ" 1869 года, стр. 1413—1414.

[2]) Такое происшествіе случилось, между прочимъ, и съ Шевалье д'Изарномъ. Онъ ѣхалъ на телѣгѣ по Покровкѣ, когда его встрѣтили конные мародеры. „Я вступилъ съ ними въ переговоръ,—говоритъ онъ,—и получилъ обѣщаніе, что у меня возьмутъ только одну лошадь, которую тотчасъ отпрягли и осѣдлали; потомъ бросились на меня и обобрали всего: часы, деньги, сапоги, давъ мнѣ взамѣнъ ихъ другую пару, которая влѣзла только до половины ноги, и то на босу ногу; при этомъ мнѣ сказали, что я долженъ считать себя счастливымъ, такъ какъ оставили сюртукъ". Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ" за 1869 годъ, стр. 1420.

и чувство неискоренимой ненависти ко всему, что носило русское имя. Они не только грабили и мучили, но и упивались кровью и страданіями своихъ жертвъ. Не менѣе поляковъ свирѣпствовали и нѣмецкіе солдаты [1]) Наполеоновской арміи. Эти грубые и алчные наемники, чуждые всякаго національнаго чувства, проданные своими князьками великому императору, не уступали французамъ въ храбрости, но превосходили ихъ въ страсти къ дикому разгулу, въ бѣшенной, ничѣмъ неоправдываемой жестокости. У французовъ, по крайней мѣрѣ, въ первые дни говорило еще чувство національной чести; они краснѣли при мысли, что скажетъ о нихъ Европа, но по мѣрѣ усиленія безпорядка, по мѣрѣ возрастающаго грабежа, и они были увлечены общимъ потокомъ, бросились въ дикую предсмертную оргію пьянства, разврата, неистовства всякаго рода.

Одна только крайняя нужда могла если не оправдать, то объяснить до извѣстной степени неистовства солдатъ великой арміи. Солдаты всѣхъ корпусовъ, за исключеніемъ императорской гвардіи, обносились и оборвались до послѣдней степени. Безъ сапогъ, безъ нижняго платья, прикрытые одними лохмотьями, они походили скорѣе на бродягъ и бандитовъ, нежели на солдатъ регулярной арміи [2]). День и ночь

---

[1]) О неистовствахъ поляковъ и нѣмцевъ говорятъ многіе очевидцы, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что французы любили сваливать все дурное на своихъ союзниковъ. Такъ напр. генералъ Себастіани, въ разговорѣ съ Шевалье д'Изарномъ, прямо объявилъ, что грабятъ „все эти черти виртембергцы". См. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ, „Русскій Архивъ" за 1869 годъ, стр. 1431.

[2]) „Грабежъ былъ неминуемымъ дѣйствіемъ непріятеля, лишившагося тѣхъ надеждъ, которыя были постоянно возбуждаемы въ немъ. И какое иное вознагражденіе можно было предоставить войскамъ, истомленнымъ трехмѣсячными трудами и битвами, подвергавшимся всевозможнымъ лишеніямъ и положившимся на торжественныя обѣщанія, что въ Москвѣ окончатся ихъ страданія, и тамъ они найдутъ всѣ способы для удовлетворенія всѣхъ нуждъ? Но какое это ужасное оружіе въ рукахъ солдатъ, доведенныхъ до отчаянія и жаждавшихъ мести! Не было различія между французомъ и русскимъ, иностранцемъ и соотечественникомъ; всѣхъ грабили самымъ недостойнымъ образомъ. Тѣ, которыхъ пощадилъ огонь, не избѣжали грабежа, который доходилъ до такой степени, что многіе сожалѣли, что не погибли въ огнѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ". Такъ свидѣтельствуетъ французъ, аббатъ Сиррюгъ. См. Lettres sur l'incendie de Moscou. Стр. 20.

бродили эти страшныя шайки по городу, вламывались въ горящіе и уцѣлѣвшіе дома, останавливали на улицахъ несчастныхъ бѣглецовъ, грабили ихъ, издѣвались надъ ними, убивали при первомъ признакѣ сопротивленія, при первой попыткѣ спастись бѣгствомъ. Нерѣдко грабители заставляли своихъ жертвъ тащить за собою добычу, сопровождая свои приказанія угрозами и побоями. Кому удавалось избавиться отъ одной шайки, тотъ попадалъ въ руки другой, третьей и такъ далѣе, пока разутый и раздѣтый, измученный, избитый, или умиралъ отъ изнеможенія и голода на улицѣ, илиже успѣвалъ найти себѣ какое-нибудь убѣжище. По всѣмъ улицамъ при свистѣ вѣтра и громѣ разрушавшихся отъ пожара зданій, раздавались неистовые крики и выстрѣлы грабителей, вопли и стоны ихъ несчастныхъ жертвъ. Женщины не только подвергались грабежу, не щадившему ихъ стыдливости, но и преступнымъ покушеніямъ и насилію. Улицы наполнялись обгорѣлыми обломками зданій, полурасплавленными листами желѣза, трупами людей и животныхъ.

Гонимые пожаромъ, преслѣдуемые грабителями несчастные жители искали убѣжища въ церквахъ, но пламя охватывало одинъ за другимъ московскіе храмы, а святотатственная рука непріятеля не щадила и этого послѣдняго пріюта страдальцевъ. Принужденные оставить церковь при приближеніи пожара, бѣглецы падали съ молитвою на колѣни предъ алтаремъ и находившіеся при нихъ нерѣдко священники читали имъ напутственную молитву [1]). Но что-же ожидало ихъ на улицѣ? „Насъ, вышедшихъ изъ церкви, — разсказываетъ очевидецъ,—набралось до ста человѣкъ обоего пола. Первый шагъ путниковъ ознаменовался преградою: зрѣніе поразилось мракомъ отъ несшагося дыма, слухъ грохотомъ, воемъ и свистомъ бури. Не возможно было найти дороги въ непроницаемой темнотѣ отъ несомаго бурею горячаго пепла, залѣплявшаго глаза и обжигавшаго лицо. Наконецъ, путникамъ удалось выбраться на Полянскую площадь, но тутъ

---

[1]) Описанная сцена произошла въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей. См. Воспоминанія очевидца (доктора Резанова). Москва. 1852 г., стр. 77.

ихъ окружили грабители-непріятели. Плѣнники пали на колѣни и, воздѣвая руки къ небу, просили пощады и милосердія, но варвары, не знакомые съ человѣколюбіемъ, не внемля ни просьбамъ, ни мольбамъ беззащитныхъ, бросились съ обнаженными саблями, какъ дикіе звѣри на стадо овецъ, и съ неистовымъ крикомъ и ожесточеніемъ начали всѣхъ тормошить, грабить и бить. Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоцѣнности и разбрасывали остальное; съ мущинъ снимали одежду и сапоги, съ женщинъ срывали платки и шали, сдергивали платья, вытаскивали изъ кармановъ часы, табакерки, золотыя и серебряныя монеты, вырывали изъ ушей серьги и снимали съ пальцевъ кольца и перстни. Пусть всякій дополнитъ воображеніемъ, какое зрѣлище представляла эта площадь, окруженная пожаромъ, освѣщенная заревомъ, наполненная дымомъ, смрадомъ и пепломъ, оглашаемая воемъ и свистомъ бури, и среди этого хаоса съ звѣрскими лицами и обнаженными саблями буйствующихъ, по раскиданному и изорванному имуществу, непріятелей; а между ними въ разныхъ положеніяхъ, съ искаженными отъ страха лицами, съ воздѣтыми къ небу руками, съ развѣвающимися по воздуху растрепанными волосами, жертвъ, обреченныхъ на мученія, несчастныхъ жителей Москвы".

Съ 5-го сентября начала мало-по-малу уменьшаться сила огня. Вечеромъ этого дня небо покрылось тучами, вѣтеръ началъ стихать и ночью полилъ сильный дождь. Весь слѣдующій день дождь продолжалъ идти съ возростающею силою, вѣтеръ стихъ совершенно и пожары, заливаемые массою воды, погасали одинъ за другимъ. Кое-гдѣ дымились еще пожарища и показывался по временамъ огонь, но сила страшной стихіи была уже окончательно подорвана. Удушливый воздухъ, распаленный огнемъ, наполненный дымомъ и пепломъ, быстро освѣжился, накаленная мостовая охолодѣла. Несчастные жители, спасшіеся отъ пожара и ярости непріятеля, могли, повидимому, вздохнуть свободнѣе. Имъ казалось, что ихъ страданія подходятъ уже къ концу, что они испили уже до дна чашу горести, но они жестоко ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Самое ужасное было еще впереди!

Тотчасъ-же послѣ пожара императоръ Наполеонъ [1]) возвратился въ кремлевскій дворецъ. На пути между рядами бивуаковъ онъ видѣлъ странныя сцены, дикую смѣсь роскоши съ нуждою [2]). У костровъ, сложенныхъ изъ дорогихъ мебелей, разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы святыхъ образовъ, кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина. Подъ открытымъ небомъ безъ всякаго присмотра валялись головы сахару, мѣшки съ чаемъ и кофе. Солдаты торговали всевозможными драгоцѣнностями, а между тѣмъ хлѣба не было почти ни у кого. Наполеонъ смотрѣлъ равнодушно на всѣ эти картины, но его невольно смущали слѣды грабежа и мародерства, встрѣчавшагося на каждомъ шагу [3]). Лучше кого-либо другаго понималъ онъ

---

[1]) Наполеонъ, по свидѣтельству очевидцевъ, провелъ тревожную ночь въ Петровскомъ дворцѣ. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшійся передъ нимъ пожаръ. „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія", произнесъ онъ наконецъ. „Русскій Архивъ" 1876 г. к. V, стр. 53; c-te Segur. Histoire de Napoleone et de la grande armée. T. II. стр. 59.

[2]) Очевидцы такъ описываютъ эти бивуаки: „Никогда не забудется то странное зрѣлище, какое представлялъ лагерь вокругъ Петровскаго дворца: тамъ, въ Англійскомъ саду, находились разные штабы, входившіе въ составъ главной квартиры; генералы помѣщались въ зданіи фабрикъ, лошади стояли въ аллеяхъ. Непрерывно солдаты возвращались изъ Москвы и продавали награбленныя вещи. Къ довершенію странности, они были одѣты въ разнообразныя платья, какія только находили". Duc de Fezensac, Souvenirs etc. стр. 265. „Лагерь расположенъ былъ на поляхъ, покрытыхъ липкою и холодною грязью; повсюду горѣли большіе костры, огонь которыхъ поддерживался мебелью изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дверьми изъ богатыхъ домовъ. Вокругъ огней, на постилкахъ изъ мокрой соломы, прикрытыхъ утлыми навѣсами изъ нѣсколькихъ досокъ, валялись солдаты, а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли на креслахъ, или лежали на роскошныхъ, покрытыхъ шелковыми матеріями, диванахъ; ноги у нихъ были закутаны кашемировыми шалями, дорогими сибирскими мѣхами и персидскими золотыми матеріями. На серебряныхъ блюдахъ они ѣли какую-то черную похлебку, пересыпанную золою, кровавую и полуизжаренную конину. Странная смѣсь обилія и недостатка, богатства и грязи, роскоши и бѣдности". C-te Segur. Histoire de Napoleone et de la grande armée. T. II, стр. 63 и 64.

[3]) „Императоръ увидѣлъ, что все его войско разсѣялось по городу",—говоритъ графъ Сегюръ: „движеніе его поѣзда затрудняли на каждомъ шагу толпы мародеровъ или возвращавшихся съ добычею, или шедшихъ на новый грабежъ, толпы солдатъ, собравшихся у отверстій погребовъ, у дверей домовъ и церквей, пощаженныхъ огнемъ". Наполеонъ былъ свидѣтелемъ и другихъ потрясающихъ

все роковое значенiе подобныхъ явленiй. Онъ зналъ, что съ паденiемъ порядка и дисциплины рѣшится самъ собою вопросъ объ участи великой армiи. Занятый такими мыслями, Наполеонъ прибылъ въ Кремль и тотчасъ же приказалъ собрать свѣдѣнiя о количествѣ домовъ и имуществъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Свѣдѣнiя получились самыя неутѣшительныя. Наполеону доносили, что отъ обширной столицы уцѣлѣла лишь одна 4-я часть, что изъ 30.000 домовъ осталось лишь нѣсколько тысячъ, что количество церквей, разрушенныхъ пламенемъ, доходитъ до 800, что почти всѣ магазины и склады

скихъ и остался при нихъ, согласно своей желѣзной натурѣ, совершенно равнодушный. „При въѣздѣ Наполеона, говоритъ русскiй свидѣтель,—многiе изъ жителей московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствiй отъ нашествiя на нихъ иноплеменниковъ, увидавъ издали многочисленную свиту, убѣгали прочь. Другiе посмѣлѣе отваживались украдкою выглядывать изъ-за обвалившихся стѣнъ. Наконецъ, въ одномъ переулкѣ близъ Охотнаго ряда, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человѣкъ 40, на которыхъ отъ страха, голода и холода, едва осталось подобiе человѣческое, выждавъ приближенiе свиты къ переулку, падаетъ среди грязи на колѣни, простираетъ къ иноплеменному государю руки, вопiетъ о претерпѣнномъ ими грабежѣ и конечномъ разоренiи и проситъ пощады и хлѣба. Но сей жестокiй человѣкъ, поворотивъ лошадь свою вправо, не удостоилъ ихъ своего взгляда: но только приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его узнать, о чемъ они просятъ". Въ толпѣ находился и Бестужевъ-Рюминъ, уже совершенно ограбленный мародерами. Несчастный скрывался передъ тѣмъ въ полѣ между Троицкою заставою и Сокольниками, но мучимый голодомъ, онъ рѣшился войти вновь въ Москву въ сопровожденiи своей семьи и другихъ бѣглецовъ. „Мы три дня уже не видали куска хлѣба, и бѣдныя дѣти мои, истощивъ себя, плакали. Гласъ и чувство природы требовали моего о нихъ попеченiя. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрѣтилъ Наполеона съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу и упованiемъ: Наполеонъ узналъ меня, хотя былъ я нагъ и босъ и имѣлъ только лакейскую шинель на себѣ: ибо, посмотрѣвъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подъѣхалъ ко мнѣ: въ семъ чиновникѣ узналъ я секретаря его—г. Делорня де Левилли, который, узнавъ и меня, вскричалъ: „Ахъ, господинъ Бестужевъ, въ какомъ положенiи вижу я васъ!"—„Таковъ жребiй войны", отвѣчалъ я.—„Гдѣ ваша жена, ваши дѣти?"—промолвилъ онъ. „Вотъ они, показывая на нихъ: жена въ рубищѣ, а дѣти босы.—„Ахъ Боже мой!" и на глазахъ его навернулись слезы. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ, приказалъ онъ одному полковнику изъ штаба маршала Бертье, именемъ императора своего, взять меня подъ свое покровительство". См. Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armee. T. II, стр. 64. Корбелецкiй, краткое повѣствованiе, стр. 37—38. Донесенiе Бестужева-Рюмина министру юстицiи о происшествiяхъ въ Москвѣ въ 1812 г. „Чтенiя обществ. ист. и др." 1859 г. кн. II. Смѣсь, стр. 171—172.

истреблены огнемъ [1]). Эти цифры ужаснули Наполеона. Москва и громадные запасы, накопленные въ ней, погибли,— вотъ мысль, которая окончательно утверждается въ немъ съ этой минуты. Нѣтъ болѣе нужды заботиться объ жалкихъ остаткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія! Пусть же поживятся ими, по крайней мѣрѣ, солдаты, измученные такимъ небывалымъ походомъ, обманутые такъ ужасно во всѣхъ своихъ надеждахъ! Остатки сожженой Москвы должны быть отданы въ добычу солдатамъ. Вмѣсто грабежа случайнаго, безпорядочнаго долженъ начаться грабежъ правильный, систематическій; отдѣльные отряды войскъ должны запастись, по возможности, припасами, алчность солдатъ должна получить законное удовлетвореніе. Рѣшая этотъ ужасный приказъ, Наполеонъ и не подозрѣвалъ, что онъ совершаетъ величайшую ошибку во всей своей жизни, что онъ подписываетъ смертный приговоръ своей арміи. Онъ не подумалъ, что онъ затѣваетъ дѣло несбыточное, внести систему и порядокъ въ дикое дѣло разрушенія, что онъ легкомысленно налагаетъ руку на громадные запасы, все еще остававшіеся въ Москвѣ, что онъ самъ лишаетъ свою армію послѣднихъ источниковъ жизни, что онъ наноситъ смертельный ударъ, и безъ того уже потрясенной въ самыхъ основаніяхъ, дисциплинѣ великой арміи [2]).

---

[1]) Въ одномъ современномъ письмѣ изъ Москвы, писанномъ тотчасъ же по удаленіи французовъ, содержатся между прочимъ слѣдующія указанія: „Нѣмецкая слобода вся выжжена. У Богоявленія уцѣлѣлъ домъ гр. Головкина, а у Вознесенія Демидова и графа Разумовскаго. Въ старой Басманной уцѣлѣли только четыре дома; на земляномъ валу сгорѣли всѣ зданія кромѣ Шереметьевской больницы и большаго корпуса Спасскихъ казармъ. Отъ Никольскихъ воротъ до Мясницкихъ всѣ зданія уцѣлѣли, а отъ Мясницкихъ до Красныхъ воротъ все сгорѣло, кромѣ четырехъ домовъ. Отъ Никольскихъ воротъ до Срѣтенскихъ всѣ зданія цѣлы, также и въ Кузнецкомъ мосту. Отъ Воскресенскихъ воротъ до дома главнокомандующаго всѣ дома сгорѣли, отъ Покровскихъ воротъ до Мясницкихъ— валомъ всѣ дома цѣлы. Отъ Покровскихъ воротъ до Ильинскихъ всѣ дома по обѣимъ сторонамъ цѣлы, а за Покровскими воротами уцѣлѣло лишь нѣсколько домовъ. За Москвою-рѣкою всѣ дома сгорѣли. Гостинный рядъ и весь городъ сгорѣлъ и т. д. Изъ 30,000 домовъ врядъ-ли осталось 5,000. Смотри „Русскій Архивъ“ за 1876 годъ кн. 7. „Двѣнадцатый годъ, современные разсказы, письма, анекдоты, стихотворенія“, стр. 311. По другимъ свѣдѣніямъ, въ Москвѣ сгорѣло три четверти всѣхъ домовъ. См. Богдановичъ. Т. II, стр. 309.

[2]) Вспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1423—1424.

Въ приказѣ Наполеона, обрекавшемъ Москву на окончательное разореніе, избѣгалось постыдное слово „грабежъ“, оно замѣнено было болѣе приличнымъ выраженіемъ: „изготовленіе продовольственныхъ запасовъ для войскъ“. Было предписано, чтобы каждый изъ корпусовъ, стоявшихъ въ Москвѣ или ея окрестностяхъ, отряжалъ отъ себя поочередно нѣсколько ротъ для сбора провіанта. Какъ ни прилично былъ составленъ приказъ, но все-же исполненіе его на дѣлѣ повлекло за собою такіе страшные грабежи, насилія и неистовства, которыя далеко оставили за собою все бывшее во время пожара. Отряды, отправляемые на грабежъ, полагая, что имъ приходится въ послѣдній разъ идти на добычу, съ жадностью бросались на все, не останавливаясь ни предъ какими истязаніями и звѣрствами. На улицахъ Москвы можно было встрѣтить въ эти ужасные дни только однихъ непріятельскихъ солдатъ. Повсюду толпились они передъ уцѣлѣвшими и полусгорѣвшими домами, разбивали двери, выламывали окна, проникали въ погреба и кладовыя. Жители прятались въ самыхъ сокровенныхъ углахъ, позволяли грабить себя безъ всякаго сопротивленія. Систематическій порядокъ, царствовавшій въ этомъ грабежѣ, придавалъ ему еще болѣе ужасный характеръ. Первый день грабила старая гвардія, второй—молодая, за ней слѣдовалъ корпусъ Даву и т. д. Всѣ корпуса, стоявшіе вокругъ города, приходили по очереди грабить не рѣдко одни и тѣже кварталы. Восемь дней продолжалась эта небывалая процедура [1]). Легко себѣ представить, какъ трудно было удовлетворить послѣднихъ грабителей. О какомъ-нибудь правильномъ сборѣ продовольственныхъ запасовъ не было, разумѣется, и рѣчи; все сводилось къ одному захватыванію добычи. Хлѣбныя лавки были разграблены прежде всего и запасы муки и хлѣба, находившіеся въ нихъ, по большей части истреблены самымъ легкомысленнымъ образомъ. Винные и водочные склады постигла та-же участь. Грабители напивались сначала до безумія, а затѣмъ разбивали бочки. Многіе погреба наполнились

---

[1]) См. Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. T. II, стр. 132.

до верху виномъ и водкою, и непріятельскіе солдаты нерѣдко тонули въ нихъ [1]). Оборванные и босые французы съ особенною жадностью бросались на всякую одежду, попадавшуюся имъ подъ руки. Они не только брали всякое платье и обувь, найденную въ домахъ, но и раздѣвали до-нага несчастныхъ жителей, нерѣдко среди улицъ. „Когда французъ, говоритъ очевидецъ, встрѣчалъ на улицѣ женщину, то онъ останавливалъ ее, подымалъ платье на голову и обыскивалъ: буде находилъ зашитыя въ сорочкѣ деньги, или крестъ серебряный на шеѣ, серьги, кольца на рукахъ, то все исправно обиралъ, или остановя и схватя за пазуху женщину и разодравъ сверху до низу платье и рубаху, тоже дѣлалъ. Шубы, салопы и капоты снимали безъ разбору, ни мало не заботясь о наготѣ несчастныхъ, безъ одежды и безъ куска хлѣба, скитавшихся толпами по разграбленному и въ конецъ разоренному городу“ [2]). Хотя погода стояла еще довольно теплая, но непріятельскіе солдаты, совершенно оборвавшіеся [3]), спѣшили нарядиться въ награбленную ими одежду, нисколько не стѣсняясь при этомъ въ выборѣ. На улицахъ Москвы можно было встрѣтить тогда солдатъ въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, это былъ какой-то дикій, бѣснующійся маскарадъ. „Здѣсь встрѣчался усатый гренадеръ въ священническихъ ризахъ и въ треугольной шляпѣ; тамъ въ женскомъ салопѣ и съ эпитрахилемъ на шеѣ; здѣсь въ женской мантильѣ, въ шароварахъ и въ каскѣ; тамъ въ бѣломъ плащѣ и съ алымъ кокошникомъ на головѣ; вотъ еще одинъ въ діаконскомъ стихарѣ; тутъ верхомъ въ монашеской рясѣ съ краснымъ перомъ на шляпѣ; здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ,

---

[1]) Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 19.

[2]) „Двѣнадцатый годъ“. Современные разсказы, письма, анекдоты, стихотворенія, № 46; положеніе Москвы послѣ непріятеля (писано въ февралѣ 1813 г.), стр. 391. „Русскій Архивъ“ 1876 г. кн. 8.

[3]) „Нельзя себѣ объяснить иначе жадности этихъ негодяевъ, какъ зная ихъ собственное бѣдственное положеніе. Безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ,—вотъ каковы были солдаты арміи, не принадлежавшіе къ императорской гвардіи. Когда они возвращались въ свой лагерь, переодѣтые въ самыя разнообразныя одежды, ихъ можно было узнать развѣ только по оружію“. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1424.

завязанныхъ вокругъ шеи" [1]). Офицеры не только не заботились сдерживать буйство своихъ солдатъ, но напротивъ сами подавали имъ примѣръ грабежа и насилія. Даже генералы брали подъ предлогомъ реквизицій все, что имъ нравилось. Ограбивъ до-чиста занимаемые ими дома, они переходили на новыя квартиры и повторяли тамъ такую-же процедуру [2]). Грабители не дѣлали ни малѣйшаго различія между русскими и иностранцами. Тщетно ссылались на свою національность московскіе обыватели-французы и молили своихъ соотечественниковъ о пощадѣ. „Какое мнѣ дѣло, отвѣчали имъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что вы французы? Что вы здѣсь дѣлаете? Изъ французовъ только какой-нибудь негодяй—не за одно съ нами! Вы эмигранты!" [3]). Одинъ солдатъ забрался въ подвалъ, гдѣ скрывалось цѣлое семейство французовъ. Не обращая никакого вниманія на ихъ народность, онъ обобралъ ихъ до-гола; но замѣтивъ еще обручальное кольцо на рукѣ молодой женщины, онъ потребовалъ и кольца. На колѣняхъ она умоляла его оставить ей этотъ знакъ супружеской вѣрности; но онъ грубо отказалъ и грозилъ немедленно отрубить ей палецъ [4]). И счастливъ

---

[1]) „Однимъ словомъ французы арлекинствовали отъ избытка сердца своего и ругались всѣмъ на свѣтѣ. Представьте себѣ при сей пестротѣ наряда разбросанныя по улицамъ убитыя и обгорѣвшія человѣческія тѣла и мертвые лошадиные трупы, присоедините къ этому бѣгающихъ нагихъ женщинъ, вопль и сѣтованіе, ненастную погоду, неимѣніе пристанища и голодъ: то все еще картина будетъ недостаточная". См. „Русскій Архивъ" за 1876 г. кн. 8. „Двѣнадцатый годъ", стр. 391.

[2]) „Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ .„Русскій Архивъ" за 1869 г., стр. 1424.

[3]) „Вотъ чѣмъ угощали меня каждый день разъ двадцать; а что могли они взять съ насъ? Послѣднее платье этихъ бѣдняковъ, выхваченное изъ огня, да мой сюртукъ, возбуждавшій зависть всякаго, кто его видѣлъ,—вотъ все, что мы имѣли". Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ" за 1869 г., стр. 1423.

[4]) См. Lecointe de Laveau, Moscou avant et aprés l'incendie, стр. 25 и слѣд. Тамъ-же разсказанъ другой случай: „одинъ военный повстрѣчалъ француженку, спасавшуюся отъ грабежа своихъ соотечественниковъ. Вѣжливыми словами, свидѣтельствовавшими объ его образованіи, онъ предложилъ ей свою защиту и сопровождая ее вызвался нести ей шубу, чтобы она не утомилась. Она отказывалась изъ вѣжливости; онъ настаивалъ, и когда она передала ему шубу, свое единственное достояніе, которое удалось ей спасти отъ огня, онъ убѣжалъ, смѣясь надъ ея легковѣріемъ и довѣрчивостью".

былъ тотъ, кто отступалъ передъ первою угрозою! Непріятельскіе солдаты, въ случаѣ малѣйшаго упорства своихъ жертвъ, способны были на самыя страшныя жестокости. „Они не уважали, — свидѣтельствуетъ французъ-очевидецъ, — ни стыдливости женскаго пола [1]), ни невинныхъ дѣтей въ колыбели, ни сѣдинъ старости".—„Касательно грабежа,—говоритъ русскій очевидецъ,—утонченіе французовъ въ семъ родѣ достигло до высокой степени. Не осталось такой пытки, которой-бы они не употребили, чтобы допросить, гдѣ чье имѣнье запрятано и зарыто; вездѣ рубили и копали! Ежели проносили въ гробѣ мертвое тѣло для погребенія, то останавливали и осматривали оное; даже самыя могилы разрывали въ чаяніи найти сокровища" [2]).

Московская святыня, безчисленныя церкви и богатые монастыри подверглись самому страшному грабежу и святотатственному оскверненію. Нечего и говорить, что почти всѣ

---

[1]) Безстыдство грабителей равнялось ихъ трусости, что видно изъ слѣдующаго разсказа Бестужева-Рюмина. Бестужевъ вмѣстѣ съ многими другими скрывался на огородѣ близь церкви Спаса, что во Спасскомъ. „Среди сего огорода былъ прудъ, и мы овощами утолили нѣсколько мучившій насъ голодъ, но не избѣгли однако-жъ прозорливости мародеровъ; двое изъ нихъ пришли насъ грабить; въ виду-же оныхъ было болѣе 100 человѣкъ. Безумное дѣло, казалось, сопротивляться и потому отдавали имъ все, что требовали. Насъ было всего около 50 человѣкъ, въ томъ числѣ большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дѣлаемъ, вздумали раздѣвать женщинъ и искать сокровищъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только алжирскіе корсары ищутъ. Я, боясь, чтобы подобный обыскъ не былъ сдѣланъ и женѣ моей, подошелъ къ нимъ и сказалъ: „Messieurs! Vous pouverz prendrs tout ce que vous voyez sur nous; mais si vous ozez y toucher les dames et les femmes, qui sont ici, au nom de Créateur, que vous ne reconnaissez pas, je jure de vous faire jettes dans cet eau herbeuse" (т. е. господа, вы можете брать все, что видите на насъ, но если вы осмѣлитесь коснуться женщинъ, то клянусь именемъ Создателя, котораго вы не признаете, что мы васъ бросимъ въ эту грязную воду). Они съ симъ словомъ вложили тесаки свои въ ножны и уходя отвѣтствовали: „Ah Monsiéur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos trés humbles serviteurs... vos trés humbles serviteurs". (Ахъ господинъ, если вы думаете поступить такъ, то извините, мы ваши покорнѣйшіе слуги), повторили еще и пошли прочь. Вотъ герои, овладѣвшіе Москвою". Бестужевъ-Рюминъ, „Чтенія общ. исторіи и др." 1859 года, кн. 2. Смѣсь, стр. 171.

[2]) „Двѣнадцатый годъ". „Русскій Архивъ" 1876 года кн. 8, стр. 391.

[illegible]

... бывшіе ... [illegible] ... Уже въ первые ... [illegible] ... Москвы въ ... монастыряхъ ... [illegible] ... Въ ... [illegible] ... Непріятели ... [illegible] ... [illegible] — ... [illegible] ... Въ ... [illegible] ... и ... [illegible] ... уборъ. Пьяные непріятельскіе солдаты ... стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Голодный ... [illegible] ... Забирали также ... [illegible] ... и масла ... но отворачивались съ пренебреженіемъ отъ ржаной муки и хлѣба. Когда начался систематическій грабежъ Москвы, тогда въ монастырь явилась команда артиллерійскихъ солдатъ. Грабители вошли въ церковь, тотчасъ-же начали сдирать съ образовъ серебряныя ризы, затѣмъ принялись за раку св. мощей, перерыли и осквернили всю гробницу. Одинъ солдатъ разбилъ саблею стекло на большомъ образѣ Спасителя и сорвалъ серебряныя ризы, украшенныя драгоцѣнными каменьями. Монастырская ризница была ограблена до-чиста. Непріятели снимали одежды съ престоловъ, раздирали срачицы, опоясывались святыми антиминсами; иныя священническія облаченія надѣвали на себя, съ другихъ обдирали позументы, сѣтки, бахрамы, кисти золотыя и серебрянныя, разрывали остальное на клочки и разбрасывали по храму. Такъ неистовствовали непріятели [1]) въ Даниловомъ монастырѣ, но въ другихъ московскихъ обителяхъ происходили, какъ видно это изъ оффиціальныхъ документовъ, еще болѣе ужасныя сцены.

Никогда, быть можетъ, ни одна армія новаго времени не была проникнута до такой степени духомъ невѣрія и бого-

---

[1]) О Даниловомъ монастырѣ см. „Чтенія общества исторіи и древности". Москва. 1861 г. кн. I, смѣсь, стр. 103—107. Сообщено Снегиревымъ.

хульства, какъ разноплеменныя полчища Наполеона въ 1812 году. Не довольствуясь однимъ грабежомъ храмовъ, французы и ихъ союзники ругались безъ всякой нужды, и притомъ самымъ возмутительнымъ образомъ, надъ всѣмъ, что было дорого и свято для народа русскаго. Безъ всякаго повода подвергали они страшнымъ истязаніямъ священнослужителей и монашествующихъ и не задумывались обагрять кровью пороги монастырей и храмовъ. Въ Заиконоспасскій монастырь неприятели ворвались вскорѣ послѣ занятія Москвы. Они начали съ того, что ограбили и раздѣли до-гола монашествующихъ и заставили ихъ вслѣдъ затѣмъ таскать тяжелыя ноши. Іеромонахъ Викторъ былъ брошенъ ими въ Москву-рѣку, вѣроятно за то, что не въ состояніи былъ таскать тяжести. Несчастный успѣлъ, однако-же, переплыть черезъ рѣку, переночевалъ въ кустахъ, зарывшись въ песокъ, и на другое утро бѣжалъ изъ города. Другаго монаха Вонифатія, совершенно негоднаго къ работѣ по дряхлости лѣтъ, неприятели спускали нѣсколько разъ въ воду для потопленія, потомъ собирались отрубить голову, но наругавшись досыта, бросили его, наконецъ, полумертваго. Іеродіаконъ Владиміръ, человѣкъ болѣе сильный и здоровый, долгое время таскалъ, по приказанію неприятелей, ноши; но вдругъ французы, которымъ мерещились повсюду казаки, начали подозрѣвать, что и онъ казакъ, вѣроятно на томъ основаніи, что онъ носилъ бороду. Немедленно-же совершенно голаго, покрывъ св. покровомъ, повели его въ Кремль на допросъ къ Мюрату, грозили ему разстрѣляніемъ, но подъ конецъ отпустили. Въ монастырѣ происходило между тѣмъ самое возмутительное безчинство. Въ нижней церкви поставлены были лошади; вмѣсто ковровъ ихъ покрыли ризами; въ алтарѣ поставлены были кровати для солдатъ. Въ казначейской кельѣ устроена была военная швальня. Въ книжной лавкѣ помѣстилась француженка-маркитантка. Она торговала виномъ и съѣстнымъ; постель у нея была покрыта плащаницею. Сначала неприятели ни въ чемъ не нуждались, но потомъ питались однимъ картофелемъ, да стрѣляли галокъ и воронъ.

Въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ оставались архи-

мандритъ Козьма и четверо монашествующихъ. 3-го сентября въ монастырь явились непріятельскіе солдаты. Они выломали двери церквей и кладовыхъ и расхитили все. Затѣмъ они раздѣли до-гола архимандрита и братію и приказали имъ тащить награбленную добычу въ Новодѣвичій монастырь. Несчастные исполняли этотъ приказъ, изнемогая подъ тяжестью, стараясь прикрыть свою наготу рогожами. Игуменъ Богоявленскаго монастыря Гедеонъ принялъ заранѣе мѣры къ спасенію монастырскаго имущества. Большую часть ризницы онъ увезъ въ Вологду, остальное спряталъ подъ церковнымъ поломъ. Непріятели явились въ монастырь 3 сентября. Тотчасъ-же они начали допрашивать казначея съ угрозами о скрытыхъ сокровищахъ, таскали его за волосы и бороду, приставляли къ груди штыки. Другіе грабители разбивали между тѣмъ кладовыя и вытащили изъ нихъ все имущество. Спустя нѣсколько времени непріятельскіе солдаты заставили тащить казначея и братію товаръ изъ горѣвшаго гостиннаго двора. Навьюченные тюками сукна и боченками вина, принуждены они были идти по Тверской среди пылающихъ домовъ. По дорогѣ у заставы встрѣтились имъ другіе солдаты, они отняли у нихъ ихъ ноши, а самихъ отпустили на свободу. Черезъ нѣсколько времени бѣдняки попали, однакоже, въ руки другихъ мародеровъ. На этотъ разъ ихъ заставили везти телѣгу съ винами, но уже не по улицѣ, а черезъ грязи и валы. Измученный казначей воротился въ монастырь вечеромъ 4 сентября. Такъ какъ непріятели взяли уже изъ монастыря все имущество, то онъ полагалъ, что его оставятъ въ покоѣ. Не тутъ-то было. Уже на другой день грабители начали допрашивать его гдѣ деньги, гдѣ золотыя и серебряныя вещи? Его били тупыми палашами по спинѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не лишился чувствъ. О. Ааронъ остался однако же твердымъ не смотря на всѣ пытки. Онъ не указалъ мѣста, гдѣ были скрыты церковныя сокровища. Мужественный инокъ успѣлъ даже скрыть отъ жадныхъ и похотливыхъ непріятелей небольшой запасъ муки и кормилъ ею себя и собравшуюся братію. Этого мало: онъ раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ обывателямъ, приходившимъ въ монастырь, а съ

19 сентября началъ даже отправлять божественную службу, утреню, вечерню и часы. Непріятели заходили иногда въ церковь, но не нарушали служенія.

Монахи Златоустовскаго монастыря бѣжали изъ обители еще до появленія непріятелей; точно также поступили и монахи Андреевскаго монастыря. Непріятели, занявши оба монастыря, производили въ нихъ свои обычныя безчинства. Кололи образа и употребляли ихъ мѣсто дровъ, превратили церкви въ конюшни, завели повсюду страшную нечистоту, оставляли безъ погребенія мертвыя тѣла.

Изъ Покровскаго монастыря болѣе цѣнное имущество вывезено было заранѣе, но большая часть монашествующихъ остались. Непріятели ворвались въ монастырь и ограбили до-чиста церкви еще 3 сентября утромъ. 4-го они явились вновь, схватили пятерыхъ монаховъ, поволокли за заставу и начали страшно истязать, домогаясь, гдѣ сокровища? Въ камилавкѣ одного іеромонаха они нашли нѣсколько зашитыхъ денегъ и били его смертельно. Того-же 4 числа въ монастырѣ помѣстился непріятельскій генералъ съ многочисленною свитою. Солдаты продолжали творить на его глазахъ всевозможныя безобразія. Въ церквахъ, по французскому обычаю, устроены были конюшни, св. образа шли на топливо, жертвенники и престолы употреблялись мѣсто столовъ. Еще болѣе ужасныя сцены происходили въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Ворвавшись въ монастырь, непріятельскіе солдаты били смертельно казначея и братію, допрашивая гдѣ утварь; затѣмъ они сорвали полы и нашли подъ ними все спрятанное. Въ нижней церкви поставлены были лошади, въ иконостасахъ вбили гвозди для вѣшанія конской сбруи, въ алтарѣ спали солдаты. Одѣвшись въ ризы, французы прогуливались по монастырю и совершали въ нихъже всевозможныя работы. Другіе стрѣляли голубей и галокъ, рѣзали лошадей и приготовляли изъ нихъ пищу. Неистовство непріятелей довело до отчаянія монастырскихъ служителей; захвативъ однажды француза въ кладовой, они убили его и успѣли скрыть трупъ.

Совершенно подобныя-же безчинства, за нѣкоторыми, впро-

чемъ, исключеніями, производили французы, эти наши всегдашніе наставники по части элегантности и утонченныхъ манеръ, и въ женскихъ монастыряхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, что въ Кремлѣ, они взяли не только все церковное имущество, но ограбили до-чиста монахинь и выгнали ихъ изъ монастыря. Тоже самое продѣлали они и въ бывшемъ Ивановскомъ монастырѣ. Рождественскій монастырь грабили сначала мародеры, затѣмъ въ немъ поселился какой-то генералъ. Грабежи прекратились, но продолжалось самое возмутительное святотатство. Въ трапезѣ церкви Божіей Матери устроена была, напримѣръ, генеральская конюшня. Въ Никитскомъ монастырѣ непріятели не только ограбили все имущество, но и ежедневно приходили къ монахинямъ, требовали хлѣба и денегъ и наносили имъ страшные побои. Въ церквахъ устраивали оргіи, напивались до безчувствія и творили невѣроятныя неблагопристойности. Въ Алексѣевскомъ монастырѣ, непріятели, не довольствуясь грабежомъ, выстрѣлами зажгли монастырь. Мѣста, которыя не загорались, посыпали порохомъ и потомъ зажигали. Въ Страстномъ монастырѣ церкви были ограблены до-чиста и обращены въ магазины, монахини выгнаны на паперть, а въ кельяхъ поставлены гвардейскіе солдаты. Передъ воротами монастыря французы устраивали экзекуціи, разстрѣливали поджигателей и оставляли трупы ихъ непогребенными.

Гораздо счастливѣе отдѣлались Зачатьевскій и Новодѣвичій монастыри: первый изъ нихъ былъ, правда, зажженъ и ограбленъ французами, но потомъ баронъ Таулетъ, одинъ изъ Наполеоновскихъ чиновниковъ, взялъ подъ свое покровительство монахинь и далъ имъ возможность отправлять вновь богослуженіе. Новодѣвичій монастырь спасся отъ грабежа благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, неподалеку отъ него въ домѣ князя Щербатова, находилась квартира маршала Даву. Даву, человѣкъ крайне жестокій и безсердечный, не дозволялъ однакоже безпорядочныхъ грабежей и поддерживалъ въ своемъ корпусѣ неумолимую дисциплину. Во-вторыхъ, хотя въ монастырѣ стояли поляки, но ихъ начальникъ, Задера, говоритъ очевидица, грѣха боялся. Мар-

шалъ Даву прислалъ даже по просьбѣ священника въ монастырь муки и три бутылки вина для совершенія евхаристіи. Но эти немногія исключенія были не болѣе, какъ капли въ морѣ бѣдствій, невыносимыхъ страданій и неслыханнаго святотатства, обрушившагося тогда на Москву и ея святыни [1]).

Неистовства непріятельскихъ солдатъ вызывали иногда страшное возмездіе со стороны несчастныхъ московскихъ жителей, доведенныхъ до отчаянія. Одинъ прикащикъ заперъ въ погребъ семьнадцать непріятельскихъ солдатъ и сжегъ ихъ тамъ [2]). Нерѣдко одиночные грабители и даже небольшія партіи ихъ попадались въ руки рѣшительныхъ людей и платились жизнью [3]). Но эти частные случаи мести, особенно если не удавалось скрыть слѣды ихъ, вызывали въ свою очередь страшную месть непріятеля. Разсказывали, что французы устраивали формальныя охоты на людей, что они не рѣдко вѣшали и растрѣливали совершенно невинныхъ людей, обвиняя ихъ въ убійствахъ и поджогахъ.

Несчастія московскихъ жителей были тѣмъ ужаснѣе и безвыходнѣе, что и бѣжать изъ Москвы было крайне трудно. Подобно желѣзному кольцу окружала непріятельская армія городъ и распространяла на всѣ стороны убійства, грабежи, пожары и опустошенія. Почти всѣ подмосковныя села и де-

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о событіяхъ въ московскихъ монастыряхъ заимствованы изъ подлинныхъ донесеній настоятелей князю Голицыну отъ 5 декабря 1817 года. Извлеченія изъ нихъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1869 г., стр. 1387—1399. О Дѣвичьемъ монастырѣ на Дѣвичьемъ полѣ см. Толычевой, „Разсказы очевидцевъ“, стр. 16—19.

[2]) См. Правда о пожарѣ Москвы, стр. 215

[3]) „Когда городъ превращенъ былъ въ пепелъ пожаромъ и, слѣдовательно, по утушеніи его не освѣщенъ фонарями, то въ осеннія, глубокія и темныя ночи, жители Москвы убивали французовъ великое множество: кидали ихъ въ колодези, подвалы, погреба, пруды и другія мѣста. Сіе доказывается и тѣмъ, что, дѣйствительно, во всѣхъ церквахъ французы дѣлали даже подъ самыя высокія окна нары на подмосткахъ и, взобравшись на нихъ, сидѣли по цѣлымъ ночамъ при огнѣ, не смѣя показаться на улицу, отчего произошла скрытная война, такъ что французовъ били наши по ночамъ, а днемъ либо прятались въ подземелья, либо были убиваемы въ свою очередь французами“. См. „Двѣнадцатый годъ“. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. 8, стр. 392.

рыяхъ были заняты непріятельскими отрядами, на всѣхъ дорогахъ свирѣпствовали шайки мародеровъ, казаковъ и крестьянъ.

Французы и наши соперничали другъ съ другомъ въ дикомъ дѣлѣ разрушенія, въ грабительской алчности, въ дьявольской мстительности. Казалось, что всѣ фуріи ада вырвались изъ своихъ оковъ и свирѣпствовали на волѣ во всемъ районѣ несчастной столицы. Окрестности Москвы принадлежали и тогда уже къ числу наиболѣе заселенныхъ и богатыхъ мѣстностей во всей имперіи. Среди возздѣланныхъ полей, зажиточныхъ деревень и селеній, среди роскошныхъ лѣсовъ и парковъ виднѣлись богатыя дачи и усадьбы московской знати—Шереметьевыхъ, Растопчиныхъ, Голицыныхъ, Ворронцовыхъ. Иностранные офицеры, служившіе въ нашей арміи, останавливались въ изумленіи передъ истинно царскою роскошью, наполнявшею загородные чертоги нашихъ аристократовъ, передъ дѣйствительно чудеснымъ сочетаніемъ богатства и тонкаго изящнаго вкуса. Замокъ Растопчина, Вороново, говоритъ одинъ изъ нихъ [1], наполненъ былъ всѣмъ, что могли только доставить чужія страны для удовлетворенія роскоши и убранства. И все, начиная отъ великаго до малаго, поражало не однимъ только блескомъ, но и изяществомъ вкуса. Цѣлая громадная галлерея была наполнена драгоцѣнными произведеніями стараго и новаго искусства, привезенными графомъ изъ Италіи. Даже конюшни поражали величіемъ и грандіозностью своего стиля: передъ входомъ въ нихъ красовались колоссальныя статуи конеукротителей.

Но что значила вся роскошь Растопчинскаго дворца въ сравненіи съ тою, по истинѣ, сказочною обстановкою, которая поражала пришельца въ родовомъ имѣніи графовъ Шереметьевыхъ, Кусковѣ. Кусково, принадлежавшее тогда малолѣтнему графу Димитрію Николаевичу, находится въ девяти верстахъ отъ Москвы, между Рязанскою и Владимірскою большою дорогою. Громадный, вѣковой лѣсъ, прорѣзанный широкими просѣками и удобными дорогами, окружалъ со

[1]) См. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland von General syr Robert Wilson (aus dem englischen von Seybt), стр. 154.

всѣхъ сторонъ имѣніе. Семнадцать большихъ и малыхъ прудовъ съ искусственными островами и роскошными на нихъ бесѣдками, съ стаями лебедей, съ цѣлыми флотиліями лодокъ и принадлежащими къ нимъ матросами, съ всевозможными затѣйливыми приспособленіями для плаванія, катанія и рыбной ловли, разсѣяны были по всему парку и соединялись другъ съ другомъ каналами. Въ различныхъ мѣстахъ устроены были и украшены подходящимъ образомъ эрмитажъ въ мавританскомъ стилѣ, китайскія, индійскія, персидскія и японскія бесѣдки. Среди лѣсной чащи подымались внезапно колоссальные обелиски, въ другихъ мѣстахъ разставлены были изящныя мраморныя статуи. Въ особомъ роскошномъ домѣ, носившемъ названіе итальянскаго, сосредоточены были лучшія произведенія итальянской классической живописи и ваянія. Другое двухъ-этажное зданіе, все выложенное внутри изразцами самаго разнообразнаго рисунка, носило названіе голландскаго дома. Тутъ можно было видѣть массу образцовыхъ произведеній голландской и фламандской школы, а вокругъ дома разбитъ былъ садикъ въ голландскомъ вкусѣ. Независимо отъ этихъ и цѣлой массы другихъ построекъ, въ двухъ барскихъ домахъ, кромѣ обычной роскошной обстановки, можно было встрѣтить большую библіотеку, картинную и портретную галлерею, оружейную палату, рѣдкости и драгоцѣнности всякаго рода. Двѣ Кусковскія церкви блистали благолѣпіемъ и дороговизною своихъ украшеній. Въ громадныхъ оранжереяхъ собранъ былъ цѣлый лѣсъ тропическихъ растеній и южныхъ деревьевъ. Въ особомъ громадномъ звѣринцѣ помѣщались всевозможные дикіе звѣри и рѣдкія птицы. Обширныя хозяйственныя постройки занимали колоссальное пространство. Для пріема гостей устроены были цѣлые отдѣльные корпуса. Бывали дни, когда въ Кусково стекалось болѣе 50,000 посѣтителей, когда графъ угощалъ за своимъ столомъ по 2000 человѣкъ [1]).

---

[1]) Достопримѣчательности Кускова описаны съ особенною точностью въ статьѣ профессора П. А. Безсонова, помѣщенной въ 9 выпускѣ „Пѣсней, собранныхъ Кирѣевскимъ“.

Всему этому богатству, величію и роскоши пробилъ теперь послѣдній часъ. Сигналъ къ разрушенію этихъ пріютовъ нѣги, красоты и искусства былъ поданъ однимъ изъ самыхъ владѣльцевъ, московскимъ главнокомандующимъ, графомъ Растопчинымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода нашей арміи изъ Москвы, Растопчинъ принималъ у себя въ послѣдній разъ гостей въ селѣ Вороновѣ, находящемся верстахъ въ тридцати отъ Москвы по Рязанской дорогѣ. Бенингсенъ, Ермоловъ, англійскій генералъ Вильсонъ, адъютантъ его, лордъ Тирконель, многіе другіе генералы и офицеры расположились почью вокругъ большаго костра, разложеннаго передъ самою конюшнею. Графъ Растопчинъ занималъ въ теченіи всей ночи своихъ гостей разговоромъ, или лучше сказать, онъ не давалъ имъ спать своими горькими жалобами на князя Кутузова. Онъ объявлялъ, что никогда не забудетъ и не проститъ фельдмаршалу, что онъ очистилъ Москву, не увѣдомивъ его объ этомъ предварительно и что этимъ онъ лишилъ его и москвичей возможности удивить міръ болѣе, нежели римскою, русскою доблестью. Теперь-же, сказалъ онъ въ заключеніе, я зажгу мой дворецъ со всѣми его драгоцѣнностями и жалѣю лишь объ одномъ, что не могу принести большей жертвы. Всѣ присутствующіе, пораженные его словами, тщетно пытались отклонить его отъ такого разрушительнаго замысла: ничто не могло поколебать графа въ его рѣшимости.

На разсвѣтѣ къ графу явилось нѣсколько выборныхъ человѣкъ отъ его крестьянъ. Они объявили ему, что они намѣрены удалиться изъ села вмѣстѣ съ послѣдними войсками, что они готовы переселиться въ какое угодно отдаленное имѣніе графа, по что ни за что не подчинятся французскимъ властямъ. Графъ тотчасъ же изъявилъ свое согласіе на ихъ требованіе, и все село въ 1700 душъ со всѣми наскоро собранными пожитками, немедленно же тронулось въ путь. Нельзя было смотрѣть безъ слезъ на этихъ переселенцевъ. Глубокое торжественное молчаніе царствовало въ ихъ средѣ. Не слышно было ни жалобъ, ни стоновъ, ни проклятій; раздавались лишь по временамъ возгласы: „Боже, спаси Царя

и Россію! Боже, благослови нашего господина". Между тѣмъ непріятельскіе разъѣзды приблизились къ самому Воронову. Наши форпосты начали обмѣниваться съ ними выстрѣлами. Рѣшительная минута наступила. Графъ Растопчинъ попросилъ всѣхъ присутствующихъ генераловъ и офицеровъ отправиться съ нимъ въ домъ. Подойдя къ подъѣзду, онъ приказалъ роздать всѣмъ имъ зажженные факелы. Всѣ вошли затѣмъ въ домъ и графъ направился прежде всего въ свою спальню. Тутъ онъ остановился на минуту и сказалъ вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ генералу Вильсону: „Здѣсь стоитъ моя свадебная кровать. Я не въ силахъ зажечь эту комнату. Вы должны избавить меня отъ этого мученія". Вильсонъ далъ ему слово зажечь спальню. Между тѣмъ Растопчинъ и его спутники заходили поочередно въ каждую комнату и зажигали ее. Не прошло четверти часа, а уже громадный домъ пылалъ со всѣхъ сторонъ. Растопчинъ поспѣшилъ въ конюшни, и вскорѣ надъ ними поднялись огненные языки. Долго и неподвижно стоялъ графъ посреди двора, смотря, какъ пламя жадно пожирало его усадьбу. Наконецъ, рухнула громадная группа конеукротителей. „Теперь мнѣ легче на душѣ",—сказалъ графъ. Пора уже было уходить. Наши форпосты, тѣснимые непріятелемъ, отступали къ горящей усадьбѣ; пули, то и дѣло, свистали мимо графа и его спутниковъ. Удаляясь за послѣдними войсками, Растопчинъ прибилъ на одинокомъ и замѣтномъ отовсюду столбѣ слѣдующее посланіе къ французамъ: „восемь лѣтъ употребилъ я на устройство этого помѣстья; въ немъ въ кругу моей семьи велъ я счастливую жизнь. Обитатели этого имѣнія, въ числѣ 1720 душъ, оставляютъ его при вашемъ приближеніи, а я зажигаю добровольно домъ, дабы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы, я оставилъ вамъ мои дома въ Москвѣ со всѣмъ ихъ убранствомъ, цѣною въ полмилліона рублей. Здѣсь вы найдете только пепелъ" [1]).

Въ это самое время какъ Растопчинъ обращалъ въ пепелъ

---

[1]) См. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, von General syr Robert Wilson. Стр. 155—156.

свою роскошную усадьбу и тѣмъ самымъ лишилъ непріятеля богатой добычи, въ другихъ подмосковныхъ имѣньяхъ и селахъ хозяйничали уже незванные и непрошенные гости. Первыми грабителями въ Кусковѣ и сосѣднемъ Шереметьевскомъ имѣніи, Вешняковѣ, явились, впрочемъ, не французы, а русскіе. Если войска наши, и въ особенности казаки, не коснулись Москвы при проходѣ черезъ нее, то совершенно иначе отнеслись они къ тѣмъ селеніямъ и деревнямъ, которыя лежали уже за Москвою. Да оно и понятно! Едва наши войска выступили изъ Москвы, какъ уже надъ столицей поднялись цѣлые столбы дыму и пламени. Въ продолженіи ночи пожаръ усилился и по утру 3-го сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ обозначалась пламенемъ [illegible] „Огненныя полосы, говоритъ очевидецъ, [illegible] и черный густой дымъ, клубясь [illegible] надъ нами. [illegible] ленія и ужаса. [illegible] ротъ ихъ глазами. [illegible] паденіе Россіи [illegible] Красны [illegible]

Итакъ [illegible] Петр[illegible] [illegible]

не хотѣли дать добровольно, то казаки и солдаты разбили двери у сушилъ и амбаровъ и выгребли изъ нихъ весь овесъ, ржаную муку и гречневую крупу. Захвативъ потомъ запасы сѣна, грабители пробрались въ графскіе дома, въ эрмитажъ и голландскій домъ, разбили двери и оконныя рамы и забирали съ собою различныя вещи. Другіе солдаты отправлялись по домамъ дворовыхъ людей, отнимали у нихъ скотъ, ловили и били курей, брали сѣно и хлѣбъ; графскія и людскія кладовыя были также разбиты, сундуки поломаны, находившееся въ нихъ имущество частью забрано, частью уничтожено. Главный Кусковскій прикащикъ задумалъ было усовѣщевать грабителей, уговаривать и просить честью, чтобы они не озорничали, но они не обратили на него ни малѣйшаго вниманія. Когда-же прикащикъ продолжалъ надоѣдать имъ своими просьбами, то они начали грозить ему „смертоноснымъ оружіемъ". Офицеры вовсе не думали останавливать своихъ солдатъ. Они совѣтовали даже прикащику оставить ихъ въ покоѣ, говоря, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ убитъ. Офицеры подали прикащику еще и другой совѣтъ: „непріятель идетъ за нами по пятамъ; онъ замучитъ васъ на работѣ, уходите, пока еще есть время". Прикащикъ призадумался. Онъ видѣлъ, какъ отовсюду народъ, пораженный страхомъ, бѣжалъ отъ злодѣя; онъ замѣчалъ повсемѣстное смятеніе и ужасъ, и рѣшился, наконецъ, послѣдовать благоразумному совѣту офицеровъ [1]). На слѣдующій день уланы и раненые солдаты съ огромнымъ обозомъ вступили въ Кусково. Эти вели себя еще безцеремоннѣе. При наступленіи ночи они расположились по обывательскимъ домамъ, разложили костры по всему селу, начали грабить жителей

---

[1]) „Офицеры уговаривали прикащика болѣе въ Кусковѣ не быть, а удалиться далѣе по причинѣ состоящаго вблизи непріятеля, который замучаетъ на работѣ, и я, видя, что народъ изъ Москвы и со всѣхъ мѣстъ отъ непріятеля бѣжитъ и вездѣ округъ Кускова заступили россійскія войска, чрезъ такое смятеніе и ужасъ во вторникъ уѣхалъ въ село Марково". Изъ донесенія Кусковскаго прикащика, Петра Александрова, находящимся въ Московскомъ китайскомъ домѣ домоправителямъ Алексѣю Глѣбову и Павлу Александрову. Рукопись, сообщенная профессоромъ П. А. Безсоновымъ.

и гнать ихъ вонъ, говоря, что французъ близко идетъ. Страхъ напалъ на дворовыхъ людей, оставшихся безъ прикащиковъ и начальства. Зарево отъ пожара Москвы и сосѣднихъ деревень громко говорило имъ о близкой и неминуемой бѣдѣ. Объятые ужасомъ при приближеніи злодѣя, они бросили свои дома и барское имущество и спѣшили укрыться одни въ далекія деревни, другіе въ лѣса. Во всемъ селѣ остались только одинъ старикъ да двѣ старухи, неспособные къ бѣгству за дряхлостью лѣтъ [1]). Французы вступили въ Кусково на третій день послѣ этого повальнаго бѣгства. Съ ними былъ генералъ и множество офицеровъ (чиновниковъ?). Немедленно же заняли они всѣ графскіе дома и театръ, расположились въ церквахъ и въ домахъ дворовыхъ людей. Начался систематическій и безпощадный грабежъ. Прежде всего они обобрали до-чиста церкви [2]), затѣмъ принялись за графскіе дома. Вездѣ во всѣхъ комнатахъ сдирали они дорогіе штофные, атласные и бархатные обои, занавѣси съ оконъ, обивку съ дивановъ, креселъ и другой мебели; снимали зеркала, брали подсвѣчники и шандалы, захватывали фарфоръ и другую посуду. Произведенія искусства, какъ видно, привлекали ихъ гораздо менѣе. Правда, они разбили не мало мраморныхъ статуй, но многія оставили и въ цѣлости. Изъ итальянскаго и голландскаго дома они взяли лишь по нѣскольку картинъ: изъ портретной галлереи забрали всего лишь два портрета. Въ великолѣпныхъ будуарахъ барскаго дома они разбили нѣсколько зеркалъ, а другіе взяли. Съ особенною жадностію набрасывались французы на

---

[1]) „И дворовые люди, видя такой грабежъ, происходившій отъ нашихъ войскъ и видя близь себя наступающаго злодѣя и пожары (начали горѣть Москва, Выхино, Думбино, Хахловка, Карачарово, Новая деревня), и будучи кругомъ въ огнѣ и крайней опасности отъ страха и ужаса непремѣнными нашлись, оставя свои должности и дома, бѣжать въ разныя мѣста“ и т. д. Рукопись, сообщенная проф. П. А. Безсоновымъ.

[2]) „Изъ церквей были забраны оклады съ жемчугомъ и алмазами съ образовъ и покровы съ престоловъ и жертвенниковъ, сосуды, ризы и т. д. Имущество, спрятанное подъ поломъ, не было найдено“. Рукопись, сообщенная проф. П. А. Безсоновымъ. Рапортъ Кусковскаго прикащика Петра Александрова въ Московское домовое правленіе.

мебель всякаго рода, на одежду и матеріи, на металлическія вещи. Такъ они увозили цѣлыми обозами мебель и зеркала въ Москву; ободрали въ театрѣ все сукно и холстъ въ ложахъ, въ партерѣ и со скамеекъ, сорвали съ обелисковъ и мраморныхъ колоннъ въ саду мѣдныя вызолоченныя доски съ надписями. Въ занимаемыхъ ими домахъ французы чинили всевозможныя безобразія: ставили лошади въ роскошныхъ жилыхъ покояхъ графскаго дома, ѣздили верхами по оранжереямъ, ломали и рубили сучья съ плодами отъ лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, били стекла и зеркала, прокалывали штыками дорогія картины. Нечего и говорить, что они уничтожили до-тла всѣ запасы и скотъ, попавшіе въ ихъ руки [1]).

Между тѣмъ Кусковскіе дворовые, скрывавшіеся въ сосѣднихъ лѣсахъ, любопытствуя узнать, что дѣлается въ имѣніи, прокрадывались иногда въ Кусково по два и по три человѣка, и нерѣдко попадали при этомъ въ руки непріятеля. Участь такихъ плѣнниковъ была самая тяжелая. Французы употребляли ихъ на всевозможныя работы; заставляли носить воду, рубить дрова, копать картофель, въ случаѣ неповиновенія или неисправности били, „но только легкими побоями“. По прошествіи трехъ недѣль, французскій отрядъ ушелъ изъ Кускова. Дворовые, полагая, что все кончилось, возвратились въ имѣніе въ количествѣ 20 человѣкъ, но они жестоко ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Непріятельскія партіи отъ времени до времени наѣзжали въ Кусково и творили еще бóльшія безчинства. Именно въ это-то послѣднее время грабежъ принялъ самый безсмысленный и разрушительный характеръ. Непріятели не столько заботились о добычѣ, сколько объ истребленіи. По всѣмъ садамъ и паркамъ валялись разбитыя и попорченныя вещи, вездѣ виднѣлись слѣды дикаго вандализма [2]).

Пребываніе французовъ въ Кусковѣ обошлось безъ пожа-

---

[1]) Рукопись, сообщенная проф. П. А. Безсоновымъ.

[2]) Многія изъ вещей оказались и у дворовыхъ. „Но они онаго не брали, а все оное нанесено французами, а нѣкоторыя (вещи) взяты лежащія въ саду и разныхъ мѣстахъ“. Донесеніе приказчика, изъ рукописи, сообщенной пр. П. А. Безсоновымъ.

ровъ и кровопролитія, быть можетъ, потому, что непріятели не нашли здѣсь ни одной живой души, за исключеніемъ нѣсколькихъ старухъ. За то въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители оказывали сопротивленіе, непріятельскіе фуражиры совершали всевозможныя жестокости, опустошали все огнемъ и мечомъ. Озлобленные крестьяне и казаки мстили имъ по мѣрѣ силъ своихъ, не давали пощады ни одному французу, попадавшему имъ въ руки. Обѣ стороны перешли въ это время въ жестокости всѣ предѣлы возможнаго. „Трудно составить себѣ понятіе о жестокостяхъ, совершенныхъ тогда русскими крестьянами, не бывши очевидцемъ",—замѣчаетъ принцъ Евгеній Виртембергскій. „Казаки и въ особенности русскіе крестьяне, говоритъ другой очевидецъ, нерѣдко обматывали своихъ плѣнниковъ соломою и сожигали живьемъ" [1]). Французы, съ своей стороны, ловили десятками крестьянъ, приводили ихъ въ Москву и разстрѣливали безъ милосердія. Нерѣдко эти несчастные умирали такъ спокойно и безтрепетно, что приводили въ удивленіе своихъ палачей. Разстрѣливали обыкновенно по одиночкѣ; ждавшіе очереди смотрѣли на умерщвленіе своихъ товарищей безъ всякаго ужаса: „Помилуй меня Господи! Прощайте добрые люди!"—вотъ съ какими словами встрѣчали тогда смерть эти безымянные герои [2]).

Наполеонъ, такъ легкомысленно обрекшій на всѣ эти ужасы несчастные остатки Москвы и ея окрестности, не могъ однако-же примириться съ мыслью, что Москва, которую онъ держалъ уже въ своихъ рукахъ, сдѣлалась добычею пламени. Крайне равнодушный къ общественному мнѣнію, онъ опасался тѣмъ не менѣе, что пожаръ русской столицы произведетъ крайне тяжелое впечатлѣніе, что весь стыдъ и позоръ этого варварскаго дѣла будетъ приписанъ ему и его арміи [3]). И

---

[1]) Показаніе прусскаго полковника Калькрейта. См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II. стр. 206.

[2]) См. „Двѣнадцатый годъ". „Современныя письма, анекдоты, стихотворенія". „Русскій Архивъ" за 1871 г. кн. 7. № 47, стр. 266.

[3]) Что впечатлѣніе этого событія въ Парижѣ было самое тяжелое, видно между прочимъ изъ письма Fiévée къ Наполеону. См. Correspondance et relations de J. Fiévée avec Bonaparte. Paris. 1837. T. III, стр. 239—246.

вотъ желая смыть съ себя и съ своей арміи это пятно, Наполеонъ, тотчасъ-же по возвращеніи въ Кремль, приказываетъ учредить военно-судную коммиссію изъ нѣсколькихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ бригаднаго генерала Лауэра, для изслѣдованія причинъ московскихъ пожаровъ и для суда надъ поджигателями. Коммиссія открыла свои засѣданія 12 сентября. Прежде всего ей представлены были документы, имѣвшіе цѣлью доказать, что Москва была сожжена русскими поджигателями, дѣйствовавшими по распоряженію и инструкціямъ русскихъ правительственныхъ лицъ и, главнымъ образомъ, московскаго генералъ-губернатора, графа Растопчина [1]). Вслѣдъ затѣмъ предъ коммисіею предстали сами преступники, въ числѣ 26 человѣкъ. Что-же это были за люди? Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ одного офицера, поручика перваго московскаго полка, одного солдата, восемь полицейскихъ солдатъ, трехъ живописцевъ, двухъ кузнецовъ, трехъ лакеевъ, сидѣльца, пономаря, обойщика, ремесленника (?) и человѣка неизвѣстнаго званія и занятія [2]). Нѣкоторые изъ подсудимыхъ были пойманы на мѣстѣ преступленія, у другихъ найдены были различные зажигательные матеріалы и снаряды, какъ-то: ракеты, фитили, фосфоровые замки, сѣра. Коммиссія старалась обставить свою процедуру нѣкоторыми законными формальностями. Подсудимые введены были въ залъ засѣданій, какъ сказано въ протоколѣ, безъ стражи и безъ оковъ. Имъ прочитаны были обвиненія, затѣмъ коммиссія выслушала по-одиночкѣ заявленія и доказательство свидѣтелей и самихъ обвиненныхъ. Этимъ послѣднимъ предъявлены были вслѣдъ затѣмъ вещественныя доказательства поджога и предложенъ вопросъ, что́ могутъ сказать они еще въ свое оправданіе. По удаленіи подсудимыхъ изъ залы, коммиссія приступила къ составленію приговора. Всѣ судебные обряды были, такимъ образомъ, соблюдены, хотя изъ протоколовъ не видно, чтобы подсудимыми

---

[1]) Журналъ засѣданій коммиссіи былъ помѣщенъ въ „Мониторѣ" 29 октября 1812 года, № 303.

[2]) См. журналъ засѣданій коммиссіи въ указанномъ номерѣ „Монитера".

даны были защитники, и хотя въ нихъ не значится, что̀ говорили они въ свою пользу. Приговоръ утверждаетъ прежде всего, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ преднамѣреннымъ и что подсудимые исполняли только приказанія московскаго генералъ-губернатора. „Коммиссія убѣдилась, говорится далѣе, что русское правительство, предчувствуя опасность войны, въ которую вступило, и невозможность воспрепятствовать французской арміи занять Москву, уже три мѣсяца тому назадъ рѣшилась употребить для своей защиты средства пожара и разрушенія, отвергаемые образованными народами. Съ этой цѣлью оно воспользовалось предложеніемъ одного доктора Шмидта, англичанина, называвшагося нѣмцемъ, механикъ и машинистъ по ремеслу. Вызванный въ Россію, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ прошлаго мая мѣсяца, и, послѣ нѣсколькихъ тайныхъ переговоровъ съ представителями власти, былъ помѣщенъ въ домѣ Воронцова, въ шести верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, куда отправленъ былъ отрядъ изъ 160 человѣкъ пѣхоты и 12 драгунъ, дабы охранять таинственныя дѣянія Шмидта и преграждать доступъ къ нему любопытныхъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ строилъ воздушный шаръ огромныхъ размѣровъ, въ которомъ предполагалось помѣстить разрушительную машину и которымъ, по его увѣренію, онъ могъ управлять, какъ угодно. Недѣли за двѣ до вступленія французской арміи въ Москву, въ село Воронцово было послано семь большихъ бочекъ пороха съ фейерверкерами, которые работали по указанію Шмидта. Но доказано, что приготовленіе шара было только выдумкою, и что въ Воронцовѣ занимались исключительно приготовленіемъ зажигательныхъ снарядовъ и машинъ, и что всѣ издержки за эти приготовленія уплачивало русское правительство“. Затѣмъ приговоръ старается доказать, что главнѣйшимъ виновникомъ сожженія Москвы былъ графъ Растопчинъ. Подобныя-же обвиненія противъ графа находимъ мы и въ Наполеоновскихъ бюллетеняхъ [1]). Уже послѣ Боро-

---

1) См. бюллетени отъ 17 и 20 сентября, приговоръ коммисіи состоялся 24 сентября.

динскаго сраженія, говорится въ бюллетенѣ и въ приговорѣ коммиссіи, Растопчинъ рѣшился сжечь столицу. Съ этою цѣлью онъ выпустилъ изъ острога 800 преступниковъ съ условіемъ, чтобы они подожгли городъ черезъ 24 часа по вступленіи въ него французовъ. Чтобы руководить ихъ дѣйствіями, графъ оставилъ въ Москвѣ нѣсколько переодѣтыхъ офицеровъ и нижнихъ военныхъ чиновъ, а чтобы лишить французовъ всѣхъ способовъ противодѣйствовать пожару, онъ приказалъ вывезти изъ города, въ самый день вступленія французской арміи, пожарныя трубы всѣхъ двадцати частей города съ ихъ принадлежностями. Въ заключеніе приговоръ коммиссіи утверждаетъ, что Растопчинъ публично заявлялъ о своемъ намѣреніи сжечь Москву, и приводитъ съ этою цѣлью слѣдующій отрывокъ изъ одной прокламаціи графа Растопчина: „Вооружитесь, чѣмъ ни попало, особенно вилами, которыя особенно пригодны противъ французовъ, потому что они не тяжеле соломеннаго снопа; если-же не побѣдимъ ихъ, то сожжемъ ихъ въ Москвѣ, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее“.

Таковъ приговоръ коммиссіи. Въ этомъ оригинальномъ документѣ перемѣшана самымъ страннымъ образомъ ложь съ правдою. Русское правительство, хорошо знакомое по опыту и съ военнымъ геніемъ Наполеона и съ колоссальными его средствами, хваталось дѣйствительно въ началѣ войны за самые странные проекты для истребленія непріятеля. Оно приняло дѣйствительно услуги одного шарлатана, Леппиха [1], назвавшаго себя Шмидтомъ. Леппихъ взялся построить огромный воздушный шаръ, которымъ можно будетъ управлять по произволу, изъ котораго онъ собирался осыпать непріятельскую армію страшными разрывными снарядами. Само собою понятно, что изъ предпріятія шарлатана не вышло ровно ничего, что онъ истратилъ большія суммы денегъ, былъ наконецъ заподозрѣнъ въ обманѣ и высланъ въ Петербургъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что предпріятіе Леп-

---

[1] Подробности о Леппихѣ см. „Русскій Архивъ“ за 1875 г. Статья А. Н. Попова: „Москва въ 1812 г.“ Гл. IV.

пиха не имѣло ни малѣйшей связи съ пожаромъ Москвы, да и было-бы смѣшно прибѣгать для такой простой цѣли, какъ поджогъ города, къ такимъ сложнымъ снарядамъ, какъ адскія машины и различные зажигательные снаряды. Справедливо, что Растопчинъ неоднократно заявлялъ о своемъ намѣреніи сжечь Москву, но онъ никогда не дѣлалъ этихъ заявленій оффиціально, и ни въ одной изъ его прокламацій къ московскому населенію не встрѣчается фразы о сожженіи Москвы. Эта фраза не могла быть, разумѣется, вымышлена членами коммиссіи, но она могла быть поднесена ей какимъ-нибудь услужливымъ второстепеннымъ агентомъ.

Коммиссія не рѣшилась, впрочемъ, приговорить всѣхъ обвиненныхъ къ высшей мѣрѣ наказанія. Только 10 человѣкъ присуждены были къ смертной казни, остальные 16, противъ которыхъ не имѣлось такихъ вѣскихъ уликъ, были приговорены къ тюремному заключенію въ Москвѣ [1]). Приговоръ былъ исполненъ немедленно-же. Въ числѣ зрителей казни были случайно и нѣкоторые простые русскіе люди. Осужденные не производили на нихъ впечатлѣнія злодѣевъ. „Какіе это зажигатели, говоритъ одна свидѣтельница, одного-то я узнала: изъ Корсаковскаго дома дворовый, старикъ слѣпой. Сбыточно-ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу!“ [2]). Французы не ограничились однако-же этою экзекуціею, обставленною всѣми формальностями судебной процедуры. И впослѣдствіи они разстрѣляли еще многихъ и уже безъ всякаго суда. Озлобленные пожаромъ Москвы, французы готовы были заподозрить въ поджигательствѣ всякаго встрѣчнаго, особенно же такого, который казался имъ военнымъ или казакомъ.

Легкомысленная, но въ то-же время адская жестокость, съ которою относились тогда французы къ жизни каждаго русскаго, способна поразить всякаго безпристрастнаго па-

---

[1]) „Для предупрежденія вреда, который они могли причинить, если-бы выпущены были на свободу“, —сказано въ приговорѣ коммиссіи.

[2]) См. Толычевой, „Разсказы очевидцевъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1872 г. стр. 269, ноябрь.

блюдателя. Французскіе офицеры, генералы, даже маршалы, не колеблясь ни минуты, осуждали на смерть десятки и сотни невинныхъ людей, на основаніи одного подозрѣнія, а иногда и просто по недоразумѣнію, по ошибкѣ. „Много русскихъ отсталыхъ солдатъ бродило по городу, разсказываетъ полковникъ Фезензакъ, изъ корпуса маршала Нея. Я собралъ ихъ до 50 человѣкъ и отвелъ въ штабъ. Генералъ, которому доносилъ я объ этомъ, сказалъ мнѣ, что я могъ-бы ихъ разстрѣлять и что онъ позволяетъ мнѣ поступать такъ впослѣдствіи. Но я не злоупотреблялъ его довѣріемъ. Не трудно понять, какими несчастіями и безпорядками сопровождалось наше пребываніе въ Москвѣ. Каждый офицеръ, каждый солдатъ могъ-бы разсказать много примѣровъ. Одинъ офицеръ нашелъ русскаго, скрывавшагося въ развалинахъ; онъ объяснилъ ему знаками, что готовъ ему покровительствовать и взялъ его съ собою. Но ему поспѣшно надо было отнести куда-то приказъ. Встрѣтивъ другаго офицера, шедшаго впереди своего взвода, онъ передалъ ему русскаго, говоря: „я вамъ поручаю его“. Офицеръ, не понявъ въ чемъ дѣло, принялъ его за зажигателя и приказалъ разстрѣлять“ [1]).

Такихъ случаевъ было не мало. Но едва-ли не ужаснѣе и не постыднѣе всего для французовъ было происшествіе, случившееся съ молодымъ русскимъ офицеромъ Перовскимъ [2]). Графъ В. А. Перовскій задержанъ былъ случайно французами во время перемирія, заключеннаго Милорадовичемъ съ Мюратомъ и приведенъ къ генералу Себастіани. Себастіани, выслушавъ правдивое объясненіе Перовскаго, далъ ему честное слово отпустить его на свободу, но просилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ остаться нѣсколько часовъ у французовъ, такъ какъ онъ намѣревался представить его къ королю неаполитанскому. Мюратъ однако-же не могъ принять Перовскаго въ тотъ-же день и русскій офицеръ, все еще не подозрѣвая возможно-

---

[1]) Fezensac, Souvenir etc., стр. 268.

[2]) Происшествіе это изложено подробно въ запискахъ В. А. Перовскаго, изъ которыхъ сохранились, къ сожалѣнію, только два отрывка. Они напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1865 г., стр. 257—286.

сти плѣна, долженъ былъ остаться на ночь у Себастіани. Когда на другой день Перовскій явился къ Мюрату и послѣ продолжительной бесѣды просилъ отпустить его въ русскую армію, король съ удивленіемъ спросилъ его: „Какъ, развѣ вы не плѣнный?“ Перовскій поспѣшилъ согласиться на честное слово генерала Себастіани, но оказалось, что Себастіани не потрудился даже увѣдомить короля объ обѣщаніи, данномъ имъ русскому офицеру. Мюратъ замѣтилъ, что онъ готовъ вѣрить Перовскому на слово, но что онъ не можетъ теперь отпустить его своею властью, а долженъ направить его къ генералу Бертье. Перовскій отведенъ былъ въ Кремль и представленъ маршалу Бертье. Выслушавъ заявленіе Перовскаго, Бертье прямо отвѣтилъ ему, что отпустить его теперь невозможно, что онъ пробылъ два дня между французами и что не принято было никакихъ мѣръ скрыть отъ него то, что не надлежало ему видѣть и слышать. „Но, добавилъ въ заключеніе маршалъ,—подождите немного, быть можетъ, васъ пожелаетъ видѣть императоръ, я доложу объ васъ“. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ адъютантовъ Бертье отвелъ Перовскаго въ церковь Спаса на Бору и заперъ его тамъ со словами: „потерпите здѣсь немного! за вами сейчасъ пріидутъ“. Это „сейчасъ“ продлилось однакоже цѣлыя сутки. Уже несчастный офицеръ, очевидно забытый французскими властями въ переполохѣ пожара, готовился умереть голодною смертью, когда въ церковь забрались случайно нѣсколько непріятельскихъ солдатъ и доложили о немъ своему капитану. Капитанъ отдалъ сначала приказъ запереть его вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными подъ крыльцомъ, но узнавъ отъ Перовскаго странную исторію его плѣненія, пошелъ доложить о немъ по начальству. Черезъ нѣсколько времени капитанъ возвратился въ церковь. „Васъ приказано отвести къ принцу Екмюльскому (Даву), тамъ рѣшится судьба ваша“,—сказалъ онъ Перовскому.

Послѣ долгаго блужданія по обгорѣлымъ улицамъ Москвы, Перовскій приведенъ былъ, наконецъ, въ домъ, занимаемый маршаломъ. Когда его ввели въ комнату, то онъ увидѣлъ Даву за столомъ, занятаго какимъ-то писаньемъ. „Кто вы?“ спросилъ его маршалъ, по прошествіи долгаго времени,

строгимъ, грубымъ голосомъ, не поворачивая къ нему даже лица.—„Русскій офицеръ“.—„Парламентеръ?“—„Нѣтъ!“—„Такъ плѣнный?“—„Нѣтъ!“ отвѣчалъ Перовскій и въ короткихъ словахъ изложилъ маршалу исторію своего плѣненія. Даву съ нетерпѣніемъ перебилъ его рѣчь: „что вы толкуете мнѣ о перемиріи. Что за перемиріе, когда въ городѣ по насъ стрѣляли? Вы взяты въ плѣнъ по всей справедливости и должны остаться въ плѣну“.—„Я не могу отвѣчать за поступки нѣсколькихъ жителей; если вы меня не отпустите, то поступите несправедливо“,—смѣло возразилъ Перовскій. „Молчите!“ крикнулъ грозно Даву и, пристально взглянулъ на плѣнника, прибавилъ: „Ба! да я васъ знаю!“—„Не думаю, генералъ, я впервые имѣю честь васъ видѣть!“—„Не запирайтесь, вамъ меня обмануть не удастся; вы уже были разъ взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжали. Но вы увидите, какъ мы поступаемъ съ людьми, которые по нѣсколько разъ отдаются въ плѣнъ и уходятъ. Во второй разъ не уйдете!“ и обращаясь совершенно хладнокровно къ адъютанту, Даву прибавилъ: „прикажите призвать унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ разстрѣлять этого офицера“. Тщетно пытался Перовскій увѣрить Даву, что онъ никогда не попадался французамъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, что маршалъ находится въ заблужденіи,—Даву не хотѣлъ принимать никакихъ доводовъ. „Не трудитесь увѣрять меня, трудъ напрасный, не переувѣрите!“ кричалъ онъ на свою жертву, приправляя свою рѣчь самою грубою солдатскою бранью. Затѣмъ онъ позвалъ Перовскаго въ другую комнату, сталъ снимать съ него настоящій допросъ и замѣтивъ, что плѣнникъ видимо смущенный предстоящею ему участью, отвѣчалъ ему разсѣянно, покончилъ такими словами: „теперь люди, я думаю, уже готовы, подите и вы увидите на дѣлѣ, какой успѣхъ имѣютъ со мною такія хитрости, какія употреблены вами“. Перовскій вновь принялся увѣрять всѣми силами Даву, что онъ не былъ взятъ подъ Смоленскомъ. Все напрасно! Уже Перовскій рѣшился идти на казнь, когда Даву внезапно остановилъ его такими словами: „постойте немного, увѣренія ваши не мало меня не убѣждаютъ. Я твердо знаю, что взя-

ты были въ плѣнъ подъ Смоленскомъ вы, а не кто-либо другой; но хочу передъ тѣмъ какъ васъ разстрѣляютъ, изобличить васъ во лжи. Я велю позвать того адъютанта, который находился при мнѣ въ Смоленскѣ, онъ вѣрно также узнаетъ васъ". Наполеоновскій маршалъ и принцъ очевидно боялся, чтобы несчастный плѣнникъ не заподозрилъ его въ внезапномъ приливѣ человѣколюбія. Прошло нѣсколько минутъ въ томительномъ ожиданіи. Адъютантъ вошелъ. „Посмотрите на этого человѣка, сказалъ Даву. Не тотъ ли это, который подъ Смоленскомъ былъ взятъ и ночью бѣжалъ?" Адъютантъ долго и внимательно всматривался въ плѣнника. „Нѣтъ, генералъ, сказалъ онъ, наконецъ, не думаю, чтобы этотъ былъ тотъ-же: тотъ былъ немного выше и старѣе".— „Вы обязаны адъютанту моему, замѣтилъ Даву: безъ него, право, вы не миновали-бы пули. Теперь подите, васъ отведутъ къ товарищамъ". Перовскій безмолвно повиновался приказу: онъ понялъ, что протестовать противъ плѣна было теперь уже немыслимо.

Эпизодъ съ Перовскимъ чрезвычайно поучителенъ. Онъ бросаетъ яркій свѣтъ на весь образъ дѣйствій представителей великой націи, начиная отъ королей и маршаловъ и оканчивая обыкновенными офицерами. Если французскіе генералы помнили такъ хорошо свое честное слово, если маршалы присуждали такъ легкомысленно къ казни офицера, захваченнаго вопреки правиламъ военной чести, то чего же вправѣ мы ожидать отъ судебной комедіи, разыгранной по приказанію Наполеона, надъ зажигателями, принадлежавшими по большой части къ темному, простому люду,—люду, третировать который en canaille никакъ не могли отучиться французы, не смотря на всѣ свои великія и малыя революціи. Есть основаніе думать, что обвиненія коммиссіи почерпнуты вовсе не изъ судебнаго дознанія, не изъ показаній самихъ подсудимыхъ и свидѣтелей, а изъ той площадной молвы, которая ходила между московскими иностранцами,—которая имѣла, правда, нѣкоторое фактическое основаніе, но была преувеличена до чудовищныхъ размѣровъ разстроенною, болѣзненною фантазіею очевидцевъ московскихъ ужасовъ.

Стоитъ лишь сравнить приговоръ коммиссіи съ свидѣтельствами французовъ, проживавшихъ тогда въ Москвѣ, чтобы убѣдиться, что и тотъ и другіе черпаютъ изъ одного и того же мутнаго источника. Вся разница заключается лишь въ томъ, что въ частныхъ разсказахъ вся исторія поджоговъ представляется въ болѣе чудовищной, фантастической формѣ [1]), нежели въ изложеніи коммиссіи. Коммиссія утверждаетъ, что Растопчинъ поручаетъ дѣло поджога освобожденнымъ острожникамъ и ставитъ во главѣ ихъ полицейскихъ офицеровъ; въ частныхъ-же разсказахъ говорится, что Растопчинъ раздалъ зажигателямъ особыя марки, по которымъ они могли бы узнавать другъ друга и своихъ начальниковъ. Коммиссія объявляетъ, главнымъ образомъ, одного Растопчина виновникомъ пожаровъ, хотя говоритъ и о разрушительныхъ планахъ русскаго правительства; а въ нѣкоторыхъ частныхъ свидѣтельствахъ говорится прямо, что сожженіе Москвы рѣшено было на общемъ собраніи лицъ высшаго класса и что Растопчинъ явился только исполнителемъ этого приговора [2]).

Историкъ имѣетъ полное право игнорировать протоколы французской судной коммиссіи, но онъ не можетъ обойти вопроса: кто-же сжегъ Москву? [3]) Что Москва не была сож-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ. „Спокойно ходили по улицамъ поджигатели, между французскими солдатами, скрывая подъ кафтанами зажигательныя ракеты и горшки, наполненные воспламеняющимся составомъ. Встрѣчалось-ли имъ открытое окно, или они полагали, что ихъ никто не замѣтитъ, они подбрасывали эти горшки. Горшокъ разбивался отъ паденія, по соприкосновеніи съ воздухомъ состава, находившагося въ этихъ горшкахъ, огонь съ быстротою охватывалъ окружающіе предметы. Они повсюду, гдѣ возможно, подбрасывали эти горшки, и дѣйствіе ихъ на дома, большею частью деревянные, было ужасно. Ловко обманывая бдительность непріятелей, эти зажигатели тайно запасались ими въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ приготовляли. Съ острожниками соперничали въ смѣлости и ловкости полицейскіе солдаты, свободно ходившіе повсюду, переодѣтые въ крестьянское платье. Иногда эти зажигательные снаряды падали сверху на дома, пущенные по воздуху иногда съ колоколенъ и башенъ", „Русскій Архивъ". 1876 г. стр. 69.

[2]) Одни утверждаютъ, что о замыслѣ сжечь столицу гр. Растопчинъ никому не говорилъ, кромѣ одного близкаго семейства; другіе, напротивъ, разсказываютъ, что слухи давно ходили о рѣшеніи общемъ лицъ высшаго сословія. См. Armand Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire. T. II, гл. XIV и XV.

[3]) Вопросъ этотъ разработанъ особенно обстоятельно и безпристрастно А. Н.

жена французами—не подлежитъ въ настоящее время ни малѣйшему сомнѣнію. Точно также врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что московскіе пожары не были простою случайностью, прямымъ послѣдствіемъ неосторожности и небрежности непріятельскихъ солдатъ [1]). Но если Москва сожжена была умышленно и не французами, то само собою возникаетъ вопросъ, не сжегъ-ли ее дѣйствительно Растопчинъ, какъ утверждаетъ это Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ? На первый взглядъ обвиненія Наполеона имѣютъ многое за себя, они подтверждаются даже такими документами, которые сдѣлались извѣстными лишь въ послѣднее время. Растопчинъ въ своихъ письмахъ начинаетъ говорить о намѣреніи сжечь Москву тотчасъ-же послѣ потери Смоленска. „Когда-бы случилось, пишетъ онъ Багратіону, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей, и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ государю и любви къ отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ. А если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то слѣдуя русскому правилу: не доставайся злодѣю,—обратитъ городъ въ пепелъ“ [2]). Въ частныхъ разговорахъ съ такими лицами, какъ принцъ Евгеній Виртембергскій, какъ генералъ Ермоловъ, Растопчинъ говорилъ прямо, что Москва будетъ сожжена, если только наши войска отдадутъ ее безъ боя непріятелю. Извѣстно также, что Растопчинъ не только приказалъ вывезть изъ Москвы всѣ пожарныя трубы [3]), но по-

---

Поповымъ въ его сочиненіи: „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“ „Русскій Архивъ“ за 1876 годъ, стр. 64—80.

[1]) Хотя нельзя не согласиться, что неосторожность и буря 4-го сентября способствовали не мало распространенію пожара.

[2]) И далѣе: „Наполеонъ получитъ вмѣсто добычи мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба: ибо онъ найдетъ угли и золу“. Письмо это хранилось послѣ смерти князя Багратіона у статскаго совѣтника Старинкевича, управлявшаго канцеляріею князя Багратіона. Тамъ видѣлъ его еще въ 1825 году извѣстный военный историкъ Смиттъ. См. Бернгарди. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 163.

[3]) Въ „Правдѣ о пожарѣ Москвы“ Растопчинъ говоритъ слѣдующее: „я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды и

ручилъ даже полицейскому чиновнику Вороненко истреблять огнемъ всѣ казенные склады и барки на Москвѣ-рѣкѣ.

Всѣ эти и другіе подобные имъ факты распространили повсемѣстно мнѣніе, что виновникомъ и организаторомъ московскихъ пожаровъ былъ никто иной, какъ Растопчинъ. Вся Европа смотрѣла съ благоговѣйнымъ изумленіемъ на человѣка, рѣшившагося на такое страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ великое и спасительное дѣло. Растопчинъ молчалъ долгое время, но въ 1823 году онъ издалъ въ Парижѣ свое извѣстное сочиненіе. „Правда о московскомъ пожарѣ", въ которомъ онъ отрекся отъ приписываемаго ему подвига и свелъ все дѣло на простую случайность: на необычайно сильный вѣтеръ, раздувшій въ огненное море частные пожары, возникшіе, быть можетъ, по неосторожности французовъ или-же русскихъ жителей. Сравнивая эту оригинальную книгу съ свидѣтельствами самого Растопчина,—свидѣтельствами болѣе ранними и близкими къ событію, мы приходимъ къ убѣжденію, что эта „Правда" во всякомъ случаѣ правда не полная и не настоящая. Такая мѣра, какъ сожженіе Москвы казалась графу Растопчину въ 1823 году ужасною, жестокою и неблагоразумною, но совершенно иначе смотрѣлъ онъ на это дѣло годомъ ранѣе въ 1822 году, въ частной бесѣдѣ съ княземъ Н. Б. Голицынымъ. Онъ сознавался князю, что онъ думалъ повторить въ Москвѣ въ большихъ размѣрахъ то, что сдѣлано было въ Сарагоссѣ. „Мой, долгъ, говорилъ онъ, состоялъ въ томъ, чтобы похоронить себя подъ развалинами столицы, и превратить ее въ разрушительный адъ для французскихъ войскъ. Мнѣ удалось возбудить духъ московскаго народонаселенія; съ нимъ я многое сдѣлалъ-бы, если-бы мнѣ дали возможность дѣйствовать. Въ такомъ случаѣ съ факеломъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, во главѣ моего преданнаго народонаселенія, я показалъ-бы, что русскіе умѣютъ защищать свои очаги!" [1]).

---

96 трубъ, наканунѣ входа непріятеля въ Москву. Былъ также корпусъ офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ командахъ, и я не счелъ приличнымъ оставлять ихъ для услугъ Наполеона, удаливъ уже изъ города всѣ гражданскіе и военные чины". Стр. 211, 265.

[1]) См. Русскій Инвалидъ" 1846 года № 270.

Но кто-же помѣшалъ графу Растопчину совершить задуманный имъ подвигъ? Никто иной, какъ князь Кутузовъ. Онъ обманулъ графа самымъ измѣнническимъ образомъ, онъ обѣщалъ ему до послѣдней минуты защищать Москву, дать сраженіе подъ стѣнами Москвы, а потомъ оставилъ ее безъ выстрѣла непріятелю. Растопчинъ никакъ не хотѣлъ понять, что Кутузовъ не могъ дать сраженіе съ пылающею Москвою въ тылу, что онъ не могъ рисковать всею арміею ради патріотическихъ фантазій графа. „Я въ отчаяніи, писалъ графъ Растопчинъ Императору 13 сентября, что князь Кутузовъ измѣннически поступилъ со мною, потому что не имѣя способовъ защитить городъ, я долженъ-бы былъ сжечь его, чтобы лишить Бонапарта славы взять его, ограбить и потомъ предать пламени. Я бы отнялъ у французовъ плодъ ихъ похода. Я бы заставилъ ихъ убѣдиться, что они лишились всякихъ сокровищъ и показалъ-бы имъ, съ какимъ народомъ имѣютъ они дѣло“ [1]). Свои обвиненія противъ Кутузова Растопчинъ повторяетъ и мѣсяцъ спустя, когда Наполеонъ оставилъ уже Москву. „Кутузовъ писалъ мнѣ до 30 августа и говорилъ, что будетъ драться“,—доноситъ онъ императору, отъ 13 октября [2]): „1 сентября, когда я увидался съ нимъ, онъ повторилъ мнѣ тоже самое, прибавляя: я и въ улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ, а въ 8 часовъ вечера онъ прислалъ мнѣ пресловутое письмо, въ которомъ просилъ проводниковъ чрезъ городъ, увѣдомляя, что оставляетъ его съ крайнимъ сожалѣніемъ. Если-бы онъ объявилъ мнѣ объ этомъ за два дня, я бы его сжегъ, выгнавъ напередъ жителей, и возмущеніе въ войскахъ Наполеона было-бы послѣдствіемъ при видѣ объятаго пламенемъ города, который былъ обѣщанъ имъ въ добычу. Съ этою цѣлью я ничего не вывозилъ изъ моихъ двухъ домовъ, чтобы имѣть право сказать потомъ, что я рѣшился на гораздо большія пожертвованія, нежели другія лица. Москва погубила Бонапарта, но ея сдача есть пятно, а тогда это было-бы славнымъ дѣломъ“.

---

[1]) Донесеніе это было писано изъ Красной Пахры, 13 сентября.

[2]) Донесеніе гр. Растопчина Императору изъ Владиміра, отъ 13 октября.

Приведенныя письма не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Растопчинъ намѣревался сжечь Москву, но что онъ не успѣлъ сдѣлать этого по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ. Первые поджоги въ городѣ сдѣланы были впрочемъ, по его приказанію, полицейскимъ чиновникомъ Вороненко, но этимъ и окончилась роль графа и его агентовъ въ исторіи московскаго пожара. Кто-же продолжалъ дѣло разрушенія, начатое ими? Никто иной, какъ сами жители Москвы. Еще до вступленія непріятеля въ Москву, простые московскіе люди, купцы, мастеровые, соображая, что городъ можетъ попасть въ руки непріятеля, говорили съ озлобленіемъ: „такъ лучше-же сжечь его!“ Московскіе бѣглецы въ Тарутинскомъ лагерѣ прямо говорили, что они сами и другіе москвичи сами зажигали свои дома и лавки, передъ уходомъ своимъ изъ Москвы [1]. Когда непріятель занялъ Москву, то Наполеоновскіе офицеры и генералы отправились въ каретный рядъ, начали выбирать себѣ экипажи и помѣчать ихъ своими именами. Хозяева лавокъ, не желая снабжать непріятеля своими экипажами, зажгли съ общаго согласія весь рядъ [2], и такихъ примѣровъ было не мало. Поджигая свои дома, москвичи дѣлали тоже самое, что дѣлали жители другихъ городовъ и селеній, лежавшихъ на пути непріятеля. Духъ героической, отчаянной рѣшимости охватилъ тогда массы нашего народа. Русскіе жгли свое послѣднее достояніе не по приказанію правительства или его агентовъ, а по своей собственной доброй волѣ. Руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, они приносили все свое на алтарь отечества и тѣмъ самымъ готовили вѣрную гибель непріятелю. Въ этомъ дѣлѣ самопожертвованія не было различія между сословіями и состояніями. Одно и тоже чувство безпредѣльной любви къ родинѣ и пламенной ненависти къ непріятелю руководило и простымъ крестьяниномъ, зажигавшимъ свою избу и хлѣбъ на корню, и богатымъ купцомъ, предававшимъ пламени свои дома и лавки, и знатнымъ гра-

---

[1] См. Липранди, замѣчанія на „Исторію отечественной войны“ Богдановича.

[2] „Правда о пожарѣ Москвы“ стр. 213.

фомъ, превращавшимъ въ пепелъ свои барскія хоромы и роскошныя усадьбы. Благо тому народу, который обрѣтаетъ въ самомъ себѣ въ тяжелую годину испытанія такія гигантскія силы, въ средѣ котораго въ великій моментъ опасности, общей всему отечеству, нѣсть духа разногласія и эгоизма, а одна братская любовь, одинъ духъ, одно стремленіе.

